

Н.БАРАНОВА-ШЕСТОВА

ЖИЗНЬ ЛЬВА ШЕСТОВА

II

La Presse Libre
Paris

Н.БАРАНОВА-ШЕСТОВА

ЖИЗНЬ ЛЬВА ШЕСТОВА

По переписке
и воспоминаниям современников

II

La Presse Libre
Paris

Titre original en russe:

N.Baranoff-Chestov
JIZN' L'VA CHESTOVA
T. II

ISBN 2-904228-10-6

Imprimé en France.

Содержание

ЖИЗНЬ ЛЬВА ШЕСТОВА

II

Глава XI

Париж, 1928-1930. — Знакомство с Гуссерлем и Бубером. — Шестов знакомится с произведениями Киркегарда. — «На весах Иова» выходит по-русски и по-немецки. — Серия лекций по случаю столетия Толстого. — «Скованный Парменид». — Статья о Розанове.

Шестов был в дружеских отношениях с профессором средневековой истории Фердинандом Лотом и его женой, писательницей Миррой Ивановной Лот-Бородиной, большим знатоком средневековой французской литературы и православной теологии. Она опубликовала статьи и несколько монографий на эти темы. Мирра Ивановна пишет Шестову:

> Пересылаю Вам только что полученное от Андлера письмо, которое наверное Вам будет интересно прочесть. Мне кажется, Вы бы могли сделать по-французски сообщение в филос. обществе, вернее, прочесть его, тем более, что Ваши милые дочери Вам бы помогли, идея, по-моему, прекрасная во всех отношениях, ее надо осуществить. (22.11.[1927(?)]).

Неизвестно, о каком философском обществе упоминает Мирра Ивановна и сделал ли Шестов тогда сообщение. С профессором Андлером (Charles Andler), директором Института германистики, о котором пишет Мирра Ивановна, Шестов в скором времени установил контакт и в феврале или марте 1928 г. послал ему несколько своих книг. Андлер благодарит его за книги и приглашает к себе на 18 марта. Он пишет Шестову:

> Je voudrais aussi vous dire depuis longtemps la joie grave que j'ai à vous lire... J'aurais grand plaisir à vous connaitre et à m'instruire près de vous. (15.03.1928).

О новом знакомстве Шестов пишет Ловцким:

> Познакомился здесь с пр. Andler'ом, автором 5-томного труда о Нитше. Он очень хорошо отнесся к моим книгам, главное, заинтересовался по существу. Кажется, мы с ним подружимся: он человек думающий по-настоящему, не только затем, чтобы книги писать. (21.03.1928).

В начале 1928 г. Шестов получил приглашение прочесть доклад в Амстердаме в философском обществе (Amsterdamse Vereniging voor Wijsbegeerte). 17-го февраля он рассказывает Ловцким о том, что через несколько дней после него будет читать доклад Гуссерль* и что Гуссерль, узнав о приезде Шестова в Амстердам, просит его задержаться до своего прибытия, дабы с ним встретиться. «Нечего и говорить, — пишет Шестов в статье "Памяти великого философа", — что я с радостью согласился отсрочить свой отъезд на несколько дней. Меня уже тогда приятно поразило желание Гуссерля встретиться со своим решительным идейным противником: это ведь так редко, почти никогда не бывает». (Напомним, что Шестов опубликовал в «Ревю философик» в январе 1926 г. и в январе 1927 г. две статьи с резкими нападками на идеи Гуссерля — см. первый том). Узнав о предстоящей встрече Шестова с Гуссерлем, Андлер и другие профессора поручили Шестову узнать во время встречи, согласится ли Гуссерль приехать в Париж, если его пригласят. Возможно, что идея пригласить Гуссерля исходила от самого Шестова.

18 апреля Шестов поехал в Амстердам и 19-го прочел по-немецки в философском обществе свою работу о Плотине «Неистовые речи», перевод которой был сделан Вальтером

---

* Edmund Husserl (1859-1938). Гуссерль в то время был профессором философии во Фрейбургском университете.

в 1925 г. для «Кант-Штудиен» и не опубликован. Несколько дней спустя в том же обществе выступил Гуссерль (два доклада 24 и 27 апреля и обуждение докладов 28 апреля). Даты путешествия Шестова определены по открыткам и письмам, которые Шестов посылал Ловцким и жене до и во время своего путешествия (Париж, 17.02.1928 и 3.04. 1928; Амстердам, 21.04.1928 и 27.04.1928; Франкфурт, 30.04. 1928 и 1.05.1928). Они были проверены и дополнены при помощи книги Карла Шумана (Karl Schumann. Husserl-Chronik. Denk- und Lebensweg Edmund Husserls).

Шестов и Гуссерль познакомились и за несколько дней близко сошлись. Затем они встретились еще трижды (Фрейбург, ноябрь 1928; Париж, февраль 1929; Фрейбург, июнь 1930 — см. стр.20-22, 26-29, 53-54), и встречи были всегда радостными. Они также переписывались. В архиве Шестова сохранилось 8 писем Гуссерля к Шестову. В нашей работе приведены выдержки из трех из них (см. стр.33, 69-70, 117-118). О встречах с Гуссерлем Шестов рассказал в статье «Памяти великого философа. Эдмунд Гуссерль» и в письмах. Эти встречи также упомянуты в книге К.Шумана, в письмах Гуссерля к Ингардену и в воспоминаниях Фондана. Основываясь на этих источниках, мы описали встречи в Амстердаме и других городах. В статье «Памяти великого философа», написанной в сентябре 1938 г., через десять лет после поездки в Амстердам, Шестов рассказывает о своих встречах с Гуссерлем в Амстердаме, Фрейбурге и Париже. О встречах в Амстердаме он пишет:

> Первая встреча наша состоялась в философском обществе — в вечер перед докладом. Философских разговоров тогда, конечно, не было: Гуссерль был занят докладом своим, который длился больше двух часов и который, кстати сказать, он прочел с необычайной легкостью, стоя, и с таким искусством, с такой силой, точно ему было не 70 лет, а 40. Тогда же он попросил того члена общества, у которого он с женой остановился (таков обычай в Ам-

стердаме — докладчики живут не в гостиницах, а у членов философского общества), пригласить меня к себе к обеду на следующий день. За обедом, конечно, о философии не разговаривали. Но сейчас после обеда, как только мы перешли из столовой в кабинет хозяина, Гуссерль начал говорить на философские темы — и сразу перешел in medias res*. Это тоже характерно для Гуссерля. Я помню, что, когда через несколько дней мы вместе обедали у другого члена общества и когда после обеда хозяин, очень богатый человек и страстный библиофил, стал показывать Гуссерлю находившиеся в его библиотеке уникумы — вроде первого издания «Критики чистого разума» или «Этики» Спинозы, — Гуссерль, к величайшему огорчению хозяина, рассеянно рассматривал редкостные книги и через несколько минут отвел меня в сторону и стал беседовать со мной на философские темы. Та же сосредоточенность на поглощавших его вопросах сказалась и тогда, когда я, по просьбе покойного профессора Andler'a стал зондировать почву — не согласится ли Гуссерль приехать в Париж, если его пригласит Сорбонна. Единственный вопрос, который он мне предложил: «Считаете ли вы, что в Париже найдутся люди, знающие немецкий язык и готовые вдуматься в мою проблематику?» — Гуссерль весь был во власти одолевавших его философских заданий. Это, конечно, сказалось во всех наших беседах — впервые в Амстердаме, а потом во Фрейбурге и в Париже. Наиболее интересные и значительные признания услышал я от него уже в первом нашем разговоре: «Вы были неправы, — начал он, набросившись на меня с такой резкостью и страстностью. — Вы точно превратили меня в каменную статую, поставили на высокий пьедестал, а затем ударом молота раздробили эту статую вдребезги. Но точно ли я такой каменный? Вы как бы не заметили, что принудило меня так радикально поставить вопрос о существе нашего знания и пересмотреть господствующие ныне теории познания, которые прежде удовлетворяли меня самого не меньше, чем дру-

* К самому делу.

гих философов. Чем больше углублялся я в основные проблемы логики, тем больше чувствовал я, что наша наука, наше знание шатаются, колеблются. И, наконец, к моему неописанному ужасу, я убедился, что, если современная философия есть последнее слово, которое дано сказать людям о существе знания, то знания у нас нет. Был момент, когда, выступая на кафедре с изложением тех идей, которые я усвоил себе от наших современников, я почувствовал, что мне нечего сказать, что я выхожу к слушателям с пустыми руками и пустой душой... [Мне казалось,] что если усилиями нашего разума не будут преодолены возникшие во мне сомнения, если мы обречены по-прежнему только более или менее тщательно замазывать трещины и щели, открывающиеся нам каждый раз в наших гносеологических построениях, то в один прекрасный день все наше познание рухнет, и мы очутимся пред жалкими развалинами былого величия».

В таких, приблизительно, словах, но с еще большей силой и страстностью, с тем исключительным подъемом, который чувствовался во всех его замечательных писаниях и речах, говорил он мне об источниках его столь смелой и оригинальной философии, беспощадно разметавшей основные идеи лучших представителей современной мысли...

Я никогда не забуду моей первой личной встречи с Гуссерлем, как никогда из памяти моей не изгладится впечатление, произведенное на меня чтением его сочинений на двадцать лет раньше: встреча с великими представителями человеческого духа оставляет в нашей душе неизгладимые следы.

Это я ему откровенно и сказал: «Вы правы, конечно, со всей энергией, которую я мог в себе найти, я обрушился на ваши идеи... Резкость моих нападок не только не ослабляет, но, наоборот, подчеркивает огромное значение того, что вы сделали для философии. Чтоб бороться с вами, нужно напрячь все душевные силы, — а всякое напряжение предполагает страсть и связанную со страстью резкость. Предо мной стала страшная дилемма: либо при-

нять все, что вы говорите, и не только то, что вы уже высказали, но и все выводы, к которым обязывает философия, либо восстать против вас. (Памяти великого философа, стр.301-304).

О своей встрече с Шестовым в Амстердаме Гуссерль упоминает в письме к Роману Ингардену:

In Holland fanden wir es herrlich u. waren gerne langer geblieben. Unter meinen dortigen Horern war der Russe S c h e s t o w (der Hering u. mich so geistreich angegriffen hatte im philos. Anzeiger), der mir viel Vergnugen machte in seiner impulsiven Art u. seinem disput. Eifer. Er beredete mich zu vorlaufiger Zusage fur eventuelle Vortrage in P a r i s (er diente den Parisern als Fuhler), und vor einigen Wochen kam in der That von der Sorbonne eine in s e h r freundl. und in echt franzos. Liebenswurdigkeit abgefaßte offic. Aufforderung. Des Naheren ging die Einladung aus vom Institut germanique und d. Société philosophique. (An Ingarden, 13.07.1928).

О той же встрече пишет Фондан:

Когда Шестов встретился с Гуссерлем в Амстердаме, они проговорили целую ночь. А наутро беседа возобновилась с еще большим оживленнем. Жена Гуссерля говорнла: онн неразлучны, как двое влюбленных. (Фондан, стр.94).

Из Амстердама Шестов поехал 29 апреля во Франкфурт повидаться с Мартином Бубером (Martin Buber, 1878-1965). Во Франкфурте 30 апреля была устроена встреча с Бубером и его товарищами. Здесь Шестов, вероятно, впервые услышал о Киркегарде. Он рассказал Фондану:

Когда я приехал во Франкфурт, там все говорили о Киркегарде. Избежать этого было невозможно. Я вынужден был признаться, что не знаю его, его имя совершенно неизвестно в Россни. И добавил: «Даже Бердяев, который читал все, его не знает». (Фондан, стр.114).

Один вечер он провел с Максом Шелером (Max Scheler). Об этой встрече он тоже рассказал Фондану:

Это был очаровательный человек. Впервые я с ним встретился в Понтиньи*. Тогда я только что прочел — узнав из одной немецкой газеты — его «О вечном в человеке»**. Гуссерлианец-католик, это казалось странным, и я ему об этом сказал. «Это уже в прошлом», — ответил Шелер. Он уже не был католиком. Я видел его в Париже***, потом во Франкфурте... Он был в обществе нескольких профессоров и хотел угостить нас хорошим ужином. Долго выбирал ресторан, и, наконец, повел нас в ресторан под названием Фальстаф. Ужин был чрезвычайно обильный. Я ограничился всего двумя блюдами, а остальные съели все. Шелер тоже, хотя и должен был придерживаться строгого режима по болезни сердца. Но в этот момент он забыл, что он философ, и ел, как поэт. Через две недели он умер [19.05.1928]. Он был учеником Гуссерля, но Гуссерль его не очень любил. По мнению Гуссерля, его манера мыслить, писать была недостаточно «строга», недостаточно серьезна. Между прочим, он так и не понял Гуссерля. Когда я ему говорил о том, что тревожило Гуссерля, он не допускал и мысли о том, что Гуссерля могло что-либо тревожить. К чему беспокойство. Он не понимал, что Гуссерль обратился к корням вещей от отчаяния — его самого корни вещей не интересовали. Однако очень талантливый человек, тонкий наблюдатель. Но он не понимал. Гуссерль, тот понимал, и мои вопросы он тоже понял, хотя не был ни верующим, ни католиком. (Фондан, стр.110).

2 мая Шестов поехал из Франкфурта в Берлин, где гостил, как и в предыдущие годы, у Эйтингона.

В то время, когда Шестов был во Франкфурте, Бубер взял у него для журнала «Креатур», в редакции которого он состоял, статью «Сыновья и пасынки времени. Исторический жребий Спинозы», которая появилась в «Со-

---

* Шестов познакомился с Шелером в Понтиньи летом 1924 г. (см. первый том).

** Vom Ewigen im Menschen.

*** Шелер посетил Шестова в Париже 21.01.1926 (см. первый том).

веменных Записках» (№25, 1925) и была переведена Руофом на немецкий. Вернувшись к себе в Геппенгейм (Heppenheim — городок недалеко от Франкфурта), Бубер прочел статью Шестова и послал ее в журнал «Креатур», где она и появилась той же осенью (1928 г.), под заглавием «Kinder und Stiefkinder der Zeit». Эпиграфом к статье о Спинозе Шестов взял текст из Исайи:

> Et audivi vocem Domini dicentis: Quem mittam? Et quis ibit nobis? Et dixi: Ecce ego, mitte me. Et dixit: Vade et dices populo huic: Audite audientes et nolite intelligere, et videte visionem et rolite cognoscere. Excaeca cor populi hujus et aures ejus aggrava; et oculos ejus claude; ne forte vedeat oculis suis et corde, suo intelligat, et convertatur et sanem eum*. (Isaie, VI, 8, 9, 10).

Об этом тексте Шестов пишет: «Бог послал своего пророка, чтоб он ослепил и связал людей, и чтоб связанные и слепые считали себя свободными и зрячими. Зачем так нужно было? Исайя объясняет: чтобы они обратились и исцелились. Знал ли это Спиноза, знаем ли мы, читающие Исайю и Спинозу?»

В сохранившейся переписке Бубера с Шестовым три письма посвящены толкованию этого текста. Из Геппенгейма Бубер пишет Шестову в Берлин:

> Erlauben Sie mir Sie darauf aufmerksam zu machen dass Sie die Bibelstelle, die Sie als Motto über Ihren Aufsatz gestellt haben, nicht richtig interpretieren. Sie sagen gegen Schluss: "Wozu war das notwendig? Jesaja erklärt es: Damit sie umkehren und geheilt werden". Aber das ist es nicht

---

* 8. И слышал я голос Господа, говорящего: кого пошлю? и кто пойдет для нас? Тогда я сказал: вот я, пошли меня.

9. И Он сказал: пойди скажи этому народу: услышать услышите, но не поймете, и увидеть увидите, но не уразумеете;

10. Сделай бесчувственным сердце этого народа, оглуши его уши и закрой глаза его, чтобы он не увидел глазами своими, и не услышал ушами своими, и не разумел сердцем своим, и не обратился, и не исцелился.

> was Jesaja erklärt; der Sinn seiner Worte ist noch viel schmerzlicher, noch viel grausamer. Er sagt: ne forte videat... et audiat... et convertatur. Also: der Prophet soll das Herz des Volkes "verblenden" (Vulgata) oder "verstocken" (Luther) oder vielmehr "verfetten" (das ist der Sinn des hebraischen Wortes), damit es nicht umkehre und Gott nicht durch eine Umkehr des Volkes veranlasst — sozusagen: genötigt — werde es zu heilen. Das ist die furchtbare Bedeutung dieser Botschaft: das Volk soll nicht umkehren, es soll in die Ferne gehen müssen, ja "ausgebrannt" werden, und nur für einen Wurzelstamm bleibt eine scheue, unbestimmte Hoffnung — jener Satz vom "heiligen Samen", der in den meisten Septuaginta — (...?) fehlt! Ich habe ein paar Stellen der Übersetzung verbessert und schicke das Manuscript noch heute an die Druckerei. Das Original lege ich diesem Brief bei. (2.05.1928).

Шестов ему отвечает:

> Meinen herzlichen Dank für Ihr freundliches Schreiben und das prachtvolle Exemplar der Bibel*, die ich heute von Ihrem Verleger bekommen habe. Was die Uebersetzung aus Isaïa anbetrifft, so glaube ich, dass Sie volkommen Recht haben. Ich war selbst im Zweifel, wie mann eigentlich diese Stelle uebersetzen soll — doch schien es mir, dass auch, wenn man meine Interpretierung annehme — dass wäre auch genug schwer (oder wie Sie es sagen "Furchtbar") und räthselhaft für die menschliche Vernunft und ich habe mich entschlossen, damit mich zu begnügen. Eine mildere Interpretierung ändert doch nicht meine Auffasung von Spinoza's Schiksal — so dass man alles bei altem lassen kann. (5.05.1928).

В скором времени Шестов получил корректуру статьи. По прочтении ее он все же решает внести в статью некоторые поправки. Он пишет Буберу:

---

* Начиная с 1925 г., в Германии публиковалась Библия отдельными маленькими изящными томами в новом переводе Бубера. Нет сомнения, что издатель Бубера послал Шестову один или несколько этих томиков.

> Gleichzeitig sende ich Ihnen die Korrektur die ich durchgesehen habe. Ich habe überall "et convertatur et sanem eum" gestrichen, da eigentlich der Aufsatz davon nur wenig spricht und so entbehre /...?/ eine zweifelhafte Interpretation. (18.05.1928).

Как указано в последнем письме, Шестов вычеркнул в немецком переводе статьи последние пять слов текста Исайи. Он также выпустил их толкование: «Исайя объясняет — чтобы они обратились и исцелились». Указанные слова не вошли также и в книгу Шестова «На весах Иова», в которую была включена статья о Спинозе.

* *
*

В 1927 г. Руоф вел переговоры с берлинским издательством «Ламберт — Шнейдер» о немецком издании «На весах Иова», но окончательное соглашение не было достигнуто (письма Руофа к Шестову от 31.05.1927 и 18. 07.1927). Шнейдер был близок к Буберу — издавал его книги, журнал «Креатур» и немецкую Библию в его переводе, о которой мы упомянули выше. Узнав о затруднениях Шестова, Бубер написал Шнейдеру (30.04.1929). В скором времени Шестов договорился со Шнейдером об издании указанной книги (см. стр.31). Он пишет жене и Буберу из Берлина:

> Сейчас поеду к издателю — как будто бы сладилось дело о немецком издании «Странствов. по душам» («На весах Иова»). Говорю, как будто бы, хотя, в сущности, мы с издателем и переводчиком уже сговорились. Но бывало ведь так, что и сговоришься — а потом вдруг разладится. Это мне M.Buber устроил: он очень хорошо ко мне относится. Надо постараться, чтобы его в Pontigny пригласили. Он будет там очень полезен, и ему тоже хочется туда поехать. Если Таня увидит Desjardin'а или кого другого из Pontigny, пусть, не откладывая, поговорит. [18(?).05.1928].

Mit Dr. Schneider und Ruoff sind die Unterredungen schon zu Ende gekommen, so das Schneider-Verlag schon nächste Woche anfängt die schon übersetzten Kapitel in die Druckerei zu schicken. Ich danke Ihnen herzlich für Ihre freundliche Mithilfe. (18.05.1928).

Таня исполнила данное ей поручение, и Бубер в начале июня получил от Дежардена приглашение приехать в Понтиньи. В 1928 г. ему туда, очевидно, поехать не удалось, но впоследствии он не раз бывал в Понтиньи (вероятно, в 1929, 1931, 1935 и 1936 гг.).

Вскоре после приезда в Париж (21.05.1928) Шестов пишет Фане и Эйтингону:

Я хлопочу о своих делах и, сколько могу, работаю. Heidegger — хотя и трудно читается, но не жаль потраченного времени и труда. По всему видно, что он настоящий преемник Гуссерля. Если у него хватит подъема, он даст много интересного и значительного. Досадно, что еще не опубликована 2-я часть. (Фане, 1.06.1928).

Пока стараюсь одолеть привезенные мною из Германии книги. Heidegger'а уже одолел [вероятно, «Sein und Zeit»]. Книга, действительно, необычайно интересная. Но это не «феноменология», а попытка провести под флагом феноменологии в область философии самую нефилософскую... контрабанду — библейское сказание о грехопадении и первородном зле. Читал ли Гуссерль эту книгу и, если читал, что он о ней думает. Я этим крайне заинтересован, конечно. Очень может быть, что осенью мне снова придется встретиться с Гуссерлем. Швейцарский студенческий союз предлагает мне в начале ноября прочесть лекцию о Толстом [в Берне], в Цюрихе, Базеле и нем. Фрейбурге. Я соглашаюсь, главным образом, ввиду того, что мне хочется еще раз встретиться с Гус. — а, может быть, и познакомиться с Heidegger'ом, который осенью уже должен быть во Фрейбурге. Очень все это интересно. (Эйтингону, 14.06.1928).

Лето, как и в прошлые годы, Шестов провел в Шатель-Гюйоне (с 12 июля по 17 сентября). Жили на вилле «Флоранс». В середине августа туда приехали на несколько недель Ловцкие. Как и в предыдущем году, Таня поехала в горы. Шестов пишет по поводу совершенных ей восхождений:

> Сегодня пришла твоя открытка из Zermatt'а и пошла писать история. Мама рассердилась и обиделась. Говорит, что это с твоей стороны непочтительно и что ты на зло все написала, и что Matherhorn, во-первых, вовсе не Mont Cervin, а во-вторых, что вовсе не самая высокая и самая трудная гора. Самая высокая и трудная гора это Breithorn, на которую твои родители в 1903 году восхождение сделали всего с одним проводником, о чем и было сообщено во всех газетах. А разные Matherhorn и Mont Cervin — все это пустяки, и ты только, чтоб унизить родителей, разные необыкновенные вещи о них рассказываешь. До сих пор мама волнуется. (Тане, 22.08.1928).

* * *

Вскоре после возвращения в Париж Шестов поехал в Швейцарию и Германию по приглашению швейцарского студенческого союза прочесть в разных городах лекцию о Толстом, по случаю столетия со дня его рождения. Лекцию Шестов посвятил последним произведениям Толстого, о которых он в 1920 г. написал статью «Откровения смерти». Лекции были назначены союзом студентов в Берне (26.10), в Цюрихе (31.10), Базеле (1.11) и немецком Фрейбурге (9.11). Из Фрейбурга Шестов выехал в Берлин, где прочел лекцию о Толстом по-русски (вероятно, 20.11), а затем в Мюнхен, где читал 27 ноября. В Париж он возвратился 30 ноября.

Судя по письмам, Шестов остался доволен путешествием. За два дня до первой лекции в Берне, в швейцарской газете «Бунд» появилась интересная статья швей-

царского пастора, профессора теологии Альберта Шеделина (Schädelin), в которой было сообщено о предстоящих лекциях. На следующий день после лекции в Берне Шестов уже в Цюрихе. Он пишет Ловцким и жене:

> Вчера читал в Берне. Зал был переполнен. Пришел ректор, профессора были. В «Бунде» накануне была большая (и очень толковая) статья профессора теологии Schädelin'a обо мне и, верно, благодаря этому, собралась аудитория. [Ловцким, 27.10.1928].

> Студенты очень стараются. И объявление, и заметки в газетах, и /...?/ пустили. Тоже и здесь, как в Берне, есть интересные встречи. К сожалению, пр. теологии Brunner сейчас в отъезде. Но сегодня познакомился с другим профессором — франц. литературы: очень тонкий и по-настоящему думающий человек. Он, между прочим, рассказал мне, что сюда приехал твой Ильин (Иван А.) и хотел ему объяснить, что у меня, кроме отрицания, ничего нет, и что ему, профессору, пришлось доказывать Ильину, что тот не знает меня и в конце концов Ильин должен был в этом признаться. Хороши соотечественники и родственники! Много тоже молодежи здесь интересной — и русские, и швейцарцы. В Базеле, кажется, предстоит еще больше встреч. Туда уже написали, кому нужно — и я повидаю многих, с которыми мне хотелось бы повидаться. (Жене, 30.10.1928).

В Цюрихе он получает письмо от Шеделина, с которым беседовал в Берне, а в Базеле — письмо от Ганса Грюба:

> Unser Gespräch das ich gerne fortgesetzt hätte, gab mir Hoffnung auf eine noch tiefere Gemeinsamkeit, als ich sie erwartet habe; Sie können versichert sein, dass mir Ihr Wort viel gilt und für alles, was ich schon empfangen habe, dankbar bin. (От Шеделина, 27.10.1928).

> Es war mir ein grosses Erlebnis Sie gestern über Tolstoi vortragen zu hören. Gerne hätte ich Ihnen persönlich Dank gesagt. Nun hörte ich aber von meinen Freunde prof. Spossi (?) dass Sie nicht mehr in Zurich sind. Wie schade, dass ich von Ihrer Anwesenheit nicht früher wusste; Martin Buber hat

mir schon öfter von Ihnen erzählt und Ihre Abhandlung in der Kreatur "Wissenschaft und freie Forschung" haben einen starken Eindruck hinterlassen. Ich bin Artzt, Psychotherapeuth. Und ich habe seit Jahren meine Aufmerksamkeit dem Missolog (?),dem Versagen unseres, meines Wissens zuwenden müssen. Jenseits der Katastrophe auf die alle Behandlung hinführt, liegt die reine Erfahrung, aus der wir erst richtich lernen können. Ihr Lebenswerk ist mir eine grosse Hilfe und ich werde mit Freude und Dankbarheit nach den in Deutschen erschienen Büchern greifen. Dürfte ich Sie eventuell im Dezember einmal in Paris aufsuchen, wo ich wahrscheinlich ein paar Tage verweilen werde? (От Грюба, 1.11.1928).

После лекции в Берне появилась (29.10) в «Бунде» статья Марти:

[Шестова] слушали в течение двух часов многочисленные слушатели... Все были поражены внутренним жаром, с которым он излагал свои мысли... таким образом, празднование [юбилея Толстого] превратилось в настоящий праздник Толстого — в потребность читать его произведения. (29.10.1928).

* *
*

Из Базеля Шестов поехал во Фрейбург. 9 ноября он читал лекцию, на которой присутствовали Гуссерль и Хейдеггер. Накануне он был приглашен к Гуссерлю. У него Шестов познакомился с Хейдеггером. О своих встречах он пишет Ловцким, а через много лет рассказывает Фондану и описывает их в статье «Памяти великого философа»:

Я уже все дела здесь сделал — виделся и с Гуссерлем, который необыкновенно сердечно меня встретил, и с Heidegger'ом, которого Гуссерль к себе пригласил и у которого я вчера целый вечер просидел. Все было необычайно интересно, расскажу, когда приеду. (Ловцким, 9.11.1928).

Когда мы встретились с Хейдеггером у Гуссерля, я привел ему отрывки из его произведений, которые, на мой взгляд,

подрывали его систему. В этом я был глубоко убежден. Тогда я не знал, что написанное им отражало мысли, влияние Киркегарда, что личный вклад Хейдеггера состоял лишь в стремлении заключить эти мысли в рамки гуссерлианства... Не знаю, может быть, его доклад «Was ist Metaphysik» был последствием нашей беседы...

Когда Хейдеггер ушел, Гуссерль снова обратился ко мне и заставил пообещать, что я буду читать Киркегарда. Я не понимал, почему он так настаивал на моем знакомстве с Киркегардом, так как философская мысль Киркегарда не имеет ничего общего с мыслью Гуссерля. Сейчас мне думается, что он хотел, чтобы я читал Киркегарда для того, чтобы я мог лучше понять Хейдеггера. (Фондан, стр.114).

Во время моего пребывания во Фрейбурге, Гуссерль, узнав от меня, что я совсем не читал Киркегарда, с загадочной настойчивостью стал не просить, а требовать от меня, чтоб я познакомился с произведениями датского мыслителя. Как случилось, что человек, всю жизнь свою положивший на прославление разума, мог толкать меня к Киркегарду, слагавшему гимны Абсурду? Гуссерль сам, правда, познакомился, по-видимому, с Киркегардом лишь в последние годы своей жизни: на его работах совершенно не видно следов знакомства с каким бы то ни было из сочинений автора «Entweder-Oder». (Памяти великого философа, стр.306).

Речь «Was ist Metaphysik» («Что такое метафизика»), о которой Шестов упоминает в разговоре с Фонданом, Хейдеггер прочел во Фрейбургском университете 24 июня 1929 г. Она была опубликована в декабре того же года в Бонне в издании «Фридрих Коген». Об этой речи, которая его очень заинтересовала, Шестов пишет Ловцким:

Она вышла... шесть недель тому назад — очень она любопытна. По-моему, хорошо было бы, если бы подарить ее М.Е. [М.Е.Эйтингону] от моего имени: она стоит, верно, 1—1,50 м., т.к. в ней всего 26 стр. И хорошо было бы тебе прочесть, как он там, словно осуществляя

то, что я ему при свидании предсказывал, заявляет о том, что «в водовороте изначальных вопрошаний растворяется логика», что «власть логики кончается в философии», что наряду с мыслящим отрицанием и глубже его есть твердость противодействия, острота отвращения и т.д. (26, 22 и 12 стр.). Словом, Гуссерль взрывается самой феноменологией. Это было бы и вам и М.Е. очень интересно. (22.01.1930).

После того, как они познакомились во Фрейбурге, Шестов и Хейдеггер переписывались. В архиве Шестова сохранилось два письма Хейдеггера. В первом из них (8.01. 1929) он вспоминает о философской беседе с Шестовым, о его докладе и благодарит его за хлопоты по устройству докладов в Париже (доклады, вероятно, не состоялись). Во втором (25.05.1929) он пишет Шестову, о том, что он только что закончил рукопись своих «Kantvorlesungen» и должен приступить к редактированию академической речи, которую он должен прочесть во Фрейбургском университете (уже упоминавшаяся речь «Что такое метафизика»).

С Хейдеггером Шестов встречался еще несколько раз, но близко не сошелся. Он ничего не написал о Хейдеггере, но с интересом следил за его работами и упоминает о нем в письмах и беседах с Фонданом. Фондан Хейдеггером очень заинтересовался и посвятил ему две работы: статью в «Кайе дю Сюд» №141 (июнь 1932 г., см. стр.94, 99-100) и шестую главу книги «Несчастное сознание» (1936, см. стр.153-155).

* *
*

Из Фрейбурга Шестов отправился в Берлин (10.11.1928), где остановился не у Эйтингона, который переехал в новый дом, но еще не совсем устроился, а у Ловцких (bei Frau Asche, Nassauische Str., 55-54, Berlin-Wilmersdorf). Оттуда он пишет жене:

Вероятно, ты уже получила из Фрейбурга мою открытку, дорогая Лизаровна, и знаешь, что и во Фрейбурге лекция сошла благополучно. Самое трудное — таким образом, уже позади. Я, грешный человек, побаивался, что жизнь в гостиницах и все прочее, связанное с путешествием, окажется мне не под силу, что я захвораю или ослабею. Оказалось, что я блестяще выдержал испытание. Приходилось есть, что давали — я ел все, приходилось по целым дням разговаривать (иногда перед лекцией) и т.д. — и ничего! Все время чувствовал себя крепким и бодрым. Сейчас в Берлине, конечно, я живу в других условиях и уже беспокоиться не о чем. Здесь и останусь до 25 или 26 ноября, т.к. 27 ноября читаю последний раз в Мюнхене. О лекциях и встречах не пишу: все очень сложно и, чтобы только описать, нужно не письмо, а сочинение целое. Уж как приеду, расскажу. С Гуссерлем совсем подружились. И он и его жена уже шлют тебе и детям свои приветы. С Heidegger'ом — не так просто, но все-таки хорошо обстоит. (11.11.1928).

Здесь, в Берлине, у меня и особого напряжения нет, т.к. нет такого огромного количества встреч, как в Швейцарии или Фрейбурге, или как, вероятно, предстоит в Мюнхене. Читаю я всего здесь один раз — и то по-русски, по печатному — так что труда никакого. Платят мне за это 150 марок — почти 1000 франков. Бываю я здесь мало у кого: больше гуляю, хожу к мамаше. Только на будущей неделе пойду Губермана слушать! Он играет Крейцерову сонату и Шуберта. (15.11.1928).

Из Берлина Шестов едет в Мюнхен прочесть доклад о Толстом (вероятно, 27.11.1928) и повидать разных людей, а оттуда в Париж (30.11.1928). На следующий день после приезда он уже начал читать свой курс в Сорбонне. Он пишет Ловцким:

Наконец, докатился до Парижа и почти что прямо из вагона попал в аудиторию, как Чацкий с корабля на бал. В Мюнхене было тоже очень интересно — интереснее всего

встреча с Мерцем, редактором «Zwischen den Zeiten» и его друзьями. Но и другие встречи были интересны — в письме только очень трудно рассказать. Здесь я застал открытку от Гуссерля — они приезжают в середине февраля, так что мы с ним наверное встретимся. И корректура от Schneider'а пришла. Поговори с ним, Герман, обстоятельно, как удобнее переводы помещать — чтобы не вышло неприятностей. Я Ruoff'у все объяснил. Он теперь очень старается. Его очень занимает не только перевод, но и сама книга. Он теперь Плотина с кем-то по-гречески стал читать. И все мои замечания принимает к сведению. (2.12.1928).

Читаю Киркегарда — действительно кое-что есть общего. Но у него фил. /...?/, насколько я могу судить по прочитанному, нет. [декабрь 1928].

К последнему письму Анна Ел. сделала приписку: «Леля пишет новую работу». Нет сомнения, что речь идет о работе «Скованный Парменид».

* * *

Как было указано (см. первый том), издательство «Плеяда» взялось выпустить полное собрание сочинений Шестова по-французски и опубликовало три книги между августом 1926 г. и апрелем 1928 г. Продажа шла медленно, и друзья Шестова всячески старались содействовать появлению статей о Шестове, чтобы улучшить продажу книг. Об этом Шестов писал Эйтингону (см. письмо от 18.10.1929 в первом томе) и Ловцким:

Вчера Fondiano [Fondane] принес мне корректуру своей статьи обо мне, которая появится в «Europe» 15 января [1929]. Может быть, что эта статья посодействует распространению издания, т.к. он объявляет в ней, что в моих книгах современное, новейшее напряжение мысли нашло себе единственного выразителя. Правда, статья написана импрессионистически. — F. не философ и прямо говорит,

> что пишет для «артистов», но все-таки в ней много «тона» есть, и она, в общем, любопытна. Теперь, если и Malraux напишет для «Nouv. Revue Franç.» (ему заказали), и если Шлецер ему ответит, все-таки можно будет рассчитывать, что книги будут покупать. (4.01.1929).

Мальро статьи не написал, а статья Фондана вышла, как было намечено, 15 января. Это первая статья, написанная Фонданом о Шестове. Через четыре месяца в «Кайе де л'Этуаль» (№9, май/июнь 1929) вышла еще одна его статья о Шестове, которую он написал по просьбе одного из редакторов журнала, И.В. де Манциарли (I. de Manziarly), которая очень интересовалась работами Шестова и с которой у Шестова были дружеские отношения. В №19 того же журнала она опубликовала предисловие к книге Шестова «Великие кануны» под заглавием «Les grandes veilles. Préface».

* *
*

Зимой 1928/1929 гг. Шестов познакомился с Викторией Окампо (Victoria Ocampo), игравшей видную роль в литературной жизни Буэнос-Айреса. О своем знакомстве с Шестовым она рассказывает в статье «Бенжамен Фондан» (опубликована в журнале «Нон-Лье», №2-3, Париж, 1978):

> Кейзерлинг мне посоветовал, когда я буду в Париже, повидать, от его имени, Шестова и Бердяева и дал мне к ним письма. Ортега-и-Гассет*, который был проездом в Париже, сопровождал меня, когда я пошла навестить Шестова... Когда мы вошли, я услышала, что разговор шел о Гуссерле, Хейдеггере, Киркегарде. Ортега тотчас вступил в разговор. (Окампо, стр.49).

Сама же Виктория Окампо в общем разговоре не принимала участия, а беседовала с Фонданом, которого ей пред-

---

* Ортега-и-Гассет, известный испанский философ, автор книги «Восстание масс».

ставил Шестов. С Фонданом и Шестовым она подружилась и встречалась с ними, когда приезжала в Париж. Фондану она устроила две поездки в Аргентину (лето 1929 и апрель 1936 г.). Благодаря ее усилиям, несколько работ Шестова были опубликованы по-испански в Буэнос-Айресе.

В это время Шестов читал Киркегарда. Он пишет Ловцким:

> Читаю понемногу из Киркегарда: действительно, нахожу общее. Особенно близки стр. 156, 157 до 163 из его книги «Der Begriff der Angst». Иногда кажется, что он читал «Ап. бесп.» или я читал его книги. Разница только в том, что он, полемизируя с Гегелем, все же хочет использовать диалектику Гегеля против Гегеля же, и мысль о беспочвенности ему, вероятно, показалась неприемлемой, даже не мыслью. Но все же он пишет: «die Angst ist die Möglichkeit der Freiheit». Или «in der Möglichkeit ist alles gleich möglich»... «das Entsetzliche, das Verderben, die Vernichtung Tür gegen Tür mit jedem Menschen zusammenwohnt» и т.д. Все это будто из «А.бесп.» взято (особенно часть I, 279 и часть II, 312). Очень любопытно будет еще его «Krankheit zum Tode» и «Einübung in Christenthum» прочесть. Спросите Schneider'a — может, он может выписать для меня эти книги по издательским ценам. (5.02.1929).

> Киркегард в «Augenblick» (он есть у меня) еще не так виден. Нужно, как я тебе говорил «Begriff der Angst» и «Furcht und Zittern» прочесть. (14.02.1929).

20 февраля 1929 г. по приглашению Сорбонны (см. стр.12) Гуссерль приехал в Париж читать два доклада. О первом докладе Шестов пишет Герману:

> Сейчас приехал в Париж Гуссерль. Завтра [23.02.1929] читает в Сорбонне свой первый доклад. Посмотрим, что из этого выйдет. Чествовать его будут здорово. Я уже получил приглашение на завтрак, который послезавтра в его честь устраивает «Académie de Paris». Верно, и еще всякие

чествования будут. Так что у меня будет рассеянная жизнь, тем более, что я назначен еще и в комитет по чествованию Милюкова — тоже придется ходить по заседаниям и банкетам в еврейском смокинге. [22.02.1929].

По окончании доклада Шестов поднялся на кафедру и горячо приветствовал Гуссерля (Husserl-Chronik, стр.342). Второй доклад Гуссерль прочитал 25 февраля. Через два дня он с женой был приглашен к Шестовым. В статье о Гуссерле Шестов описал это посещение:

Когда он приехал в Париж и пришел, по моему приглашению, ко мне, он сейчас же после обеда (которого он как бы не заметил, который для него как бы не существовал) ушел со мной в отдельную комнату и сразу же приступил к философскому собеседованию. Это было в ту пору, когда я работал над первой частью своей книги «Афины и Иерусалим», которая называется «Скованный Парменид». Естественно, что я постарался направить беседу нашу на те темы, которые трактовались в этой части моей книги. И вот, когда я сказал ему, повторяя почти дословно то, что потом было написано в «Скованном Пармениде»: «В 399 году отравили Сократа. После Сократа остался его ученик Платон, и Платон "принуждаемый самой истиной" (выражение Аристотеля) не мог не говорить, не мог не думать, что Сократа отравили. Но во всех его писаниях слышится и слышался только один вопрос: точно ли в мире есть такая сила, такая власть, которой дано окончательно и навсегда принудить нас согласиться с тем, что Сократа отравили? Для Аристотеля такой вопрос, как явно бессмысленный, совершенно не существовал. Он был убежден, что "истина" — собаку отравили, равно как и "истина" — Сократа отравили, — равно навеки защищены от всяких человеческих и божеских возражений. Цикута не различает между собакой и Сократом, и мы, принуждаемые самой истиной, обязаны тоже ие делать никакого различия между Сократом и собакой, даже бешеной собакой». — Когда я это ему сказал, я ждал, что его взорвет от негодования. Но получилось иное: он весь обратился в слух, точно где-то,

в глубине его души, он уже давно прозревал, что аристотелевское "принуждаемые самой истиной" таило в себе какую-то ложь и предательство. Я был тем более поражен, что перед тем у нас разгорелся горячий спор по вопросу — что такое философия? Я сказал, что философия есть великая и последняя борьба — он мне резко ответил: «Nein, Philosophie ist Besinnung»*. Но теперь характер беседы принял иное направление. Он словно почувствовал, что аристотелевская уверенность покоится на песке. (Памяти великого философа, стр.305-306).

Нет сомнения, что афоризмы Шестова «Оглядка» и «Комментарий к предыдущему» («Числа», №1, 1930; «Афины и Иерусалим», часть IV) были навеяны беседой с Гуссерлем, хотя имя Гуссерля в них не упоминается. Последний афоризм кончается словами: «Философия есть не Besinnen [оглядка], а борьба. И борьбе этой нет и не будет конца. Царство Божие, как говорится, берется силой».

В третьей главе работы «Скованный Парменид» Шестов затрагивает ту же тему: «Философия всегда хотела быть рефлексией, Besinnung, оглядкой... [которая], по своей сущности, исключает возможность и даже мысль о борьбе». О том, что Гуссерль сумел услышать его вопросы, Шестов рассказал Фондану:

Мне представлялось, что это единственный человек на свете, который имел право не понимать моих вопросов. И это один из немногих, которые их поняли, более того, которые услышали эти вопросы (Фондан, стр.93).

Через несколько дней после описанного обеда Шестов устраивает у себя прием в честь Гуссерля. Он пишет Лазареву:

Условился с Гуссерлем, что в воскресенье 3 марта в 4 часа дня он приходит ко мне, и я ему представлю русскую философскую мысль. Ergo Вы должны приехать, ибо, в противном случае русская мысль не будет представлена. (27.02.1929).

---

* Нет, философия — рефлексия.

Среди гостей, кроме Лазарева, были Р.Беспалова и Б.Фондан. Имена других гостей неизвестны. Затем 5 марта Шестовы были приглашены к Гуссерлю на чай, а 8 марта Гуссерль уехал из Парижа. О приглашении 5 марта сам Шестов не говорит в письмах, о нем упомянуто в «Husserl-Chronik» на стр.343. О посещении Гуссерля Шестов пишет матери и Герману:

> Приезжал к нам, в Париж, профессор Гуссерль, у которого я был осенью, читал тут доклады. Потом был у меня два раза — раз обедал, а раз днем пришел. Очень было интересно — это один из самых замечательных философов в Германии, как Бергсон во Франции. Спроси Германа — он тебе о нем подробно расскажет. Потом был юбилей Милюкова — опять пришлось ходить на его чествования. Так что последние десять дней приходится вести светскую жизнь. Я не очень это люблю, да и некогда. Хорошо, впрочем, что не часто приходится столько бегать. (Матери, [7(?).03.1929]).

> Был тут Гуссерль... Ему оказывали всякие почести, но, как он и сам думает, не дали себе труда очень вникать в его доклады. Оно и понятно — чтобы разобрать его, нужно знать его сочинения. Был он у меня два раза. Раз обедал и просидел вечер — я никого не пригласил, и мы беседовали с глазу на глаз, а другой раз я пригласил русских философов — и беседа была общая. Познакомился и с Hering'ом, который, по случаю приезда Гуссерля, тоже приезжал в Париж. Он, видно, был сердит — не успокоился.
>
> Стало, слава Богу, тепло. Много работы — получил, кроме Бартовских книг, еще отличную работу Кронера «От Канта до Гегеля»: все нужно прочесть! После Пасхи лекции кончу — хоть этого не будет. (Герману, 9.03.1929).

Книга Кронера заинтересовала Шестова, и он написал о ней небольшую статью (см. стр.48).

В это время Фаня заинтересовалась Киркегардом и готовила о нем доклад. Шестов дает ей советы:

Киркегардом сейчас очень многие интересуются. Прежде всего — Ибсен писал своего Брандта по «Entweder-oder» Киркегарда. А сейчас Бубер сказал, что в XIX столетии было только два значительных человека: Достоевский и Киркегард. Потому школа (теологическая) Карла Барта прямо из Киркегарда исходит (кроме К.Барта — Thurneysen, Schädelin, Merz: пасторы и профессора). Затем и M.Heidegger — (190, 235 стр. его книги «Sein und Zeit» и в других местах). Этот особенно пользуется его книгой Begriff der Angst, но также и его проповедями; потом K.Jaspers, Psychologie der Weltanschaungen. Большую книгу о Кирк. написал недавно ректор Бернского Университета — но я забыл его фамилию. Для тебя может представить особенный интерес его Wiederholung (в том же томе, что Furcht und Zittern), где он рассказывает свою собственную историю о том, как он, по совершенно фантастическим основаниям, порвал со своей невестой. Это все, что я могу сообщить тебе о К. — я думаю, что для доклада хватит. (9.04.1929).

В конце апреля Шестовы поселились на новой квартире (3 rue Letellier, Paris, 5). Шестов рассказывает Ловцким, почему пришлось покинуть гостеприимный дом Балаховских:

Соня решила, т.е., как всегда, не совсем, но «почти» решила не пускать больше Женичку в Америку — и нам пришлось искать квартиру. Мы бы могли здесь прожить еще несколько месяцев, но т.к. случайно подвернулась сравнительно недорогая и очень милая квартира и т.к. по нынешним временам квартиру найти необыкновенно трудно, то пришлось в два дня, даже еще скорее, снять ее. Квартира — недалеко от Сони: 4 комнаты, не маленькие, заново отделанные, в небольшом домике (всего 2 этажа — мы во втором), и — представь себе — с очень миленьким садом. Цена 12,000 фр. в год, да еще и отопление войдет в тысячу или полторы. Это считается недорого: Ремизовы год искали и взяли квартиру в 3 комнаты, в отвратительной

части города за 10,000. В понедельник [22.04] мы уже будем на новом месте — туда и пишите. (17.04.[1929]).

В следующем письме к Ловцким Шестов опять им пишет о Киркегарде:

> Относительно философского значения Wiederholung я ничего не могу сказать. Как раз Heidegger больше всего о «Begriff der Angst» говорит. Wiederholung, по-моему, интересен для психоаналитиков скорее. По-моему, вообще, в Германии как будто слишком высоко Киркегарда ценят. Он далеко не так глубок и силен, как думают немцы. И, вопреки Буберу, я думаю, что Нитше много значительнее, чем Киркегард. Правда, я еще не все его книги прочел, но все-таки вряд ли, кажется, я у него найду так много, как обещал Бубер. Посмотрим, впрочем. Я возьму его книги в Châtel — там потолкуем. (27.04.1929).

* *
*

В 1929 г. статья Шестова о Владимире Соловьеве вышла по-французски в журнале «Палестин» (пять выпусков между апрелем и сентябрем) и по-немецки в журнале «Тат» (август и сентябрь).

26 мая 1929 г. Шестов читал в Париже доклад на публичном заседании Философского общества на тему «Об источниках вечных истин». Этот доклад представляет главу из книги «На весах Иова», которая в то время готовилась к изданию (вышла в конце мая или начале июня). 8 июня состоялись прения по докладу, в которых приняли участие Н.Бердяев, Б.Вышеславцев и В.Ильин.

В конце мая в Берлине вышла по-немецки книга «На весах Иова» под заглавием «Auf Hiobs Waage», с подзаголовком «Über die Quellen der ewigen Wahrheiten», у Ламберт-Шнейдера (см. стр.16). Шнейдер также перенял

тогда тома II и III, опубликованные по-немецки у Маркана, и несколько позже том VII.

Через несколько дней книга «На весах Иова» появилась по-русски в Париже в издательстве «Современные Записки» с подзаголовком «Странствования по душам». Напомним, что она составлена из работ Шестова, написанных в 1920-1924 гг., и предисловия, законченного в декабре 1924 г. (см. первый том). Ее содержание дано в письме к Ловцким от 27 января 1926 г. (см. первый том). Ввиду того, что в 1926 г. еще не удалось найти издателя, Шестов к ней присоединил главу «Что такое истина», законченную в июле 1926 г. (см. первый том). Ему пришлось затратить много сил, чтобы наладить издания 1929 г. После выхода «На весах Иова» появилось несколько статей и рецензий по-русски (Н.Бердяев, «Путь», сент./окт. 1929; Г.Адамович, Г.Ловцкий — см. стр. 39-40) и по-немецки (Р.Кайзер — о нем см. первый том, Шеделин («Бунд», 25.08.1929), Герригель и др.).

После выхода немецкого издания Шестов послал книгу немецким друзьям и получил от них несколько очень сочувственных писем:

> Ich habe mich gefreut, dass Ihr schönes und wichtiges Buch in würdiger Form... erschienen ist. Im Lesen habe ich wieder stark die Verwandschaft mit eigenen Gedankengängen emfunden — insbesodre mit denen einiger Vorträge über Religion und Philosophie, von denen ich einen eben in Druck gehen lasse; ich werde Ihnen das kleine Buch, in das ich ihn aufgenommen habe, "Über die Schwelle", (der erster Band meiner "Reden und Schuften") nach Erscheinen zusenden. (От Бубера, 10.06.1929).

Шестов тотчас же отвечает Буберу:

> Meinen herzlichen Dank für Ihr so freundliches Schreiben. Ich freue mich, dass gerabe Sie wie Sie schreiben, beim Lesen meines Buchs "wieder stark die Verwandschaft mit eigenen Gedankengängen empfunden" haben. Das ist doch das teuerste dass ich von Ihnen hören könnte. Selbst /...?/ die

> Philosophen und Teologen — die meisten sind so feindselig gestimmt, nicht nur gegen das, was ich schreibe, aber auch gegen die Möglichkeit und Zuläsigkeit der Fragen, über welchen es in meinen Büchern handelt. Desto mehr schätze ich dass ein Mann von einer so tiefen Einsicht wie Sie, in meinem Buch was gefunden hat, was er nicht allein in seinen Wanderungen über die noch nicht endgültig entdeckten und villeicht nie endgültig zu entdeckenden Gebieten mit eigenen Augen gesehen hat. (15.06.1929).

Из других полученных писем приводим еще письмо от Гуссерля и письмо от Шеделина. Гуссерль пишет:

> Verehrter Freund und Antipode! Was werden Sie von mir denken, dass ich für das mir so werte Geschenk Ihres neuen Werkes Auf Hiobs Waage mit keinem Wort reagiere obschon es bereits wer weiss wie lange hier eingegangen ist! Sicherlich nichts Schlimmes, da wir so schnell die Schichte conventioneller Ausserlichkeiten durchstossen haben und zu einem näheren persönlichen Connex gekommen sind. Sie wissen, wie ernst ich Ihre versuche, für sich und für uns alle eine Gotteswelt zu erschliessen in der man wirklich leben und sterben kann, nehme — obschon Ihre Wege nie meine Wege werden können. Aber Gedanken, die so wie es bei den Ihren der Fall ist, als tiefste persönliche Notwendigkeiten entspringen, nehme ich nicht minder ernst als die meinen, von denen ich wohl sagen darf, dass sie ebenso für mich ein absolutes Muss darstellen. — Das alles sage ich, obleich ich noch keine Seite Ihres Buches lesen konnte, lesen durfte. Ich musste es liegen lassen ebenso wie die mir zum 8.Apr. gewidmetem Schriften. (От Гуссерля, 3.07.1929).

В приведенном письме Гуссерль говорит: «Вы знаете, как серьезно я отношусь к Вашим попыткам найти для Вас и для всех Божий мир, в котором можно по-настоящему жить и умереть». Ту же мысль иными словами высказал Шестов в письме к Эйтингону от 21 сентября 1926 г. (см. первый том): «И мне хочется думать, что, если я оставшиеся годы жизни смогу отдать работе, то, может быть, мы опять

увидим то, что, выражаясь языком Платона, видели "блаженные и древние мужи, которые были лучше нас и стояли ближе к Богу"». Без сомнения, Шестов и Гуссерль так скоро сошлись, потому что оба неудержимо стремились «найти Божий мир, в котором можно по-настоящему жить и умереть», и оба жаждали «опять увидеть то, что видели блаженные и древние мужи».

В письме от 3.07.1929 г. Гуссерль говорит о трудах, которые были ему посвящены 8 апреля 1929 г. по случаю его семидесятилетия. Этот день Фрейбургский университет отметил торжественным собранием, на котором Хейдеггер произнес речь. Гуссерль ему ответил короткой речью с заключительными словами: «Philosophie war die Mission meines Lebens. Ich musste philosophieren, sonst konnte ich in dieser Welt nicht leben» (Ингарден, стр.161). Эти слова в другой формулировке фигурируют в письме к Шестову. Письмо Гуссерля глубоко тронуло Шестова. О нем он вспоминает девять лет спустя в своих воспоминаниях о Гуссерле. «Но Гуссерль, — пишет Шестов, — был открытой ко всему душой... он написал мне: "ваши пути — не мои пути, но вашу проблематику я понимаю и ценю"».

Шеделин пишет Шестову:

Endlich komme ich dazu, Ihnen für die Zustellung Ihres Werkes "Auf Hiobs Waage" meinen herzlichsten Dank auszusprechen. Ich war froh, in diesem Bande eine Reihe von Ihren zerstreuten Schriften, die mir schon teuer gewesen sind mit neuen Gaben vereinigt zu finden. Besonders lieb ist und bleibt mir "Pascals Philosophie" sowie manches aus "Wagnisse und Gehorsame". Meine stets vorhandene Liebe zu Tolstois letzten Schriften, zu "Herr und Knecht" und zu "Iwan Iljitsch" hat durch Sie eine überraschende Bestätung gefunden. An Dostojewskij habe ich mich manches Jahr genährt und erholt. Ich liebe Ihre Schreibart und werde nie aufhören Ihre Bücher zu lesen. Es tönt da etwas vollmächtiges, ein Warnungssignal, das die

> Philosophie nicht überhören dürfte. Ihre Anwesenheit unter den Philosophen ist mir ein Trost und eine Stärkung, ein Ruf zur Sache auch an die Adresse der Theologen. Auch auf theologischem Boden hätten wir wohl vielfach dieselben Gegner. Ueberallhin, wohin Ihre Liebe zielt, zielt auch die meinige. Dass Sie es sind, der uns das "sola fide" predigt, werde ich Ihnen nie vergessen. Und doch — verzeihen Sie — kann mich auch der neue Band nicht zu einer vollen und letzten Einigung zwingen. Sie fegen die Tenne der Philosophie und zeigen mit ausgestrecktem Finger hinüber zur biblischen Welt, von dort aber fährt eine finstere Wetterwolke daher in Sturm und Feuer. Sie ist mir wohl bekannt und es ist gewiss so, dass alle Antwort uns nur als Frage zuteil werden kann. Nicht umsonst steht ein Kreuz im Mittelpunkt unseres Glaubens. Allein ist nicht um Kreuze Heil und Frieden? (От Шеделина, 1.08.1929).

По выходе «На весах Иова» Шестов послал книгу Ивану Алексеевичу Бунину, который тогда жил в Грассе. Писательница Галина Николаевна Кузнецова, жившая в то время у Буниных, очевидно, прочла книгу раньше Бунина. Ее поразило сказание об ангеле смерти, которое Шестов передает в начале главы «Преодоление самоочевидностей. К столетию рождения Ф.М.Достоевского». Шестов пишет: «В одной мудрой древней книге сказано... что ангел смерти, слетающий к человеку, чтобы разлучить его душу с телом, весь сплошь покрыт глазами. Почему так, зачем понадобилось ангелу столько глаз — ...и вот я думаю, что бывает так, что ангел смерти, явившись за душой, убеждается, что он пришел слишком рано... Но прежде чем удалиться... оставляет человеку еще два глаза... и тогда человек внезапно начинает видеть сверх того, что видят все... что-то совсем новое... Одним из таких людей, обладающих двойным зрением и был без сомнения Достоевский. Когда слетел к нему ангел смерти?» Про сказание об ангеле смерти Кузнецова записала в дневнике:

Читаю Шестова. Много говорю о нем с И.А. Рассказала ему, между прочим, легенду об ангеле, сплошь покрытом глазами… Это сказание меня необычно взволновало, а И.А. даже думает его ввести в роман. Как много освещается, если допустить существование этого второго зрения. (Грасс, 8.06.1929).

В письме к В.Н.* Шестов пишет: «Очень рад, что моя книга понравилась Г.Н., поблагодарите ее за сочувствие. Ведь наш брат сочувствием не очень избалован: не только не сочувствуют, а и читать не хотят — говорят, что скучно». Если бы он знал, сколько времени и как я живу его книгой! (Грасс, 18.06.1929).

Через несколько дней Галина Николаевна пишет Шестову:

Я прочла всю книгу. Последние статьи немного труднее, но все это до такой степени мне близко и нужно, что я почти не заметила их трудности. Афоризмы понравились — хотя слово понравились очень мало отвечает моим настоящим чувствам — мне больше всего. В них опять-таки столько того, что я смутно чувствовала — «подозревала» — и о чем много раз уже, только не так ясно и полно, догадывалась, что я точно обрела новый, но вместе с тем и где-то живший во мне, но заколдованный мир… Еще раз, простите меня, дорогой Лев Исаакович, если я занимаю Ваше внимание рассказами о своих впечатлениях. Я хотела только еще раз сказать Вам, что вовсе не поверхностно меня взволновала Ваша книга, что вот я прочла ее всю и когда закрыла — утешила себя тем, что есть еще и другие Ваши книги. То, что живет множество людей, не интересующихся этим «самым важным», значит только то, что и вправду Бог «одних просветил, а других ослепил». Но я верю, что всякий, у кого душа хоть изредка порывается проснуться, рано или поздно будет искать и обратится к этому «важному». (Грасс, 23.06.1929).

* Вера Николаевна Бунина, жена писателя.

Сказание об ангеле смерти Бунин ввел в свою книгу «Освобождение Толстого» (Париж, 1937). Бунин прибавляет:

> Все это Шестов говорит в своей статье о Достоевском, — приписывает две пары глаз автору «Записок из подполья». Но, читая ее, думаешь о Толстом: если уж кто наделен был двойным зрением и именно от ангела смерти, слетавшего еще к его колыбели, так это Толстой. (Освобождение Толстого, стр.205).

Глава «На страшном суде» книги «На весах Иова», посвященная Толстому, очевидно, тоже произвела сильное впечатление на Бунина, и весьма вероятно, что некоторые мысли 16-й главы «Освобождения Толстого» были навеяны Бунину работой Шестова.

Адольф Маркович Лазарев, которому Шестов преподнес книгу «На весах Иова», пишет ему:

> Если я не написал Вам со времени получения Вашего последнего письма (где Вы писали, что едете до 15-го в Châtel), то значит, я опять вступил в период, когда я совсем не живу. Мало сказать, работаю по вечерам и воскресеньям, так что дохнуть некогда... Понятно, ничего не читаю. Успел почитать только Ваши афоризмы. Некоторые глубоко задевают душу. Мне всегда казалось, что у Вас форма неразрывна от содержания. Когда Вы говорите то, что не говорят другие, то это можно сказать только так, как у Вас. С другой стороны, когда Вы говорите то же, что другие, то будто знакомые мысли приобретают какую-то новую жизнь, значение.
>
> И еще. Помните, что в «Претендентах на престол» [пьеса Ибсена] соперник призванного короля все говорит, что у того, у настоящего короля есть «своя Королевская идея». Так вот, Лев Исаакович, не касаясь ни вопроса об истинности, ни вопроса о значительности того, что Вы говорите, хочу только сказать: «у Вас есть Ваша Королевская идея». (1.10.1929).

Сказание об ангеле смерти поразило и воображение Б.Шлецера. Он пишет в предисловии ко второму французскому

изданию книги Шестова «Достоевский и Нитше», вышедшей в 1966 г.:

> С большой вероятностью можно сказать, что Шестов был один из тех немногих, к которым явился ангел смерти.

Советский критик Виктор Ерофеев опубликовал работу о Шестове в журнале «Вопросы Литературы» в октябре 1975 г. Первую главу своего этюда он назвал «Дар ангела смерти» и эпиграфом к ней взял выдержку из сказания об ангеле смерти. Про это сказание он пишет:

> Такое новое зрение Лев Шестов находил у Достоевского. Но в первую очередь оно было присуще ему самому. (стр.153).

О впечатлении, произведенном на него рецензиями на книгу «На весах Иова», Шестов пишет Эйтингону, Ловцким, Лазареву и Шлецеру:

> Получаю новые рецензии о книге «На весах Иова» — русские и немецкие. Почти все очень хвалят, но тоже все говорят о «парадоксах». Интереснее всего рецензия пр. Schädelin. (Эйтингону, 22.09.1929).

> Бердяев напечатал в «Пути» статью в двадцать страниц о «Странствованиях по душам». Как и следовало ожидать по его разговорам, он смотрит на книги не через вторые, а через первые глаза. (Ловцким, 14.10.1929).

> Во всяком случае статья для меня очень интересна и, главное, показательная. Б.[Бердяев] собрал всю «аргументацию», которую и он сам и другие обычно направляли против моих писаний. Труднее всего, даже по-видимому ему представляется совершенно невозможным, хотя бы на мгновение допустить, что нужно поставить под вопрос убедительность самой его аргументации. Для него «закон противоречия», как для Гегеля и учителя Гегеля Аристотеля, остается неприкосновенным началом. Гегель, казалось, всю свою систему строил на противоречии, противоречие для него, по-видимому, было движущей силой его

мышления, но только по-видимому. В последнем счете противоречие для него убивало значение и смысл всякой мысли и, в этом Бердяев ему следует, как верный ученик. И, если признать, что /...?/ даже Откровение связано законом противоречия, то, конечно, Аристотель, Гегель и с ним Бердяев, неуязвимы. «Если признать...» Но кто, какая сила может принудить нас признать такое. Этого вопроса /...?/ (Vorfrage) Бердяев не слышит и слышать не хочет. (Лазареву, 20.02.1930).

Видел статью Адамовича*. Она написана им очень искренно и добросовестно. Но все та же история, что у Берд. и других. Помните, как Платон говорит: ...боится, что все пропадет. Это естественно — т.е. человеку естественно бояться. Но бывает, что человека перебрасывает через всякие страхи. У Гоголя Вы этого достаточно насмотрелись. Адамович держится крепко за мир обыденности — и ему кажется, что это я его из привычного мира вырываю. Но ведь это не я. Оттого, верно, ему показалось, что основное заглавие книги «Странствования по душам». А ведь, основное, все-таки, «на весах Иова». Странствование только метод, а задача разыскать «весы». Может быть, когда буду в Париже, побеседую с Ад. Но, конечно, больше бы хотелось с Вами побеседовать. Я здесь почитал еще Киркегарда — много, очень много интересного и значительного. Когда увидимся, расскажу. Он тоже страстно нападает на «умозрение» — но все же в последний момент поддается искушению. И, главное, его читателей (и не худших) более всего примиряет с ним не его страстная борьба, а его уступчивость. Когда «умозрению», хоть и под другим названием — возвращены державные права, читатель начинает «понимать» и «успокаиваться». (Шлецеру, 7.09.1930).

В это время Г.Ловцкий написал для «Современных Записок» заметку о книге «На весах Иова» и послал ее Шестову. Шестов пишет ему:

---

* Г.Адамович. Странствования по душам. — «Последние Новости», 28.08.1930.

Но, по-моему, очень хорошо бы прибавить [к заметке], что в «Zwischen den Zeiten» Georg Merz написал, что я совершенно независимо пришел к тем же выводам, что и Киркегард и, что так вообще судят в Германии. [30(?).11.1929].

Герман дополнил свой текст, и он появился в «Современных Записках» №41, в январе 1930 г.

* *
*

Как было указано, Шестовы поселились в конце апреля на новой квартире на улице Летелье. В скором времени Таня стала невестой инженера-оптика Валентина Григорьевича Дудкина. Это событие принесло в дом много радости и оживления. Как только устроились на новом месте, появились гости. Шестов пишет матери и жене, которая в середине мая уехала в Шатель:

Благодарю тебя за себя, за Анну и Таню за поздравление. Слава Богу, что можно только радоваться... Сейчас у нас, конечно, весело. Ходят гости, поздравляют. В понедельник позвали всех родных — были Соня, Маня, Данил, Володя, Маничка, Жоржик, даже Верочка Бейнельсон. Ремизов читал свои рассказы, очень хорошо, и все были довольны. И еще сходились — молодежь — танцевали, пели. (Матери, 26.05.1929).

Сейчас разошлись гости, дорогая Лизаровна, а спать что-то не хочется, вот и пишу тебе. Вечер провели в саду, т.к. хозяев дома не было. Пели, плясали, заводили грамофон — и было очень весело... А вчера были французы и немцы: братья Барущи*, которые привели какого-то нового немца, потом Malraux, Schwob, Fondiano [Fondane], B.(?). Тоже

* Joseph et Jean Baruzi (Барюзи). Jean Baruzi (1881-1953) опубликовал большой труд «Saint Jean de la Croix et le problème de l'expérience mistique».

очень оживленно разговаривали. Я с Malraux много говорил, но он мне все-таки не сказал ни слова о том, что собирается написать в «N.R.F.». Напишет ли он когда-нибудь — Бог весть... Понемногу суета утихает. Завтра еще пойду на réception к Boyer, а потом ничего не предвидится. Можно заниматься. Может быть, если хворости разные не разыграются, удастся до отъезда написать то, что задумал. Очень трудно пишется — но все-таки нужно пробовать. (Жене, [1(?).06.1929]).

О своей работе (нет сомнения, что речь идет о «Скованном Пармениде») Шестов упоминает еще в двух письмах к Ловцким:

Я в этом году устраиваюсь иначе с каникулами: я на 10-15 дней поеду числа 10-го, потом вернусь в Париж, и потом в конце августа поеду еще на полтора месяца. Мне необходимо дописать работу — а только тогда удастся, если так устроить. (28.06.1929).

Я пишу сочинение, но, по этому случаю, восторгов (которые должны сопутствовать «творчеству», не испытываю. Обидно! (1.07.1929).

Эйтингон, который с большим интересом следил за работой Шестова, пишет ему:

Ich bin neugierig, Lew Isaakovitsch, zu wissen, woran Sie arbeiten; sind das die "Anankasomenoi"?* Schade, dass Sie derentwegen noch so lange in Paris bleiben wollen. (10.07.1929).

* *
*

В Шатель Шестов поехал, как предполагал, 12 июня, вернулся в Париж числа 24-го и после перерыва возобновил работу. Когда он приехал в Париж, он узнал, что Наташа тоже стала невестой. Шестов пишет матери:

---

* Принуждаемый (см. стр.45).

Опять у нас большая радость и я спешу с тобоі. поделиться... Жених — товарищ Вали, тоже инженер, окончил самую лучшую парижскую школу, эколь сентраль, и уже имеет порядочное место в Париже. Зовут его Володя [Владимир Николаевич], фамилия Баранов... Теперь у нас в доме весело. Правда целый день никого нет — но вечером все возвращаются со службы и тогда уже все вместе сидим. К счастью, Фаня с Германом тоже теперь здесь и с ними еще веселее. А самое главное, что и Валя и Володя очень милые, добрые, дельные и серьезные люди, и я могу быть спокоен за Таню и Наташу. Одно жаль, что тебя здесь нет с нами и что Анна не могла тоже приехать: у нее разгар работы. [26(?).07.1929].

Танина свадьба состоялась 3 августа, а Наташина была назначена на 31 августа. Анна Ел. в то время была в Шателе и не могла приехать на Танину свадьбу, так как был самый разгар работы. Свадьба была отпразднована скромно. Володя описывает бабушке Танину свадьбу:

Я сегодня был на Таниной свадьбе свидетелем. Все прошло очень просто. Мэр прочел какой-то закон, Таня и Валя и свидетели, Надя и я, расписались в толстой книге, и все пошли домой. Дома Marie [приходящая прислуга] уже накрыла стол. Наташа очень ловко открыла бутылку шампанского и мы пили за здоровье молодых, а потом и за Ваше здоровье. Особенно вкусно было мороженое, которое подариля тетя Фаня. Звонок звонил все время. Все время приносили цветы и телеграммы. Цветов набралось очень много. Мы их поставили в угол в Таниной комнате, и я их сфотографировал. (3.08.1929).

После свадьбы Таня и Валя поехали на две недели на море. Шестов, который остался в Париже работать, рассказывает им о любопытном случае:

Сейчас мама массирует madame Massis, жену того Massis'а, который воюет со мной в своих статьях*. (8.08.1929).

---

* Речь идет, без сомнения, о писателе Анри Массисе. Его статей о Шестове найти не удалось.

В конце августа Анне Ел. удалось освободиться на два дня и приехать на Наташину свадьбу. Шестов пишет матери:

> Теперь с Наташей, вышло веселее, чем с Таней. Правда, мы и теперь никого не приглашали, так как квартира у нас маленькая, а одних звать, других же не звать — было очень неудобно. Из родных же все равно никого в Париже теперь нет... Зато было, конечно, с Анной все лучше и веселей. Она сразу две свадьбы отпраздновала. Теперь у нас в доме уже нет барышень, все дамы. И завелись молодые люди — очень хорошие. Чем больше узнаю я своих зятей, тем больше они мне нравятся. Бог даст, за ними Тане и Наташе хорошо будет. И у меня будет тоже спокойная жизнь. (31.08.1929 и 1.09.1929).

1 сентября вечером Шестовы уехали в Шатель. Затем, в начале октября, они поехали не в Виши, как в предыдущие годы, а на курорт Бурбон (Bourbon l'Archambault в департаменте Allier). Шестов оттуда пишет Эйтингону:

> Вот уже больше недели, как мы с А.Е. приехали в Bourbon. Это специальное место для лечения артретизма. Нужно надеяться, что и нам лечение здешнее пойдет впрок. Здесь очень хорошо и, притом, очень недорого. Сезон тут кончается 30-го сентября и 1-го октября мы будем уже в Париже... Таня со своим мужем уже в Париже: оба начали работать. А Наташа с мужем еще не вернулись. Их каникулы начались 9-го, а кончаются 30-го сентября. Они очень довольны своей поездкой и пишут, родителям на утешение, веселые и забавные письма. К 1-му октября все съедемся, и А.Е. начнет подыскивать для нас квартиру. Может быть, удастся за городом устроиться: я был бы очень доволен. (22.09.1929).

В начале октября Шестовы вернулись в Париж. Шестовым найти квартиру за городом сразу не удалось, и Наташа с мужем поселились в меблированной комнате, а Шестовы остались на одну зиму на рю Летелье с Таней и Валей.

В это время в Париже было основано под редакцией И.В. де Манциарли (см. стр.25) и Николая Оцупа новое периодическое издание «Числа», которое было не журналом, а скорее «сборником». Редакция «Чисел» совместно с редакцией французских «Кайе де л'Этуаль» организовывала литературные вечера. Первые два вечера состоялись 16 декабря 1929 г. и 26 января 1930 г. до выхода первого сборника «Чисел». Второй из этих вечеров был посвящен Розанову. В нем принимали участие Б.Шлецер, Л.Шестов, Н.Бердяев, Г.Адамович и Ю.Сазонова. Шестов прочел работу о Розанове, которая впоследствии появилась в журнале «Путь» №32 (июнь 1930). Доклады читались на французском языке. Среди французских гостей на вечере были Жюль де Готье, Барюзи, Дрие-Ларошель, Габриэль Марсель. В письмах Шестов о вечере не упоминает; сведения о нем взяты нами из отчета, опубликованного в «Числах» №1.

В это время Шестов подготовил к печати 69 афоризмов, из которых 27 появились в сборнике «Числа» №1 (февраль или март 1930) под заглавием «Добро зело» и 42 — в «Современных Записках» №43 (1930) под заглавием «О втором измерении мышления». Эти афоризмы, за исключением одного, составят четвертую часть книги «Афины и Иерусалим». Большинство из них взяты Шестовым из пяти рабочих тетрадей (Мс. №53-57), в которые Шестов заносил выписки и наброски. Часть набросков Шестов использовал для афоризмов. Другие не опубликованы. В начале первой из тетрадей дата (февраль 1925), а другие, недатированные, надо, вероятно, отнести к 1926-1929 гг.

Других работ Шестова «Числа» не публиковали.

* *
*

Работу «Скованный Парменид» Шестов заканчивает в декабре (в конце рукописи дата: 2.1.1930). Он просит Ловц-

ких помочь ему устроить в Германии лекции на тему этой работы:

> Я тоже закончил, наконец, работу «Скованный Парменид» (об источнике метафизических истин), и мне пришло в голову, что из нее можно извлечь доклад для Kantsgesellschaft. Что если бы ты, Герман, зашел к Либерту поговорить с ним об этом? Может быть, он устроил бы? Я бы хотел прочесть ее в отделениях Freiburg'a, Frankfurt'a и Berlin'a. Надо только скоро выяснить, т.к., хотя я могу приехать лишь после пасхи, но нужно успеть, во-первых, перевести ее, во-вторых, выкроить из нее доклад, т.к. она слишком велика. Если бы устроилось в 3 городах, я бы получил 300 марок и было бы чем заплатить за перевод. Если это не трудно, попытайся с Либертом поговорить. [15(?).12.1929].

К письму Анна Ел. приписала: «Л. кряхтит и работает. Скоро начну искать квартиру, уж порядочно все это надоело, хотелось бы вечной квартиры».

В несохранившемся письме Герман пишет Шестову о трудностях, с которыми связано устройство лекций. Шестов ему отвечает:

> Я тоже очень боюсь, что Liebert не даст мне прочесть доклада — но попытайся. Тема «Παρμενιδης δεσωτης» — прочту я только первую половину, и то сокращенную, в связи с Аристотелем и Платоном. Аристотель говорил об Αναγχη, как вершительнице человеческих судеб (*αναγχη αμεταπειητον τι ειναι* необходимость не слушает убеждений) и истины (Παρμενιδης *αθαγχαζομενος υπ' αυτης της αληθειας* — Парменид, принуждаемый истиной). Я, ссылаясь на Платона и его учение, что философия есть *μελετη θανατου* (упражнение в смерти), стараюсь показать, что пока мышление зависит от принуждения (Αναγχη), мы не можем пробраться в область метафизики, что метафизика начинается там, где живет божественное *της εμης βουλησεως* (по моему изволению — выражение Платона). Попробуй сказать это Либ. — вероятно, он не очень и слушать станет...

Относительно Киркегарда — могу рекомендовать вам книгу Erich Przywara (иезуита): «Das Geheimnis Kierkegaards», недавно вышедшую и наделавшую много шуму. Она небольшая — 175 стр. Но там обстоятельно излагается Кирк., указывается, какие современные мыслители находятся под его влиянием (особенно подчеркивается Karl Barth — теолог, и Heidegger) и производится Кирк. психоанализ. Вероятно, М.Е. эту книгу знает, если же она еще к нему не попала, скажите ему о ней: она для него представляет особый интерес. Не часто бывает, чтоб иезуит так открыто шел за Фрейдом, хотя бы только в методе. [24(?).12.1929].

Работу «Скованный Парменид» Шестов предложил Леви-Брюлю для «Ревю Философик», и тот, как всегда, ее принял. Но вскоре появились осложнения, о которых Шестов не без юмора рассказывает Герману:

Еще никогда у меня оконченная работа не была связана с таким огромным количеством чисто деловых (agir) осложнений, как мой «Скованный Парменид». Сейчас я с Lévy-Brühl сговорился — он берет статью. Берет даже очень охотно. Но я написал Гуссерлю, чтоб он помог мне устроить статью в немецкий философский журнал — и тут началось. Гуссерль написал Кронеру [редактор немецкого журнала «Логос»] — и, конечно, Кронер сейчас же мне написал*, что получил письмо и что будет рад взять мою статью. Но — опять «но» — во-первых, они хотят, т.е. издатель, чтоб у них было прежде, а потом в «Revue Philos.», во-вторых, если уж они согласятся, чтоб одновременно — то сбавят половину гонорара — вместо 100 м. — 50 м. за лист. Я сейчас пойду к Levy-Brühl'ю — и буду его уговаривать уступить — авось уступит, хотя надежд немного. Затем буду уговаривать Кронера, чтоб он уговорил своего издателя не грабить меня. Что касается содержания статьи — я очень о ней подробно написал Кронеру, предупредил его, что эпиграфом взяты слова Плотина: «Если на все должно дерзать» и т.д. и что

* 22 января 1930 г.

у меня в статье он найдет самые резкие нападки на Канта и Гегеля, что самая постановка вопроса крайне парадоксальна. Он ответил, что все это его не смущает. Так что, по-видимому, с Логосом состоится дело. Я говорю «по-видимому» — т.к., конечно, когда Кронер прочтет статью, он все-таки, быть может, не решится ее печатать. Но так или иначе, она должна быть переведена на немецкий язык. Я буду теперь осторожнее — чтоб не вышло как с «Kant-Studien», но, возможно, что опять попадусь — есть все-таки некоторый риск.

Конечно, хорошо было бы прочесть доклады в Базеле, Франкфурте и даже во Фрейбурге. Я написал уже Fritzchen'у* — он не то, что Гуссерль: еще не ответил... Попробую тоже еще написать М.Буберу: может он во Франкфурте устроит. Но, главное, конечно, в Берлине. Если в Берлине состоится, то уже все легче будет... Ты можешь Либерту рассказать, что у меня через Гуссерля начались переговоры с Логосом и что, если удастся помирить Кронера с Леви-Брюлем, то доклад будет напечатан /...?/ в Revue Philosophique (скажи ему, что я постоянный сотрудник Revue Philos. и что [мои] статьи о Гуссерле тоже были в свое время в Revue Philos. напечатаны, и что, благодаря мне, французы узнали о Гуссерле — это производит большое впечатление). [27(?).01.1930].

Дело со статьей «Скованный Парменид» кончилось благополучно. По-французски она вышла в №7/8 «Ревю Философик» (июль/август 1930), а по-немецки в первом номере 1931 г. [март] журнала «Логос», который, надо заметить, заплатил Шестову не по 100, а по 50 марок за лист. Первые четыре главы появились также в другом переводе в журнале «Эйропеише Ревю» (см. стр.60). По-русски статья была издана в ИМКА-Пресс, вероятно, в начале января 1932 г. отдельной книгой в количестве 3000 экземпляров (на книге дата не указана).

---

* Фриц Лвб (см. стр.95). Устроить доклады в Базеле и Фрейбурге не удалось.

Переписываясь с Кронером (Richard Kroner) по поводу публикации своей статьи в журнале «Логос», Шестов сообщил ему, что намеревается написать статью о его книге «От Канта до Гегеля» (см. стр.29). Кронер ему отвечает:

> Fer Verwirklichung Ihrer Absicht, über meine Bücher etwas zu schreiben, sehe ich freudig entgegen; ich bedaure natürlich, dass man Ihnen nur so wenig Raum dafür zur Verfügung stellt. Wenn Sie darüber etwas sagen wollen, dass ich gezeigt habe, wie Hegel die Kantische Philosophie zu Ende denkt, so wird mich das sehr interessieren. Im übrigen möchte ich lieber keinen Wunsch mit Beziehung auf Ihre Besprechung äusseren. Alles, was Sie zu sagen haben werden, werde ich mit grösster Aufmerksamkeit lesen und bedenken. (16.02.1930).

Статья Шестова появилась по-русски в журнале «Путь», апрель 1931 г., и по-французски в «Ревю Философик», март/апрель 1931 г.

* *
*

Герман, очевидно, «продолжал воевать» и вел переговоры с Нитшевским обществом и с Союзом русских евреев об устройстве докладов. Шестов пишет ему:

> В Нитше-Гезельшафт можно, если они захотят, либо вторую половину, или вернее конец [«Скованного Парменида»] прочесть, либо афоризмы, которые пойдут в «Числах». Русским же евреям можно по-русски рассказать (не прочесть) о том же, как я рассказывал на первых вступительных лекциях в Сорбонне... Пока спасибо тебе, Герман за хлопоты. Признаться, никак не ждал я, что Кант-Гез. допустит мой доклад, как не ждал того, что Логос примет мою статью. Впрочем, с Логосом, хотя у меня сохранились все письма Kroner'a, в которых он вполне определенно принимает статью, того и гляди, может повториться история, которая была с Кантстудиен. Посмотрим. (20.02.1930).

В апреле Шестов получил приглашение из Галле прочесть в тамошнем отделении Кантовского о-ва доклад, т.к. члены отделения узнали от Либерта, что Шестов будет читать в Берлине в этом обществе. Он также переписывался с Бубером и Г.Герригелем (Hermann Herrigel) об устройстве лекции во Франкфурте.

* *
*

В марте 1930 г. Анне Ел. удалось найти скромную квартиру в тихом предместье Парижа — Булони (19, rue Alfred Laurant, Boulogne-sur-Seine), о чем Шестов сообщает Ловцким:

> Мы уже почти подыскали себе квартиру — в новом доме, в Булони. Две комнаты с кухней — около 5,000 фр. в год. Очень хорошее место — вблизи Булонского леса, недалеко от Gaultier (вы, кажется, были раз у него) — и сообщение с городом хорошее. В Булони все-таки много лучше, чем в Париже. Прогулки совсем чудные. (8.03.1930).

В это время дом, в котором Шестовы сняли квартиру, очевидно, еще не был достроен, и Шестовы поселились там лишь в сентябре (см. стр.56-57), оставив квартиру на улице Летелье дочерям и зятьям. В этом доме на улице Альфреда Лорана Шестов прожил до конца жизни.

* *
*

В это время Адольф Маркович Лазарев жил в Реймсе. Он пригласил Шестова приехать к нему в гости на несколько дней. Шестов пишет ему:

> Спасибо Вам за Ваше столь дружеское письмо. Мне, действительно, совестно, что я все оттягиваю с уплатой долга Вашего. Но у нас была трудная зима с болезнями, операцией — и теперь еще роды Тани предстоят. Все-таки

по возвращении из Германии — я непременно верну Вам взятые деньги, т.к. поездка обещает быть все-таки доходной и т.к. в июне я получаю свое жалование...

Мне и самому хотелось бы, очень хотелось приехать к Вам — но никак не вырвешься: столько дел и работы перед отъездом. Но может быть, удастся после возвращения приехать — в конце июня. Так теперь складывается жизнь, что делаешь не то, что хочешь, а то, что придется. Можете себе представить, что доклады в Кант-Гез. и даже в Нитше-Гез. не очень прельщают меня. Вперед знаю, что все будут раздражаться, никто не будет слушать — но не читать нельзя: все-таки выходит — primum vivere, deinde philosophare! (4.05.1930).

16 мая у Тани родилась девочка Светлана. Анна Ел. пишет матери Шестова:

Поздравляю Вас с новой правнучкой; она кажется здоровой, только ей очень кушать хочется, все кулачок сосет, пока ей не дают есть, должна ждать до завтра. Будьте здоровы, скоро увидите Лелю. (16.05.1930).

Узнав, что Шестов будет в Берлине, Эйтингоны, которые жили в новом доме (Berlin-Dahlem, Altenstein str. 26), предложили у них остановиться. Шестов пишет Мирре Яковлевне:

Большое спасибо за Ваше сердечное письмо и за приглашение погостить у Вас. И для меня, как Вы знаете, всегда большая радость жить в Ваше доме — рядом с Максом Ефимовичем и с Вами. Ведь только в том случае, когда я у Вас живу — кроме всего прочего — можно мне видаться и беседовать с М.Е.: иначе, хотя бы я и был в Берлине, при занятости его дня, мне вряд ли часто пришлось бы с ним встречаться. (20.05.1930).

22 мая Шестов поехал из Парижа во Франкфурт, где читал 23-го по-немецки доклад «Скованный Парменид» в университете. На следующий день вечером (в субботу) Ше-

стов поехал в Геппенгейм, где жил Бубер, который пригласил его провести с ним воскресенье. О днях, проведенных во Франкфурте и в Геппенгейме с Бубером, никаких сведений не сохранилось. Во вторник 27-го Шестов читает тот же доклад, что во Франкфурте, в Кантовском обществе в Галле. Из Галле он пишет Ловцким:

> Устроили меня здесь хорошо — но, кажется, судя по моим беседам с председателем, Halle порядочное захолустье и народ здесь такой, что, верно, мой доклад им покажется издевательством. Но le vin est tiré — или нужно agir. Завтра уже все расскажу. (27.05.1930).

В Берлине, куда он приехал 28 мая, он читает все тот же доклад 31 мая в Кантовском обществе, а 6 июня читает по-русски в Союзе русских евреев доклад «Авраам и Сократ». После этой серии докладов для Шестова наступила передышка. Он пишет Тане и Вале:

> Собственно мне писать нечего и не о чем. Доклады свои я благополучно отчитал — кроме доклада в Nietzsche-Ges., который состоится 19-го июня. Пока у меня перерыв — и, значит, никаких событий. Устроен отлично, живу на даче, погода превосходная. Пишу вам, главное, чтоб узнать, что у вас. (7.06.1930).
>
> Живу я здесь хорошо — насмотрелся и наслушался вволю. В пятницу видел Elisabeth Bergner в Шекспировской «Как вам это понравится». Недаром ее так прославили: давно не видел я такой артистки. Вчера у Фани играла чудесная пианистка, а завтра слушаю 9-ю симфонию с Фуртвенглером. Но долг платежом красен: в четверг [19.06.1930] будут, увы, меня слушать. Ты, Валя, вот огорчаешься, что без прений пока все шло, а я, грешный человек, радуюсь: ведь по-немецки «преть» надо: взопрешь тут. А в четверг прений не миновать уже. Но, Бог не без милости, авось сойдет. Поцелуйте за меня Светлану, скажите ей, что дедушка ее очень хвалит за отличное поведение — и чтоб она впредь так же вела себя. И друг друга за меня

> поцелуйте, а мне письма не забывайте писать: Володя и Наташа! Перед отъездом непременно напишите. (15.06.1930).

Последний доклад «Besinnung und Kampf (Über die Aufgabe der Philosophie)» Шестов прочел 19 июня в Нитшевском обществе. Тема доклада взята из афоризмов «Оглядка» и «Комментарий к предыдущему», которые незадолго до этого вместе с 25-ю другими афоризмами появились в «Числах» под заглавием «Добро зело» (см. стр.44). После доклада эти два афоризма вместе с 14-ю другими, взятыми из «Чисел», появились по-немецки в октябрьском номере 1930 года журнала «Нейе Рундшау» под тем же заглавием, что и доклад («Kampf und Besinnung»). Афоризм «Комментарий к предыдущему» кончается словами: «Философия есть не Besinnen [оглядка], а борьба. И борьбе этой нет и не будет конца. Царствие Божие, как говорится, берется силой». Хотя имя Гуссерля в афоризмах не упоминается, они, как уже говорилось, по-видимому, основаны на беседе Шестова с Гуссерлем в феврале 1929 г. (см. стр.28).

*

Доклад в Нитшевском обществе имел большой успех. Шестов пишет жене:

> У меня все хорошо. Вчера прочел последний доклад — и удачно. Аудитория была переполнена, топали ногами, хлопали. И все, даже Wurzbach, который ужасно боялся, что меня понимать не будут, говорили, что мой немецкий язык был вполне удовлетворителен. Слава Богу, все уже позади — даже все расчеты с редакторами и издателями благополучно закончены, так что каникулы у меня будут спокойные, можно будет отдохнуть и опять с силами собраться. Сегодня вечером я еду во Фрейбург, там проживу день или два, потом в Реймс — к Лазареву, потом в Париж. (20.06.1930).

Этот доклад был последним из прочитанных Шестовым в Германии. В 1931 и 1932 годах он был опять приглашен выступить, но не смог принять приглашения. (см. стр.79 и 97).

На следующий день после доклада в Нитшевском обществе Шестов поехал во Фрейбург. Там он доклада не читал, а заехал туда лишь по пути в Париж — по приглашению Гуссерля. В субботу 21 июня он пишет Ловцким из Фрейбурга: «С Heidegger'ом уже говорил по телефону... и мы условились встретиться в 5 часов. Когда поговорю с ним и с Гуссерлем, выяснится, имеет ли мне смысл оставаться еще на воскресенье». В следующем письме к Ловцким, написанном уже в Реймсе, куда Шестов поехал из Фрейбурга, он описывает день, проведенный во Фрейбурге:

> Во Фрейбурге было не так интересно, как в прошлый раз. В субботу я повидался с Heidegger'ом, но, т.к. он был свободен только с 5 часов (у него семинар в субботу), а в 7 нужно было к Гуссерлю, то мы не очень успели разговориться. А у Гуссерля Perry был и всякие гости, тоже не очень можно было поговорить. Теперь уже мечтаю о том, как кончу дела в Париже и попаду на отдых в Шатель. Досточно наажировался (от agir), можно и спокойно пожить. (24.06.1930).

На стр.363 «Husserl-Chronik» приведены неизданные воспоминания Герберта Спигельберга, в которых он описывает вечер 21 июня 1930 г., который он провел у Гуссерля. Спигельберг упоминает о том, что он встретил у Гуссерля Шестова и Р.Б.Перри из Гарварда. Он также рассказывает (ст.364 «Husserl-Chronik»), что в воскресенье 22 июня Гуссерль устроил у себя «философский чай», на котором присутствовали Хейдеггер, Шестов, Кауфман, Баумгартнер, Хендрик Пос из Амстердама и молодые философы из местной группы. Спигельберг пишет:

Long talk with Husserl. His ambition has been to establish a scientific philosophy on a firm basis — to go behind the special sciences to the original and presuppositionless ground of them all — and eventually to reach a metaphysic by a synthesis of the truths thus arrives at.

К одному из описанных собраний надо, без сомнения, отнести слова Шестова из статьи «Памяти великого философа»:

Сам Гуссерль, когда я навестил его во Фрейбурге, представляя меня приехавшим к нему американским профессорам философии, сказал: «мой коллега такой-то; никто никогда еще так резко не нападал на меня, как он — и отсюда пошла наша дружба». Слова Гуссерля прежде всего поражают, конечно, тем, что он в них выразил столь редкое, даже у больших философов, «бескорыстие»: его интересует, прежде всего, истина, и на почве разыскания истины не только возможна, но почти необходима дружба с идейным противником. (Памяти великого философа, стр.300).

Из рассказа Спигельберга следует, что Шестов провел два дня (субботу и воскресенье) во Фрейбурге и присутствовал на «философском чае». Надо заметить, что в письме к Ловцким от 24 июня Шестов о чае не упоминает.

Из Фрейбурга Шестов поехал на несколько дней к Лазареву в Реймс, а оттуда в Париж.

Из Парижа, куда он вернулся 27 июня, и из Шателя, где Шестовы поселились в новом пансионе (отель «Пале Рояль»), в котором они будут жить каждое лето, начиная с этого года, Шестов пишет Ловцким, матери и Лазареву:

Вот уже неделя, как я в Париже — и только сегодня собрался писать: столько было всякой беготни и хлопот. Теперь как будто все мелкие и крупные дела почти закончены, так что в четверг на будущей неделе [10.07.1930] можно будет поехать в Chatel.

У нас все благополучно. Светлана ведет себя образцово: либо спит, либо шведской гимнастикой занимается — в

бабушку, видно, пошла. Почти никогда не кричит — для Тани — счастье, а то бы, конечно, замучилась. (Ловцким, [5.07.1930]).
Сегодня как раз юрцейт папаши. Я получил от Мани письмо, что в Париже все наши соберутся и будут в синагоге молиться. А здесь, к сожалению, ничего нельзя устроить. Не только нет синагоги, но и десяти человек не наберешь. Поэтому я решил отложить до осени. (Матери, 19.08.1930).

Ужасная досада, что у вас такая плохая погода. Так зря пропадут каникулы. По-моему, лучше было бы, если бы вы, как только закончите курс лечения, приехали в Chatel. Здесь чудесно. Правда, и дожди выпадают, и бывает иногда прохладно — такое уж лето теперь во всей Европе — но, в общем, здесь, по-моему, даже лучше, чем в прошлые годы. Много солнца, великолепная зелень. А дальше, верно, еще лучше будет. И пансион у нас превосходный — никогда такого не было: чисто, устроено, кормят, как при хорошем домашнем устройстве. Хозяева приветливые. (Ловцким, [22.08.1930]).

Ваше письмо лежит уже несколько дней у меня. Давно бы пора ответить, но здесь как-то все располагает к тому, чтобы не делать что нужно. С одной стороны, тянет из комнаты наружу — лес, небо, сады и т.д. С другой — в комнате не всегда есть место, где присесть за стол. Вот и откладываешь все. А мне прежде всего хотелось поблагодарить Вас за Ваше сердечное письмо, помните, как у Пушкина:

Вниманья слабого предмет уединенный,
К доброжелательству досель я не привык,
И странен мне его приветливый язык*.

Чем старше становишься, тем больше чувствуешь свою отчужденность, и, когда — редко-редко дойдет до тебя сочувственный голос и — особенно, когда слышишь, что твои размышления находят в душе другого человека отклик,

* А.С.Пушкин. Ответ анониму. (1830).

легче становится на сердце. Спасибо Вам. Очень был бы рад, если бы Вам удалось справиться со статьей о Джемсе. Я получил от Schmidt'a* письмо — Ваша статья уже объявлена (посылаю Вам листок, присланный Schmidt'ом). Кончайте непременно. Вы говорили, трудно кончить. Вовсе не трудно. Весь секрет в том — опытные люди это хорошо знают, чтобы поставить, ни с чем не считаясь, точку. Или даже многоточие. Ведь, в самом деле, — познать, исчерпать — никогда никому не удастся. Значит, нужно неоконченное называть как конченное. А потом, через некоторое время, опять продолжать. Сперва критика чистого, потом — практического, потом — способность суждения. Так все делали, все делают — и почему Вам хочется быть исключением? (Лазареву, 24.08.1930).

Из Шателя Шестов поехал 12 сентября на новую квартиру в Булонь (см. стр.49), куда в августе дочери и зятья Шестова перевезли его мебель и книги. Наташа с мужем переехали на улицу Летелье. Новая квартира Шестова была очень скромная, двухкомнатная, но тихая, светлая и уютная. В комнате Шестова на стене, направо от двери, полки с книгами. У стены против двери — длинный письменный стол с зеленой промокашкой. Над столом, на стене, несколько портретов, среди них фотографии Толстого и Чехова, про которые Шестов сказал Фондану: «Самое важное для меня в этой комнате, быть может, портрет Толстого... или Чехова... сколь бы малы и незначительны они ни казались» (Фондан, стр.57). У другой стены кушетка и небольшой книжный шкаф, в котором хранились рукописи и полученные письма. Несколько стульев и, единственная роскошь, кресло стиля Людовика XIII перед столом. Как-то Таня навестила Шестова в Булони. Они сидели в «рабочем кабинете» и беседо-

---

* Раймунд Шмидт, издатель журнала «Форум Философикум». Статья Лазарева о Джемсе в этом журнале, вероятно, не появилась. Она была опубликована в журнале «Путь» №35 (сент.1932) под заглавием «Философская судьба Вильяма Джемса». Французский перевод статьи вошел в книгу: Adolph Lazareff. Vie et connaissance. Paris, "Vrin", 1948.

вали. Шестов ей сказал: «Если бы не обстоятельства, из-за которых мы здесь оказались, и ужасные события, которые происходят на свете, я бы мог сказать, что никогда еще у меня не было жизни, которая бы мне больше подходила. Скромность моего устройства мне не мешает. Наконец осуществилось мое самое заветное желание: я имею возможность целиком себя посвятить моей работе, моей борьбе и моим изысканиям» (T.Rageot. Quelques aspects de la pensée de Léon Chestov. Communication faite aux rencontres "La philosophie idéaliste en Russie", март 1966). Свою жизнь в Булони Шестов также описывает в письмах. Но тон далеко не всегда такой бодрый, как в приведенных словах. Оставалось все же множество забот, отрывавших от занятий.

Квартира Шестова находилась недалеко от Булонского леса, и Шестов почти ежедневно ходил туда на прогулку. Он пишет Лизе: «Поблизости от меня чудный Булонский лен (800 десятин), и я, когда могу, бегу туда и там свое "дело" или "безделье" делаю» (см. стр.74). Когда Шестов ходил в Булонский лес, он проходил мимо католической церкви и иногда в нее заходил. Через много лет, в 60-е годы, Таня рассказала об этом навестившему ее Лео Зимни (см. стр.231). Рассказ его поразил, и в 1979 году в двух письмах к Наташе он вспоминает о посещениях церкви Шестовым. Ему хотелось понять, что могло побудить Шестова заходить в католическую церковь, и хотелось самому осмотреть ее, он просит Наташу сообщить ему название церкви (Храм Булонской Богоматери —Notre Dame de Boulogne).

Глава XII

Булонь, 1930-1932. — «В фаларийском быке» (пять глав посвящены Киркегарду). — Книга Сюиса о Шестове. — Статьи Шестова о Кронере и о Бубере.

Из Шателя Шестов уехал раньше, чем обычно, так как он был приглашен прочесть доклад в Кракове и надо было готовиться к поездке. Вскоре после приезда в Булонь на новую квартиру он получил письмо от Жюля де Готье по поводу статьи «Оглядка и борьба» («Regarder en arrière et lutter»), которая появилась в июле в первом номере нового журнала «Форум Филозофикум». Статью составили 25 афоризмов — из 27, опубликованных по-русски в журнале «Числа» в марте, под заглавием «Добро зело». Французской статье Шестов дал как заглавие название доклада, прочитанного в Нитшевском обществе («Kampf und Besinnung» — см. стр.52). Готье пишет Шестову:

> J'ai lu dans le premier numero du Forum la suite des reflexions que vous y publiez et je vous y ai retrouvé tout entier avec votre idée maitresse et ce qu'elle a pour moi de séduisant et d'énigmatique, avec cette façon incisive, étincelante et paradoxale que vous avez de la faire fulgurer en éclairs et qui constitue la personnalité de votre langue, cette stylisation de la pensée qui demeure perceptible sous le voile de la traduction. Je pense quant à moi que le dernier mot de la philosophie est de savoir que la vie échappe à son entreinte. La vie commence quand cesse la philosophie. Je vous ai ecrit déjà, je crois, que je définis la vie "ce qui échappe à la connaissance". Vous le rappeler c'est vous dire en quelle sympathie d'esprit j'ai

lu votre paragraphe XV. J'ai gouté très particulièrement aussi l'imprévu dans leur logique des reflexions par lesquelles vous concluez à l'inutilité pour Socrate de l'immortalité de l'ame. (25.09.1930).

Шестов был прилашен читать доклад на конгрессе «Die Grundhaltungen des modernen Geistes», организованном в Кракове Международным обществом культурной кооперации 23-25 октября 1930 г. В Краков Шестов поехал через Берлин (куда приехал 18.10.1930). Там он остановился на несколько дней повидать мать и Ловцких. В Кракове он читал по-французски доклад «Об источниках метафизических истин», составленный из начальных глав работы «Скованный Парменид». На обратном пути он провел несколько дней в Берлине у Эйтингона и вернулся в Булонь 2 или 3 ноября. 4 ноября Анна Елеазаровна пишет Ловцким: «Вот Леля приехал, он в восторге от вашего приема, привез чудесный шоколад, спасибо, дети тоже оценили». Из следующего письма к Ловцким видно, что Шестов, как и раньше, не может освободиться от разнообразных житейских забот:

У нас собственно ничего особенного пока нет — но, боюсь, что в близком будущем могут возникнуть трудности. Вы, верно, уже знаете, что и Таня, и Флора, и Люся потеряли свои места в Институте. Таня, я надеюсь, найдет что-нибудь для себя — но найдут ли что-нибудь Флора или Люся? Флора хочет заняться массажем — может, у нее и выйдет что-нибудь, но, если и выйдет, то не сразу, конечно. У Люси же почти ничего не предвидится. Надо уже теперь, заблаговременно обдумать, что делать...

Я получил от Кронера письмо — он пишет, что по требованию издателя принужден отложить печатание моей статьи до 1-го номера 31 года, и, кроме того, пишет, что, хотя ему (как читателю) этого очень не хочется, но (как редактор) он был бы мне очень обязан, если бы я сократил статью: она очень для Logos'а велика. Я ему ответил,

> что, если нельзя иначе — отложить, но тогда нужно хоть Ruoff'у аванс выслать, а от сокращений уклонился, ссылаясь на трудности и на то, что Revue Philosophique все же целиком поместила статью. «Europ. Revue» прислала номер с докладом*, а гонорара не прислала: считают, видно, что и так я уже много получил! Так что доходы у меня слабые, и у Анны тоже пока еще ничего нет, может, у А. еще что и будет, а у меня ровно ничего не предвидится...
>
> А. и дети тоже вас целуют. А. хотела написать — но т.к. у Тани сейчас с прислугой трудности, то ей приходится часто ездить на Letellier — и она мало дома бывает. (16.11.1930).

Через месяц выяснилось, что статья «Скованный Парменид» пойдет без сокращений по-немецки в первом номере 1931 г. «Логоса» (см. стр.47).

Потеря места в Институте, где с 1925 года работали Таня и племянница Шестова Люся и куда удалось устроить также Флору Луцкую, была большим ударом для всей семьи. О том, как они устроились, Шестов пишет матери в поздравительном письме:

> Поздравляю тебя с днем рождения, желаю здоровья, долгой жизни и душевного спокойствия. Очень досадно, что никогда не приходится этот день провести вместе с тобой. В истекшем году я два, даже в сущности три раза приезжал в Берлин — но мои приезды не совпадали с днем твоего рождения. Хорошо еще, что Фаня, Герман и Саша живут в Берлине: они уж поздравят тебя вместо нас и порадуются с тобой за себя и за нас.
>
> У нас все по-прежнему. Вчера видел Маню, на прошлой неделе Мишу и Соню. Слава Богу, здоровы. Люся уже нашла себе новое место, где она получает за полдня работы 600 франков в месяц. Моя Таня тоже уже получила место в книгоиздательстве [«Ашетт»], но начнет работать только

* Leo Schestow. Vom Quell der Metaphysischen Wahrheiten. (Deutsch von Ephraim Frisch). Europäische Revue, Heft 11, 1930. (Перевод гл. 1-4 статьи «Скованный Парменид», состоящей из 12-ти глав).

с 15-го января, т.к. новое отделение, в котором она будет служить, только 15-го января открывается. Первые два месяца она будет получать по 1500 фр. в месяц, а потом — по 2000, как получала в институте. Книгоиздательство — очень крупное и, может быть, если новое отделение разовьется, Таня займет там хорошее положение. Флора обучается массажу — ей несколько врачей обещали работу, как только она выучится массировать. Так что можно надеяться, что кризис наш, в конце концов, разрешится благополучно.

У меня самого ничего особенного нет. Как всегда, читаю лекции и т.д. Поездок — пока не предвидится: да и то сказать — наездился я достаточно. [21.12.1930].

* *
*

С Буниным у Шестова были дружеские отношения, и они и их семьи бывали друг у друга. О впечатлении, произведенном на Бунина некоторыми сочинениями Шестова, уже говорилось (см. первый том и стр.37). В архиве Шестова сохранилось 6 писем Бунина: одно поздравление к 70-летию и пять, написанных в 1930-1931 гг. по поводу кандидатуры Бунина на Нобелевскую премию, из которых два частично приводятся ниже. В «Грасском дневнике» в записи от 20 декабря 1930 г. Галина Кузнецова рассказывает о том, как Бунин узнал, что он является возможным кандидатом на Нобелевскую премию 1931 г.:

Демидов прислал И.А. по поручению Милюкова статью журналиста Троцкого из Стокгольма о Нобелевских лауреатах. В конце этой статьи Троцкий пишет, что у лауреата этого года было два серьезных соперника: Мережковский и Бунин, и что самый вероятный кандидат на будущий год — Бунин, если только его выставят кандидатом до января 31-го года. И.А. читал это за завтраком вслух. Никто из нас этого не ждал, и поэтому все были как-то оглушены. Потом начались советы и совещания, что делать. Конечно,

явилась мысль о необходимости нажать некоторые кнопки — письмо для этого, видимо, было переслано — написать кое-каким знакомым... После завтрака И.А. сел писать письма. (Грасский дневник, стр.197).

22 декабря Кузнецова записывает:

Отправили на 45 фр. писем. Заботы по поводу премии. И.А. эти письма сразу изнурили. «Нет, я на это не гожусь!» — говорил он. (Грасский дневник, стр.197).

Одно из писем было адресовано Шестову:

Вчера получил известие, что на торжестве раздачи нобелевских премий в Стокгольме один из членов Нобелевского Комитета сказал русскому журналисту, что я имел в прошлом году очень много шансов на получение нобелевской премии... что «вернейшим кандидатом на 1931 г. является Бунин» и что необходимо, чтобы любой профессор-славист любого университета или какой-нибудь писатель, получивший в свое время нобелевскую премию, «снова выставил кандидатуру Бунина до 31 января 1931 г.» — Дорогой Лев Исаакович, помогите мне: напишите поскорее Томасу Манну, прося его, как лауреата, выставить мою кандидатуру официально. Он многое знает из моих произведений, он писал мне, сравнивая меня с Толстым, и думаю, не откажется. (21.12.1930).

Шестов исполнил просьбу Бунина очень быстро:

Не знаю, как и благодарить Вас за Вашу доброту, за ту сердечность, с которой Вы отнеслись к моей просьбе, и за то прекрасное и столь лестное письмо, которое Вы послали Манну. (Бунин к Шестову, 27.12.1930).

Это лестное для Бунина письмо не сохранилось, но в нашем распоряжении ответ на него Томаса Манна. Немецкий писатель отдает должное Бунину, но все же колеблется между ним и Шмелевым. Кроме того, Томас Манн видит достойного кандидата в Зигмунде Фрейде, оказавшем глубокое

влияние на духовную культуру и художественную литературу:

> Bunin ist ein sehr starker Erzähler, und "Der Herr aus San Franzisko" bleibt ein unvergessliches Meisterwerk. Ein Meister, ausgestattet mit allen guten Traditionen der herrlichen russischen Erzählungskunst, ist er seitdem geblieben, aber, wenn ich ehrlich sein soll, so haben die Dinge, die ich später von ihm las, nicht unbedingt den künstlerisch beglückenden Eindruck auf mich gemacht wie jenes Werk, und wenn ich die Zuwendung des Nobelpreises an einen russischen Dichter von Herzen begrüssen würde, so frage ich mich doch, ob Iwan Schmeljow ihn nicht vielleicht ebenso gut verdiente wie Bunin, dem ich ihn übrigens aufrichtig gönnen würde... Einen besonderen Wunsch für die Vergebung des Nobelpreises habe ich übrigens noch spontan; ich denke an Sigmund Freud, dessen Forschung auf die Geisteswissenschaften und auch die Schöne Literatur einen so tiefen Einfluss geübt hat... Bei all dem aber bin ich nicht einmal sicher, ob die bisherigen Preisträger überhaupt ein internationales Vorschlagsrecht haben oder vielleicht nur einen Vorschlag innerhalb ihres eignen Sprachgebietes machen können. (Томас Манн Шестову, 31.12.1930).

Кандидатура Бунина была официально выставлена в 1931 г., но премия ему не досталась. 1932 г. тоже не принес Бунину удачи, и только в 1933 г. в Стокгольме Бунину была вручена Нобелевская премия по литературе.

* *
*

Занятия Киркегардом, начатые еще в 1929 г., продолжают увлекать Шестова. Под его влиянием Ловцкие тоже заинтересовались Киркегардом:

> Я вожусь с Киркегардом — не знаю, буду ли о нем писать, но вернее всего, в будущем году буду о нем в Сорбонне читать. На днях выйдут, наконец, мои «Pages Choisies»..

> Очень рад, что ты, Герман, наконец, справился со статьей о Киркегарде: дело, ведь, нелегкое. Чем больше я в него вчитываюсь, тем больше чувствую, как трудно у него найти его настоящую мысль под внешними облачениями. Получил Альманах Психологии, в котором М.Е. перевел отрывок об «А. и Диогене»*. Поблагодарите его и скажите, что перевод очень хороший. (Ловцким, 28.01.1931).

В течение весеннего семестра 1931 г. (10.01.1931 — 25.04.1931) Шестов читает в Сорбонне, как всегда по субботам, курс «Русская философская мысль». Часть лекций была посвящена Владимиру Соловьеву. 14 февраля Шестов говорил об отношении Соловьева к Пушкину, Лермонтову и Достоевскому.

* *
*

11 февраля 1931 г. внезапно скончался муж Софии Исааковны Даниил Григорьевич Балаховский. Шестов пишет Ловцким, матери и Мандельбергам:

> Сейчас получил твое, Фаня, письмо. Что собственно можно рассказать о последних днях Данила? Смерть была легкая — как и у его отца. Он совсем было оправился от инфлуэнцы, встал утром бодрый, умылся, побрился и поехал в город — в контору Паперно** по какому-то делу. Вошел веселый, сел в кресло, начал разговаривать — и вдруг прервал разговор на полуслове, склонил голову — и — все было кончено...
>
> Я и А.[Анна] ничего не знали. Надя протелефонировала Наташе на службу, пока Наташа добралась до нас, уже наступил вечер, и мы только в 8.30 попали к Соне. Там уже было много народу — все родные и кой-кто из зна-

* Alexander und Diogenos, Almanach der Psych. Wien, 1931, S.117-119.

** Рудольф Григорьевич Паперно, друг Балаховских.

комых. Через два дня его похоронили — на похоронах тоже было много народу, человек 200...

Пока для Сони большое облегчение — это дети*. Они с такой любовью и заботливостью ходят вокруг нее, что даже со стороны легче, когда глядишь на них. И вообще со всех сторон проявляют к ней сочувствие, и Соня держится хорошо. Тоже, между прочим, утешает себя и той мыслью, правильной, конечно, что если бы Д. пережил ее, то ему пришлось бы очень плохо. И действительно, если бы он один остался — куда бы он делся? (Ловцким, 17.02.1931).

Ты уже знаешь о постигшем нас горе. Единственное облегчение было, что смерть была без страданий, мгновенная — точно он заснул. А второе облегчение — для Сони — это дети. Они такие милые и так любят ее, так ласковы и предупредительны с ней, что она, поневоле, забывает свое горе. Заниматься с ними, поить их, кормить, водить в школу и т.д. для нее большая радость. А так как Женя почти весь день отсутствует — она начала учиться художественному тиснению на переплетах — то всем этим и всеми домашними делами приходится заведывать Соне: это ее отвлекает и очень успокаивает. Мы тоже стараемся все по возможности чаще бывать у нее — это ей, конечно, тоже приносит небольшое облегчение и утешение. Слава Богу, что ее здоровье сохранилось и она себя физически чувствует настолько крепко, что может и с хозяйством возиться, и за детьми смотреть, и все делать, что нужно. (Матери, [17(?).02.1931]).

Спасибо за письма и поздравления. К сожалению, в этом году день моего рождения [13.02] был очень грустным днем — совпал (вы уже, конечно, знаете об этом) с похоронами Даниила...

Теперь уже прошло почти две недели и, как всегда, жизнь вошла в свою колею. Вы спрашиваете, как мы живем. Мне жаловаться не приходится. Таня и Наташа вышли

---

* В этом и следующем письмах речь идет о детях Жени: Марианне (11 лет) и Лиле (9 лет).

замуж, мужья у них хорошие, они сами служат, и мужья служат, так что у них на жизнь хватает. И мы с Анной существуем. Правда, жить приходится очень скромно, считать гроши — но, вы знаете, что я материальной стороной существования никогда не дорожил — теперь дорожу еще меньше. Было бы, конечно, лучше, если бы можно было не читать курсов, не разъезжать по разным городам с докладами и не быть так озабоченным добыванием средств к существованию — а можно было бы заниматься только своим настоящим делом. Но с этим бы еще можно примириться. Трудно и невозможно привыкнуть смотреть на то, как бьются близкие люди, и сознавать, что ничем им нельзя помочь. Очень трудно Мане, Володе, Люсе и Мише. Миша совсем запутался, Володя тоже ни гроша не зарабатывает и нет надежды, что он когда-нибудь начнет зарабатывать. Люся потеряла место, Флора тоже потеряла место — и я даже не представляю себе, как они дальше существовать будут. А что будет через несколько лет — даже и думать об этом не хочется. Вдобавок Маня все время болеет. Это самая мучительная сторона нашей жизни. У Сони, хотя ей тоже нелегко, все-таки есть поддержка — madame Petit, и у Женички есть маленькие средства, и Жорж стал на ноги. Саша зарабатывает на жизнь уроками. И у Фани развивается практика. На нее вся надежда — если у нее будет и дальше развиваться так, как до сих пор, может она поддержит Люсю и Маню.

И до сих пор, в сущности только она одна из всех нас кой-что делает — главным образом, для Люси. Грустно это очень — но придумать пока мы ничего не можем. Соня часто бывает у Мани и, сколько возможно, заботами облегчает ей существование. А я даже и часто бывать не могу — столько работы и хлопот всякого рода. Слава Богу, что у вас, сравнительно, лучше. Как жаль, что Володя не поехал с вами в Палестину! Наверное, уж как-нибудь да пристроился там. Вижу, что письмо мое вышло грустное — такое уж теперь настроение. Но все-таки не делайте заключения, что мы здесь упали духом — сколько можно, все же стараемся бороться. А может быть, случится

что-нибудь неожиданное и обстоятельства изменятся к лучшему. Вообще же жизнь в Париже все-таки складывается неплохо. Французы к русским беженцам относятся доброжелательно, и мы не чувствуем здесь, т.е. нам не подчеркивают, что мы чужие. Здесь иностранцу легче найти работу, чем в других странах. Сейчас боятся длительного кризиса — и безработицы. Но, авось, все-таки как-нибудь Франция с этим справится: все-таки она и богатая, и очень крепкая страна. (Мандельбергам, 23.02.1931).

* *
*

В это время Я.Сюис (J.Suys) посылает Шестову свою докторскую диссертацию — книгу «Leo Sjestow's protest tegen de rede» («Протест Льва Шестова против разума»), опубликованную в Амстердаме в 1931 г. Шестов пишет Ловцким:

Работа, по-видимому, написана добросовестно и обстоятельно, т.к. книга довольно большая. Да и то, что ему дали доктора — свидетельствует, что книга написана прилично. Я его попрошу послать и тебе, Г., экземпляр — может, напишешь рецензию, тем более, что он обещал прислать конспект книги по-немецки. [6.03.1931].

Сюис уже раньше приезжал в Париж говорить с Шестовым о своей работе, но затем о нем больше не слышали. В декабре 1930 г. он неожиданно дал о себе знать, попросив у Ловцкого некоторые сведения о Шестове, и вскоре после этого появилась его книга. Впоследствии Сюис от Шестова отошел.

* *
*

В Англии издавался журнал «Нью Адельфи» под редакцией Джона Миддлтона Мерри. Еще в 1928 г. в нем вышла статья Шестова «The ethical problem in Julius Cesar».

В 1929 г. Шестов переписывается с Миддлтоном Мерри, который просит его дать короткую статью для журнала. В одном из писем Миддлтон Мерри пишет:

> I have long admired your work: indeed, I wrote an introduction to a collection of your essays which appeared in English as long as 1917*. I should appreciate greatly the honour of your collaboration. Our rate of payment is low, but it is a triple higher than the rates generally paid by French reviews of the same class. (21.08.1929).

В журнале был опубликован афоризм «Sursum corda» из книги «Власть ключей». Через некоторое время (март 1931 и август 1931) в журнале, который в это время стал называться «Адельфи», появилось еще два афоризма Шестова: «Смерть и сон» и «Идеальное и материальное», взятые из книги «На весах Иова». Появление первого из них помогло изданию книги Шестова в Англии:

> Недавно, — сообщает Шестов Ловцким, — английский журнал «The Adelphi» напечатал небольшую статью... у себя, а вчера от редактора журнала я получил письмо, в котором он пишет, что один из лондонских издателей, прочитав этот отрывок (я думаю, вернее, очень лестное для меня суждение редакции в примечании), выразил желание издать какую-нибудь из моих книг. Я предложил ему на выбор «На весах Иова» или «Власть ключей». Увидим, что из этого выйдет и выйдет ли из этого что-нибудь. Может быть, будут переводить не с русского, а с немецкого или французского: придется на это согласиться, т.к. иначе едва ли выйдет дело. А может быть, удастся соединить русского с англичанином: англичанин будет пользоваться немецким, русский — русским языком. (20.03.1931).

Издательство «Дж.М.Дент и сыновья» выбрало книгу «На весах Иова». Договор был подписан в октябре 1931 г. В нем

* Книга вышла не в 1917, а в 1916 г. (см. первый том).

значится, что за первое издание (1850 экз.) книг Шестов получает 50 фунтов. При подписании договора Шестову заплатили аванс в 25 фунтов. Книга вышла в свет уже в ноябре 1932 г. под заглавием «In Job's Balances» в переводе Камиллы Ковентри и С.А.Макартни. Так как Шестов английского не знал, то он попросил Лазарева редактировать перевод (см. стр.91-94).

В вышеуказанном письме Шестов поздравляет Фаню с успешной работой: «Очень порадовали нас твои, Фаня, удачи. Видно, действительно, у тебя психоаналитический дар. И какая это должна быть радость, когда удастся вырвать человека из ужасов безумия и вернуть его к настоящей, нормальной жизни! Пиши нам всегда о своей работе — в нас, ты ведь уверена, ты найдешь самых лучших слушателей, для которых твои удачи не меньше приятны, чем для тебя самой».

После выхода «In Job's Balances» появилось несколько сочувственных отзывов в английской прессе (см. стр.112, 114), но других книг в Англии издать не удалось ни при жизни Шестова, ни впоследствии.

* *
*

Весной 1931 г. Шестов попросил у Гуссерля разрешения посвятить ему книгу. Гуссерль ему отвечает:

> Was für ungeheuerliche Bedenken, ob mir die Widmung Ihrer neuen Schrift lieb sein möchte! Eine Schrift, in der eine anima candida wie die Ihre ihr tiefstes Sehnen Hoffen Schauen ausströmt, sollte nicht zu meinem Herzen sprechen, sollte als Widmungsgabe mich nicht freuen — erst lesen sollte ich sie, um danach meine Zustimmung zu geben?! Nein. Ich schreibe stante pede, ehe ich mehr als den Titel gelesen habe. Der Name Schestow genügt; er selbst natürlich u. wesensmässig semper idem, der kein Wort je schreiben wird, es sei denn

in frommer Gesinnung, seinem Rufe, seiner Berufung folgend. Wer so spricht, muss gehört werden u. in Verehrung...

Ich hatte ein schönes, fruchtbares Arbeitsjahr hinter mir; aber zuletzt eine dumme Störung, durch eine Frühjahrsgrippe. Ob mir die Gnade zuteil wird genug lang bei Kraft zu bleiben, um mein Grundwerk der Ph., die Summe meiner Lebensarbeit, vollenden zu können? Wir werden (meine Frau ist auch schon 70 J) eben alt! Aber noch im Gespann! Am 10/VI spreche ich in Berlin (Kantges.). Wir freuten uns sehr über die guten Nachrichten v. Ihrer Familie u. grüssen v. Herzen.

Ihr alter Freund E.Husserl. (14.04.1931).

О книге, которую он хотел посвятить Гуссерлю, Шестов пишет Герману в письме от 15.07.1931 (см. стр.73). Издать книгу тогда не удалось. Часть ее Шестов впоследствии включил в книгу «Афины и Иерусалим», но посвящение Гуссерлю на ней не фигурирует.

*

А что вы унываете, — пишет Шестов Лазареву, — этого я не одобряю. Не по чину берете. Только человек, имеющий сто тысяч франков годового дохода и свободный от каких бы то ни было обязательств, может позволить себе такую роскошь. А нашему брату нужно быть «всегда бодрым и здоровым», как говорили солдаты на уроке словесности. Об этом, равно как и о главных философских вопросах — о бессмертии души, назначении человека и т.д., уже потолкуем при свидании. Потолкуем также и о Ваших новых литературных планах. Главное, постарайтесь устроить так, чтобы мы могли спокойно беседовать, чтоб Вам не нужно было все время на часы смотреть. (14.04.1931).

*

После встречи во Франкфурте 25 мая 1930 г. Бубер и Шестов переписывались, и Бубер предложил Шестову встретиться летом 1931 г. в Понтиньи. Шестов объясняет, почему он не может принять предложения:

Ich freute mich sehr endlich ein Paar Zeilen von Ihnen zu bekommen: habe doch zu lange keine Nachrichten von Ihnen gehabt. Nun aber, leider, wie ich verstehe haben Sie ganz und gar die Absicht nach Paris zu kommen abgegeben. Sie legen nur vor, nach Pontigny zu kommen, und dort mit Ihnen zusammenzutreffen. Das wäre, wirklich, herrlich. Aber — unmöglich. Ich bin genötigt meine Ferien, die Paar Wochen, die ich frei haben kann, zu Kur zu gebrauchen — sonst kann ich im Winter gar nicht arbeiten. Die Kur zu unterbrechen, um nach Pontigny zu fahren, heist sie gänzlich vernichten. Die Fahrt von Châtel nach Pontigny ist aüsserlichst anstrengend — dauert 14 Stunden und man muss 5 Mal umsteigen, und nimt (alles zusammen) 12 Tagen in Anspruch — was bleibt mir dann für die Kur übrig? Das ist sehr Schade. Ich habe Pontigny gerne, und, wären Sie auh da — da wäre es doch doppelt wert hin zu fahren: und doch ist es, wie Sie sehen, unmöglich. Ist es aber volkommen ausgeschlossen, dass Sie doch einmal nach Paris commen? Es wàre doch auch für Sie, glaube ich, sehr wichtig einmal mit Französen zusammen zu treffen. Ich will doch hoffen dass Sie doch mal in Herbst oder Winter zu uns kommen werden. (22.04.1931).

* *
*

Почти во всех письмах к Ловцким Шестов пишет о трудностях с немецким издателем Шнейдером. Привожу выдержки из трех писем, в которых Шестов рассказывает об этом, о приезде в Париж Томаса Манна, о своих чтениях и других событиях:

От Schneider'а я никаких известий не имею с октября. Я ему написал, чтобы он прислал мне денег за книги мои: полагается каждые три месяца рассчитываться. И, если получу ответ, начну разговоры об «А.б.» и маленькой книжке. Хотя его медлительность — плохой признак: пожалуй, ничего не выйдет. Очень рад за тебя, Фаня, что у тебя хорошо идет работа. Если будем летом вместе, я покажу тебе у Кирк. многое, что тебе будет полезно.

Сюда, в Париж, приезжал Томас Манн и читал два доклада: один по-французски, назывался — «liberté et noblesse, Schiller — Gœthe, Dostojewsky — Tolstoi» и другой по-немецки: «La place de S.Freud dans l'histoire de l'esprit moderne». Народу было пропасть. Потом penclub в его честь обед устроил — но я уже на обед не пошел, т.к. и без того много пришлось бегать, — на доклады, к нему лично, на завтрак в его честь. Доклады были интересные и остроумные. Фрейда он, видно, очень ценит и добивается, чтоб Фрейд получил Нобелевскую премию. Верно, так и будет — т.е., верно, Фрейд в этом году получит Нобелевскую премию. (15.05.1931).

От Шнейдера у меня нет вестей. Он обещал выслать в конце июня деньги, которые мне причитаются, и не выслал. И ничего тоже не может решиться насчет «А.б.» — по крайней мере мне ничего решительного не говорит. На днях я ему опять написал, напомнил о деньгах и о переводе — пока нет ответа. Первый том Deussen'a у меня есть. Он интересен, но сейчас у меня столько новых книг, — и все громадных, что перечитывать его некогда — Мейерсон выпустил 3 тома, Леви Брюль — один, но огромный том. Потом у меня были книги о Киркегарде — громадные тома, сам Киркегард. И Бердяев выпустил большую книгу — «О назначении человека» и еще, и еще. Если вы приедете в Шатель, я много интересного смогу вам сообщить из того, что сейчас в философии и смежных с философией областях происходит. (10.07.1931).

Поздравляю тебя, Герман, с днем рождения. Желаю прежде всего — здоровья и спокойствия: к сожалению, в наши годы здоровье редкий дар, а в наше время спокойствия почти что не бывает. Но пожелать все-таки и можно и нужно. Если будет здоровье и спокойствие, то — пожалуй, не все остальное, но многое из остального придет само собой. Как-то вы сейчас в Берлине живете? По газетам, сейчас страшное напряжение в Германии. И как будто на этот раз газеты мало преувеличивают. Оттого-то я и подумал, что вслед за здоровьем нужно пожелать спокойствия...

> Со Шнейдером — все путаница. он мне должен около тысячи франков, все обещает выслать — и не высылает. На мое последнее напоминание — я получил в ответ письмо, подписанное не им, что он в отъезде, и без него денег выслать не могут. Боюсь, что и разговоры об издании новых книг ни к чему не приведут. Он ведь сперва хотел выпустить мои последние работы и «А.б.» — теперь о последних работах молчит. Между тем мне интереснее было бы, чтоб вышли именно последние работы, т.е. «Скованный Парменид», «Умозрение и апокалипсис» (о Соловьеве) и афоризмы («Борьба и оглядка»* и «О втором измерении мышления»**), которые полностью уже переведены на немецкий язык***. Я думаю тоже, что эта книга может рассчитывать на больший успех, т.к. о ней будут рецензии и у философов, и у теологов, тем более, что она будет посвящена Гуссерлю, с его согласия. Пишу тебе, Герман, это, чтобы ты, если случится, выяснил, какие намерения у Шнейдера. Правда, похоже, ввиду того, что сейчас в Германии происходит, что Шнейдер вообще прекратит на долгое время всякую деятельность. Но все же нужно, чтоб он был au courant. [15.07.1931].

Переговоры об издании по-немецки «Апофеоза беспочвенности» и книги с последними работами Шестов начал вести со Шнейдером вскоре после выхода по-немецки книги «На весах Иова». Но осуществить эти издания Шнейдеру не удалось. В другом письме к Ловцким (13.11.1931) Шестов пишет: «С немецкими издателями мне не везет: Маркан лопнул, Nietzsche Gesellschaft перестал существовать, боюсь, что и Шнейдер — у которого теперь все мои книги — не долго протянет».

---

* Афоризмы, появившиеся в «Числах» №1 под заглавием «Добро зело» (см. стр.44).

** Афоризмы, появившиеся в «Совремеиных Записках» №43 (см. стр.44).

*** См. первый том и стр.52.

Как всегда, Анна Ел. в конце мая уехала в Шатель, и Шестов в течение двух с половиной месяцев жил один в квартире в Булони. У Шестовых была очень надежная прислуга, которая делала все, что нужно для хозяйства. Шестов рассказывает Лизе и Анне Ел. о своей жизни после ее отъезда:

> Анна уехала уже на работу в Chatel-Guyon. А я, как всегда, копаюсь в своих книгах. Живу, с тех пор как дети от меня отделились, очень уединенно и мало с кем встречаюсь. Только, когда нельзя иначе, хожу в гости, а принимать у себя никого не принимаю. Мне так лучше — весь день принадлежит мне, и я в часы, когда не одолевают хворости, могу заниматься. Поблизости от меня чудный Булонский лес (800 десятин), и я, когда могу, бегу туда и там свое «дело» или свое «безделье» делаю. Месяца через два поеду к Анне — лечить свои артриты. (27.05.1931).

> У нас здесь все благополучно. Только что-то с твоим отъездом разленился я: учусь плохо. Больше по лесу шатаюсь, да в гости, да в концерты. Сегодня утром пошел в St. Cloud — два часа там прошатался. Утро было прелестное — и в St. Cloud прямо волшебное освещение было. А вечером — иду к Готье обедать — и потом с ними в концерт Нины Кошиц: она им ложу на 6 человек прислала, и они меня пригласили. Так что учиться уж и времени не остается. А в пятницу нужно идти в «Nouvelle Revue Française»: мои «Pages choisies» вышли — нужно dédicace'ы писать. Спасибо Борису — обещал помочь. Из «N.R.F.» пойду к детям ужинать. Вчера Таня и Валя у меня ужинали. [3(?).06.1931].

В воскресенье (вероятно, 7 июня) Готье позвал Шестова к завтраку.

> Завтрак, — пишет Шестов Анне Ел., — был экзотический, с острова Мартиники: 22 блюда, из которых только 2 стоили, чтоб их есть (рыба и рис), а остальные только

> стоили, чтобы их описывать — у кого «перо» настоящее. Моя соседка по столу, молодая француженка, все мне говорила, по поводу того, что я под разными предлогами от 18 блюд отказался: vous êtes, monsieur, plus prudent que moi. Но тебе, может быть, и понравилось все, кроме перцу. Зато познакомился там и долго беседовал с редактором «N.R.F.» [Жаном Поланом] — и, кажется, из этого выйдет прок. Оттуда пошел на réception к Boyer — и попал под проливной дождь. [8(?).06.1931].

В следующем письме к Анне Ел. Шестов пишет о Светлане:

> Она... очаровывает... многих. В среду прихожу я к детям — вижу в Наташиной комнате Таня, на руках у нее Светлана, а вокруг них три дамы: Mamie, ее племянница и Марина Скрябина. Светлана старается (?), все, что умеет делать, показывает: и рученкой машет, и в ладоши бьет, и самые разнообразные звуки испускает — и дамы просто млеют. У племянницы Mamie тоже есть bébé — ровесник Светланы — но она сама говорит, что куда ему до нее. А Schwab'ы умоляют Таню по воскресеньям на целый день им Светлану отдавать. Так что можешь своей внучкой гордиться...
>
> С femme [de menage] все идет как следует, так что нужно думать, до отъезда не разладится. Кормит, как следует, и спокойно ведет себя. Насчет жары тоже ничего. Делаю сквозняки. Только кукушка [часы с кукушкой] не любит их: останавливается. Но — толкну, она опять идет. (12.06.1931).

* *
*

Перед отъездом в Шатель Шестов получает письмо от профессора Анри Корбена, которому он дал на прочтение одну из своих работ. В письме Корбен упоминает об этом, но не указывает, какую работу ему одолжил Шестов. Но речь идет, несомненно, о «Скованном Пармениде» («Ревю

философик», 1930, №7/8) или о статье «Оглядка и борьба» («Форум Философикум», 1930, №1). Корбен пишет:

> Je reponds seulement aujourd'hui à votre petit mot trouvé chez moi après une absence de quelques jours. Eh oui! je suis un grand coupable, n'est-ce pas? Je devais vous renvoyer le numéro de la Revue après quelques semaines, et je l'ai gardé des mois. Mais ces ajournements successifs n'ont point d'autre cause que la difficulté de se séparer d'une pensée devenue très chère, soyez en sûr. En relisant ce soir encore les dernières pages, je retrouve l'émotion qui m'avait bouleversé cet hiver, lorsqu'après notre entretien d'un soir, j'avais passé la nuit à la lire. Je voudrais vous en remercier encore, et souhaiter de pouvoir reprendre avec vous notre entretien, après la dispersion de l'été. Grâce à vous, j'ai pu encore accentuer cette décision intérieure, qui, acceptant la solitude tragique peut-être, y trouve la force de surgir au dessus des plaines bien gardées de tout rationalisme: paradoxe foncier, volonté de miracle. Il est bon de trouver un guide dans ces régions de brumes et de flammes. Plus que jamais d'ailleurs je suis orienté dans cette direction spirituelle. Débordant le cadre d'un travail sur un mistique persan, c'est l'essence même de la pensée mistique qu'il me faudrait affronter. Avec Seb. Franck et Weigel, c'est jusqu'à Böhme, Blake, Swedenborg, que je suis allé. Il me faut revenir et approfondir tout cela en contenant une fougue de jeunesse, et continuer de me nourrir de Kierkegaard, de Barth etc. Ah! que de choses à vous dire et à vous demander, cher Monsieur...
>
> N'aurons-nous pas en français un écho de votre leçon sur Kirkegaard et Dostoievski? (17.07.1931).

Где и когда Шестов читал лекцию о Киркегарде и Достоевском, о которой пишет Корбен, определить не удалось. (В 1930/1931 учебном году Шестов читал в Сорбонне курс «Религиозные идеи Толстого и Достоевского», а в декабре 1932 г. начал читать курс «Достоевский и Киркегард».)

* * *

К тому же времени относится письмо Шестова к Шлецеру, который с женой Маргаритой (друзья ее называли Мами) уехал на несколько месяцев в Амели-ле-Бен:

Сейчас получил Ваше письмо. Завтра я, наконец, уезжаю, хлопот, как всегда, много, но я все-таки хочу до отъезда хоть несколько слов написать Вам, чтоб поблагодарить Вас и выразить Вам мою радость по поводу того, что Вы написали мне. Так редко мне приходится встречать человека, которому попытка «критиковать разум» не по Канту, а по Достоевскому не казалась бы заранее осужденной на неудачу, что когда я слышу от Вас, что наши беседы оставляют после себя доброе воспоминание, мне это кажется почти что недоразумением, точно я не услышал то, что мне сказали, а ослышался — т.е. услышал такое, чего никто мне не говорил. Прошедший год — моя встреча с Киркегардом — был для меня особенно трудным. И до сих пор еще, каждый раз когда я вспоминаю про эту «душу», с которой я столкнулся в своих странствованиях, мне приходится делать величайшее напряжение, чтоб не свернуть на путь кантовской критики, который неизбежно ведет назад к Спинозе. И потому слышать хотя изредка ободряющий голос так нужно и так радостно. Спасибо Вам, что собрались написать. С Мейерсоном вышел разговор интересный, но не в том смысле, в каком я ждал. Трудно в письме, особенно когда спешишь, рассказать, в чем дело, т.е. обстоятельно рассказать. В общем, хотя в начале разговора М. даже заинтересовался моей мыслью, что то, что он делает, есть метафизика познания, но в конце концов, когда я ему пытался растолковать, что его идея об identité не допускает мысли, что арифметика основывается на опыте, он пришел в такое возбуждение, что я стал бояться за него. И тут выяснилось, что для него, или для его сознания — identité в сущности только, как он выразился, «некоторая надежда», что он во всем согласен с Миллем и, что, следовательно, у него никакой метафизики нет, нет даже теории познания, а есть опыт эпистемологии

в духе Милля, чуть-чуть прикрытой налетом рационализма. Так он себя понимает, таким он себя видит.

Очень рад за Вас и Мами, что Вы теперь имеете хоть на несколько месяцев приют в Амели, где можете и отдохнуть, и позаняться, и прийти в себя. Старайтесь по возможности дольше там остаться — в Париж никогда не опоздаете. Тут Вы, верно, и Гоголя* закончите — и надеюсь, что с Плоном у Вас глаже пойдет, чем с Галлимаром. (18.07.1931).

20 июля Шестов поехал в Шатель. Как и в предыдущем году, Шестовы жили в пансионе «Пале-Рояль». Вскоре после приезда он пишет Ловцким:

Ваше письмо получил уже в Шателе. Конечно, все те вопросы, о которых ты говоришь, нужно очень и очень обсудить. Как устроить мамашу на будущее время и все вообще, что к мамаше относится, решить не легко. Тоже и здесь, как я писал вам, накопились всякого рода семейные осложнения, о которых нужно побеседовать и которые нужно разрешить. Но все это — особенно то, что относится к мамаше — так сложно, что по переписке — об этом совсем и говорить невозможно. Необходимо, чтоб вы сюда приехали — тогда только все можно будет выяснить. Мне, например, кажется, что если мамаша уже так состарилась, что ее нужно перевести к родным, т.е. к кому-нибудь из детей, то правильнее всего ее перевести к Соне. Но нужно об этом поговорить с Соней, да и нам меж собой нужно поговорить об этом. Отсюда один вывод: поезжайте в Экс, оттуда в Шатель, а из Шателя в средних числах сентября поедем все вместе в Париж. К тому времени и Соня вернется, и мы все отлично обсудим. Я считаю, что это — прямо необходимо сделать — иначе мы все будем переписываться и ни к чему путному не придем. Не пишу больше ничего об этом, т.к., во-первых, считаю, что переписываться об этом бесполезно, и даже, пожалуй,

* Речь идет о книге «Гоголь» (Boris Schloezer. Gogol), которую Шлецер тогда писал и которая вышла в издательстве «Плон» в 1932 г. (вероятно, в ноябре, см. стр.110-112). Переиздана в Париже в 1972 г. в изд. «Эрн».

может привести к разным неприятным недоразумениям, как это часто бывает, когда переписываются на такие темы, а во-вторых, надеюсь, что вы все-таки сюда приедете. У нас ничего нового. Перед отъездом видел всех наших — и у нас все по-старому. От Шнейдера ничего не получаю — даже писем. Может быть, ты, Герман, поговоришь с ним по телефону. Правда, я мало надеюсь, что теперь, когда в Германии все так напряжено, можно хоть чего-нибудь от Шнейдера добиться. (24.07.1931).

В другом письме к Ловцким Шестов сообщает:

Я получил письмо от М.Е. — он пишет, что Нитше Гезельшафт охотно пригласит меня, если в Германии будет все спокойно, прочесть доклад о Нитше и Киркегарде. Но, по-моему, если Нит. Гез. и пригласит — вряд ли мне придется раньше весны приехать, т.к. переговоры с другими учреждениями прервались и раньше осени не возобновятся. (6.08.1931).

Нитшевское общество послало Шестову приглашение приехать в ноябре, но Шестов предпочел отложить поездку на весну 1932 (см. стр.94). Но и весной он опять не смог поехать (см. стр.97).

* * *

В начале 1931 года Шестов и Шлецер вели переговоры с французскими журналами «Н.Р.Ф.» и «Коммерс» о публикации работ Шестова, в первую очередь 42-х афоризмов, появившихся в «Современных записках» №43 в 1930 г. под заглавием «О втором измерении мышления». Соглашение было как будто достигнуто, перевод поручен Шлецеру, но возникло немало трудностей, о которых Шестов пишет Шлецеру:

Не знаю уже, что и ответить на Ваше письмо. Я понимаю, что работа над Гоголем поглощает все Ваши силы и что Вы ничем больше заниматься не можете. Но почему Вы мне сразу этого не написали? Ведь уже раз отложили

перевод до лета. Теперь Вы откладываете до зимы. Но разве Вы зимой будете свободнее? Наоборот — зимой Вы настолько поглощены концертами, срочными статьями и т.д., что даже и думать нечего о том, что Вы сможете перевести «Второе измерение» и «Толстого». А между тем, Вы сами знаете, какое огромное значение это для меня имеет. Сколько лет я уже лишен был возможности печататься во франц. органах. Теперь неожиданно представился случай — и мы им не воспользовались. Ведь пройдет несколько месяцев, и «N.R.F.» и «Commerce» позабудут совсем о наших переговорах. И опять создастся такое же положение, как было раньше. Повторяю Вам, я не требую и не могу, конечно, требовать от Вас, чтоб Вы бросили Гоголя и взялись за переводы моих статей. Ваше положение, мне это отлично известно, не много лучше моего, а может быть, и не лучше. Но раз Вы не можете переводить — надо было мне сразу написать. Как это для меня ни огорчительно — из двух зол приходится выбирать меньшее. Никто, конечно, не переведет, как Вы — но еще хуже, если мои статьи совсем не появятся по-французски. Сейчас все мои планы, связанные с Германией, провалились, в связи с политическими тревогами. Издатель не шлет денег, предположенные к выпуску по-немецки «А.б.» и мои последние работы отложены и даже не указано, на сколько времени, тоже и статьи отложены. Я надеялся, что во Франции что-либо выйдет, и тоже, оказывается, все проваливается и окончательно провалится, если не принять меры.

Я вижу из Вашего письма, что Вы не можете переводить меня и исполнять свою текущую работу. Значит, ничего не остается, как найти другого переводчика. Я решил сократить свое пребывание в Шателе и выехать 8 сентября в Париж, чтоб там разыскать переводчика и начать с ним работу. Нужно только, чтоб Вы написали сами об этом редактору N.R.F. и затем прислали мне, когда я буду в Париже «Великие кануны». Конечно, я не уверен, что найду переводчика, еще менее я уверен, что перевод выйдет хорошим, — но другого выхода я не вижу, т.к. предоставить все случаю, значит наверняка все потерять...

Меня так расстроило то, что Вы о переводах написали, что мне трудно о чем-либо еще писать. Все время, в течение лета, неудача за неудачей — и тут еще новая, совершенно неожиданная. Я был ведь уверен, что с N.R.F. и Commerce осенью устроится. (1.09.1931).

Конечно, Ваше предложение разрешает все трудности — и главные и второстепенные. Будет Ваш перевод, и все-таки с запозданием минимальным. Лишь только боязно — не слишком ли Вам трудно будет. Как ни важно для меня своевременно устроить дело с «Commerce» и «N.R.F.» — все же мне совестно Вас очень обременять. Но, если Вы думаете, что Вам возможно без особенного напряжения переводить по странице в день — тогда все устраивается. Вы будете по частям мне присылать, а я буду Вам в письмах сообщать, если мне что покажется требующим исправления...

Теперь, когда вследствие всяких кризисов, Германия для меня почти отпадает и, может быть, надолго, возможность печататься во Франции приобретает для меня особенное значение...

Относительно книги Бердяева [«О назначении человека»] я думаю, что Вы правы. Я ему сказал то же, что и Вы — что его последняя книга лучшее нз того, что он писал, но что (мне кажется, что это тоже Ваша мысль, только выраженная в иной форме) он исходит из мысли, что Кант, а не Достоевский написал критику чистого разума и что грехопадение состояло в том, что змей научил человека различать добро и зло, вопреки желанию Бога, чтоб все было «добро зело», и что поэтому грехопадение было началом знания, а не грехопадением. Вероятно, наше философское общество устроит заседание, на котором книга Бердяева будет обсуждаться. Тогда, может быть, и Вы поговорите...

Очень досадно, что Вы так далеко от меня и не можете прочитать мне своего «Гоголя». Не знаю, помог ли бы я Вам советами и указаниями, но, наверное, было бы Вам полезно знать, как читается (внимательным читателем)

> Ваша работа. Иной раз самому кажется наименее удачным то, что на самом деле очень удалось! (5.09.1931).

После сложных переговоров Жан Полан, редактор «Н.Р.Ф.», принял в декабре 1931 г. статью Шестова «О втором измерении мышления», состоящую из 42 афоризмов, с условием, что она будет сокращена. Шестов пишет Шлецеру:

> Что до «Commerce» и «N.R.F.», ничего не поделаешь, конечно. Нужно примириться и с отказом первой, придется принять условия второй: т.е. согласиться сократить статью, хотя этим, несомненно, статью испортишь. Но иначе Ваш труд пропадет даром, а так Вы хоть что-нибудь получите. И — потом — все равно, в конце концов, напечатают ли полностью или с сокращениями, — никто из читателей не захочет вдуматься в то, о чем идет там речь. Все хотят «понятного» — т.е. более или менее привычного, а как сделать понятным и привычным то, что по существу непонятно и к чему никогда привыкнуть нельзя? Поговорим об этом, когда приедете: и мне уже хотелось бы поделиться с Вами тем, о чем все время думаю. А то à la longue уж очень трудно. Когда приедете, выясним и какие сокращения нужно сделать в статье. (11.12.1931).

16 из 42 афоризмов появились в «Н.Р.Ф.» в сентябре 1932 г. под заглавием «La seconde dimension de la pensée (Exercitia spiritualia)». Еще 22 афоризма появились годом позже в «Кайе дю Сюд» №155 (окт. 1933 г. — см. стр.121-122) под заглавием «La seconde dimension de la pensée. Fragments».

Весной или летом 1932 г. редакция «Н.Р.Ф.» заказала Шлецеру статью о Шестове. Она была написана и послана, но журнал ее не принял. Шестов пишет Шлецеру о своей «урезанной статье» и о его непринятой:

> Вчера я получил N.R.F. со своей статьей и вижу, что exercitia spiritualia разделены на два номера, вместе представляющие только половину работы — очень «ослабели» и стали вдвойне труднее. Поэтому мне бы хотелось,

— если возможно, — чтобы все остальное появилось в Cahiers [du Sud] хотя бы даром. (4.09.1932).

Я убежден, что статья Вам удалась, и убежден еще, что именно потому что она удалась, он [Полан] и отказывается ее печатать. Когда он еще печатает мою (и в каком виде: урезанную, разбитую!) — он не берет на себя ответственности. Но Ваша статья уже как бы указывает, что редакция не только «интересуется» мною, но как бы и разделяет мою точку зрения. Возможно, что тут не обошлось и без давления: возможно, когда Benda, Gide и др. прочли мою статью, они напали на Paulhan'а — и он уже не решился Вас печатать. Мне к этому не привыкать стать: так всегда было, верно, так всегда и будет. Жаль мне, конечно, что Ваш труд пропал даром. Жаль тоже, что потеряна возможность объяснить читателям, что я не выдумщик и не «парадоксалист». Но к этому нужно было быть готовым. Скорее приходится удивляться, что N.R.F. напечатала меня, чем отказалась Вас печатать. (19.9.1932).

Тревога о статье Шлецера оказалась напрасной. Через несколько дней уже стало известно, что она принята и пойдет в расширенном виде (письмо Шестова Шлецеру от 2.10. 1932). Статья Шлецера появилась в декабре 1932 г. в «Н.Р.Ф.» под заглавием «Léon Chestov» и одновременно в английском переводе в Лондоне в журнале «Адельфи».

Предположение Шестова о том, что на Полана было оказано давление, вероятно, правильно, так как сам Полан не раз проявлял интерес к Шестову и ценил его труды.

* *
*

Вскоре после возвращения из Шателя (9 сентября) Шестов начинает писать новую работу. О своих проектах и о новой работе («В фаларийском быке») он пишет Эйтингону, Шлецеру и Лазареву:

И мне жаль, очень жаль, что я не мог принять предложения Wurzbach'а и приехать в ноябре*. Но я еще не готов: тема такая сложная и такая ответственная — чем больше я работаю, тем больше убеждаюсь в этом. Но, авось, все-таки весной можно будет приехать — хотя политическое напряжение в Германии достигло такой степени, что вперед ничего сказать нельзя. (Эйтингону, 10.09.1931).

Я тоже начал писать новую работу, не знаю, когда кончу и что выйдет. (Шлецеру, 23.09.1931).

Рад, что Вы кончаете Гоголя — но очень жалею, что Вас здесь нет и Вы не можете мне дать прочесть написанное. У меня только одно, внешнее опасение: имею в виду, как Вы писали работу. Боюсь, что для читателей жизнеописаний Ваш подход будет слишком серьезным и потому, как в таких случаях любят говорить «непонятным». Когда Вы рассчитываете вернуться в Париж? И мне очень бы с Вами хотелось повидаться и побеседовать. Выйдет ли у меня и когда справлюсь с новой работой — трудно сказать. Вы спрашиваете: какая тема. В двух словах вряд ли объяснишь. Предполагаемое заглавие: «В фаларийском быке». Подзаголовок: «Свобода воли и мораль». Эпиграф 1) Beatitudo non est praemium virtutis sed ipsa virtus (Спиноза). 2) Eritis sicut Dei, scientes bonum et malum [Книга бытия, III, 5]. Начинаю словами Гегеля: философия должна оберегаться всякого назидания — и противопоставляю этому, что, наоборот, философия (и гегелевская назидательная par excellence) по самой своей сущности не может не быть назидательной. Приходится говорить очень обстоятельно о Сократе и его двойнике Спинозе. Из философии назидание перешло в религию и заменило собой откровение: творчество Киркегарда (придется остановиться на нем) о том свидетельствует. Один Нитше почувствовал в Сократе падение (грехопадение). Но «Сирена-мораль» и его соблазнила. Лютер был прав:

---

* Шестов был приглашен прочесть доклад в Нитшевском обществе (см. стр.79).

de servo arbitrio. Наша воля парализована. Мы убеждены, что Бог не может быть творцом зла, что Бог «друг порядка» (Кирк.), что Бог требует от человека повиновения его воле и т.д. Все это доказательства, что мы свободу воли утратили. Когда Бергсон говорит о свободе воли — он «проповедует» волю связанную. Тоже и Шеллинг и Лейбниц и Шопенгауер. Тоже и теологи. Недаром Гегель утверждал, что змей, обещавши людям «eritis sicut dei», сказал правду, т.е. что если сорвать с дерева познания добра и зла плоды и вкусить, люди достигнут всего, что хотят. Но достигают они beatitudo Сократа и Спинозы в фаларийском быке. Задача философии не «принять» фаларийского быка, а уничтожить его. И только Бог, который создал фаларийского быка, может его уничтожить.

Боюсь, что в таком схематическом изложении вряд ли вышло понятно. Меня прошлую зиму — в связи с изучением Киркегарда измучили. Кирк. вернулся к Сократу: неужели это значит, что иного выхода нет и, что фаларийский бык и в начале и в конце бытия? И что христианство есть, как и эллинская мудрость, только приятие фалар. быка, что, значит, сущность «откровения» в этом приятии и Спиноза был прав, утверждая, что в Писании есть высокая мораль, но истина — вне Писания! Очень бы хотелось потолковать с Вами на эти темы: а то все приходится в себе самом вынашивать и иногда это очень трудно бывает...

Еще два слова по поводу перевода. Очень прошу Вас, не задерживайте вторую половину. Я еще раз убедился, какая это была ошибка, что в Commerce не был сдан перевод весной. И для Вас это было бы важно, а для меня прямо вопрос практического значения, который трудно преувеличить. Если бы появились мои статьи и в Commerce и в N.R.F. одновременно с «Pages choisies», может быть, мне удалось бы и немного выплыть. А теперь — кто знает, что будет. Если мы еще затянем, наверное Commerce откажется, а потом и N.R.F. забудет, и все останется по-прежнему. Очень, очень прошу Вас — не задерживайте. (Шлецеру, 30.09.1931).

А теперь о последней странице [Вашего письма]. Прежде всего хочется Вам сказать: большое спасибо. Так редко приходится мне слышать от кого-нибудь, что он не только читает, но, как Вы пишете, «лично заинтересован» в развитии тех мыслей, с которыми мне приходится идти и на люди. А между тем — в этом, только в этом все дело. Иной раз, правда, тоже не слишком часто, но все приходится слышать от людей, что интересно, хорошо написано или что-нибудь в таком роде. Но почти никто не чувствует или не понимает, что там, где возникают последние философские проблемы, решается человеческая и, стало быть, его личная тоже, судьба. И когда Вы мне это говорите и так говорите, что в Ваших словах, или сквозь Ваши слова видна Ваша внутренняя борьба и Ваши искания, мне начинает казаться, что все-таки книги пишутся не только затем, чтобы занимать или давать «умственные наслаждения» избалованным элитам современности. Очень буду рад, когда Вы вернетесь в Париж, побеседовать с Вами. Сегодня будет у меня Бердяев — вероятно, будем продолжать беседовать о его книге [«О назначении человека»]. Напишете Вы о ней? Следовало бы, очень следовало бы. (Шлецеру, 8.10.1931).

У меня все по-старому. Живу уединенно, мало кого вижу. Закончил вчерне новую работу на тему «Свобода и знание» («В фаларийском быке» — подзаголовок). Еще придется повозиться: обработать, переписать начисто. А потом — где ее напечатать. Вышла довольно большая статья и притом еще больше отходящая от обычных течений философской мысли, чем предыдущие. Боюсь, что и Леви-Брюль, который до сих пор охотно меня печатал, не решится дать моей новой работе пройти в «Рев. Фил.». А по-русски и на немецком и думать нечего ее пристроить. Но пока рано об этом говорить: еще нужно окончательно отделать, переписать — дай Бог через 2-3 месяца кончить. (Лазареву, 15.01.1932).

Рукопись «законченной вчерне новой работы», о которой Шестов говорит в письмах, сохранилась в архиве Шестова

(манускрипты №59 — сент. 1931, №60 — без даты, №61 — декабрь 1931). Рукопись без заглавия. Она состоит из 256 рукописных страниц с большими полями. Текст разбит на 18 глав, из которых четыре последние посвящены Киркегарду. Работу, законченную вчерне, Шестов обработал и несколько сократил. Окончательному тексту он дал заглавие «В фаларийском быке» с подзаголовком «Знание и свобода воли». На последнем листе чистовой рукописи (манускрипт №67) дата: 6 мая 1932 г. Несмотря на опасения Шестова, Леви-Брюль принял его работу для «Ревю Философик», и она появилась по-французски в двух выпусках этого журнала: №1/2 (янв./февр.) и №3/4 (март/апрель) за 1932 г. под заглавием «Dans le taureau de Phalaris». По-немецки и по-русски работа в то время не появилась. Впоследствии она была включена в книгу «Афины и Иерусалим».

Через несколько месяцев после окончания работы Шестов пишет о ней Шлецеру в двух письмах:

> Вы пишете, что, когда свыклись с «Фал. быком» — Вам показалось, что он не хуже написан, чем «Парменид»! Дай Бог, чтобы это было так — хотя это было бы почти чудом: до такой степени я себя скверно чувствовал, когда писал эту работу, что мне почти невозможно допустить, что она удалась в литературном смысле. А меж тем, в ней высказано то, что в последние годы меня больше всего волновало — и мне грустно было бы думать, что мой голос не дошел до читателя. Что статья трудная — это в порядке вещей, ибо сама проблема очень трудная. Главное, чтобы читатель, который трудностей не боится, услышал то, что мне нужно было сказать. — Может быть, Ваша статья в N.R.F. до некоторой степени послужит введением к моей работе: от всей души желаю и Вам, и себе, чтобы статья эта удалась. (1.08.1932).

> Думал, что когда кончу «Фал. быка», можно будет сказать: «ныне отпущаеши». Не тут-то было — не отпускает. В пятницу был у меня Бердяев, сегодня — Лазарев: все «об-

суждали» и все чувствуется, что нужно и нужно еще бороться. (2.10.1932).

Главы 11-15 статьи «В фаларийском быке» Шестов посвятил Киркегарду. Эти пять глав — первое, что было им написано для печати о Киркегарде. Здесь уместно напомнить, что Шестов услышал о нем только в 1928 г. и что он начал заниматься Киркегардом по совету Гуссерля (см. стр.21). О своих чтениях Киркегарда он упоминает не раз в письмах к Ловцким (см. письма дек. 1928; февр., апр. и дек. 1929; янв. 1931). Первые записи о Киркегарде (6 набросков) Шестов внес на последние страницы недатированного манускрипта №57, начатого, вероятно, в 1929 г. Сохранилась еще одна рукопись (№58), начатая 5 февраля 1931 г., почти целиком посвященная Киркегарду. В нее внесены четыре наброска о Киркегарде, два из которых — о Киркегарде и Нитше. В письме к Ловцкому от 6 августа 1931 г. Шестов пишет, что хочет читать в Нитшевском обществе о Нитше и Киркегарде, а в письме к Эйтингону от 10 сентября, — что он еще не готов (см. стр.79 и 84). Можно предположить, что наброски о Киркегарде и Нитше относятся к тому же времени, что письмо к Эйтингону. В вышеприведенных письмах к Шлецеру Шестов говорит о глубоком впечатлении, которое на него произвел Киркегард: «Прошедший год — моя встреча с Киркегардом — был особенно трудный»... «Меня прошлую зиму в связи с изучением Киркегарда измучили»... «Очень хотелось потолковать с Вами на эти темы: а то все приходится в себе самом вынашивать и иногда это очень трудно бывает». О «встрече» Шестова с Киркегардом Фондан пишет: «Шестов... сказал однажды, когда я заметил, что он выглядит похудевшим и усталым: "Ничего, в это состояние привела меня борьба с Киркегардом"». (B.Fondane. Heraclite le pauvre. — "Cahiers du Sud", №177, 1935, стр.579). К этому времени особенно применимы слова Г.Адамовича, сказанные обо всем творчестве Шестова:

«У него было "выстрадано" все, что другим далось даром. Оттого его книги останутся живы, когда будет забыто девять десятых из написанного его современниками». («Русские Записки», №13, январь 1939, стр.196).

* *
*

В это время Шлецер должен был познакомить Шестова с французским журналистом Фредериком Лефевром (Lefèvre), сотрудником еженедельной газеты «Нувель Литерер», который хотел написать о нем статью-интервью. В июне они должны были встретиться у Шлецера. Но встреча в это время не состоялась и была отложена на осень. Так как осенью Шлецера в Париже не было, то Лефевр просил друга Шлецера, Иосифа Ефимовича Путермана, устроить встречу. «От Путермана получил письмо, — пишет Шестов Шлецеру 8 октября, — что в субботу [10.08.1931] днем Лефевр с ним будут у меня. Жаль, что Вас тут нет — Таня будет помогать». В письме к Шлецеру Шестов описывает свои беседы с Лефевром:

> Лефевр был у меня два раза. Самая большая трудность была в том, что он все требовал, чтобы было понятно. 250 000 человек, говорил он, будут читать — и нужно, чтобы все понимали. Но в конце концов, помирились: он уступил и я уступил. Не знаю, будете ли Вы довольны, но если Вы, читая, не забудете, что невероятно трудно говорить понятно о непонятном, Вы будете судить снисходительно. К тому же еще мой французский язык. Хорошо, что Таня присутствовала — она все-таки выручила. Без нее, вероятно, ничего бы у меня не вышло. Она записывала, скорей догадываясь, что я хотел сказать, чем воспроизводила мои слова. Завтра получу корректуру. (20.10.1931).

Статья Лефевра появилась в «Нувель Литерер» 24 октября 1931 г. под заглавием «Час с Шестовым» («Une heure avec Léon Chestov»). Об этой статье Шестов пишет Шлецеру:

Я не очень рассчитываю, что будет большая польза [от статьи в «Nouv. Litt.]. Для Лефевра — т.е., по его мнению, для читателей Nouv. Litt. вышло слишком трудно. Для меня — наоборот, мы слишком щадили читательские головы. Правда, может быть, что и мне и Лефевру не видно: мы оба обалдели, и Таня тоже, от необходимости сочетать доступность с труднейшими философскими проблемами. Очень интересно, как Вам покажется: когда это письмо придет, верно, N.L. будут уже у Вас. (23.10.1931).

Вы, конечно, правы, утверждая, что в «Une heure avec» многое недосказано. Но я не думаю, что если бы Вы тут были, можно было бы больше сказать. Лефевр и без того в ужасе был от «трудностей», и мне стоило больших усилий заставить его внести в беседу те темы, которые я считаю важными. По-моему, и в таком виде для «250 000 читателей», о которых всегда говорил Лефевр, почти все непонятно. Как-никак я говорю и о том, что «добро не есть Бог» и о том, что не нужно связывать распавшуюся связь времен, и о борьбе с самоочевидностями, и о Библии, и о Дарвине против Библии, и об Эросе и идеях, и о Нитше, как защитнике Св.Писания — если бы читатели это усвоили, было бы более чем достаточно. Но все ведь пропустят мимо ушей! Я пробовал дать Лефевру «Скованного Парменида» — он взял его, просмотрел, но самым решительным образом заявил, что на такие темы беседовать нельзя. Что же касается Бергсона — то я сказал то, что думал. К сожалению, Лефевр из-за недостатка места сократил приведенные мною цитаты из Б. Это ослабило мое утверждение, что Б. дает основания для настоящей «критики чистого разума». Словом, я не оспариваю того, что Une heure avec не исчерпывает всего содержания моих писаний — но я думаю, что на 400 или 500 строчках этого сделать абсолютно невозможно. Нужно было или отказаться совсем от Une heure avec, или удовольствоваться возможным. Лефевр, собственно, интересовался только моими лит.-крит. работами. Он в самом начале первой беседы сказал мне: может, Вы и

> обидитесь, mais je crois que vous êtes le premier critique littéraire du monde. Обида в том, что я не «философ», а критик. И если мне все-таки удалось развить в Une heure avec целый ряд своих философских мыслей, то нужно быть и этим довольным.
>
> Нового у нас мало. Сегодня еду в театр на премьеру (репетиция) Martin du Gard и, вероятно, увижу там всяких людей. Если будет интересно — напишу Вам. (27.10.1931).

Шестов, конечно, послал Ловцким статью Лефевра. Посылая ее, он сообщает им (13.11.1931), что статья была перепечатана в журнале «Лю». Найти этот журнал не удалось.

* *
*

Как уже говорилось, издательство «Дент и сыновья» решило опубликовать по-английски книгу «На весах Иова», и Шестов попросил Лазарева проверять перевод. В октябре 1931 г. переводчики приступили к работе, а Лазарев несколько позже — к проверке перевода. По поводу этого издания Шестов пишет Лазареву, который тогда жил в Реймсе:

> Подписал договор с Дентом и начали переводчики работать. Сегодня получил письмо от madame Coventry, что ее работа подвигается, что она скоро закончит главу о Паскале — она начала с этого, и, что работа второго переводчика, ее брата, подвигается еще быстрее. Как мы с Вами условились — Вам перевод будет посылаться непосредственно по частям, и Вы будете его тоже возвращать прямо переводчикам, по прочтении. На днях, вероятно, Вы получите несколько десятков страниц — от м-м Ковентри, и, может быть, столько же от брата. Но Вы не пугайтесь. Помните, что Ваша задача сводится исключительно к тому, чтобы предупредить возможность ошибок. Поэтому

читайте прямо, не сравнивая с подлинником, и обращайтесь к подлиннику только в том случае, когда Вам покажется, что переводчик ошибся. О стиле же и даже о близости к подлиннику — не заботьтесь нисколько. Таким образом, у Вас работы будет много меньше, и Вы не будете задерживать переводчиков. Главное внимание, конечно, нужно будет Вам обратить на теоретические главы: 1) «Наука и свободное исследование» (вместо предисловия). 2) «Неистовые речи» (Плотин). 3) «Что такое истина». Потом на греческие цитаты. Если греческий Вас затрудняет, то можно так устроить, что последние корректуры я сам буду просматривать. Вперед очень благодарю за услугу и только еще раз прошу: не делайте себе слишком трудной задачу. Тогда Вам не нужно будет слишком напрягаться, а то, что нужно, будет сделано. (30.10.1931).

Насчет Плотина я и сам того же мнения, как и Вы. Когда Вы будете читать последнюю главу книги, которой перевод Вы теперь поправляете, «Что такое истина», Вы увидите, что, по-моему, Плотин «взорвал» традиционное учение о Логосе. «Взлететь над разумом и познанием» значит, что истина средствами разума добыта быть не может. Замечательно — я это тоже отмечаю в названной главе, что Плотин видел своих главных врагов (идейных, конечно), в гностиках, в тех гностиках, которые, подобрав все, что можно было из крох, падавших со столов греческих философов, потом попрали себе под ноги и отцов Церкви, создавших католическое богословие. Но плотиновское «взлететь над разумом и познанием» оказало мало влияния или даже не оказало почти никакого влияния на последующее развитие философского мышления. Не только средневековая, но и вся новая философия не может выйти из заколдованного круга, очерченного древними учителями. Порывы свободного мышления, если и встречаются, то вне большой дороги философии — Паскаль, Нитше, Достоевский, Киркегард. Но и у них — страх перед вечными законами бытия и мышления постоянно тяготеет или отягчает их крылья. Скованный Парменид — это тип или образ того, что мы обычно называем «сво-

бодным исследованием». Необходимость, Αναγχη царствует в нашем мире, как она царствовала и в древнем. Но об этом нет надобности распространяться в письме: этому посвящена вся книга «На весах Иова» и об этом Вам придется немало от меня через эту книгу услышать. (15.12.1931).

Очень совестно мне, что я Вам столько работы задал. Но что было делать? Положиться на переводчиков невозможно — а сам я английского не знаю. Вы и в прочитанных — менее трудных главах — находите ошибки, а дальше, в особенности в статье о Плотине и Спинозе и потом в предисловии — верно, ошибок будет больше. Переводят они, особенно брат, очень быстро — и, конечно, при недостаточной философской подготовке, могут легко напутать. Хорошо еще, что Вы взялись просматривать — иначе ни за что нельзя было бы поручиться. Совестно мне очень — и единственное, что могу Вам сказать, что Вы оказали мне очень большую услугу и что я Вам за эту услугу бесконечно благодарен. (31.12.1931).

Опять большое Вам спасибо за Ваш нелегкий труд. Совестно мне, конечно, несмотря на все, что Вы пишете, что я возложил на Вас такое бремя — но положительно не знаю, что бы я без Вас делал. Теперь я, по крайней мере, спокоен, что грубых ошибок и бессмыслицы не будет. А так, даже и после напечатания книги, меня бы всегда грызло сомнение, что переводчики, которым строй мысли моей чужд, внесли, без умысла, конечно, перемены, искажающие смысл. (18.06.1932).

Очень меня огорчает, что Вы так волнуетесь по поводу английского перевода моей книги. Видимо, Вы еще в этих делах человек непривычный. Я уже давно махнул рукой и на издателей, и на переводчиков, и на редакторов. Если бы я реагировал на все неприятности, которые они мне делают, как Вы — у меня не было бы ни одной минуты спокойной. Все они только о своих делах думают, а мои книги для них только внешний объект и очень редко бывает, что переводчик в самом деле и читатель.

Один только Шлецер. Я уже так привык к такому порядку вещей, что скорее удивился бы, если бы с изданием английской книги все обошлось благополучно. И Вы так делайте: Schwamm drüber.

Еще хорошо, что все-таки Вы просмотрели, и я знаю, что в общем все-таки особенных погрешностей не будет. И я был бы очень рад, если бы Вы больше думали о том, что Вам удалось сделать, чем о том, что Вам сделать не удалось. Очень рад буду, как всегда, видеть Вас в воскресенье. Будем беседовать не об издателях и переводчиках, а о своем. Мне чрезвычайно любопытно будет услышать от Вас, что Вы думаете о «На путях Достоевского»* и, кроме того, есть тоже многое порассказать Вам. (26.10.1932).

На прошлой неделе получил английского «На весах Иова» [In Job's Balances] и еще раз приношу Вам самую искреннюю благодарность за проверку перевода. Сам я настолько слабо знаю английский, что не могу совсем судить о том, насколько правильно переведено и, только благодаря тому, что перевод просмотрен Вами, я спокоен. (24.11. 1932).

* * *

Доклад Шестова в Нитшевском обществе в Берлине, который должен был состояться в ноябре 1931 г. (см. стр.79), был отложен на май 1932 г. Шестов пишет матери:

Получил твое поздравительное письмо — большое тебе спасибо. По обыкновению, отпраздновали, собравшись все вместе, [мое] рождение, и даже к обеду был большой пирог: Анна заказала в русском пансионе...

Надеюсь, что скоро увидимся. 25 мая назначен мой доклад в Берлине — так что во второй половине мая я

* Benjamin Fondane. Sur la route de Dostoïewsky: Martin Heidegger. "Cahiers de Sud", №141, июнь 1932 (см. стр.22 и 99-100).

к вам приеду. Я уже вперед радуюсь этому — мои поездки в Берлин для меня и отдых и удовольствие. [15.02.1932].

В марте 1932 г. в №8 журнала «Ориент унд Окцидент» появилась статья о Шестове (Karl Brzoska. Freiheit und Notwendigkeit. Zu Leo Schestows Buch auf Hiob's Waage). В письме от 24 марта 1932 г. Шестов советует Ловцким прочесть статью, так как она «обстоятельная и хорошая». Редактор журнала, швейцарский протестантский теолог Фриц Либ (1892-1970), был большим знатоком русской духовной культуры и православия. Он был дружен с Бердяевым, через которого Шестов с ним и познакомился. Бердяев о нем пишет, что тот «был совершенно помешан на русских и России, имел чудесную русскую библиотеку, просил называть его Федором Ивановичем, хотя он был Фриц... Его отношение к русской мысли было трогательно. Он раздирался между К.Бартом и русской религиозной философией» («Самопознание», стр.300). До 1930 г. Либ жил в Базеле. Затем он был, до прихода Гитлера к власти, профессором богословского факультета Боннского университета. Оттуда он уехал в Париж и в 1936 г. вернулся в Базель. С Шестовым Либ познакомился в тридцатые годы в Базеле. У г-жи Рут Либ сохранилось 23 письма Шестова к Либу, написанные между апрелем 1928 и сентябрем 1935 г. В письме от 17.04.1928 Шестов благодарит Либа за книги, которые тот ему передал через д-ра Лунина (работы К.Барта и работа пастора Турнейзена о Достоевском). 1-7 ноября 1928 г. Шестов навестил Либа в Базеле и записал в его альбом: «Добро, братская любовь не есть Бог. Нужно искать того, что выше любви, нужно искать Бога (заключительные строки книги "Добро в учении Толстого и Нитше"). Позвольте, дорогой Федор Иванович, вписать эти слова в Вашу книгу — за свое пребывание у Вас я убедился, что эта моя основная мысль — есть и Ваша основная мысль». В то время, когда Либ был в Бонне, он устро-

ил Шестову, по его просьбе, приглашение прочитать доклад в Боннском университете во время его пребывания в Германии. (Доклад не состоялся — см. стр.97.)

*

В апреле Тане и Наташе (по просьбе хозяина) пришлось освободить квартиру на улице Летелье. Им посчастливилось найти другую, очень приятную, недалеко от Балаховских, на улице Массне (10 rue Massenet, Paris 16).

* * *

Как уже указывалось (стр.86-87), Шестов закончил 6 мая 1932 г. большую работу «В фаларийском быке», первоначальный текст которой он начал писать в сентябре 1931 г. В течение восьми месяцев он работал над ней с большим напряжением и сильно переутомился. Он пишет Ловцким и Фондану:

> Последнее время я чувствую себя очень неважно. И сейчас все так же. В чем дело, трудно сказать. Был у доктора: он осветил меня, нашел и сращения и опущения и некоторое расширение аорты, прописал лечение. Я лечусь, но пока лечение результатов особенных не дает. Самое плохое — это чувство слабости: все трудно. Вероятно, тут тоже и переутомление. Последние две зимы были у меня очень напряженные и это сказалось. Беды бы тут большой не было — вероятно, теперь, когда работу закончил, все уляжется, и после летнего отдыха буду опять себя лучше чувствовать. Но ведь на конец мая назначен мой доклад в Берлине — а я абсолютно в таком состоянии не могу ехать. Очень это досадно — главным образом потому, что не придется с вами повидаться теперь, как я рассчитывал — но ничего не поделаешь: нужно отложить доклад на осень, если Nietzsche Ges. согласится, или совсем от него отказаться. (Ловцким, 11.04.1932).

> Excusez-moi, mon cher ami, si je suis un peu en retard avec ma lettre. Aussitôt reçue votre pièce ["Le festin de Balthazar"], je l'ai relue, mais ces derniers temps j'éprouve toujours une fatigue ennuyeuse qui m'empêche de faire même le petit effort nécessaire pour écrire une lettre. J'espère qu'après le repos d'été ça passera — mais à présent il ne me reste qu'à me résigner...
>
> Je vous remercie aussi pour le numéro des Nouvelles Littéraires, l'article de B. [Brunschvicg] est très significatif — spécialement la conclusion: "J'ai toujours enseigné — laisse-t-il dire à Bergson — que c'est l'esprit qui doit dominer le corps". Mais qui donc n'a pas enseigné cette grande vérité? Valait-il la peine d'écrire un livre* afin de répéter une fois de plus ce qui a été répété des milliers de fois depuis des siècles? Ça m'a tout l'air que Brunschvicg se moque de Bergson, quoique, bien entendu, il n'ait voulu que le louer! (Фондану, 23.04.1932).

Пришлось, конечно, не только отложить поездку в Берлин, но и отказаться от доклада в Бонне. Вероятно, уже зимой 1931 г. Шестову пришлось прервать курс в Сорбонне. Он его возобновил 3 декабря 1932 г.

К началу лета самочувствие Шестова улучшилось мало. Он пишет Лазареву:

> Спасибо и Берте Абрамовне и Вам за приглашение. Очень бы рад был провести у Вас несколько дней: но живи не как хочется, а как можется. Вы знаете, мне пришлось отложить свою поездку в Германию из-за нездоровья, хотя ехать очень интересно и нужно было. Мне предлагали в трех местах читать — между прочим, в Бонне, где сейчас Карл Барт. И все же я не поехал. Когда чувствуешь себя плохо, дома еще кое-как можно существовать: приспособлено все. А всякое путешествие и, главное, новые условия, это угроза осложнения. Приехать к Вам и валяться: это уже

* Henri Bergson. Les deux sources de la morale et de la religion. Paris, 1932.

ни для Вас, ни для меня не интересно. Лучше уж Вы как-нибудь ко мне соберитесь. (11.06.1932).

Очень мне досадно, что не могу приехать к Вам, но Вы сами понимаете, что это невозможно. Надеюсь все-таки, что мы с Вами увидимся до моего отъезда [в Шатель]. Я уеду, как только Шлецер закончит французский перевод моей новой работы [«В фаларийском быке»], это приблизительно через две или три недели, значит, между 5-м и 12-м июля. Хотелось бы поскорее уехать. Тут, когда живешь один, никак не убежишь от «мыслей» и отдохнуть настоящим образом не удается. С полок глядят на тебя беспокойные люди всех времен и, сколько ни уберегаешься, все время в голове и в душе точно жернова ходят.

Прочли Вы уже последнюю книгу Бергсона? Читается она очень легко и, в своем роде, любопытно ее читать. Ведь он столько лет — чуть ли не четверть века готовил ее. Меня очень занимает неразрешимый, к сожалению, вопрос — что он сам о ней думает? Удовлетворяет ли его то, что он, по словам Брюншвика, (в Нувель Лит.) называет своим «учением»? Если Вы до нашей встречи успеете ее прочесть, очень мне будет интересно услышать Ваше о ней суждение. (18.06.1932).

В это время Шестов читал недавно вышедшую книгу Мартина Бубера «Царство Божие» («Königtum Gottes» — первый, единственно опубликованный том многотомного труда «Das Kommende»), которую ему прислал автор. Шестов пишет Буберу об этой книге и о вышеупомянутой книге Бергсона:

Lange habe ich keine Nachrichten von Ihnen gehabt! Mit einem Mal kommt Ihr Herrliches Buch — und beinah während einer Woche täglich, in dem ich das Buch gelesen habe, schein mir dass ich wieder Sie meinen herzlichsten Dank für Ihr Buch! Ich habe es mit aüsserster Spannung gelesen — und jetzt, nachdem ich mit Lesen fertig bin, wieder fast jeden Tag einzelne Blätter durchsehe — um besser in Ihre Gedanken mich vertiefen zu können. Obschon, wie Sie in dem Vorwort sagen, Sie haben auf den ersten Plan über

den biblischen Glauben ein Buch zu schreiben verzichtet, ist doch Ihr Werk dem biblischen Glauben gewidmet. Ist denn möglich über die Bibel zu sprechen ohne die Probleme des Glaubens zu berühren? [Далее следует страница с обсуждением нескольких отрывков из книги «Königtum Gottes», которую мы опускаме].

Ich kann selbstverständlich, in diesen Paar Zeilen, nicht Ihnen erzählen, welchen mächtigen Eindruck Ihr Buch auf mich gemacht hat. Besonders, da ich gleichzeitig das neue Buch Bergson "Les deux sources de la morale et de la religion" gelesen haben. Kennen Sie dieses Buch? Er schreibt (Seite 242): "ni dans la Grèce ni dans l'Inde antique il n'y eu de mysticisme complet" und (Seite 257) "entre Israel et son Dieu il n'y avait pas assez d'intimité pour que le judaisme füt le mysticisme que nous définissons". Für ihn ist nicht nur der heil. Paulus, sondern die heil. Therese und andere katholische Heiligen sin näher zum Gott als die Propheten! Wenn Sie das Buch noch nicht gelesen haben — Sie sollen es doch lesen. Da werden Sie einen neuen Beweis haben wie weit die meisten Menschen — selbst solche wie Bergson — von der Bibel sind, und wie nöthig sind in unserer Zeit die Bücher, wie das Ihrige. Sie sollten eigentlich Ihr Buch auch Bergson schicken — obschon ich nicht Glaube, das er Sie erhören wird...

Ich habe jetzt eine grössere Arbeit zu Ende gebracht über das Wissen und die Freiheit, wo ich bemüht bin zu zeigen, dass das Wissen bei Menschen die Freiheit genommen (Baum der Erkenntnis). (9.06.1932).

9 июля Шестов уехал в Шатель. Как и в предыдущие годы, Шестовы живут в отеле «Пале-Рояль». В Шателе Шестов получил статью Фондана «На путях Достоевского: Мартин Хейдеггер» (см. прим. на стр.94), а также книгу Германа фон Кейзерлинга «Южноамериканские размышления» («Méditations sud-americaines»). Он пишет Фондану:

Votre article — je l'ai lu deux fois — me parait très réussi. Vous avez si bien mis au centre la question de la

critique de la raison pure, et avec beaucoup de finesse, par les citations de Dostoiewsky et Heidegger lui-même montré que la raison ne peut pas se critiquer ell-même et qu'un philosophe doit opposer à la raison un principe tout à fait indépendant. Je regrette seulement que la citation, page 386 (première ligne) soit un peu affaiblie par la tradition. Chez Dostoiewsky, au lieu de: "me déplaisent" il est dit: "me sont odieux". Et après j'aurais préféré qu'au lieu d'affirmer que Heidegger a peur de la vraie critique de la raison, vous lui posiez la question s'il a ou s'il n'a pas peur d'aller avec Dostoiewsky jusq'au bout. Parce que — après tout — nous ne pouvons pas encore savoir où aboutira la philosophie de Heidegger. Sans cela, l'article est excellent...

J'ai lu aussi la note d'Audard [Jean Audard] sur Bergson. Elle est impitoyable et si elle tombe sous les yeux de Bergson il passera un mauvais quart d'heure. B. ne devrait pas s'aventurer dans un domaine dans lequelle il n'est pas chez lui.

Autant que le traitement me le permet, je lis peu à peu le dernier livre de Keyserling. Il faut absolument que vous le lisiez aussi et même ce serait très bien si on vous donnait la place dans les Cahiers pour en faire une petite note. Le livre est très curieux. (29.07.1932).

В том же номере «Кайе дю Сюд», что и статья Фондана, была опубликована статья Д.Х.Лоуренса о романе, которая заинтересовала Шестова. Он пишет Шлецеру: «Lawrence ведь мой переводчик и знает мои книги — очень любопытно, как в его статье преломилось то, что он у меня о Толстом прочел».

О своей жизни в Шателе и о своих чтениях Шестов рассказывает Шлецеру и Лазареву:

Вы спрашиваете моего разрешения на посвящение мне Вашей книги о Гоголе. Спрашиваете, конечно, чтобы исполнить обычную формальность, т.к. наверное знаете, что это посвящение, как новое выражение Вашей ко мне дружбы, ничего, кроме радости, мне не может принести. Что в книге будут мысли, которые я не разделяю, или которые даже

мне чужды — это, само собой разумеется, не может служить препятствием. У Вас есть и должно быть свое — и чем больше в книге это «свое» скажется, тем она ценнее будет. Жду с нетерпением ее выхода в свет. Неужели она будет уже в сентябре выпущена?..

Прочли Вы статью Lavell'a о Heid.? Бердяев говорил мне, что Лавель нанисал две очень интересные книги — и одну о «бытии» (l'être). И по его статье в Temps* видно, что он думающий человек. Получил я от Кейзерлинга его новую книгу (по-французски) «Размышления о Юж.Америке». Очень любопытная: Вам непременно будет нужно прочесть. Получили Вы от Фондана оттиск его статьи о Heidegger? Интересно знать Ваше мнение о ней.

У меня все благополучно. Лечусь и довел уже до половины лечение. Конечно, сейчас устал, как всегда при лечении бывает. Но до 15 августа — закончу и тогда за месяц (т.е. до отъезда 15 сентября) наверное отдохну. (Шлецеру, 1.08.1932).

Я здесь почти ничего не делаю. Единственно — с большими промежутками читаю во французском переводе присланную мне Кейзерлингом его последнюю книгу: «Южноамерик. размышления». Любопытнейшая в своем роде книга — отражающая в себе все современные течения мысли. Особенно сильно влияние Фрейда — но чувствуется и Бергсон, и Нитше, и Киркегард, и Heidegger, причем, кроме Фрейда, Кейзерлинг ни на кого не ссылается. Когда я окончу читать, напишу Вам подробнее, или, еще лучше, когда встретимся, расскажу Вам о ней. Попались лишь две рецензии на книгу Бергсона. Одна в протестантском журнале — восторженная. А другая в Cahiers du Sud [июнь 1932] очень суровая. Автор прямо говорит, что лучше бы Бергсону не писать о вещах, в которых он ничего не понимает (о мистике). В примечании редакции указано, что и другие критики не менее сурово отзывались о книге. Может быть, все-таки в конце концов, суровость критиков, хотя и законная по существу — не уместна. Бергсон сейчас

* Louis Lavelle. L'Angoisse et le Néant. — "Le Temps", 3.07.1932.

тяжко болен и можно было бы его избавить от огорчения читать такие отзывы о своей книге. Тем более, что в книге, собственно говоря, вредного (?) нет ничего. (Лазареву, 1.08.1932).

Нового у нас нет ничего. Я закончил лечение несколько дней тому назад и, как всегда, очень устал от ванн и всего прочего. Но у меня впереди целый месяц еще — успею отдохнуть. Погода отличная стоит — только, пожалуй, чересчур жарко. Мне-то ничего — в Шателе есть, где укрыться от жары. Плохо приходятся А.Е.: очень трудно в такую жарищу работать. А у Вас, верно, еще жарче.

Дочитал Кейзерлинга. Вам непременно нужно будет прочесть эту книгу. Любопытно, что он, как и Бергсон — кончает тем, что plaisir человеку не разрешает, но зато предоставляет ему joie в каком угодно количестве. По-моему, оба слишком щедры: если запрещать, то не только plaisir, но и joie. Ведь и joie предполагает какие-то права за человеком, а раз у человека есть права — то всегда возможно, что он не захочет подчиниться увещаниям учителей мудрости. Но книга Кейзерлинга отлично написана — он умеет соединить важность и строгость учителя мудрости с пикантным остроумием светского человека. И я думаю, что его «южно-американские размышления» найдут себе большой круг читателей даже во Франции. (Шлецеру, 19.08.1932).

То, что Вы пишете о Бергсоне, очень правильно: не нужно было именно ему, который до сих пор писал только о том, что он, как говорят, видел своими глазами, нащупывал своими руками, выпускать книгу, в которой рассказывается о вещах, известных ему лишь понаслышке. Конечно, большинство людей так всегда пишет — но ведь он не большинство, а Бергсон. Многое хочется об этом Вам сказать, но лучше не в письме, а при личном свидании поговорим, благо уже не долго ждать: через неделю я буду уже у себя дома и, Бог даст, и Вы теперь, когда на фабрике меньше дела, чаще будете наезжать в Париж. (Лазареву, 9.09. 1932).

С Бергсоном у Шестова личного общения не было, и он никогда не искал с ним встречи, он только вскользь упоминает о нем в некоторых сочинениях, как, например, в этюде о Толстом «На страшном суде». Их мысли шли по совершенно разным путям. Шестов часто говорил о нем со своими друзьями. Лазарев* и Ловцкий** написали исследования о Бергсоне. Фондан записал несколько бесед с Шестовым о Бергсоне и о его последней книге. В трех из этих бесед Шестов говорит:

> Бергсон мог бы быть после своей первой книги «Непосредственные данные сознания»*** прекрасным философом. Когда я читал эту книгу в Швейцарии [вероятно, в 1920 г.], это чтение доставило мне большое удовольствие. Но затем он нанисал «Творческую эволюцию»****. После этого было видно, что совершенно не нужно было ему писать «Два источника морали и религии»*****. (Фондан, стр.97).
>
> Мало сказать, что книга Бергсона «Два источника» — книга слабая. Следует поставить вопрос — почему? Почему Бергсон, в целом хороший философ и хороший писатель, взявшись написать книгу о религии и морали, написал слабую книгу. Он, который всегда хотел, чтобы его считали иррационалистом, как только начинает говорить о Боге, говорит с точки зрения разума. (Фондан, стр.71,72).
>
> Человеческий разум был, вероятно, создан природой исключительно для практической деятельности. Но неожиданно этот разум преодолел установленные для него границы и стал размышлять для самого себя. Таким образом, он дошел до создания богов.
>
> Итак, по Бергсону, боги был изготовлены Коллеж де

---

* Adolphe Lazareff. La philosophie de Bergson. (Глава 3 книги: Adolphe Lazareff. Vie et connaissance. Paris, "Vrin", 1948.)

** Hermann Lowtzky. Henry Bergson und Leo Schestow. Неизд. рукопись, законченная, вероятно, в 1923 г. 127 стр.

*** Essais sur les données immédiates de la conscience (1889).

**** L'Evolution créatrice (1906).

***** Les deux sources de la morale et de la religion (1932).

Франс (Collège de France) наподобие тех богов, которых Библия называет идолами. А если люди не захотят богов серийного производства Коллеж де Франс? Однако Бергсон преклоняется перед богами, он признает все, даже выказывает уважение к Библии. Но в целом, зачем сохранять богов, оказывая им уважение, если нашим «свободным» глазам они представляются уродливыми и трусливыми...

В течение последних двух лет я читал только Киркегарда, Лютера, Платона, Нитше. Читая Бергсона после этих гигантов, я снова оказался на земле. Зачем же Бергсон написал это? (Фондан, стр.107).

Из Шателя Шестова поехал 10 сентября в Экс-ле-Бэн повидаться с Ловцкими, и оттуда 18 сентября — домой, в Булонь.

Вернувшись в Булонь, он пишет Шлецеру:

Киркегард у меня до сих пор не выходит из головы. Мне даже хочется специально о нем нанисать небольшую статью — еще раз на тему Авраам и Сократ. Особенно еще ввиду того, что я сейчас получил две новые книги Мартина Бубера, из которых я мог снова убедиться, что Киркегарда даже самые его горячие поклонники (Бубер считает, что в 19 столетии было всего 2 великих человека: Достоевский и Киркегард) истолковывают как продолжателя дела Сократа. Бубер даже не упоминает в своих книгах имени Киркегарда — но и у него «диалектика» сохраняет свои права. Мне один философский немецкий журнал предложил через самого Бубера написать рецензию о его последней книге. Но мне это очень трудно, т.к. в рецензии, т.е. в коротенькой статье невозможно выяснить все те чуть заметные на первый взгляд различия, из которых рождается непримиримость между Авраамом, идушим, сам не зная, куда он идет, и Сократом, требующим от человека, чтоб он знал, куда идет. Не знаю, какое у Вас впечатление от книги Киркегарда — но у меня всегда оставалось чувство, что по Киркегарду даже сам Бог, в последнем счете, бессилен против ужасов бытия, и что ужас

не может спорить с непосредственными данными сознания. И все-таки Киркегард (в этом его огромная заслуга) не переставал говорить об этих ужасах, которые не могут спорить с данными сознания. Это, мне кажется, самое замечательное в его писаниях. (19.09.1932).

В этом письме Шестов пишет: «я сейчас получил две новые книги Мартина Бубера... мне один философский немецкий журнал предложил через самого Бубера написать рецензию о его последней книге». Из других писем Шестова к Буберу видно, что речь идет о журнале «Блеттер фюр дейче Философи» и о двух книгах Бубера, вышедших в 1932 г.: «Königtim Gottes» и «Zwiesprache». Первую из них Шестов уже получил, вероятно, в июне и о ней писал Буберу в письме, датированном 9-м июня 1932 г. (см. стр.98-99). Просьба Бубера написать рецензию для «Блеттер» относится, без сомнения, ко второй из этих книг, которую Бубер, очевидно, послал Шестову после того, как получил письмо Шестова от 9 июня. Сохранилось восемь писем Шестова к Буберу, относящихся к рецензии. Приводим отрывки из четырех из них и из трех писем Шестова к Ловцким, в которых рассказано, как писалась рецензия*:

> Wenn ich Ihnen nicht sofort auf freundliches Schreiben geantwortet habe, das kommt davon, dass Sie mir eine schwere Aufgabe gestellt haben... Es ist nicht meine Art Besprechungen zu schreiben. Nicht desto weniger ich bin bereit zu versuchen mit der "Zwiesprache" (Буберу, 22.09.1932).

> Es sie — wie Sie sagen: ich schreibe eine Besprechung deutsch und schicke sie Ihnen. Sie werden sie durchlesen, korrigieren und falls Sie Ihnen zusagt, an den Herausgeber von "Blätter" übersenden. Und zwar bitte ich noch einmal: seien Sie schonungslos — in diesen Sachen muss man schonungslos sein. Und auch das härteste Wort von Ihnen wird mich nicht beleidigen, da ich in Ihnen den Freund fühle.

* В письмах Шестова к Буберу, написанных по-немецки, мы сочли возможным исправить орфографически и грамматические ошибки.

Vor einigen Tagen bin ich zusammengetroffen mit Prof. Berdiaiew und habe mit ihm über Ihre Schriften gesprochen. Zufälligerweise war dabei ein junger Theologe aus Bonn gegenwärtig. Prof. Fritz Lieb. Beide interessieren sich in höchstem Grade für Ihre Ideen, und da wurde beschlossen, dass Prof. Berdiaiew deutsch besprechen muss Ihre Bücher (im "Orient und Occident" — Prof. Lieb so wie Berdiaiew gehören zu der Redaction dieser Zeitschrift), russisch in der russ. Zeitschrift "Der Weg." (Буберу, 29.09.1932).

Уже закончил статью (вышло стр. 10 все-таки) о Бубере, которую я написал по-немецки, согласно его собственному желанию (с тем, что он исправит все погрешности языка и стиля). В начале будущей недели пошлю ему: не знаю, будет ли он доволен статьей, но уже наверное ему с моим немецким языком придется повозиться. Но я и сам немало повозился со статьей: почти два месяца. Писать мне не очень хотелось, но читал я его с очень большим интересом и не жалею, что потратил столько времени. (Ловцким, 3.11.1932)

Gleichzeitig übersende ich Ihnen, wie es zwischen uns ausgemacht war, eingeschrieben meine "Besprechung". Sechs Wochen war ich ausschliesslich mit ihr zu entscheiden. Ich möchte nur noch einmal Ihnen nicht zu sagen, ob sie mir gelungen ist. Es ist weder Besprechung, noch Auseinandersetzung: vielmehr scheint es mir eine Art von Zwiesprache mit Ihnen zu sein. Aber wieder weiss ich nicht, ob ich Sie richtig vernommen habe, und auch nicht, ob meine Stimme und meine Worte laut und deutlich genug sind, um von Ihnen vernommen zu verden. Das ist, aber, auch nicht mir, sondern Ihnen beschäftigt — und jetzt, wenn sie fertig ist, weiss ich wiederhollen, was ich Ihnen schon geschrieben habe: falls die Besprechung Sie nicht befriedigt, brauchen Sie sich gar nicht genieren: lassen Sie sie ganz ruhig bei Seiten liegen und kümmern Sie sich gar nicht darüber. Selbstverständlich steht es Ihnen ganz frei, alle sprachlichen und stylistischen Verbesserungen zu machen — und ohne mich darüber anzufragen — die Sie nöthig finden werden: ich habe keinen Anspruch auf volkommene Kenntnis der deutschen Sprache. Dazu schreibe ich deutsch zum ersten Mal —

immer hat ein Übersetzer meine Schriften verdeutscht. (Буберу, 4.11.1932).

Со статьей о Бубере все кончилось благополучно. «Das Manuskript wird jetzt in ein korrektes Deutsch gebracht und dann an die Redaktion der "Blätter" gesand», — пишет он. Надо думать, что mein Deutsch был очень далек не только от совершенства, но и от Korrekt, но, раз его можно исправить — значит, все обошлось. Вообще вся эта история очень интересна, и я не жалею, что потратил столько времени на работу. Может быть, я ее и по-французски устрою. Бубер тоже прислал мне XI и XII томики своего перевода Библии в черном переплете, как и остальные, которые уже раньше присылались. (Ловцким, 11.11.1932).

Es freut mich sehr, dass Sie meinen Aufsatz als eine Art von Zwiesprache mit Ihnen verstanden haben. Das wollte er eben auch sein. (Буберу, 12.11.1932).

С Бубером все обошлось благополучно. И «Blätter für die deutsche Phil.» довольны моей статьей: Бубер прислал мне письмо от редактора, в котором тот благодарит за ausgezeichneter Beitrag мой. (Ловцким, 23.11.1932).

После того, как Шестов узнал, что Бубер одобрил его статью, он предложил Бердяеву напечатать ее по-русски в «Пути» и Леви-Брюлю — по-французски в «Ревю Фил.» Оба журнала ее приняли, и с «Блеттер» было условлено (письмо Шестова к Буберу от 10.02.1933), что статья выйдет по-немецки и по-французски одновременно, в сентябре 1933 г. в «Блеттер» и в «Ревю Фил.» Но 1 июня «Блеттер» вернул Шестову статью, ссылаясь на недостаток места. По-французски она вышла в номере «Ревю Фил.» за ноябрь/декабрь, несколько позже предвиденного. По-немецки статья все же была опубликована — в октябре 1934 г. в №17 журнала «Ориент унд Окцидент». До этого она появилась по-русски в журнале «Путь» №39, июнь 1933 г. В «Пути» №38 была опубликована рецензия Бердяева на три книги Бубера.

Приведенные выше отрывки из писем к Буберу касаются возникновения и работы Шестова над статьей о Бубере.

В двух первых письмах к нему Шестов также излагает мысли о грехопадении, возникшие у него, когда он обдумывал и писал статью. Однако включить их в статью Шестов не хотел. Вот эти мысли:

> Die Besprechung wird mir auch erschwert, weil mir nicht vollkommen klar ist, wie Sie eigentlich die biblische Erzählung von der Erbsünde verstehen. Sie schreiben, dass wir hier uneinig sind. Ich ahnte es — aber nirgendwo in Ihnen Schriften habe ich Ihre Meinung ausgesprochen gefunden — und das sollte nicht zufällig sein. Wenn nicht alles trügt — mir scheint, dass Sie wie auch Kierkegaard (mit dessen Werken habe ich [mich] die letzten 3 Jahren viel beschäftigt) hätten sagen können: "mit der biblischen Schlange kann ich keinen bestimmten Gedanken verknüpfen". Doch es ist beinahe unmöglich für uns, Erben der hellenischen Kultur, anders zu urteilen. Und dennoch etwas in mir sagt: die biblische Erzählung ist doch wahr, obschon unverständlich, ja unbegreiflich. Mit Pascal zu sprechen: die biblische Erzählung is unbegreiflich, aber ohne diese wird das Leben unbegreiflich — oder, möchte ich lieber sagen, unerträglich. Sündenfall bedeutet, dass wir alle in der Macht "der Schlange" sind. Und Kierkegaard selbst fühlt besser, als jemand diese schreckliche Abhängigkeit: daher sein gewaltiger Ernst. Das ist auch bei Luther zu spüren, und auch bei Nietzsche, der Luther viel näher war, als man sonst glaubt. Wenn er Sokrates und sich selbst décadents heisst, was bedeutet das eigentlich? Ist denn décadence was anderes als Sündenfall? In meiner letzten Arbeit spreche ich ausführlich darüber — hier möchte ich nur sagen dass überall, wo man den "Ernst" findet, darf man beinahe mit Sicherheit schliessen, das die Schlange da gegenwärtig sei. Und da in allem, was ich von Ihnen gelesen habe, der selbe gewaltige Ernst herrscht, den wir bei Kierkegaard und Nietzsche, Luther und Dostojewsky gefunden haben, glaube ich mich nicht zu irren, wenn ich behaupten werde, dass auch Sie zu gut wissen, was die alte Schlange bedeutet und wie ungeheuer gross ihre Macht über die Menschen ist. Ist den "das Es" bei Ihnen nicht die Schlange? Ich

beabsichtige nicht darüber zu schreiben in der Besprechung — aber privatim, kann ich nicht von Ihnen meinen Eindruck verheimlichen. Sie, die so prächtig die Bibel ins deutsche übertragen haben — ist es möglich, dass die Schlange, mit welcher die Psalmisten und die Propheten so beständig und so verzweifelt gerungen haben, Ihnen unsichtbar geblieben? Ich bin überzeugt, dass, wenn Sie auch nicht darüber sprechen, — Sie doch, um Ihre Sprache zu gebrauchen, immer darüber schweigen. (22.09.1932).

— Und jetzt wieder zu der alten Schlange. Sie empfehlen mir S. XIX — XXIII Ihrer Chassidischen Bücher. Aber eben diese Seiten (ich habe bei mir dieses Buch), so wie auch einige Zitationen die Sie aus Chassidischen Schriften machen, haben mich an Kierkegaard's Worte über die Schlange erinnert. Und auch das, was Sie über Spinoza schreiben. Sie sagen, dass das letzte Buch — die Zwiesprache — das Buch Ihres Herzens ist. Aber, falls der Leser auch Recht hat, selbständig über die Schriften eines Verfassers zu urteilen — muss ich sagen, dass ich einen Eindruck gehabt habe, dass "die Chassidischen Bücher" — auch das Buch Ihres Herzens ist, und das "Ich und" — auch. Überhaupt alles was Sie veröffentlichen von Ihrem Herzen kommt. Sie haben diesen gewaltigen Ernst, von dem Kierkegaard und Nietzsche uns so viel erzählt haben, und das macht, dass alles, was Sie schreiben, so eindrucksvoll ist. Ich verstehe sehr gut, was Sie in Ihrem Briefe über die Schlange und über peccatum original geschreiben. Aber /...?/ Sie zitieren (Seite 317) die Worte eines Zaddikim der von seiner Seele sagt, sie sei von denen gewesen, die vor der Erbsünde aus Adam, in dem alle Seelen beschlossen waren, entflohen sind und vom Baum der Erkenntnis nicht gekostet haben. Es sei dahingestellt, ob solche Ausnahmen in Wirklichkeit existierten — aber das bezeugt, dass auch die Zaddikim zugegeben haben, dass im ersten Menschen haben wir alle gesündigt. Dass dieses für uns alle ganz unbegreiflich ist (auch für mich) gebe ich gern zu. Aber je älter ich werde desto sicherer fühle ich, dass in der biblischen Erzählung eine ungeheurer wichtige und tiefe Wahrheit uns offenbart ist. Aber die Macht der Schlange über uns ist so gross, das wir

> nicht im Stande sind diese Wahrheit in uns aufzunehmen. Nicht einmal Kierkegaard, für den, wenn alles nicht trügt, gerade diese Wahrheit das einzige, was Not tut war. Es ist beinahe unmöglich in einem kurzen Briefe darüber zu sprechen — vielleicht kommen Sie doch nach Paris und uns die "Zwiesprache" dann gelingt! Oder, vielleicht, wenn Sie meine letzte Arbeit, die eigentlich den Sündenfall behandelt, lesen, Ihnen deutlicher sein wird, warum ich so viel über die Schlange rede. Mir ist sie die bellua, qua non occisa homo non potest vivere, um mit Luther zu sprechen. Und auch die Besprechung von Ihrem Buche wird mir gerade noch damit erschwert, dass Ihre Schriften beständig in mir alle meine Zweifeln wecken. Gewiss, Sie haben Recht, wir müssen, wie die Psalmisten und Propheten, immer ringen, und wir können auch nicht anders — aber bedeutet das, dass die Schlange je von einem Menschen überwindet war? Ich hatte früher die Absicht in der Besprechung — nicht davon zu reden, da in der Besprechung kann man unmöglich so etwas erzählen. Aber, beinahe über alles, was man in Ihrer Schriften zu lesen bekommt, ist es unmöglich in einer kurzen Besprechung etwas zu sagen — Sie sprechen doch immer über die ersten und letzten Dinge. (22.09.1932).

Библейское сказание о грехопадении есть основа и краеугольный камень философии Шестова. Он снова и снова к нему возвращается в своих работах. Когда Бубер приехал в Париж в апреле 1934 г., Шестов вновь обменивался с ним мыслями на эту тему (см. стр.126).

В октябре Шлецер получил корректуру своей книги «Гоголь», о который уже упоминалось, а в ноябре книга была опубликована. По этому поводу Шестов пишет Шлецеру:

> Насчет «Гоголя» Вашего я полагаю, что Ваши огорчения ни о чем не свидетельствуют — в смысле ценности книги. Ведь почти всегда, или даже просто всегда автор при чтении корректур, приходит в отчаяние от того, что написал. По крайней мере, таков мой опыт; мне казалось, что и «Парменид» и «О втором измерении» никуда не

годятся. А о «Фаларийском быке» Вы, верно, и сами помните, что я Вам говорил. Жду «Гоголя» с большим нетерпением и уверен, что если даже Вы в нем не сказали всего, что Вам нужно было сказать, то сказали очень многое. Правда, боюсь, что именно поэтому книга многим не понравится. Но этим уже наверное огорчаться не приходится. (20.10.1932).

[Теперь Вам нужно] не очень реагировать на то, что, хотя Вас и читают и очень хвалят, но не хотят слушать. Ведь так оно и быть должно. Правда, мне с французами не пришлось говорить еще ни о Вашем «Гоголе», ни о статье, хотя я и был на reception у Masson Oursel'a и видел разных людей. Может быть, французы именно со мной не хотят говорить о Вас, как они не хотят говорить и о моих писаниях. Между прочим, у меня такое впечатление, что и моя статья последняя [«В фаларийском быке»] была отправлена в типографию своевременно, но ни Леви-Брюль, ни Массон ее не читали... и не очень будут читать и после напечатания. По-моему судьба Ваших писаний в некоторой степени будет такая же: не захотят слишком углубляться. Но нужно этим не столько огорчаться, сколько с этим бороться...

С русскими у меня были интересные беседы. В понедельник был у меня Бердяев и он сам начал говорить о Вашем «Гоголе». Книга произвела на него очень большое впечатление, но, или вернее, именно потому, он очень настойчиво подчеркивал, что во многом с Вами не согласен. Когда приедете в Париж — расскажу подробно: мне трудно много писать, очень устаю. Главным образом, он Вам противопоставляет свою уверенность в том, что «трагедия» Гоголя имела своим источником декаданс его творчества. Это, по-моему, неправильно. По-видимому, сожженный 2-й том «Мертвых душ» не только не уступал, но был еще лучше первого. Но убедить Б. в этом вряд ли возможно: для него ведь «творчество» ответ на все вопросы жизни. Я ему высказал свою точку зрения, несколько раз говорил, что хотел бы написать о Вашем Гоголе, если было бы где напечатать. Он очень прислушивался к тому, что я

говорил — но прочно держался своего. И совсем не реагировал на то, что мне хотелось бы напечатать статью о Вашем Гоголе. Потом, когда он ушел, мне пришло в голову, что он сам хочет о нем написать. Я скоро его увижу еще раз и спрошу его. Но надежды на то, что он возьмет мою статью в «Путь» у меня мало. А кроме «Пути», некуда нести ее.

Разговор с Ремизовым тоже был интересный. Он с большим вниманием читает Вашу книгу (еще не кончил), но странным образом не обратил внимания на эпиграф. Я ему сказал, что в эпиграфе in nuce основная идея книги, и думаю, что теперь он увидит кое-что, что просмотрел раньше. Но и ему Ваш «Гоголь» очень нравится. Когда он закончит чтение, мы опять будем беседовать, и тогда я Вам все подробнее расскажу...

Нужно кончать — трудно много писать: очень устаю. Чувствую себя не плохо, но устаю от всего. А тут еще, в последнее время много всяческих огорчений. Но, Бог даст, обойдется. (21.12.1932).

Dent присылает мне рецензии на английский перевод моей книги [«На весах Иова»]. Большей частью — довольно, иногда очень благоприятные. Курьез вышел с рецензией в «Times»*. Dent прислал мне ее — но, так как она была довольно большая, а я по-английски читаю с трудом, то я ее отложил, чтобы Таня прочла ее — и затерял. А вчера Ремизов дал мне вырезку из «Возрождения»**, в которой в отделе Rossica приводятся следующие слова из этой рецензии: «Шестов должен занять одно из первых мест среди современных философов, возвышаясь над ними всеми, не исключая даже самого Бергсона, своим пламенным красноречием». Times влиятельная газета — и если в рецензии есть эти строчки, может быть, это побудит Dent'а издать и другие мои книги и на лучших условиях...

---

* The Times Literary Supplement, 16.12.1932. p.954. The Philosophy of Leo Chestov. Автор статьи не указан.

** Упомянутую статью найти не удалось.

Ремизову особенно понравился конец Вашей книги. Впрочем, он утверждает, что задача, обозначенная Вами в эпиграфе*, Вами не вполне выполнена, — но она не была ни Гоголем, ни самим П.[Паскалем?] — и никем из людей вполне выполнена. Во всяком случае, русские Вас читают внимательно и, судя по тому, что написал Вам Paulhan и что я слышал кое от кого, видно, что и французы все-таки прислушиваются. (15(?).12.1932).

Видел Б.[Бердяева]. Он не собирается писать о Вашем «Гоголе» — и согласен, чтоб я написал. Но места даст немного — журнал у них крохотный — всего три страницы. Придется отказаться от мысли нанисать не только о Вашей книге, но и о Гоголе кое-что...

А что люди интересуются больше или даже исключительно литературной стороной в книге, и не вдумываются в ее содержание, то ведь это старая история: не нам первым и не нам последним приходится испытывать это. Временами кажется даже, что в каком-то смысле так этому и быть полагается. Ведь огромное большинство людей и Библией зачитываются только потому, что она очень хорошо написана. И ведь, точно, кому охота так перестраивать свое мышление, чтоб Библия могла стать источником истины. Сейчас мне нужно возобновить прерванные по случаю праздников лекции в Сорбонне и я снова взялся за Киркегарда и снова убедился, как даже ему было безумно трудно, прямо невозможно принять за истину то из повествований Св.Писания, что не ладилось в его представлении о действительном строе бытия. Даже та ужасная, неслыханная боль, которую он до последней минуты жизни нес в своей душе, не могла разрушить enchantement et assoupissement, в которую погружена была его (да и всякого из нас) душа. И когда я читаю его, во мне с новой силой восстают все те мысли о Фаларийском быке и о Сократе, с которыми я как будто и сжился и как будто никак сжиться не могу. Счастливец

* C'est un enchantement incompréhensible et un assoupissement surnaturel. (Pascal).

Бенда, который накопил уже такой умственный капитал, что может с процентов [фраза не закончена]...

Прочел статью Адамовича о Вашем Гоголе. Говорят, что Милюков строжайше бдит, чтоб не проникали в «Последние Новости» «мистические» настроения. Может быть, оттого Адамович так трезво написал. (4.01.1933).

В тот же день, что и Шлецеру, Шестов пишет Фане:

Дай Бог, чтобы этот год принес, наконец, хоть немного спокойствия, которое нам всем теперь больше всего нужно. И чтоб тебе, Фаня, по-прежнему удавалась твоя работа, и чтоб силы тебе не изменяли. Правда, и в прошлом году тебе не на что было жаловаться: и пациенты у тебя выздоравливали, и статья о Киркегарде удалась, и принята очень сочувственно. Так что, в этом отношении нужно пожелать только, чтоб новый год был не хуже предыдушего...

Получил несколько рецензий английских о моей книге. В общем как всегда — хвалят мои писательские способности, но отклоняют высказанные в книге идеи. Правда, эти рецензии все написаны наскоро — чуть ли не на другой день после выхода книги и потому не заслуживают особенного внимания (кроме одной, в которой автор говорит, что прочел только первые 50 стр. — но почувствовал, что есть над чем задуматься, и предполагает думать долго) — но, верно, и в Англии будет как везде, и после то же, что и теперь. Я получил письмо от Шлецера, в котором он говорит, что и его книгу о Гоголе и статью обо мне постигла та же участь. Все хвалят стиль и не разговаривают по существу. (4.01.1933).

•

В начале ноября 1932 г. по предложению хозяина дома, где они жили с сентября 1930 г., Шестовы перебрались из своей двухкомнатной квартиры в бóльшую (две с половиной комнаты). Шестов пишет матери:

Давно не писал тебе — последнее время было хлопотливое: переезжали на новую квартиру. Хозяину понадобилась наша квартира, и он предложил нам другую, большую и

лучшую, в том же этаже и почти на тысячу франков в год дешевле, чем мы за прежнюю платили. Повозились, правда, с переноской вещей и с устройством, но зато у нас теперь прелестная квартира...

Сезон у нас в разгаре: с будущей субботы я начинаю читать в Сорбонне. [10(?).11.1932].

*

Собираясь идти на публичное заседание Религиозно-Философской Академии (на тему «Причины мирового безбожного движения», Шестов пишет Лазареву:

> В ближайшее воскресенье [27.11.1932] на 10, рю Монпарнасс открытое заседание — Бердяев, Вышеславцев, Федотов и другие будут говорить о «причинах атеизма». Я буду там. Хорошо было бы и Вам пойти — и послушать и с людьми повидаться. Но возможно ли это? (24.11. 1932).

*

Шестов не забывает поздравить мать с днем рождения. Он пишет ей:

> Поздравляю тебя с днем рождения, желаю тебе здоровья, силы и добрых вестей от всех близких тебе. Как раз теперь пришло тоже письмо от тебя, и мы знаем, что у тебя, слава Богу, все благополучно. Прочел присланную тобой статью о Спинозе. Статья хорошая — теперь ведь празднуют трехсотлетие со дня рождения Спинозы, и о нем пишут только хорошие статьи. Вчера я тоже получил из Нью-Йорка целую книгу, выпущенную к трехсотлетию Спинозы — великолепное издание, с отличным портретом, превосходно напечатанную. Автор ее Benjamin de Casseres, потомок Спинозы по женской линии — сестра Спинозы вышла замуж за Casseres'a. К сожалению, я плохо знаю английский язык и не очень много могу в этой книге разобрать. Но кажется, что книга написана доступным для большой публики языком, так что она получит, вероятно, большое распространение, тем более, что автор ее очень

известный в Америке и Англии писатель. Вероятно, она будет переведена и на европейские языки — на французский и немецкий, по крайней мере — и тогда я смогу прочесть ее. У нас все по-старому. Стоит совсем весенняя погода, словно был бы не декабрь, а март или апрель — т.ч. очень приятно гулять в Булонском лесу. Новой квартирой нашей мы довольны и все дивятся, что хозяин, сбавив плату, дал такую хорошую квартиру. [20(?).12.1932].

Хотя в письме это не указано, но нет сомнения, что свою книгу прислал Шестову сам де Кассерес, который уже несколько лет переписывался с Шестовым. О том, как де Кассерес узнал о его работах, Шестов рассказал Фондану:

Он опубликовал книгу о четырех или пяти людях: Будде, Спинозе, Нитше, Жюле де Готье. Не помню пятого. Готье ему, вероятно, послал мою книгу «Добро в учении гр. Толстого и Ф.Нитше», так как предисловие было написано самим Готье. Я предполагаю, что таким образом Кассерес (американский писатель) узнал о моих книгах. Недавно он опубликовал статью обо мне: «Самсон в храме рока»*. Судя по заглавию, я думал, что он понял, в чем дело. Но из того немногого, что я мог понять (статья написана по-английски), вижу, что он начинает с того, что говорит обо мне как о стилисте, и сразу ясно, что мои дела плохи. (Фондан, 17.02.1937, стр.132).

---

* Benjamin de Casseres. Chestov: Samson in the Temple of Fatality. Третья глава книги: Benjamin de Casseres. Raiders of the absolute. New-York, The Blackstone Publishers, 1937, 56 стр.

Глава XIII

Булонь, 1933-1936. — «Киркегард и экзистенциальная философия». — Интерес к индийской философии. — Статья о Жильсоне. — Доклад и статья «Ясная Поляна и Астапово». — 70-летие. — Поездка в Палестину. — Статья о Ясперсе.

30 января 1933 г. в Германии пришла к власти национал-социалистическая партия во главе с Гитлером, который занял пост канцлера. Через несколько месяцев стало ясно, что Ловцкие, мать Шестова и Саша в Берлине оставаться не могут. Ловцкие и мать Шестова поехали в Париж, вероятно, в мае, а Саша в Палестину, в Тель-Авив, где жила его сестра Лиза с мужем. В Париже Ловцкие остановились у Тани и Наташи (10 rue Massenet, Paris 16), а мать Шестова поселилась поблизости (6 rue Eugène Manuel, Paris 16). С ней жила Надежда Михайловна (не удалось найти ее фамилии). В сентябре Ловцкие нашли очень приятную меблированную квартиру (13 square Henri Pathé, Paris 16). Шестов часто бывал у них.

*

В начале июня 1933 г. Шестов получил письмо от Гуссерля:

> Verehrter Freund! Ihre herzlich-lieben Zeilen haben uns wohlgethan. Die Hoffnung, dass eine Ihrer Vortragsreisen Sie wieder nach Deutschland führen und wir uns dann wiedersehen konnten ist leider für absehbare Zeit abgeschnitten. Uns geht

es "den Umständen angemessen" gut, d.h. die grosse deutsche Revolution ist uns und unseren Kindern als "Nichtariern" zum persönl. Schiksal geworden, aber wir fühlen uns stark genug es standhaft zu ertragen u. so Gott will zum Guten zu wenden. Zunächst gehört ein ständiger Aufwand an Kraft dazu, die immer neuen Aufregungen zu übertauchen. Daher stockt seit einigen Monaten meine Forschungsarbeit immer wieder, die in der letzten Reihe von Jahren sehr productiv gewesen war. Meine "Beurlaubung"* ist "vorbehaltlich" zurückgezogen. Ernster für mich ist, dass mein Sohn, Ordinarius a.d. Universität in Kiel, beurlaubt ist, also nicht lehren darf. Ob mein Schwiegersohn (Custos a.d. Berliner Museen) fortdauernd seine Stelle wird versehen dürfen, weiss ich nicht, vorläufig ist er nicht beurlaubt. Den Sommer (Juli u. August) wollten wir in Tyrol verbringen, hatten schon Wohnung genommen. Aber nun ist die drakonische Ausreisesperre eingetreten. Und so ist wieder alles unbestimmt. Wenn man alt wird, erlebt man viel, zu viel. Ich hoffe bald wieder im Reiche ewiger Wahrheit meinen Arbeitsplatz finden zu können. Wir grüssen Sie und Ihre Lieben herzl. In Hochschätzung. Ihr alter E.Husserl. (29.05.1933).

Это последнее из писем Гуссерля, сохранившихся в архиве Шестова. За несколько дней до своей кончины, Гуссерль сказал своей жене: «Gott hat mich in Gnaden aufgenommen und mir erlaubt zu sterben». (Husserl. E.-Briefe an Roman Ingarden, из письма Мальвины Гуссерль к Ингардену от 21.04. 1938).

* * *

Напомним, что после того, как Шестов закончил работу «В фаларийском быке», последние главы которой посвящены Киркегарду, он некоторое время изучал Бубера и написал о

---

* 6 апреля 1933 г. Министерство культуры земли Бад освободило Гуссерля от должности. 28 апреля увольнение было отменено (Husserl-Chronik, стр. 428, 429).

нем статью. В конце декабря 1932 г. он опять начал заниматься Киркегардом (см. письмо к Шлецеру от 4 января 1933 г., стр.113). Через несколько месяцев он начал писать новую книгу «Киркегард и экзистенциальная философия. Глас вопиющего в пустыне», полная черновая рукопись которой сохранилась в архиве Шестова. Она разбита на семь частей, включенных вместе с другими текстами в семь тетрадей (Мс. №44-50). На первой странице шести из них указаны даты (апрель 1933 — март 1934). Нельзя с уверенностью сказать, что эти даты относятся к разным частям рукописи книги о Киркегарде, так как некоторые тетради содержат не только части этой книги, но и другие тексты. Все же можно предположить что черновая рукопись этой книги была начата в апреле 1933 г. и закончена в марте или апреле 1934. Недатированная окончательная рукопись книги была, без сомнения, окончена в июле 1934 г. Указанные даты относятся к главам 1-22 книги. Впоследствии Шестов прибавил к ней как предисловие этюд «Киркегард и Достоевский», написанный в 1935 г. (см. стр.134).

Занимаясь Киркегардом, Шестов пробудил интерес к нему и у своего окружения. В 1932 г. Фаня написала о нем статью (см. письмо Шестова к Фане от 4 января 1933, стр.114) и Герман упоминает о нем в нескольких статьях. В 1933 г. вышла по-французски в издательстве «Алькан» книга Киркегарда «Повторение». Шестов был озабочен, чтобы об этой книге появились «подходящие» статьи, чтобы книга не «прошла бесследно». Для «Ревю Филозофик» Беспалова взялась написать статью. Она упоминает об этом в письме, посланном Шестову в Шатель, куда он поехал 17 июля:

> Ainsi je contemple votre effort tenace comme on admire une résistance désespérée et la noblesse d'une entreprise vouée à la catastrophe. Et je ne dis pas que cet echec ne soit preférable à toutes les réussites...
>
> Buber a dû être à la fois touché par l'attention très déférente que vous lui témoignez et vexé de se voir découvert.

Tout en lui montrant beaucoup de sympathie, vous lui enfoncez sans ménagement son "Pfahl ins Fleisch". Il a eu raison de dire: "es ist echt Schestov"...

Vous ai-je dit que j'ai reçu une deuxième lettre de Lévy-Bruhl dans laquelle il m'écrit qu'il m'accorde tous les délais voulus pour l'article sur Kierkegaard...

Plus j'avance dans Kierkegaard, plus je me demande ce qui reste de Heidegger lorsqu'on a fait le compte de tout ce qu'il doit à Kierkegaard et de ce qu'il doit à Husserl. Son actif baisse terriblement. Il ne reste guère que le théme de Welt, du "Welter der Welt", et la formidable technique bien entendu. Je confesse qu'ici encore vous avez raison. (28.08.1933).

Статья Беспаловой была закончена в декабре 1933 г. и опубликована в «Ревю Философик» (май/июнь 1934) под заглавием «Note sur la Répétition de Kierkegaard». После выхода по-французски книги Киркегарда «Страх и трепет» Беспалова написала статью и об этой книге. Она вышла в «Ревю Философик» в №1/2 (янв./февр.) 1935 г.

*

Вернувшись в Булонь 25 сентября, Шестов пишет Шлецеру о «Повторении»:

Очень огорчился, что Вы о Киркегарде не пишете. Так и пройдут его книги бесследно. Будут знать образованные люди во Франции, что в Пантеоне «великих людей» нужно отметить и Киркегарда, и этим все кончится...

Все тревожит меня мысль, что в «Н.Р.Ф.» не будет статьи о Киркегарде или будет неподходящая — раз Вы не напишете. И вот мне пришло в голову: может быть, Вы снесетесь с Paulhan'ом и предложите ему, что т.к. Вы заняты, попросить меня написать о Répétition. Мне он, пожалуй, и больше места даст и я постараюсь как можно выпуклей написать. Если бы дал 8-9 страниц — уже можно кое-что сказать. Только это нужно поскорей делать. Напишите, не откладывая. (30.09.1933).

В журнале «Путь» №39 (янв./март 1934) вышла короткая статья Шестова «Гегель или Иов? (По поводу экзистенциальной философии Киркегарда)», в которой он уделяет много внимания книге Киркегарда «Повторение». Та же статья будет опубликована в мае 1935 г. в «НРФ» под заглавием «Job ou Hegel». Не удалось установить, была ли эта статья написана по просьбе «НРФ», а если да, то по какой причине она появилась с таким опозданием.

В скором времени Шестов снова пишет Шлецеру:

> 19 или 20 ноября состоится беседа о Киркегарде (в пользу Ремизова — помните, я Вам говорил?): можно и Ваше имя поставить в списке участников? Говорить не обязательно, если Вам не хочется. А захочется — будет очень хорошо. Надеюсь, к этому времени Вы уже будете в Париже. (14.10.1933).

> Нового у нас мало. Сижу дома и почти никого не вижу. Начал писать доклад о Киркегарде. Дьявольски трудно и страшно волнует. Ни один из писателей мне не был так близок, как Киркегард, — ни один, насколько я знаю, так страстно и беззаветно не искал в Св.Писании ответа на свои вопросы. От Гегеля и от «греческого симпозиона» он ушел к Иову и Аврааму, от разума к Абсурду и Парадоксу. Но от Сократа он не мог отречься и, в конце концов, восставая против умозрительной философии, исправлял евангелие, посколько оно не выдерживало критики Сократа, и пытался диалектически вывести воплощенне Бога в человека. И, конечно, — тем самым возвращался к греческому симпозиону, совсем как это сделал Филон. Почему это? Филона я понимаю — но «страх пред Ничто», отгоняющий человека от Бога — неужели даже Киркегардовский «опыт» не может этот страх отогнать? Когда приедете — поговорим об этом.
>
> Очень удачные рецензии Fondane о Киркегарде помещены в той книге «Cahiers du Sud», в которой появилась моя статья. (20.10.1933).

В последнем письме упоминается журнал «Кайе дю Сюд». Речь идет о №155 этого журнала, появившемся в октябре 1933 г., где были опубликованы 22 афоризма из статьи Шестова «О втором измерении мышления» (16 афоризмов из той же статьи вышли в «НРФ» в сентябре и октябре 1932 г., см. стр.82) и хроника Фондана, посвященная двум произведениям Киркегарда, недавно появившимся во французском переводе: «In vino Veritas» и «La Répétition». Через некоторое время в том же журнале Фондан, который все больше и больше интересовался Киркегардом, опубликовал еще две статьи о нем: «Léon Chestov, Soëren Kierkegaard et le serpent» в номере 164 (авг./сент. 1934, см. стр.128) и «Héraclite le pauvre ou Nécessité de Kierkegaard» в номере 177 (ноябрь 1935, см. стр.158).

Доклад о Киркегарде («Религиозно-философские идеи Киркегарда»), о котором Шестов пишет Шлецеру в письме от 20 октября, он сделал 16 ноября на публичном собрании Религиозно-философской Академии. В прениях приняли участие Н.Бердяев, Б.Вышеславцев, А.Лазарев, А.Ремизов, Г.Флоровский, Б.Шлецер.

Лазарев, со своей стороны, тоже занимался Киркегардом и произнес о нем речь, по поводу которой Шестов ему пишет:

> Хочется повидать Вас и в частности побеседовать о том, что Вы на докладе о Киркегарде говорили. Слышал от многих — Бердяева, Шлецера, Ремизова, Мочульского и т.д. очень интересные суждения о Вашей речи. Всем, как и мне, она показалась очень значительной и очень кстати сказанной. Подробности — при свидании, недалеком, хочу думать. (1.12.1933).

Шестов не указывает, где Лазарев выступал. Вполне возможно — 16 ноября на собрании Религиозно-философской Академии. Любопытно заметить, что в сохранившихся письмах 1933 г. Шестов ни разу не говорит о том, что он пишет книгу о Киркегарде, хотя и часто о нем упоминает.

В начале февраля 1934 г. Шестов получил письмо из редакции интернационального журнала «Ариэн Пат», выходящего в Бомбее, с просьбой дать статью на тему «Что достойно быть спасенным в европейской цивилизации». Журнал ему сообщает, что Жан Геенно, Карло Сфорца, Жюльен Бенда, Ж.Р.Блок и Стефан Цвейг уже согласились написать статьи на эту тему. Шестов принял предложение, и в августе 1934 г. его статья, озаглавленная «Menacing Barbarians of To-day», появилась в этом журнале с заключительными словами: «Мы должны спасти свободу». Русский оригинал статьи был опубликован в «Вестнике РХД» №119, 1976.

* * *

26 февраля 1934 г. Таня вышла замуж вторым браком за Жоржа Ражо (Georges Rageot). Об этой свадьбе Шестов рассказывает Фане, которая в это время отдыхала на юге Франции:

> Танина свадьба удалась превосходно. Мы до сих пор с Анной вспоминаем прошлый понедельник — и, вместе с тем, о том, что все так хорошо устроилось, благодаря тому, что тебе пришла мысль — устроить завтрак у вас. Одно только жаль, что тебя при этом не было — мы об этом тоже в прошлый понедельник не раз вспоминали. И действительно, очень жаль, и очень обидно было без тебя. А устроили все вот как. Еще накануне А. закупила кур, а Герман, который был у нас с Лазаревым в воскресенье, их отвез к вам и передал вашей прислуге. В воскресенье же А. заказала в Рами закуски и пирожки, а во французской кондитерской — большой сладкий пирог. Вина заказал Georges. В понедельник утром А. в мэрию не поехала, а, взяв с собой для помощи нашу femme de ménage, прямо отправилась к вам, так что к нашему возвращению из мэрии (в 11 3/4 утра) — уже все было готово. И все вышло великолепно: и сервировка, и самый завтрак. И прошло в образцовом порядке — и ваша прислуга и наша

femme отлично прислуживали. Позавтракали на славу — даже французы, видно, были очень довольны и едой и вином, на которое они здорово, не по-нашему, налегли. Потом в гостиной пили кофе — французы очень насчет ликеров старались, а мы — не очень. Еще шампанское туда-сюда, и то в меру — а к ликерам только один Володя оказался способен. К 3 1/2 часам французы уехали — и тогда началось самое веселое интересное. Герман — как всегда в таких случаях, всех вдохновлял. Он сел за рояль и такую музыку завел, что, в конце концов, не только молодые, но и Анна в пляс пустилась... И так было, пока и самому Г. захотелось плясать. Тогда уже меня засадили за рояль — я играл рондо, а Герман командовал не своим голосом над пляшущими. Но к 5 ч. пришлось спешно кончать, т.к. в 6 часов уходил поезд, а ехать на вокзал нужно было на метро: забастовка шоферов тогда еще продолжалась. Так-то мы отпраздновали Танину свадьбу. Все было отлично — только тебя не хватало. И это было вдвойне обидно, т.к. все было по твоей идее устроено. А так у нас ничего нового. Таня и Жорж уже вернулись и сегодня начали свою работу у Hachette. У А. теперь меньше работы, она свободнее и чаще ходит к мамаше. И я стараюсь бывать почаще, чтобы ей было меньше заметно твое отсутствие. А Соня к ней ходит ежедневно: приносит с собой вязанье и сидит подолгу. Обе Надежды производят самое лучшее впечатление. Они великолепно ухаживают за мамашей — прямо удивляешься их умению и выдержке. Мамаша тоже к ним, видно, привыкла и не жалуется. [5.03.1934].

Вскоре после этого радостного события, 13 марта, 88 лет от роду скончалась мать Шестова Анна Григорьевна. Шестов пишет Лизе, Льву и Саше:

Получил ваши письма. Понимаю, как вам трудно было, может быть, труднее, чем нам. Нас каждый день второй половины этой зимы уже подготовлял к тому, что неизбежно должно было наступить. С января мамаша начала хворать. Сначала у нее сделалось внутреннее кровоизлияние

и врачи почти тогда не надеялись, что ее удастся спасти. Но все-таки удалось. Она настолько оправилась, что начала ходить по комнате и даже раскладывала пасьянс. Но через несколько дней она снова слегла: начался сперва бронхит, а потом становилось все хуже и хуже — и, несмотря на то, что принимались все возможные меры, она с каждым днем ослабевала и уже чувствовалось, что роковой конец неизбежен. 13 марта к вечеру все кончилось. Фани не было в Париже — но ей все-таки удалось за день до кончины мамаши приехать: ее вызвали по телефону. Трудно все это было. Единственным нашим утешением было и остается до сих пор воспоминание, что мамаша была избавлена от тех ужасов, которые выпали на долю многих людей ее поколения — что до последних дней она не знала сама нужды и не видела у своих детей и внуков нужды, трудно себе даже представить, что было бы с ней, если бы случайно не сохранилась ей возможность жить, не прибегая к помощи детей, у которых самих ничего не было. А ведь сколько старых людей оказались в таком положении и как легко могло бы случиться, что и она бы оказалась в таком положении. Бог ее от этого избавил, и каждый раз, когда я об этом вспоминаю, я не знаю, как благодарить Бога за это.

Очень, конечно, было грустно, что вас не было с нами в это время. Но что можно было поделать? Вызывать вас из такого далека мы не решались. Знали, что трудно — но приходилось мириться. Теперь вообще такие времена, что постоянно приходится мириться с тем, с чем мириться не хотелось бы. Вот и мы столько лет не виделись — никак не выходило ни нам приехать к вам, ни вам к нам. Начались было — лет 8 тому назад переговоры у меня с сионистами, но ничего они, кроме беготни по разным учреждениям [не дали]: мне с евреями не везет. Теперь я получил письмо от доктора Эйтингона, переехавшего из Берлина в Иерусалим. Он пишет, что возобновит переговоры, и выражает полную уверенность, что меня пригласят в Палестину. Д-р Эйтингон человек очень энергичный и, кажется, со связями в сионистских кругах — при том,

в этом я не сомневаюсь, он в самом деле сделает все от него зависящее, чтобы добиться моего приезда. (22.04.1934).

В апреле 1934 г. в Париж приехал Мартин Бубер. Шестов был рад приезду Бубера, с которым его связывала искренняя дружба. 8 апреля Бубер навестил Шестова в Булони, а 13 апреля Шестов устроил в его честь прием у Ловцких, описанный Фонданом:

У госпожи Ловцкой, сестры Шестова. Прием Мартина Бубера. Эдмон Флег, Шлецер, д-р Либ, немецкий теолог в изгнании, и др. ... Чудесное лицо старого раввина Бубера. Красивое лицо мудреца, скрывающее внутреннюю глубину, откуда слова, на прекрасном, мелодичном, немного грассирующем французском языке текут медленно, обдуманно. ... Разговор идет о немецких, европейских событиях, о Гитлере, фашизме и коммунизме...

«Мы живем в эпоху действия, — говорит Бубер, — когда человечество осуществляет все свои мечты, но только в карикатурном виде. Однако я думаю, что человечество могло бы быть счастливо — насколько это возможно. Земля достаточно велика, она производит достаточно обильно. Но что же делать? В отчаянии человечество совершает самые безумные попытки. Создается впечатление, что именно сейчас собираются убить библейского змея».

«Вот это именно то, что следовало бы сделать, — отвечает Шестов. — Уже много лет, день и ночь, я борюсь со змеем. Что Гитлер по сравнению со змеем?» (Фондан, стр.18, 19).

Через некоторое время Шестов беседует с Фонданом о Бубере:

Я расхожусь с Бубером вот в чем: он бы хотел обойти первородный грех, наследственность и т.д. Я тоже знаю, как и он, насколько абсурдна, возмутительна, невероятна идея о первородном, наследственном грехе. Я говорил ему об этом. А он ответил мне, что для него этот грех

начинается не с древа познания, а с преступления Каина. Для меня это бессмысленно. Грех — это знание. Я бы сказал по этому поводу, что не Достоевский написал настоящую критику чистого разума, а сам Бог, сказавши: «когда ты обретешь познание, ты умрешь». Я знаю, что мне возразят, что это не критика и т.д.

В тот момент, когда человек отведал плод познания, он приобрел Знание, он потерял свободу. Человек не нуждается в познании. Спрашивать, ставить вопросы, требовать, доказательств, ответов — как раз и значит, что он не свободен. Познать — это познать необходимость. Знание и Свобода несовместимы. А Бердяев мне говорит: почему вы хотите отнять у меня свободу познания? (Фондан, стр.25).

В это время Шестов пишет Фондану о своей главной работе:

Enfin, j'ai reçu un mot de vous, mon cher ami. Des ennuis "ordinaires": il faut donc remercier Dieu de vous avoir épargné des ennuis — extra-ordinaires! Je voudrais bien vous voir, mais je ne peux pas accepter à présent votre invitation. Moi, j'ai aussi mes "ennuis": je suis contraint de créer. Et, quoi qu'il est entendu que ça vous apporte de grandes délices, je doit vous dire que je n'éprouve que de grands ennuis. Gallimard* est prêt à prendre mon Kierkegaard et je dois, avant de partir, laisser à Schloezer le manuscrit tout à fait prêt. Or, il faut écrire (créer!), écrire, écrire — autrement je n'arriverai pas à bout jusqu'au 20 juillet. Peut-être trouverez-vous un moment pour passer chez moi? Nous pourrons mutuellement nous plaindre de nos ennuis

* Речь идет об издательстве «Нувель Ревю Франсез» («НРФ»). Во главе его стоял Гастон Галлимар, его главным помощником был Жан Полан Это издательство публиковало ежемесячный журнал «НРФ», о котором уже не раз упоминалось. Директором журнала был Гастон Галлимар, главным редактором — Полан. Переговоры об издании работ Шестова он и Шлецер вели с Поланом. Окончательные решения не всегда зависели от последнего. (см. стр.131).

> — vous de l'ennuis de gagner votre pain quotidien, moi de l'ennuis de créer non de rien, mais pour rien (Gallimard, très probablement ne payera rien). (14.05.1934, Фондан, стр.19).

В этом письме Шестов впервые упоминает о книге о Киркегарде, которую он начал писать в начале 1933 г. Работу он закончил, как указано в письме, в июле 1934 г. и поехал в Шатель к Анне Ел., как и в предыдущие годы.

Из Шателя Шестов пишет Фондану по поводу его статьи, озаглавленной «Léon Chestov, Soêren Kierkegaard et le serpent», (см. стр.122):

> Me voilà en possession de numero des Cahiers du Sud où votre article est paru et qu'on m'a reexpedié de Paris. Je l'ai lu et je l'ai relu et je dois vous dire que Wahl en sera deçu d'autant plus qu'il trouve votre article sur Heidegger excellent. Autrement: vous avez su souligner la problématique qu'on trouve nécessaire d'éviter ou au moins de ne pas montrer. J'ai même peur que Wahl va comprendre les lignes (539) "écrire à son sujet Kierkegaard et Hegel etc" comme défi dirigé contre lui-même. C'est bien étrange que les "Cahiers du Sud" se sont décidés de publier votre article et même ne vous ont pas fait attendre longtemps la publication. Pour eux ce devrait être presque aussi inacceptable de parler de Job, comme d'un philosophe, que pour Wahl. Les marxistes sont issus de Hegel comme les idéalistes! J'attends avec grande curiosité ce que Wahl va vous écrire à propos de votre article. Je l'ai montré aussi à m-me Bespaloff, qui était, elle aussi, frappée par votre courage. Elle trouve, comme moi, que vous avez su, autant que c'est possible de faire en 20 pages, introduire les lecteurs dans les plus difficiles questions de philosophie. (25.08.1934).

«Здесь, как всегда, когда лечусь, — пишет Шестов Лазареву 15 августа, — ничего не делаю. На будущей неделе лечение кончается — может быть, тогда начну перечитывать Жильсона: нужно готовиться». Речь идет о книге Этьена

Жильсона «Дух средневековой философии», о которой Шестов готовил статью для «Ревю Философик», где она появилась в конце года (см. стр.136). Из письма к Лизе от 14 февраля 1935 г. мы узнаем, что статья была «заказана» Шестову этим журналом.

В двух следующих письмах Шестов пишет Лазареву о докладе, над которым тот работал. Не удалось определить, какой доклад он подготовлял:

> Очень приятно было получить Ваше письмо. Ведь когда-то мы еще увидимся — письмо хоть чуть-чуть да заменяет встречу. Любопытно, как Ваш доклад будет принят. Я, правда, не совсем уверен, что Вы в историко-философском смысле правы, утверждая (в Жильсоновском смысле), что до сих пор не было у евреев библейской философии. Я не согласен с Жильсоном, что схоластическая философия была библейской, но что и у отцов Церкви (прим. — Тертуллиан) и в средние века (Дамиани) встречаются великолепные попытки преодолеть то, что греки называли «знанием», при том попытки, связанные с открытыми ими в Писании или с дошедшими до них из Писания истинами — это тоже бесспорный факт. И даже последний греческий философ Плотин почувствовал потребность «взлететь над знанием» и не считал нужным подпирать свое «единое» доводами разума: «Оно не требует поддержки, точно как если бы оно само не могло нести себя». Я обо всем том подробно говорил уже в последней главе «Вес. Иова», так же как и о том, что Филон предал Библию. Ну, конечно, в письме многого не прибавишь к этому. Но, Бог даст, увидимся, потолкуем. Когда выйдет Ваш отпуск? Поедете ли Вы куда-нибудь? Как вы себя чувствуете? Непременно и об этом напишите: ведь как там ни говори, а все-таки primum vivere et deinde philosophare. Теперь у нас гостит Наташа. (23.08.1934).

> Я писал Вам, что просто не знаю, были ли среди еврейских философов такие, которые считали откровение Библии источником истины или, точнее, пытались мыслить

по Библии. Вы больше меня читали книги на эту тему — Вам виднее. Но можете ли Вы быть уверены, что это так. Есть ведь еще обширная и очень значительная каббалистическая литература, тоже философская: что там рассказывается?.. Важно подчеркнуть, что в наше время и среди евреев и среди христиан (культурных, конечно) никто не считает возможным и даже нужным серьезно говорить об истине Библии и противопоставлять библейскую «философию» (которой, по общему убеждению и нет вовсе) философии научной (имеющей уже за собой 2500 лет напряженнейших и плодотворнейших исканий). (12.09.1934).

Второе письмо было написано в Бурбоне, куда Шестов поехал из Шателя 4 сентября. Оттуда же он пишет Анне Ел. в Шатель. В письмах он ей рассказывает о том, как он устроен, о лечении и не без юмора — о быке и о том, как он заблудился:

Погода стоит совсем летняя, так что я много гуляю. Тут не так красиво, как в Chatel'e — но все же хорошо. И потом скот такой чудесный и птица, и какие фрукты на деревьях висят. Я очень люблю на это глядеть, а с одним быком даже пытаюсь дружбу свести: красавец на редкость. Злой, должно быть, ему через ноздри до рог проволоку нацепили — но красоты необычайной, не бык, а в роде как царственный лев. [11.09.1934].

Вчера я заблудился, так что пришлось больше чем 1 1/2 часа по очень плохим дорогам ходить и все больше в гору и притом быстро — надвигалась гроза — и ничего: сердце не путалось. [15.09.1934].

28 или 29 сентября Шестов вернулся в Булонь. О своей работе над Жильсоном он пишет Шлецеру и беседует с Фонданом:

Очень интересно, что Вы о своей работе пишете. Жаль только, что Вы подробнее не рассказываете, какое чувство Вы испытываете, когда переходите от чтения Таулера, Сузо

и др. к музыке Баха. Я не раз об этом думал. У меня самого такое впечатление, какое бывает, когда от Августина перехожу к псалмам: тот же, как будто, взлет, но в псалмах взлет на крыльях, а тут чувствуется работа механического, искусно сделанного мотора и даже как будто слышится какой-то постоянный, однообразный и «отрезвляющий» шум.

У меня нет ничего нового. В начале сентября я из Шателя переехал в Бурбон л'Аршамбо и там проделал курс лечения против артрита. Кажется, лечение пошло впрок. Боли уменьшились, и я чувствую себя бодрее и крепче. Конечно, цыплят по осени считают: увидим, как будет через два, три месяца. Работы много — над Жильсоном. Очень любопытная книга. Он тоже больше доверяет мотору, чем крыльям. Как об этом написать, как об этом вообще говорить, когда всякий «видит», что мотор свое дело сделал, а крылья бывают только у ангелов, которых даже doctor angelicus представлял себе (или другим: книги пишутся для других) по образу и подобию совершенных машин и которых в настоящем виде никому никогда встречать не приходилось. (Шлецеру, 2.10.1934).

«Summa theologica» Фомы Аквинского на столе. Шестов говорит: «Закончив чтение книги Жильсона, я снова принялся за "Сумму". Какая вещь! Собор! Каждая деталь, каждая страница, каждый кусок завершены; но, однако, все составляет одно целое. Какое искусство! Увы: только искусство. Советую Вам прочитать, книга вызывает на размышления! Полезно читать своих противников и восхищаться ими». (Фондан, 6.10.1934, стр.21).

В конце октября Шлецер сообщил Шестову, что его книгу о Киркегарде издательство «Н.Р.Ф.» не издаст, хотя она и была принята Поланом. Об этой неудаче и ее причине Шестов пишет Шлецеру. О том же рассказывает Фондан:

Ваше письмо не было для меня неожиданностью. По газетам я знал, что Мальро уже давно здесь и, в компании Жида, Эренбурга и Вовы Познера распевает славу боль-

шевикам. Из этого не трудно было сделать вывод, что он едва ли сочувственно отнесется к тому, чтобы моя работа о Киркегарде вышла в «Н.Р.Ф.», которую он, вероятно, всячески пытается ввести в русло своей большевистской идеологии. Нужно думать, что и моя заметка о К. все откладывается по той же причине: не соответствует духу времени, как, вероятно, они сами говорят, или моде, как, по-моему, следует сказать. К этому я был готов — и потому Ваше письмо не слишком огорчило меня, тем более, что я уже привык к тому, что в жизни нужно уступать Вове Познеру, Эренбургу, Жиду и Мальро.

Нового у меня нет ничего. Приходится, в связи со статьей о Жильсоне, много перечитывать по древней, средневековой и новой философии. Очень интересно, но такое огромное количество материала накопилось, что не знаешь, как это уместится в статье, даже большой. И еще меньше знаю, как сделать, чтобы читатели, привыкшие к «доказательствам», поняли, что доказательства ничего не доказывают и только разрушают то, что для человека важнее всего. Посмотрим. (Шлецеру, 3.11.1934).

«НРФ» должна была издать книгу Шестова о Киркегарде. Шестов пишет книгу, отделывает ее, отдает Шлецеру для перевода, относит книгу Полану. В конечном итоге, издание книги зависело от одного Мальро, который неоднократно проявлял уважение к Шестову и восхищался им*. Три года назад он упрекал Шестова в том, что тот занимается такими лицами, как Бергсон и Гуссерль, недостойными, по мнению Мальро, отвлекать мысль столь высокую, как мысль Шестова. Мне [Фондану] он сказал, что, создавая свою книгу «Королевский путь», он думал о Шестове, что заключение в духе Шестова. И вот, вернувшись со съезда писателей в СССР**, Мальро... на-

* Посвящение Мальро на книге «Королевский путь» («La voie Royale») [«Грассе», 1930]: "Je pense, Monsieur, que vous n'avez guère le temps de lire des romans, encore celui-ci est-il un des rares romans français que domine absolument la tragédie dont vous tirez la philosophie, c'est pourquoi je me permets de vous en faire hommage".

** 11 августа — 1 сентября 1934 г. Москва.

кладывает вето на публикацию книги Шестова, которую Полан обязался издать. (Фондан, 21.11.1934, стр.24).

Говорил об его книге о Киркегарде. Вслед за «НРФ», «Грассе», в свою очередь, отказывается ее печатать: это не для широкой публики. Шлецеру, который этим занимался, сказали, что книга, конечно, очень хороша, но что это книга Шестова, а не книга о Киркегарде.

«Понимаете, когда Валь пишет о Киркегарде, то это о Киркегарде. Издательство «Галлимар» напечатало книги Шарля Андлера о Нитше, потому что там речь идет о Нитше, а не об Андлере. Мне же кажется, что для того, чтобы действительно говорить о Киркегарде и Нитше, о них вовсе даже не нужно говорить, а нужно говорить только о себе». (Фондан, б.д., вероятно, весна 1935 г., стр.28 и 29).

Полан, который принял книгу Шестова о Киркегарде для издательства «НРФ» и не смог осуществить ее издание, впоследствии помог издать эту книгу, войдя в Комитет друзей Шестова, который опубликовал ее в издательстве «Врен» в 1936 г. (см. стр.145-148).

* * *

24 декабря 1934 г. у Тани родилась дочь Катрин. «Бог вторую внучку послал: у Тани родилась девочка, — так хвалится дедушка в письме от 14 февраля 1935 г. к сестре Лизе. — Все сошло благополучно. Анна уже даже объясняется с новой внучкой, а я еще не успел даже разглядеть ее».

* * *

Как уже указывалось, начиная с июня 1922 года, Шестов читал свободный курс по философии на Русском факультете при Парижском университете. До 1933 г. курс читался в Сорбонне, чаще всего в аудитории №9, потом в Институте славяноведения, на улице Мишле. Начиная с 1932/1933 учеб-

ного года, в течение нескольких лет, Шестов читал курс «Достоевский и Киркегард». Последние лекции были прочитаны в декабре 1937 г. В 1938 г. Шестов не мог возобновить курса из-за болезни (см. стр.174-175). Передаем несколько недатированных отзывов о лекциях Шестова, относящихся к тридцатым годам. В статье «Поля Елисейские» В.Яновский описывает некоторые из своих встреч с Шестовым и рассказывает о его курсе о Киркегарде. Лекции, которые описывает Яновский, надлежит отнести к 1934 г. или 1935 г. Мы приводим его рассказ, хотя обычная склонность автора к мрачным тонам проявилась и в этом описании и он несомненно неправильно осветил обстановку, в которой происходили лекции:

> Я забегал к Шестову в какую-то школу, где он числился профессором (вероятно, Институт восточных языков). Там, в классной комнате, уставленной детскими партами, он читал свой курс о Киркегарде. На скамьях сутулились серые старушки с постными лицами: казалось, если им вручить даровой билет в соседнее кино, то они все разбегутся. Я сказал ему: «Напрасно вы читаете по рукописи, получается скучно». Он ответил: «Это чтоб не видеть лиц слушателей. Иначе совсем невыносимо».

Слова «Иначе совсем невыносимо», вероятно, действительно, принадлежат Шестову и объясняются тем, что в эти годы лекции его сильно утомляли. В двадцатые годы они ему давались сравнительно легко, хотя и тогда чтение курса его тяготило, отнимая время и силы. Надо заметить, что Яновский пишет, что Шестов читал лекции в классной комнате, уставленной детскими партами. Возможно, что в Институте славяноведения ему пришлось некоторое время, вероятно, недолго, читать в «классной комнате». Курс Шестова был необязательный, и слушателей было обыкновенно немного, человек десять-двадцать, иногда и меньше, а иногда много больше. Среди слушателей всегда была

сестра Шестова Соня, часто присутствовала жена Шестова. Других «старушек» как будто не бывало. Иногда приходили дочери. Одно время лекции посещал поэт Виктор Мамченко, поклонник Шестова, Валентин Дудкин, будущий зять Шестова, поэт и литературный критик Юрий Мандельштам и другие почитатели Шестова. Совсем иначе, чем Яновский, описывают лекции Ловцкий и Юрий Мандельштам и рассказывает о них Фондану сам Шестов:

> Чтения его имели большой успех, в особенности, когда он от экзистенциальной философии Киркегарда переходил, применяясь к тайным желаниям своей аудитории... [к] философии Владимира Соловьева. (Ловцкий, неизданное, стр.14).

> Он всегда говорил и читал только о тех проблемах философии, которые его занимали в данный момент. Он и на кафедре создавал ту атмосферу, в которой зарождается... свободное исследование в философии. (Ловцкий, «Новый журнал», №85, 1966, стр.208.).

> На его лекциях в Сорбонне бывало всего по несколько человек. Может быть, это отчасти объяснялось лекционной манерой Шестова, отнюдь не похожей на блестящие приват-доцентские доклады. Шестов всегда как бы при нас совершал трудную и ответственную работу, ... приобщал нас к своему труду... Все это, естественно, могло оттолкнуть любителей эффектных эмигрантских религиозно-философских собраний. (Юрий Мандельштам, «Возрождение», 2.12.1938).

> Гляжу я на учеников моих курсов. Они надеются, что я сделаю для них трудную работу и снабжу их легкими решениями. Но для меня самого решения становятся все труднее и трудности увеличиваются с каждым годом. (Фондан, вероятно, конец 1935 г., стр.46).

> Случалось, в процессе чтения я замечал, что аудитория настроена отчужденно, враждебно. Тогда незаметно я менял тему: мы, так же как и музыканты, умеем взять несколько промежуточных аккордов. И вот я уже говорил не о

Киркегарде, а о Соловьеве. Сразу зал вздыхал с облегчением. На следующей лекции моя аудитория увеличивалась вдвое. Иногда количество слушателей доходило до 80 человек. (Фондан, январь 1937, стр.80).

•

Работу о Жильсоне (см. стр.129) Шестов закончил 25 февраля 1935 г. Шлецер ее перевел, и Шестов отнес ее Леви-Брюлю 7 июля (письмо Шестова Шлецеру от 4.07. 1935). Работа появилась в двух номерах «Ревю Философик» (ноябрь/декабрь 1935 и январь/февраль 1936) под заглавием «Athènes et Jérusalem». По-русски она в то время не появилась. Впоследствии заглавие «Афины и Иерусалим» было дано Шестовым книге, в которую была включена и статья о Жильсоне. Сама статья вошла в книгу под новым заглавием: «De la philosophie médiévale» («О средневековой философии»). По прочтении статьи Жильсон шлет Шестову письмо:

> Je viens de dévorer vos deux articles. Bien entendu, il y a des raisons particulières pour qu'ils m'intéressent, mais je ne peux m'empêcher de croire qu'ils éveilleront un intérét assez général, à cause de l'importance du problème et de la manière si simple, si vivante, si pénetrante dont vous le discutez. Il me semble assez remarquable que dans une communication de 1924 sur l'Humanisme de Saint Thomas, au Congrès de Naples, j'ai cité aussi la parole de Tertullien* mais en y ajoutant cette reponse: qu'y a t-il de commun entre Athènes et Jerusalem? Réponse: Rome. C'est évidemment là le fond du débat — Vous revenez, sinon à Luther, du moins à ce qu'il y a de Luther dans votre cher Dostoïewsky. Je crois, au contraire, que Dieu parle par l'Eglise de Rome, que la révélation continue par elle, et qu'elle a d'ailleurs pour objet de nous remettre devant les yeux la révélation totale. Il y a plus que de l'arbitraire dans l'Ancien Testament.

* Речь идет о словах Тертуллиана «Quid ergo Athenis et Hierosolimis?». Они были взяты Шестовым эпиграфом к книге «Афнны и Иерусалим».

Mais ce sont là questions d'attitudes globales qu'aucun texte isolé ne tranche; les attitudes commandent les textes. Je regrette de n'avoir aucun exemplaire de ma communication de 1924, mais je vous enverrai autre chose qui, j'espère, vous intéressera. Il faudra quelques mois pour rassembler et imprimer ces papiers; ces questions ont la vie dure, elles pourront attendre. Merci encore et croyez à mes fidèles sentiments. (11.03.1936).

5 мая 1935 г. Шестов читает публичный доклад «Киркегард и Достоевский» на заседании Религиозно-философской Академии. Текст доклада опубликован в журнале «Путь» №48 (июль/сент. 1935). Впоследствии статья появится по-французски («Кайе дю Сюд» №18, март 1936), по-голландски и по-испански. По поводу французского издания статьи Шестов беседовал с Фонданом, который, по его просьбе, предложил статью журналу «Кайе дю Сюд»:

Я очень рад, что «Кайе дю Сюд» хотят напечатать мой доклад о Киркегарде и Достоевском (будущее предисловие к книге «Киркегард и экзистенциальная философия»). Необходимо, чтобы некоторые вещи были сказаны; необходимо преградить дорогу «интерпретации» Валя. Может быть, я ошибаюсь, но она меня оскорбляет. (Фондан, стр.34).

•

В июне 1935 г. муж Лизы, Лев Евсеевич Мандельберг, приехал из Тель-Авива в Париж сделать операцию. К радости Шестова и всей семьи, операция прошла благополучно. В августе Лев провел несколько недель в Шателе и вернулся затем в Тель-Авив.

Перед отъездом в Шатель Шестов виделся с Фонданом:

Однажды, — рассказывает Фондан, — Борис Шлецер и г-жа Беспалова были у Габриэля Марселя. Оба заметили

ему, что в его последней книге («Разбитый мир»)* заметно явное влияние шестовской мысли. Марсель признался:

— Эта книга написана уже много лет тому назад. Тогда я был потрясен мыслью Шестова. Но через некоторое время я заметил, что он стучал не в ту дверь, в которую нужно. А еще позднее — что он даже не ошибся дверью, а там, куда он стучался, и вовсе не было двери. (Фондан, стр.30).

Шестов замечает:

Это замечание Марселя не лишено тонкости. Но только, если бы он захотел присмотреться, то увидел бы, что сделанное им открытие было ему подсказано моими писаниями. Я только и делаю, что говорю, что, действительно, двери нет, но что, тем не менее, надо стучать в эту дверь, которой не существует. «Стучите, и отворится», — говорит Евангелие. Но оно не говорит: стучите там-то и там-то. Ясно, что, если бы нам дана была дверь, если бы мы видели дверь, мы постучались бы в нее: дверь бы открылась или не открылась бы или даже оттолкнула бы нас — это не важно! Если бы она была перед нами, можно было бы постучаться. Но вот — с нас требуют, чтобы мы стучали, а мы даже не знаем, куда: вот что мы должны понять. Если бы я избрал борьбу с кем-нибудь или с чем-нибудь, Марсель был бы прав. Но я выбрал борьбу против очевидностей, т.е. против всемогущества невозможностей. (Фондан, стр.31).

С Габриэля Марселя беседа перешла на книгу Рудольфа Отто «Западная и восточная мистика» («Westöstliche Mystik»):

Однажды, — говорит Шестов Фондану, — я вижу у г-жи де Манциарли книгу Отто о восточных и западных мистиках... Я взял у нее эту книгу и прочел почти одним духом. Удивительно! Конечно, там есть то, чего я боялся. Речь идет о Святости, а не о Святом. Он [Отто] сравнивает

* G.Marcel. Le Monde cassé. (Pièce en quatre actes). Paris. Desclée de Brouwer et Cie, 1933.

Шанкару (мысль которого считается, как вы знаете, упадком по сравнению с мыслью Веды) с Мейстером Экхартом, и находит между ними многочисленные точки соприкосновения и сходства; он признает также и различия. Но ими он не занимается, а просто говорит, что различия объясняются тем, что мысль Экхарта выросла на своде библейской земли, а мысль Шанкары — на индийской почве. (Фондан, стр.31).

Возможно, что беседы с г-жой И.В. де Манциарли, большим знатоком индусской культуры, прожившей много лет в Индии, привлекли внимание Шестова к индийской философии, которой он начал интересоваться уже в 1934 г. Через несколько недель после приведенного разговора с Фонданом Шестов поручает Герману попросить Эйтингона достать ему книгу Германа Ольденберга «Упанишады и ранний буддизм» («Upanischaden und das frühe Buddismus») (письмо к Герману от 17.08.1935). Неизвестно, удалось ли Шестову достать эту книгу.

* * *

Как всегда, примерно 18 июля Шестов едет на лето в Шатель. Шестовы живут в том же отеле, что и раньше, но теперь с более скромным названием: Hotel de l'Etablissement.

Тем летом Шестов читал недавно вышедшую в Париже книгу Леви-Брюля «Первобытная мифология» («La mythologie primitive»):

Я до сих пор ничего совсем не делал, — пишет Лазареву Шестов, — но теперь и мне приходится нарушить правило: надо... прочесть большую новую книгу Леви-Брюля и написать о ней рецензию — обещал, а обещания нужно исполнять. С сегодняшнего дня начинаю и даже начал читать. (9.08.1935).

Приблизительно 25 августа Шестов поехал в Бурбон и оттуда сообщает Фондану:

> Je prépare ici un petit compte rendu sur le livre de Lévy-Bruhl (en russe, pour la revue de Berdiaeff), — пишет Шестов Фондану. — Le livre est énormement intéressant et je vous conseille, si c'est possible, de vous réserver la place pour un compte-rendu aux Cahiers du Sud. Vous ne vous en repentirez pas et les "Cahiers" non plus. Ce serait dommage si quelqu'un autre l'écrivait. Or, il faut que vous l'écriviez immédiatement. (1.09.1935. Фондан, стр.34).

Статья Шестова о Леви-Брюле появилась по-русски в апреле 1936 г. в журнале «Путь» под заглавием «Миф и Истина» и немного позднее в голландском журнале «Синтез» под заглавием «Mythe en Waarheid». Считая неуместным публиковать статью о себе в «Ревю Философик», Леви-Брюль попросил А.Койре (A.Koyré), члена редакции ежегодника «Решерш Философик» опубликовать французский перевод статьи Шестова в этом издании, но Койре просьбы не исполнил (см. Фондан, стр.42 и 46). Под заглавием «Mythe et Vérité» перевод появился в югославском журнале «Филозофиа» в номере III за 1938 г., вышедшем в свет в июне 1939 г.

•

15 сентября Шестов вернулся в Булонь. На следующий день он повидал Эйтингона, который на некоторое время приехал во Францию из Иерусалима, куда он переселился из Берлина.

15 декабря, на публичном собрании Религиозно-философской Академии, посвященном двадцатипятилетию со дня смерти Толстого, Шестов читает речь «Ясная Поляна и Астапово». В ней он сопоставляет бегство Толстого в Астапово с исходом Авраама, который повиновался призванию Бога и пошел, не зная сам, куда идет. Кроме Шестова, с речами выступили: Г.В.Адамович («Единственность Льва Толстого»), Н.А.Бердяев («Разум и безумие у Л.Толстого»), Б.Вышеславцев («Анархизм Л.Толстого»), Г.П.Федотов

(«Л.Толстой и Евангелие»). Речь Шестова была опубликована в «Современных Записках» №61 (май/авг. 1936) и затем по-французски («Ревю Философик», ноябрь/декабрь 1936), по-испански и по-голландски.

*

Начиная с февраля 1935 г., Шестов ведет оживленную переписку с Лизой и Львом, помогавшими ему в устройстве поездки в Палестину, о которой Эйтингон писал Шестову (см. письмо к Фане от 22.04.1934, стр.125-126). 23 октября он пишет Лизе, что все устроилось и что он будет в Хайфе 13 ноября. Но в последнюю минуту поездка была отложена. В скором времени, вопреки ожиданию, переговоры возобновились, о чем Шестов извещает Лизу в поздравительном письме:

> Поздравляю тебя с днем рождения — и желаю, конечно, прежде всего сил и здоровья, в нашем возрасте это, пожалуй, чуть ли не прежде всего желать надо, т.к. этого всегда не хватает — а потом уже и других жизненных удач. Очень жалею, что не совпадает день твоего рождения с предполагаемым приездом моим в Палестину — отпраздновали бы вместе. Но если и в самом деле возобновившиеся теперь переговоры о моем приезде в Палестину на этот раз приведут к положительным результатам, мы сможем задним числом опять устроить торжество. Хотя, по правде сказать, можно считать будет за торжество и то, что удастся повидаться. Я, признаться, на это уже и не рассчитывал и очень приятно был поражен, когда узнал на днях, что в Палестине хлопочут об устройстве моих лекций и что, быть может, в марте месяце [1936] я буду иметь возможность приехать к вам... Итак — еще раз поздравляю, целую тебя и к прежним пожеланиям еще присоединяю пожелания для себя, чтоб начавшиеся переговоры привели к положительным результатам. [декабрь 1935].

*

13 февраля 1936 г. Шестову исполнилось 70 лет. Он получил множество поздравительных писем:

Zu Ihrem 70. Geburtstage sende ich Ihnen meine und Mirra Jakowlewnas herzlichste Glueckwuensche... Es sind jetzt 28 Jahre her, seitdem ich Ihren ersten Brief erhielt, und Schestow erschien mir schon damals so gross oder so viel zu sein, dass ich mich nie gefragt habe, ob er vierzig oder siebzig Jahre alt ist. Und Sie sind mir in den vielen Jahren seither immer wieder so wiel gewesen, dass Jahre und Jahrzehnte es gar nicht fassen könnten. Lassen Sie mich bei diesem grossen Anlass Ihnen wieder meinen Dank dafuer sagen. (От Макса Эйтингона, 5.02.1936).

Мы, Ваши современники, с гордостью называем Ваше имя, наши преемники будут с жадностью читать Ваши книги, ища в них ответа на мучительнейшие запросы духа. Вы давно уже заняли видное место в истории русской философской мысли, западноевропейские мыслители Вас знают и уважают, признание Вас широкими кругами интеллигенции ширится и должно стать всеобщим.

Живите, дорогой Лев Исаакович, в добром здравии еще долго, долго и дарите нас плодами Ваших размышлений. (От Соломона Познера).

Примите, глубокоуважаемый и родной Лев Исаакович, мою любовь к Вам и преданность, о чем я искренно рад Вам напомнить в день Вашего семидесятилетия. Желаю Вам, Лев Исаакович, светлых дней и здоровья и долголетия на радость Вашим почитателям и ученикам, среди которых и я. (От Виктора Мамченко, 12.02.1936).

Сердечно поздравляю Вас со днем Вашего юбилея и благодарю за те радости, которые доставляли мне всегда Ваши произведения.

Хотя, выражаясь словами отца церкви, «кладезь ума Вашего глубок, а вервие моего понимания кратко», но, сколько могла я таким кратким вервием ухватить, было так прекрасно и мудро и так чувствовалась глубина кла-

дезя Вашего, что вот — «не могу молчать» — чувствую, что должна пролепетать свою благодарность. (От Надежды Тэффи, 13.02.1936).

Cher Grand Maitre et Grand Ami!
Acceuillez, s'il vous plait, les félicitations d'une très vieille babouchka, qui se joint à tous vos admirateurs et amis pour vous souhaiter longue vie et tous ce que vous pouvez désirer. (От Марии Шлецер — матери Бориса Шлецера, 13.02.1936).

Мы с женой шлем Вам самый горячий привет, низкий поклон. Имя Ваше давно уже для нас облик самых вершин русской духовной культуры, путь Ваш — уединенный и благородный, дары — велики, след жизни ярок. Всем сердцем желаем Вам сил, здоровья, мира для продолжения огромного Вашего дела. (От Бориса Зайцева, 20.02. 1936).

Mit einigen Tagen Verspätung erfuhren wir von Ihrem 70 Geburtstag. Dennoch möchte ich nicht, dass die Stimme der Hebräischen Universität unter den Glückswünschenden fehlt. Sowohl als Rektor der Universität, als auch als Lehrer der Philosophie an ihr, als auch einfach als Leser Ihrer Bücher möchte ich Ihnen unsern allerherzlichsten Glückwunsch entbieten! Möchte es Ihnen und uns vergönnt sein, Ihre Schriften hebräisch übersetzt zu sehen*.

Wir hoffen Sie balt hier begrüssen zu können. (От Гуго Бергмана, 20.02.1936).

Cher Ami (puisque votre exemple m'autorise à vous donner ce titre), je me réjouis que l'occasion, adroitement exploitée par notre ami Schloezer, m'ait permis de vous faire cette déclaration d'amitié. J'éprouve depuis six ans que la promotion de septuagénaire, qui a ses charges, offre pourtant quelques agréments sérieux: les âmes apprennent à reconnaître celles qui ont la même "longueur d'onde" et ne se sentent plus si isolées.

* Насколько нам известно, до сих пор нет переводов работ Шестова на иврит.

> Je me retrouve dans votre pensée plus délicatement qu'autrefois. Ainsi je suis en appétit d'entendre ce que vous aurez trouvé à dire sur Kierkegaard, que je comprends mal. Ce sera une bonne conversation. Soyez en remercié d'avance. (От Поля Дежардена, 21.02.1936).

> В Ваш 70-летний юбилей... позвольте послать Вам искренний и дружеский привет, благодарность за Вашу дружественность в течение всей нашей долгой жизни, начиная с Киева. С годами научаешься ценить и благодарить дружбу, а еще более ту бескорыстную доброжелательность и способность радости о другом, которыми Бог наделил Вас. Быть может, это один из самых редких даров. И вот с благодарностью озирая наш жизненный путь, мне хочется обнять Вас в этот день, поблагодарить и пожелать еще многая лета. Да будет над Вами благословение Божие! Мои приветствия вместе с Вами направлены к Анне Елизаровне и детям Вашим, без которых, Вы это хорошо знаете, и Вас бы не было, и от Е.И. и моей семьи, которым Вы были также верным другом, не отделяя их от меня (что тоже не часто встречается в жизни). Особенно мне вспоминается 18-й год в Москве, перед моим выездом оттуда, и затем в Киеве, при попытке возвращения, когда Вы сшили мне рясу из гвардейского сукна. Ее еще и доныне носит один из молодых Парижских священников, моих учеников. (От о.Сергия Булгакова, 12.03.1936).

Поздравительное письмо от Вячеслава Иванова было дано в гл. VII (см. первый том). Поздравительное письмо Лазарева не сохранилось. Судя по ответу на него Шестова, оно было особенно теплым:

> Большое и искреннее спасибо Вам за Ваше письмо. Я никогда, конечно, не сомневался в том, что в Вашем лице я имею верного друга и, вместе с тем, такого читателя, которым каждый писатель особенно дорожит — читатель, который не только усваивает содержание книг, но и перерабатывает еще усилиями собственной мысли, т.е. воссоздает и обогащает его. Для Вас — это так редко быва-

ет — философия не умственное упражнение и даже не добывание знания, хотя бы знания, как принято выражаться, о первых и последних вещах — и так у Вас было до встречи со мной — а искание Единого на потребу, и на этом пункте наши пути скрестились. Я помню наш первый философский разговор — мы шли пешком от Челпанова до Контрактового дома — и могу сказать, что, если бы заключительные слова к «Толстой и Нитше»* не были мной написаны, Вы бы их написали, — особенно, если бы Вы, как и я, принадлежали себе, а не банку, на который у Вас уходили лучшие силы. И мне было отрадно, читая Ваше письмо, вспоминать это. — Большое спасибо и за книгу Ольденберга** — хотя тут я не могу Вам не попенять. Книга была мной заказана, и Вы не в праве были дарить ее мне. (14.02.1936)***.

Кроме приведенных, в архиве Шестова сохранились еще поздравительные письма от Марка Алданова, Ивана Бунина, генерала Н.Головина, швейцарского художника Зюльцера, Марии Николаевны Муромцевой (вдовы Сергея Муромцева, председателя Первой государственный думы), Русского факультета при Парижском Университете с подписями профессоров Н.Кульмана, К.Мочульского, А.Карташева, Жюля Легра (Jules Legras) и др., Кружка русско-еврейской интеллигенции и редакции «Современных Записок» (подписано В.Рудневым).

Желая почтить его 70-летие, друзья Шестова, без сомнения, по инициативе Шлецера, образовали Комитет друзей Шестова (Comité des amis de Léon Chestov), который взял на себя издание по-французски его книги «Киркегард и экзи-

---

* Книга «Толстой и Нитше» кончается следующими словами: «Нитше открыл путь. Нужно искать того, что выше сострадания, выше добра. Нужно искать Бога».

** Речь, вероятно, идет о книге: H.Oldenberg. Le Bouddha, sa vie, sa doctrine, sa communauté. Paris, "Alcan", 1934.

*** Письмо Шестова было опубликовано в Париже в газете «Русская Мысль» от 27.02.1969.

стенциальная философия», организовав подписку на это издание. В комитет входили: Люсьен Леви-Брюль, Николай Бердяев, Поль Дежарден, А.Добрый, Макс Эйтингон, Жюль де Готье, Адольф Лазарев, Жан Полан, Борис Шлецер, который был секретарем комитета. О всех членах комитета, кроме Доброго, не раз было упомянуто в этой книге. Абраам Юрьевич Добрый был очень состоятельным человеком, банковским деятелем. Иногда встречался с Шестовым, был подписчиком на издания его книг.

Начиная с 1935 г., а может быть и раньше, у дочерей Шестова появилась возможность осуществить давнее желание — помогать ему в работе. Таня, с финансовой поддержкой Наташи, смогла уделять полдня занятиям с Шестовым. Когда было предпринято издание по подписке книги о Киркегарде, Таня взяла на себя большую часть работы. Но ее имя, по понятным причинам, не упомянуто на подписном листе, где указан состав комитета.

Комитет собрался 25 января 1936 г. у А.Доброго. Было решено попросить Леви-Брюля, который не мог прийти в тот день, быть председателем комитета. Ему и Эйтингону, жившему тогда в Иерусалиме, был послан отчет о собрании. Они пишут Шлецеру:

> Il me semble que le comité Chestov a très bien travaillé. Les mesures qu'il a prévues me paraissent tout à fait judicieuses. Il m'a seulement fait trop d'honneur en me choisissant pour président — d'autant plus que, philosophiquement, comme vous le savez, je suis loin de la position de Chestov. Mais vous savez aussi que je l'admire, et que ma sympathie pour sa personne est grande, comme je l'ai écrit à M.Dobry. (От Леви-Брюля, 28.01.1936).

> Ich brauche Sie wohl nicht erst zu versichern, wie sehr viel mir bei meiner Verehrung fuer Lew Isaakowitsch daran liegt, zu diesem Komitee zu gehoeren und wie sehr ich alles von mir Abhaengige tun moechte, un zum Erfolg seiner Bemuehungen beizutragen. (От Эйтингона, 5.02.1936).

В феврале комитет разослал подписные листы, и вскоре начали поступать заявления о подписке, среди них — от Альбера Камю, который посвятил впоследствии Шестову несколько страниц своей книги «Миф о Сизифе».

Посылая подписную плату Шлецеру, Шарль дю Бос пишет:

> Excusez le retard de ma réponse, mais depuis trois semaines je suis de nouveau immobilisé à la chambre et assez souffrant.
>
> Je vous inclus un chèque de 100 francs pour un exemplaire sur Hollande Van Gelder pour le livre de notre ami Chestov, et je vous prie de transmettre à celui-ci mes voeux de toute fidèle affection à l'occasion de son soixante dixième anniversaire. On ne saurait imaginer mode de commémoration mieux approprié, et je pense que ce n'est pas sérieusement que vous avez pu penser qu'une différence quelconque dans les idées me retînt jamais de m'y associer. Je garde très présente à la memoire la joie que j'eus à publier naguère dans ma collection le premier ouvrage [de Chestov] qui parut en France* et où, comme par la suite, vos deux noms étaient unis. Je n'ai qu'un regret, c'est de n'avoir pu autrefois trouver le temps de conduire à terme la petite étude que je souhaitais consacrer à son oeuvre, mais peut-être la vie m'en laissera-t-elle quelque jour le loisir. (13.03.1936).

Книга вышла в июле 1936 г. в философской серии издательства «Врен» с пометкой «Les amis de Léon Chestov» под заглавием «Kierkegaard et la philosophie existentielle». Была напечатана тысяча нумерованных экземпляров, из которых 65 на роскошной бумаге и 935 на обыкновенной. В 1948 и 1972 гг. «Врен» выпустил 2-е и 3-е издания. Как уже было указано, к тексту 1934 г. Шестов добавил вместо предисловия свой доклад «Киркегард и Достоевский», прочитанный 5 мая 1935 г. В 1937 г. Роберт Пейн (Robert Payne) перевел книгу на английский, но издателя найти не удалось.

---

* Les Révélations de la Mort. См. первый том и стр.316-317.

По-русски книга вышла после смерти Шестова в июне 1939 г. (см. стр.213). Уже после войны книга появилась по-датски (1947), по-испански (1947), по-немецки (у австрийского издателя Дерглера, 1949) и по-английски в переводе Элинор Хьюитт (1969). В 1936 г. «Врен» перенял для распространения у издательства «Сан Парей» три книги Шестова («Dostoïevski et Nietzsche», «Sur les confins de la vie», «Le pouvoir des clefs» — см. первый том).

В прессе 70-летие и подписка на новую книгу были отмечены рядом статей и заметок. 13 февраля, в день рождения Шестова, появились статьи Г.Ловцкого и Б.Шлецера в газете «Последние Новости». В той же газете было помещено несколько заметок о подписке на новую книгу. Бердяев опубликовал две статьи: одну по случаю семидесятилетия («Путь», №50, янв./апр. 1936), другую — после выхода книги («Современные Записки», №62, 1936). В номере 61 «Современных Записок» появилась статья «Лев Шестов. К семидесятилетию». Во французской прессе тоже появились объявления о подписке и ряд статей до и после выхода книги.

* *
*

Общество Младороссов предложило Шестову отметить его юбилей банкетом, но он не принял предложения. Он объясняет это Фондану:

> Зачем банкет? Все захотят говорить. Меня сравнят с Платоном, Аристотелем, и все останутся довольны. Конечно, речи прочтут с большим жаром, и все будут думать, что поняли. (Фондан, 1.02.1936, стр.55).

Русский Академический Союз во Франции, членом которого был Шестов, чтобы отметить его 70-летие, устроил публичное собрание в субботу 14 марта, в 8 часов 45 минут вечера. Хотя Шестов не любил шумихи чествований, он согла-

сился присутствовать на этом собрании, чтобы не обидеть отказом Леви-Брюля, который принимал участие в вечере. Отчет о собрании появился в газете «Последние Новости»:

> Заседание Академического союза, посвященное 70-летнему юбилею Л.И.Шестова, собрало многочисленную аудиторию, горячо приветствовавшую юбиляра. Собрание открылось вступительным словом председателя, П.Н.Милюкова, отметившего крупные заслуги Л.И.Шестова перед русской философией и критикой, затем проф. Леви-Брюль произнес по-французски блестящую речь, в которой охарактеризована была оригинальность и исключительное значение философской позиции Льва Шестова. В заключение, проф. А.М.Лазарев с замечательной ясностью и силой изложил основные положения шестовской мысли. (17.03.1936).

Фондан вспоминает, что Леви-Брюль в своей речи поставил вопрос, философ ли Шестов или нет, и ответил на него утвердительно... Слишком своеобразный, конечно, который так трактует свои модели, что их больше не узнаешь. «Я хотел, чтобы моя речь доставила ему удовольствие», — сказал он Жюлю де Готье после своего выступления (Фондан, стр.64).

В тот же день, когда было устроено собрание, Шестов читал в 5 часов дня свой курс в Институте славяноведения. На следующий день он пишет Лазареву:

> Хотя я и очень устал после ичерашнего дня, не терпится, хочется хоть несколько слов сказать Вам по поводу Вашего доклада: вчера столько народу было, что ничего сказать нельзя было. Очень вам за него благодарен: Вы сделали все возможное, точнее даже невозможное. В немногих словах рассказали совсем не подготовленной аудитории столько трудных вещей и, поразительно, вчера же я (ввиду предполагаемого отъезда) закончил свой курс и прочел заключительную лекцию. Когда я слушал Вас, мне казалось, что либо Вы невидимо присутствовали на лекции, либо я каким-то чудом Вас подслушал. Немногочисленные

слушатели моей лекции, присутствовавшие на заседании (я это видел на их лицах), были поражены, не менее, чем я. И никогда я не чувствовал так наглядно нашу духовную близость. Видно было, что Вы говорили не только обо мне и за меня, но и о себе. Я бесконечно Вам благодарен за это, жму Вашу руку и обнимаю Вас. [15.03. 1936].

Через несколько дней после описанного вечера Шестов получил долгожданную визу и билет, чтобы ехать в Палестину, куда он был приглашен прочитать серию лекций культурным отделом рабочей федерации (Гистадрут). 24 марта он вместе с Ловцкими отправился в путь. Ехали поездом до Триеста, потом пароходом до Хайфы, оттуда в Тель-Авив, где их ждала сестра Лиза. Там их встретил Евсей Давидович Шор, написавший впоследствии несколько статей о Шестове (см. стр.184-185). «Исполнилась давнейшая мечта Льва Исааковича, — пишет Ловцкий, — мы посетили страну наших праотцев, где были похоронены его и мой дедушка на Оливковой горе» (Ловцкий, стр.13-14). Прожив дней десять в Тель-Авиве, Шестов и Ловцкие 6 апреля поехали в Иерусалим. 8 апреля Шестов прочел по-немецки лекцию «Скованный Парменид». 12-го он возвращается в Тель-Авив. Сохранилось два письма и открытка, написанные Шестовым из Иерусалима:

Три дня тому назад приехал в Иерусалим. В Тель-Авиве я ровно ничего не делал — все гулял, или сидел на морском берегу: чудное море. Не прочел за две недели, что прошли с отъезда, ни одной строчки, так что боялся, что разучусь читать и писать... Но — увы! Ведь я приехал лекции читать, и мое dolce far niente пришлось прервать: вчера здесь состоялась первая лекция, по-немецки. Несмотря на то, что о ней было объявлено всего за три дня и несмотря на высокие цены (12 и 8 франков), пришло все-таки человек сто. В воскресенье едем обратно в Тель-Авив. Уже осматривали и Иерусалим и окрестности: видели

развалины храма, Гефсиманский сад, масличную гору, гору, на которой дьявол искушал Христа, старый арабский город, и сделали чудную поездку на Иордан и к Мертвому морю. Нам пока везет: стоит чудная погода и не жарко. Принимают очень радушно. Подробно не описываю: очень все-таки и осмотры и лекции утомляют, хотя я все время стараюсь о том, чтоб побольше отдыхать. Приеду и все расскажу. Пока только скажу еще раз, что поездка великолепная. Плохо только одно: очень уж обрамила цивилизация Палестину. На берегу Мертвого моря великолепный ресторан с dansing'ом и грамофоном и т.д. (Жене, 9.04. 1936).

Дивная страна Палестина: мы уже кое-что успели увидеть. Сегодня видели гробницы пророков и Гефсиманский сад. Рассказать в письме невозможно — может быть, при свидании все само собой расскажется. Прочел уже первую лекцию в Иерусалиме — по-немецки. Послезавтра [12 апреля] едем в Тель-Авив: начнутся русские лекции. Жаль, что нужно читать: куда лучше смотреть. (Лазареву, 10.04.1936).

На открытке со стертой датой Шестов пишет Фондану: «Палестину не описать словами», а Фаня приписывает: «Шлем привет из страны чудес».

Хотя в письмах Шестов об этом не упоминает, нет сомнения, что осмотр древностей и чудную поездку к Мертвому морю ему и Ловцким устроил Эйтингон, который жил в Иерусалиме. Вернувшись в Тель-Авив, Шестов пишет жене:

Напишите, пожалуйста, и о делах: как идет подписка на книгу, печатается ли она, перевела ли Таня статью о Леви-Брюле и послала ли она ему копию и ответил ли он на письмо, получила ли Таня письмо от голландского журнала «Синтез» и т.д. ...

До воскресенья, т.е. до 20.4. остаюсь в Тель-Авиве, в воскресенье поеду в Хайфу: там две лекции и тоже осмотры. 26.4. на один день поеду в Иерусалим: еще одна лекция. В Тель-Авиве же читаю 28.4. и 3.5. Собст-

> венно, я мог бы уехать 6.5., но Фане очень хочется еще на неделю остаться, и, затем, пожалуй, и мне неплохо пожить лишнюю неделю в Тель-Авиве без лекций и... перед отъездом отдохнуть хорошенько... Мы выедем отсюда 13 мая...
>
> Лизе я сделаю подарок, и хороший: все-таки я ей обойдусь не дешево — и нужно чем-нибудь отплатить. (Жене, 16.4.1936).

В Хайфе Шестов прочел две лекции — «Толстой» (20.04. 1936) и «Достоевский и Киркегард» (21.04.1936). Он читал их по-русски, с одновременным переводом на иврит. «В Хайфу мы поехали уже в пылу арабских беспорядков и возвращались обратно [в Тель-Авив] поездом под охраной английских солдат», — пишет Герман. Темы двух первых лекций Шестова определены по афишам, которые сохранились в его архиве. Темы других трех лекций, которые Шестов читал в Палестине, определить не удалось.

За три дня до отъезда из Палестины Шестов пишет Фондану:

> Теперь я должен рассказать свои «впечатления о Палестине». Увы, это очень трудно, да я мало что иидел. Вы наверное читали в газетах об арабских беспорядках. Хотя и не было «сражений» между арабами и евреями, как было написано в газетах, жизнь была здесь очень тяжелая эти последние недели. Говорили только о беспорядках, и я был прикован к Тель-Авиву, потому что путешествовать по стране было очень опасно. Мне повезло, что я все же мог осмотреть Иерусалим и несколько соседних деревень (до Мертвого моря), все это благодаря тому, что первую лекцию я читал в Иерусалиме. Но уже три недели, как я не двигаюсь. Когда приехал в Хайфу, начались беспорядки. Хотя мои лекции не отменялись, люди были озабочены больше беспорядками, чем лекциями. Сейчас уже стало спокойней, и мои две лекции в Тель-Авиве привлекли довольно много слушателей. (10.05.1936, Фондан, стр.121).

Несмотря на беспорядки, Шестову и Ловцким удалось кое-что осмотреть, и само путешествие было чудесным. «И страна и люди там и путешествие мне необычайно понравились», — пишет Шестов 14.01.1937 в письме к двоюродному брату Александру Гринбергу, жившему в Нью-Йорке. Лекции имели большой успех, и с культурным отделом рабочей федерации было условлено, что Шестов приедет в марте следующего года, если, конечно, все будет спокойно в Европе и на Востоке. Предполагаемая поездка не состоялась.

* *
*

В Булонь Шестов вернулся 19.05.1936. Наташе он привез горсточку святой земли, которая у нее хранится по сей день.

Вскоре после приезда он получает только что появившуюся в издательстве «Деноэль э Стеле» книгу Фондана «Несчастное сознание» («La conscience malheureuse»). Фондан был в это время в Буэнос-Айресе, куда он отправился 26 апреля, чтобы поставить музыкальный фильм с квартетом «Аквилас». Шестов пишет ему в Буэнос-Айрес два письма:

> Третьего дня я получил вашу книгу, которую я уже прочел. Благодарю вас за книгу и за трогательную надпись. Пишу, чтобы сказать, какое она произвела на меня впечатление. Вас можно поздравить. Вы не побоялись поставить себе громадную, труднейшую задачу и справились с ней с честью. У вас, конечно, как у всех писателей, которые ставят себе трудные задачи, не все страницы одинаково удачны. Есть превосходные места, но есть и не столь напряженные, более слабые. Например, постскриптум предисловия и первая глава, «Нитше и наивысшая жестокость», которая, по-моему, является скорее вторым предисловием, вам удались как нельзя лучше. Глава «Несчастное сознание», на мой взгляд, недостаточно сильна, хотя в ней есть мысли первостепенной важности. Глава «Жид, последователь Мон-

теня» очень хорошо написана. Выписка из Нитше (стр.85) и ее истолкование производят незабываемое впечатление, и я думаю, что сам Жид, хотя и избалованный успехом (как писатель), самоуверенный и спокойный, почувствует что-то вроде угрызений совести, прочитав все это. Он должен будет себе сказать, что вы были правы, с тонкой иронией написав несколькими страницами ранее слова: «Одному Богу известно, сколько Жид приложил стараний, чтобы быть смущенным Достоевским и Нитше». Он, конечно, в этом никому не сознается — но я думаю, что он вам этого никогда не простит, хотя вы много сделали, чтобы смягчить впечатление и «позолотить пилюлю». То же самое можно сказать о двух следующих главах: «Бергсон, Фрейд и боги» и «Мартин Хейдеггер». Все будут возмущены тем, что вы посмели не только критиковать, но и говорить с иронией о всемирно знаменитых и заслуженных людях. Вы сильно переделали ваши работы о Гуссерле* и Хейдеггере**, и хорошо сделали. Это дало вам возможность использовать для работы о Гуссерле книгу «Картезианские размышления»*** опубликованную много позже, чем другие его работы. Что касается ваших двух работ о Киркегарде, я принужден сделать ряд оговорок. В этих работах есть много отличных страниц, но, по-моему, хоть вы и касаетесь самых корней его мысли, вы делаете ему незаслуженные упреки! Это происходит оттого, что вы забыли его манеру выражаться «косвенно», или скорее оттого, что, как вы сами признаете, эта манера выражаться вас раздражает. Странная вещь! Бердяев тоже мне сказал: «Зачем говорить косвенно? Если хочешь что-нибудь сказать, говори открыто». Но я не думаю, что Бердяев прав. Есть вещи, о которых можно говорить только косвенно. Это относится также к Нитше и Достоевскому. Надо не только «простить»

---

* Edmund Husserl et l'oeuf de Colombe du réel. — "Europe", 1929, XX, p.331-344.

** Sur la route de Dostoïevsky: Martin Heidegger. — "Cahiers du Sud", №41, июнь 1932 (см. также стр.99-100).

*** E.Husserl. Méditations cartésiennes. Introduction à la phénoménologie. Paris, "Armand Colin", 1932. Ultérieurement Paris, Librairie Vrin.

их манеру говорить, надо ее оценить и понять скрытый смысл их писаний. Если бы вы это сделали, вы бы, может быть, почувствовали, что во многих отношениях между мною и Киркегардом много больше общего, чем вам кажется. Как вы сами заметили, это очень важно. «Страх перед ничто» как источник первородного греха — это и есть начало настоящей критики чистого разума. Тем не менее, вторая часть вашей книги показывает, что вопросы, о которых вы говорите, вы не выучили из книг, но что это ваши собственные вопросы и что вы хотите, и вправе, взять на себя полную ответственность за все, о чем вы говорите в вашей книге. Это ваша большая заслуга. (Фондан, стр.122-124).

Ваша книга, написанная с большим подъемом, показывает, что вопросы, о которых вы говорите, для вас не теоретические, иначе говоря, у вас речь идет об экзистенциальной философии. На мой взгляд, это большая заслуга. (3.06.1936, Фондан, стр.124).

В первом письме Шестов говорит по поводу писаний Киркегарда, Нитше и Достоевского, что «есть вещи, о которых можно говорить лишь косвенно...» и о том, что необходимо уметь оценить и понять скрытый смысл их писаний. Читая Шестова, следует также помнить об этом. Это письмо было опубликовано как приложение ко второму изданию книги Фондана (Paris, "Plasma", 1979).

* * *

В апреле 1934 г. Шестов встречался с М.Бубером, приезжавшим в Париж. После этой встречи они переписывались и посылали друг другу свои книги. В июне 1936 г. Бубер послал Шестову небольшую книгу, озаглавленную «Die Stunde und die Erkenntnis».

Es freut mich sehr, — пишет Буберу Шестов, — Sie wieder einmal lesen zu können, vielmehr wieder einmal Ihre Stimme

zu hören: denn in Ihren Schreiben hört man immer Ihre Stimme. Und noch mehr freute mich mir sagen zu dürfen, dass es immer die selbe Stimme, mutige, starke, überzeugende. "Die Mächtigkeit des Geistes", die weder kann noch will die Lehre von res Tat trennen — so war es immer bei Ihnen; so bleibt es auch jetzt: und das macht, dass Ihre Schriften so zeitgemässig sind. Ich wünsche Ihnen Gesundheit und Kraft, damit Sie weiter arbeiten können. (5.07.1936).

В скором времени Бубер получил книгу Шестова о Киркегарде и пишет ему:

Vielen Dank auch für das Buch über Kierkegaard, das ich soeben erhalten habe. Auf dessen Lekture freue ich mich besonders, denn Kierkegaard und Dostojewski waren die Menschen... die mich in meiner späteren Jugend aus den Fugen gebracht haben — und so etwas ist immer gut, denn die Fugen, aus denen man gebracht wird, können nicht die richtigen gewesen sein. (18.07.1936).

По дороге в Понтиньи, куда Бубер ехал на третью декаду 1936 г., он остановился 24 августа в Париже по приглашению Шестова. Как и в 1934 г., Шестов устроил встречу у Ловцких — гостей, вероятно, было немного, так как ни Леви-Брюль, ни Массон-Урсель, ни Бердяев, которых Шестов пригласил, не смогли прийти, и не было известно, сможет ли прийти Добрый (письмо к Лазареву, 19.08.1936). После встречи с Бубером Шестов поехал в Шатель. Ни о встрече у Ловцких, ни о пребывании Шестова в Шателе сведений не сохранилось.

*

Осенью и зимой 1936 г. Шестов написал статью о Карле Ясперсе «Sine effusione sanguinis. О философской честности», рукопись которой сохранилась в его архиве. Черновик включен в манускрипт 77, на заглавном листе которого значится «октябрь 1936». Чистовая рукопись (Мс. 79) без даты. Статья

о Ясперсе появилась по-голландски в журнале «Синтез» (июль/авг. 1937), в котором Шестов начал сотрудничать в 1936 г. Потом статья появится по-русски в журнале «Путь» №54 и по-французски в журнале «Эрмес» (янв.1938 г.). До этого Шестов предложил «Ревю Философик» французский перевод статьи, но Леви-Брюль не смог ее принять, так как уже принял другую статью на ту же тему (Фондан, стр.118). В том же номере «Эрмеса», что и статья Шестова, появилась статья Ясперса, статья Хейдеггера и заметка (которую Шестов нашел «очень интересной» — Фондан, стр.105) о французском издании книги «Киркегард и экзистенциальная философия».

*

Как было уже указано (см. стр.139), Шестов уже некоторое время занимался индийской философией. После возвращения из Палестины он опять обращается к ней. Он сообщает Лазареву, который предложил ему помочь приобрести книги Пауля Дейссена об индийской философии:

> Спасибо Вам большое за заботы. Но у меня уже есть Deussen, не только 6 томов истории, но и его Vedanta* и его переводы 60-ти Упанишад** и Сутр***. И заплатил я за все 120 фр. Забыл только Вам рассказать. (8.11.1936).

> У меня ничего нового — сколько позволяют глаза — читаю своих индусов и, чем больше читаю, тем больше заинтересовываюсь ими. (23.11.1936).

О своих занятиях индийской философией Шестов также рассказывает Фондану и пишет в наброске «Итоги и комментарии», который входит в рукопись №78. На ее заглавном листе дата: 26.12.1936. Набросок был опубликован посмертно в нью-йоркском альманахе «Воздушные Пути» №4, 1965:

---

* Paul Deussen. Das System des Vedanta. Brockhaus, Leipzig, 1923.
** Paul Deussen. Sechzig Upanischad's des Veda. Brockhaus, Leipzig, 1897.
*** Paul Deussen. Die Sutras des Vedanta. Brockhaus, Leipzig, 1887.

Я перешел теперь от книг об индусах к их оригинальным произведениям. Это совершенно удивительно! Я все больше убеждаюсь, что сила умозрения у них больше, чем в греческой философии. Конечно, не думаю, что у меня хватит времени довести до конца мои занятия, но они меня очень интересуют. (Фондан, 12.11.1936).

С некоторого времени, уже больше двух лет, читаю книги индусов и европейцев об индусской философии. Захватывающее чтение. Больше всего поражает, что индусы, о чем бы они ни говорили, всегда поглощены мыслью о главном, о «едином на потребу»...

Наш мир и мы все отдельные люди в этом мире живущие, есть только иллюзия; реален лишь один браман... браман вечен, неизменен, реален, блажен и все прочее, что ему полагается, а мир с его радостями, ужасами, восторгами и т.д. — есть мираж в пустыне. (Итоги и комментарии, 26.12.1936).

* *
*

В беседах Шестова с Фонданом речь часто заходит о Жане Вале (Jean Wahl), который, начиная с 1930 г., публиковал статьи о Киркегарде и в 1938 г. выпустил большой труд «Etudes Kierkegaardiennes» (см. стр.186). На стр.128, 133, 137 мы привели несколько замечаний Шестова о Вале. Несколько позже Фондан передает слова Шестова: «Валь одинаково говорит о Гегеле и о Киркегарде, как будто они одно и то же» (Фондан, стр.45). В ноябре 1935 г. в «Кайе дю Сюд» появилась статья Фондана («Héraclite le pauvre ou nécéssité de Kierkegaard»), в которой он подвергает критике недавно появившиеся работы Р.Беспаловой, Жана Валя и Дени де Ружмона о Киркегарде. Прочитав статью Фондана, Лазарев сказал Шестову: «Фондан уничтожил Валя» (Фондан, стр.48).

Осенью 1936 г. Шестов и Валь обменялись несколькими письмами по поводу книги Шестова «Киркегард и экзистен-

циальная философия». Из этой переписки сохранилось всего одно письмо Валя:

> Je m'excuse beaucoup de ne pas avoir répondu plus tôt à votre intéressante et aimable lettre.
>
> Pourriez-vous venir rue de la Pompe, le mercredi 23 à 5 heures (cinq heures)?
>
> Je serais bien heureux de continuer oralement l'entretien commencé par écrit. (17.12.[1936]).

Впоследствии Шестов еще не раз беседовал с Фонданом о Вале. Вот еще одна мысль Шестова, записанная Фонданом:

> Вы не понимаете, что можно не услышать вопроса, даже когда он ясно выражен. Однако так бывает. Когда я напомнил Валю слова Киркегарда, что тот, кто не понял его отстранения этического, ничего не понял в его мысли, Валь признался, что не помнит этих строк. И, однако, он хорошо знает Киркегарда. Но Валь, точно как и Бердяев, не может останавливаться на таких текстах, как те, в которых свободный мыслитель Иов противопоставляется Гегелю. Они проходят мимо, закрывая глаза, стараются не заметить, что их автор мог сказать подобные нелепости, они внутренне за него краснеют. (Фондан, 23.09.1937, стр.94).

Читая размышления Шестова о Вале, не следует забывать, что почти все они приведены по записям Фондана, который, записывая, возможно, иногда употреблял более резкие выражения, чем Шестов в разговоре.

* * *

В наброске «Итоги и комментарии» Шестов записал свои размышления конца 1936 г. Мысли об индийской философии уже приводились. Вот еще несколько отрывков:

Перевалило за 70 лет. Казалось бы, можно облегченно вздохнуть: ныне отпущаеши. Но не тут-то было! и с внешней и с внутренней стороны все стало труднее, много труднее. Заботы с каждым днем растут — не о себе, конечно, а о своих близких, растет вместе с тем и, независимо от внешних условий, внутренняя тревога...

Пока нет ни комментарий, ни итогов. Не могу себя принудить смотреть в собственное прошлое. Может быть потому, что вся «работа» в прошлом сводится к перепиливанию тюремной решетки, ни весть кем поставленной и замыкающей для смертных предел возможностей...

Человек в истине отнюдь не тогда, когда он видит то, что все всегда и повсюду видели или могут увидеть, что он сам всегда и повсюду видел. Наоборот, такие видения только связывают и ограничивают его... Истина в том, что открывается иногда, в редкие мгновенья душевного подъема, в моменты «выхождения», «экстазиса»... [Настоящая свобода с ее мгновенностями, мимолетностями и капризами] только там может жить, где ее ничто не связывает: в плодах дерева познания смерть и яд. Удастся ли когда-нибудь нам отыскать истинную свободу? Или после грехопадения она уже не живет на земле? (26.12.1936).

Два первых отрывка глубоко пессимистичны, в особенности если их отделить от двух последних, более светлых. Они, несомненно, важны для понимания Шестова, но, читая их, не следует забывать слова, сказанные им Герцык: «Это я скептик, когда я только и твержу о великой надежде, о том, что именно гибнущий человек стоит на пороге открытия, что его дни — великие кануны» (см. первый том) и замечание неизвестного английского автора статьи «Философия Льва Шестова»: «Странный парадокс: Шестов — все что угодно, только не пессимист» (см. стр.112).

*

ЖИЗНЬ ЛЬВА ШЕСТОВА

В 1936 или 1937 году художник Роберт Фальк (1886-1958) написал портрет Шестова. Вскоре Фальк переехал из Парижа в Москву и увез туда свои картины. В Москве была организована выставка Фалька, на которой экспонировался и портрет Шестова. В настоящее время он находится в частной коллекции в Москве.

Глава XIV

Булонь, 1937 — окт.1938. — Книга «Афины и Иерусалим» выходит по-французски и по-немецки. — Радиолекции о Достоевском и о Киркегарде. — Болезнь. Шестов не возобновляет лекций в Сорбонне. — Статьи о Бердяеве и о Гуссерле.

В начале 1937 г. издательство «Врен», где уже вышла (в 1936 г.) книга Шестова «Киркегард и экзистенциальная философия», приняло его книгу «Афины и Иерусалим» (том 10) для издания на французском языке. Книга состоит из предисловия и четырех частей, состоящих из главных работ, написанных Шестовым за последние десять лет. Чистовые рукописи предисловия и трех первых частей сохранились в архиве Шестова, на последних листах этих рукописей указаны даты. О разных частях книги уже говорилось в этой работе. Даем состав книги, даты написания разных частей ее и номера страниц этой работы, на которых упомянуты эти части:

— Предисловие (апрель 1937).
— Часть первая. Скованный Парменид. (2.01.1930, см. стр.24, 28, 41, 44-47).
— Часть вторая. В фаларийском быке. (15 глав, из которых последние пять глав посвящены Киркегарду. 6.05.1932, см. стр.83-88).
— Часть третья. О средневековой философии. (25.02.1935, см. стр.128-132, 136).

— Часть четвертая. О втором измерении мышления. (68 афоризмов. 1925-1929, см. стр.44, 58).

Чистовая рукопись четвертой части не сохранилась. Указанные даты были определены по черновым рукописям. Небезинтересно заметить, что 1-я, 2-я и 4-я части книги «Афины и Иерусалим» были написаны раньше, чем книга «Киркегард и экзистенциальная философия» (закончена в июле 1934 г., вышла по-французски в июле 1936 г.). Печатание книги по-французски началось в июне 1937 г. Так как глаза у Шестова были сильно утомлены, корректуру проверяла Таня, вслед за ней Фондан и Шлецер. Шестов пишет Фондану:

> Я получил вашу открытку, дорогой друг, и очень смущен, мне кажется, что я уже злоупотребляю вашей дружбой. Вы переписываетесь для меня с мадам Окампо, вы читаете корректуру книги «Афины и Иерусалим» и т.д. — это уже слишком большая работа для вас. Но как быть иначе? Журнал «СУР» обратился к вам* — с моими глазами и бессонницей (которая очень меня утомляет) я совершенно неспособен делать многие вещи, которые обыкновенно делал сам. Я надеюсь, что это в последний раз и что в будущем вам не придется заниматься моими делами. Пока же я вас благодарю от всей души за то, что вы для меня делаете, — примите мою глубокую признательность. (7.07.1937(?). Фондан, стр.135,136).

Книга Шестова вышла в начале 1938 г. (вероятно, в феврале) под заглавием «Athènes et Jérusalem. Un essai de philosophie religieuse». Напомним, что в 1936 г. Врен издал книгу Шестова «Киркегард и экзистенциальная философия» (том 9) и перенял у издательства «Сан Парей» француз-

---

* Аргентинским журналом «Сур», о котором упоминает Шестов, руководила Виктория Окампо (см. стр.25). В 1935, 1937 и 1938 гг. в нем печатались три статьи Шестова. В 1938 г. в издательстве «Сур» вышла по-испански книга Шестова «Las revelaciones de la muerte».

ские переводы томов 3, 4 и 7 (см. стр.48). Кроме указанных томов (3, 4, 7, 9 и 10), по-французски в 1925 г. вышел второй том в издательстве «Сьекль» (см. том 1). Тома 1, 5, 6 на французский переведены не были, а том 8 был переведен (за исключением главы «Неистовые речи»), но опубликован лишь по частям в различных изданиях. 16 июня 1939 г. Врен посылает дочерям Шестова отчет о положении книг Шестова, из которого следует:

Том	3	4	7*	9	10
Год и месяц издания	07.1926	05.1927	04.1928	07.1936	02.1938
Издательство	Плеяда	Плеяда	Плеяда	Врен	Врен
Количество	3000	1500	1350	1000	900
Перенято Вреном у изд. «Сан Парей» в 1936 г.	1908	753	891		
Продано Вреном между 1936 и июлем 1939 г.	50	100	200	700	420

Третий том продавался очень медленно, и Врен в вышеуказанном письме сообщает, что 1000 экземпляров этого тома будут, с согласия мадам Ражо, уничтожены. Неизвестно, было ли это сделано. В 1948 и 1972 гг. Врен выпустил новые издания 9-го тома, а в 1949 — новое издание 2-го тома. Другие тома (3, 4, 7, 10) были переизданы по-французски в изд. «Фламмарион» в 1966 и 1967 гг.

* *
*

В 1936 г. или в начале 1937 австрийское издательство «Шмидт-Денглер», близкое к кругу поэта Стефана Георге, обратилось к Шестову, возможно, по совету немецкого

---

* 7-й том русского издания («Власть ключей») обозначен «том V-VI» в издании «Плеяды», т.к. в эпоху, когда он издавался по-французски, было решено не издавать 5-го и 6-го томов французского издания. В этой работе мы сохраняем нумерацию томов русского издания.

переводчика Шестова — Ганса Руофа, с просьбой о предоставлении ему права на публикацию книги Шестова по-немецки. Шестов дал издательству свою книгу «Афины и Иерусалим». В августе 1937 г. Руоф приехал в Шатель просмотреть с Шестовым перевод. После окончания проверки книга была отправлена Денглеру. Когда Гитлер занял Австрию (11.03. 1938), думали, что книга пропала, и Шестов был приятно поражен, получив 31 марта, после долгого перерыва, письмо от Денглера с известием, что книга появилась в марте. Шестов сообщает об этом Герману (письмо от 6.04.1938), который тогда был в Женеве, и предупреждает его, что он просит Денглера выслать Герману в Женеву несколько экземпляров книги для швейцарских друзей — Шеделина, Фрица Либа и др. В скором времени Шестов получил от Денглера книгу «Athen und Jerusalem. Versuch einer religiösen Philosophie», прекрасно изданную. Денглер глубоко заинтересовался трудами Шестова. Об этом он рассказал в письме к Тане, посланном после смерти Шестова:

> Die Herausgabe seines letzten Werkes bereitete mir viel Freude... Dem fertigen Buche konnte ich dann leider nicht die jenige Propaganda angedeihen lassen, welche es verdient hätte, die Zeitumstände waren für ein so tiefsinniges philosophisches (und obendrein noch religiöses) Werk allzu wenig geeignet. Das einzige, was ich hoffen kann, ist dies: das Werk in spätere, ruhigere Jahre hinüber zu retten, wo dann auch diesem Buche, wie den übrigen Werken Professor Schestow's die gebührebde Beachtung auch hier zuteil werden wird. (8.12. 1938).

В 1949 г. Денглер опубликовал еще одну книгу Шестова (см. стр.149) и основал в Граце Шестовское общество, которое просуществовало несколько лет и издало две брошюры о Шестове (см. стр.229).

По-русски книга «Афины и Иерусалим» вышла только в 1951 г.

Надо заметить, что ряд работ, написанных между 1925 и 1936 гг., в том числе «Умозрение и Апокалипсис» и «Ясная Поляна и Астапово», Шестов не включил в книгу «Афины и Иерусалим». Вместе со статьями, написанными после 1936 г., они вошли в сборник статей «Умозрение и откровение», составленный посмертно дочерьми Шестова (том 11 собрания сочинений). В 1949 г. Денглер принял эту книгу. Он намеревался издать ее по-немецки в 1950 или 1951 г., но не смог осуществить своего замысла. Руоф, который очень заботился о немецких изданиях Шестова, пристроил книгу в издательство Генриха Эллермана, где она вышла в 1963 г. По-русски она появилась в 1964 г. в Париже в издательстве ИМКА-Пресс (см. стр.222).

*

Вероятно, 7 марта 1937 г. Шестов был приглашен к Жаку Маритену, чтобы встретиться у него со знатоком индийской философии:

> Мадам Маритен, — рассказывает Фондан, — приглашает меня приехать к ним в Медон в ближайшее воскресенье. Она мне сообщает, что у нее будет молодой индолог Оливье Ла-комб, который хотел бы встретить Шестова, так как Массон-Урсель попросил его дать Шестову сведения о Рамаяне, за которыми тот обратился к Массон-Урселю. Не может ли Шестов тоже приехать в это воскресенье?
>
> Вот мы в Медоне. Долгие беседы о переводах, изданиях Шанкары и Рамаяны.
>
> «Очень надеюсь, что Вы об этом напишете книгу», — говорит Маритен. «Возможно, — отвечает Шестов, — но только на том свете. Мне понадобилось бы столько работать, столько читать, что книгу не удалось бы довести до конца. Однако чтение индусов — для меня настоящее удовольствие. Они позволяют мне лучше видеть некоторые моменты нашей собственной мысли». (Фондан, стр.60, 61).

Дата посещения Маритена определена по письму Шестова к Фондану от 2 марта 1937 г., в котором Шестов пишет о предстоящей встрече у Маритена с Оливье Лакомбом в субботу 6 марта 1937 г. Сам же Фондан описанное собрание относит ошибочно к марту 1936 г. и пишет, что оно состоялось в воскресенье, а Шестов говорит о субботе. Возможно, что с субботы оно было перенесено на воскресенье.

* *
*

В феврале 1937 г. Шестов получает письмо от Луи Гийю (Louis Guilloux) из французского министерства почт, в котором последний сообщает Шестову, что французское радио организует цикл лекций по русской литературе, начиная от Пушкина и кончая современными писателями, и что Достоевскому будет посвящено пять лекций. Он просит Шестова взять на себя лекции о Достоевском и выбор текстов Достоевского для чтения. Читать тексты будет Жак Копо (Jacques Copeau), который когда-то играл роль Ивана в театральной постановке по «Братьям Карамазовым».

> Я попросил Гийю ко мне зайти, — рассказывает Шестов Фондану, — он хотел бы, чтобы читались отрывки из «Записок из подполья», из «Кроткой» и из «Сна смешного человека». Я подумал, что, возможно, он меня читал. Вы знаете, что обыкновенно никто не говорит об этих текстах. Ни Жид, ни другие, когда говорят о Достоевском, никогда не упоминают «Записки из подполья»...
>
> Что же я могу сказать за четверть часа, да еще по радио? Ничего из мною написанного для этого не подходит. Значит, мне придется перечесть всего Достоевского. Во всяком случае, ничего серьезного сделать нельзя. Но я должен зарабатывать на жизнь. (Фондан, 17.02.1937, стр.133).

Радиолекции Шестова и чтения Копо были переданы 3, 10, 17, 24 апреля и 1 мая 1937 г. по парижскому радио. Лекции читала Таня. Она же перевела их на французский язык. Они были опубликованы по-французски в «Кайе де Радио-Пари» 15 мая 1937 г. под заглавием «L'oeuvre de Dostoïevski» и по-русски в незадолго до этого основанном журнале «Русские Записки» (№2, [окт./дек.] 1937), под заглавием «О перерождении убеждений у Достоевского». «Этот журнал, — пишет Глеб Струве о "Русских Записках", — возник не как оппозиция "Современным Запискам", а более или менее как их двойник... Начиная с 4-го ноября, редактором был П.Милюков. В редакции принимали ближайшее участие лица, имена которых фигурируют на обложке "Современных Записок" [Н.Д.Авксентьев, И.И.Бунаков, М.В.Вишняк, В.В.Руднев]». (Г.Струве, стр.239). Журнал просуществовал до конца 1939 г. Всего вышел 21 номер. В четырех из них (№№2, 3, 12, 13) были опубликованы работы Шестова.

* *
*

В среду 19 мая 1937 г. в 9 час. вечера в Обществе студентов-протестантов (Association des Etudiants Protestants) Шестов читал по-французски доклад «Нитше и Киркегард», по приглашению группы студентов-протестантов. Один из устроителей вечера, Марк Эрюбель (Marc Hérubel), в статье «Léon Chestov», опубликованной в органе Федерации христианских студентов «Семëр», объявил о собрании и рассказал о пути, который привел его самого и его друзей к Шестову:

> Avec quelques amis nous étions allés à une conférence donnée par Chestov [le 5 mai 1935] à la Société russe de philosophie et de religion sur le sujet "Kierkegaard et Dostoïevski". Nous ne le savions pas, Chestov parlait russe,

> et si nous fûmes sous le charme de sa langue musicale, nous n'y comprîmes naturellement pas grand'chose! C'en était assez cependant pour m'inciter à lire ses ouvrages traduits en français, car chacun d'eux, ou peu s'en faut, portait en titre ou en sous-titre des noms qui nous étaient chers, non comme illustres et vénérables mais comme ceux d'hommes auprès desquels nous cherchions l'épreuve ou l'approfondissement de notre foi. («Le Semeur», май 1937, стр.409).

Это выступление Шестова — единственное его выступление во французском обществе, описанное в этой книге. Вероятно, Шестов выступал и на других французских собраниях, но сведений об этих выступлениях найти не удалось. Журнал «Семёр» опубликовал в январе 1939 г. еще одну статью о Шестове, написанную Андре Миролье (André Miroglio). Много лет спустя, уже будучи пастором, Андре Мирольео встретил дочь Шестова и рассказал ей о том, что нашел свое призвание после того, как, будучи студентом философского факультета, прочитал книги Шестова.

* * *

В мае 1937 г. Рахиль Беспалова, о которой уже не раз говорилось здесь, навестила Шестова в Булони. Шестов рассказывает жене:

> Радуюсь за тебя, что такая погода установилась — совсем лето: а то я боялся, что холодно будет. Как у тебя лечение идет, довольна ли ты пансионом? А я все по твоим правилам делаю. И компот сварил, и отличную котлету купил и изжарил (другой раз femme купила, но изжарил я сам), и кашу гречневую сварил и ел ее во всех видах — с супом, макаронами и т.д. А сегодня уже и солнечную ванную принял. Все, как ты приказала. И даже в мелочах: это еще приятнее, будто ты тут и я применяюсь к тебе. В субботу пришла Наташа, принесла яиц и grapefruit —

мы вместе поужинали на славу, а сегодня я иду к ней ужинать, и уже со всеми стелефонюсь.

Вчера [воскресенье] к Бердяеву не поехал: утром вдруг пришло письмо от Беспаловой, что она уже в Париже и приедет ко мне к 5 ч. Приехала и опять целое приданое для обеих внучек притащила: семь платьиц, одно другого лучше, две шапочки, пояс и, вдобавок, счеты (тоже очень красивые) для обучения арифметике: Светлане они очень пригодятся*. Но у самой у нее новости, как всегда грустные: бабушка болеет, мать болеет, денег нет. Прожить в Париже может всего две недели — из них 5, 6 дней уйдет на какую-то (маленькую, правда) операцию. О Наташе и Володе уже напечатано, где полагается**, что они французы, так что уже все процедуры кончены. (Май 1937).

Фондан написал статью «A propos du livre de Léon Chestov: "Kierkegaard et la philosophie existentielle"» для католического журнала «Ревю де философи». В начале 1937 г. он показал статью Шестову и по его совету несколько раз ее переделывал. Шестов ему пишет:

Само собой разумеется, я очень рад, что редакция журнала «Ревю де философи» нашла вашу статью великолепной и что она появится в католическом журнале. Я, конечно, не надеюсь, что после вашего «изложения» люди захотят задуматься над проблемами Киркегарда — можно быть уверенным что на Киркегарда будут продолжать смотреть глазами Ясперса и Валя — но вы столько работали над этой статьей, что я очень рад, что даже посторонние критики находят ее великолепной. Думаете ли вы, что Маритен сдержит свое слово и «сильно» вам ответит? (Фондан, 7.07.1937, стр.136).

Статья Фондана появилась в «Ревю де философи» №5, сент./окт. 1937.

* У Беспаловой была дочка, которую называли Мьетт (Крошка), немного старше Светланы, и по мере ее роста платья ее передавали Светлане.

** «Journal Officiel», 6 mai 1937.

Шестов рассказывает Фондану:

«Я получил несколько писем от молодого бельгийца по имени Жильбер*. Он пишет, что, прочитав мою работу «В фаларийском быке», он подумал, что Самсон был истинно библейским персонажем, лучше других выявляющим значение Библии. Я ответил ему, что, по странному совпадению, американский писатель Бенжамин де Кассерес опубликовал обо мне статью «Самсон в храме Рока»**. Этот молодой Жильбер — думающий человек. Лишь бы он только не прислал мне своей рукописи. Я так устал, мои глаза больше не видят...»

Годом позже Жильбер опубликовал небольшую брошюру, одна глава которой была посвящена идеям Шестова. Шестов был ею сильно разочарован...

«У меня много дел, но я устал. Я должен написать статью о Бердяеве, о котором русская пресса еще ничего серьезного не писала, хотя это и несправедливо. Я должен подготовить для радио несколько лекций о Киркегарде. Не знаю, смогу ли я это сделать». (Фондан, конец июля 1937, стр. 137-138).

Шестов говорит Фондану о том, что ему надо написать статью о Бердяеве и подготовить лекции о Киркегарде для «Радио-Пари», и что он не знает, сможет ли справиться с этими работами. Обе работы были своевременно сделаны (см. стр.172 и 191).

*

В Шатель в том году (1937) Шестов поехал 3 августа, несколько позже, чем обычно. Вернулся он в Булонь раньше обычного, 12 сентября, без сомнения, оттого, что его брат

---

* В 1937 Луи Жильбер опубликовал книгу «Les chants d'Odin, ou Vie et Liberté» (Gand, imprim. S.C.Les Invalides Réunis, 12°, 121 p.). Предисловие книги кончалось фразой: «...прекрасное исследование Шестова "В фаларийском быке", которое послужило мне драгоценным руководством».

** О Бенжамине Кассересе и его статье см. стр.116.

Михаил был опасно болен. Спасти его не удалось, и Михаил скончался 20 сентября. Шестов отвечает Лазареву на письмо с соболезнованиями:

> Спасибо большое Вам за Ваше письмо и за доброе слово о Михаиле Исааковиче. Всем нам трудно жить в эмиграции — и с каждым годом все труднее становится. Но после того, как он потерял зрение, жизнь его была неслыханно тяжела, и я все время только дивился тому, с какой кротостью он переносил свою участь. Жаловался, конечно, как не жаловаться. Но и жалобы его были такие тихие, кроткие — словно он боялся ими отягчить окружающих его. Может быть, смерть была для него избавительницей — ведь никаких у него надежд не было и быть не могло, кроме тех, о которых мы слышали в молитвах раввина над раскрытой могилой (раввин молился по-еврейски, но переводил все на французский язык). Но надежды все связаны не с землей, а с небом.
>
> Что у Вас слышно? Как Ваше здоровье? Подвигается ли Ваша работа о Лекье? Очень был бы рад, если бы Вы ее поскорее закончили и от всей души желаю Вам ее поскорее закончить. Мне тоже приходится трудно с радиолекциями о Киркегарде: как рассказать о нем, чтобы было «понятно» большой публике? Не знаю, что у меня выйдет и как публика оценит мои старания. Когда закончу — гора с плеч свалится и в награду себе сейчас же Вам протелефонирую, чтобы нам встретиться. (30.09.1937).

В это время Шестов подготовил для парижского радио пять лекций о Киркегарде, длительностью по 15 минут. Лекции эти были заказаны ему в июле. Таня перевела их на французский и прочитала 21, 28 октября, 4, 18 и 25 ноября. Лекции были опубликованы по-французски в «Кайе де Радио-Пари» 15 декабря 1937 г. под заглавием «Sören Kierkegaard, philosophe religieux» и по-русски в «Русских Записках» №3, [янв.] 1938, под заглавием «Киркегард — религиозный философ».

Фондан рассказывает:

> Беспалова послала Шестову рукопись своей работы «Шестов перед Нитше» («Chestov devant Nietzsche»). Работа разочаровала Шестова. Я знаю, что к Беспаловой он очень привязан и ожидал от нее если не полного созвучия, то хотя бы лучшего понимания его работ. (Фондан, [дек. 1937], стр.144).

> Я получил от Беспаловой ответ на мое письмо по поводу ее работы, — говорит Шестов. — Она не понимает, почему я разочарован, хотя я и старался это скрыть, как только мог. «Я ведь вас с Нитше сравниваю, это ведь показывает, как я вами восхищаюсь!» Она на самом деле меня сравнила с Нитше; но я этого даже не заметил. Будто бы в этом дело! (Фондан, [янв. 1938], стр.148).

Работа Беспаловой о Шестове вошла в ее книгу «Cheminements et Carrefours» (Жюльен Грин, Андре Мальро, Габриэль Марсель, Киркегард, «Шестов перед Нитше»), вышедшую в издательстве «Врен» в июне или июле 1938 г. Получив книгу, Шестов говорит Фондану:

> Книга Беспаловой появилась: о Мальро, Грине, Габриеле Марселе, Киркегарде и обо мне. Она написала предисловие, в котором мы все предстаем в одной перспективе: Мальро говорит... но Киркегард говорит, и т.д. Книга мне посвящена — я не понимаю, почему. Габриель Марсель, напротив, восхищен ее работой о нем. Она должна была бы посвятить книгу ему, а не мне. (Фондан, стр.160).

*

Фондан навещает Шестова, чтобы сообщить ему о согласии «Ревю Философик» принять его статью о Шестове:

> Шестов болел две недели и еще в постели. Я ему сообщаю, что его давнее желание исполнилось: по его просьбе я выяснил у Леви-Брюля, согласится ли он опубликовать в «Ревю Философик» мою работу о книге Шестова «Афины

и Иерусалим», которая сейчас печатается. Леви-Брюль принял мое предложение. Я его навестил. Он дал мне 40 страниц для этой работы, гораздо больше, чем я надеялся. Шестов очень обрадовался... Он настаивает: «Надо будет писать сжато, чисто философскую статью; это будет трудно: никакой литературы. Надо наступить на горло красноречию... Я записал на листок самые важные вещи, которые, я хотел бы, чтобы вы подчеркнули»... Он вынимает бумагу с записями по-русски. Он мне их переводит и просит записывать. Бóльшая часть их дала мне пищу для размышления. «Затем я хотел бы, чтобы вы поставили два эпиграфа: "Non ridere, non lugere, neque detestari, sed intelligere" Спинозы и фразу из предисловия к моему Киркегарду: "вопли Иова не являются только воплями, т.е. бессмысленными, ни для чего ненужными, все докучающими криками"». (Фондан, 5.01.1938, стр.145, 146).

В феврале Фондан написал свою статью. Шестов прочел ее три раза и внес несколько поправок, и Фондан послал ее в «Ревю Философик». Шестов сообщает Фондану:

Я только что получил письмо от Леви-Брюля, в котором есть несколько строк, вас касающихся: «Статья Фондана у меня. На первый взгляд, она очень хороша. Я так и ожидал и думаю, что вы останетесь ею довольны». (9.03.1938, Фондан, стр.152).

Статья Фондана появилась в номере за июль/август этого журнала под заглавием «Léon Chestov et la lutte contre les évidences» (см. стр.185).

*

В начале своего рассказа от 1 января Фондан говорит, что нашел Шестова лежащим в постели. О болезни Шестова Наташа пишет своему мужу Володе, который в начале осени 1937 г. уехал в южную Персию в качестве инженера при организации, занимавшейся геофизическими изысканиями нефти.

> Папа у нас заболел. Были у него ревматизмы, и он принял лекарство, от которого сделался страшный понос, и он уже неделю лежит и ест овсянку. Я часто к нему хожу, и самое большое для него удовольствие — это твои письма. Очень ты хорошо описываешь природу, именно то, что папа так любит. Особенно он любит слушать про пустыню, про звезды, про газелей и других зверей. (25.12.1937).

О болезни Шестова упоминает также Ловцкий: «Шестов перенес тяжелую болезнь, — рассказывает Ловцкий, — он получил неожиданно кровоизлияние в кишечнике со вздутием вен на руках» (Ловцкий, стр.14). Через некоторое время Шестов несколько оправился от болезни: «Папа поправился, — пишет Наташа Володе 20 января. — Выходит как раньше, только лекций не читает». Все же его силы, очевидно, были подорваны. Об этом мы узнаем из письма к Лазареву:

> Спасибо Вам за Ваши письма — такие дружественные и заботливые. И мне бы очень хотелось повидаться с Вами; разумеется, увы, у меня, а не у Вас: недаром говорится, что болезнь выходит золотниками. (7.02.1938).

Через несколько месяцев Шестов разговаривал с Лазаревым о своей болезни. «Шестов рассказал мне, — пишет Лазарев, — что, когда случилось с ним острое заболевание, то, как ни силились скрыть тревогу близкие и врачи, он уловил по их лицам, что положение его серьезное и возможен худший исход. Но, продолжал Шестов, мне не было страшно, мне было легко, очень легко. Вот, думал я, скоро спадут оковы». (Адольф Лазарев. Памяти Льва Шестова. Не издано).

В воскресенье 13 февраля Шестову исполнилось 72 года. Самочувствие его, очевидно, несколько улучшилось: «У нас все хорошо, — сообщает Шестов Наташе. — В воскресенье все у Фани собрались — и я не устал, хотя вернулся в 10 часов вечера. Спасибо тебе за подарки, все очень хорошие». [15.02.1938].

Письма Володи к Наташе приносили Шестову много радости. Еще в ноябре он ему писал: «По-прежнему с большим интересом читаем твои письма, которые ты мастер писать и которые с каждым разом становятся все занимательнее и содержательнее». А Наташа писала Володе: «Когда я читаю родителям твои письма... у папы улыбка не сходит с лица. Если остановлюсь, говорит: ну что же ты, читай дальше». Узнав, что Шестов заболел, Володя стал посылать письма на его имя. В одном из них, названном Шестовым «великолепным», Володя описывает свою поездку по делам службы в город Ахваз. Вот небольшие выдержки из этого письма:

Наташа писала мне, что Вы были больны. Надеюсь, что Вы теперь уже окончательно поправились. Я рад, что Вам интересно читать мои письма, и поэтому пишу это письмо Вам вместо Наташи, а Вы уж дайте ей почитать.

Всю последнюю неделю я пропутешествовал. Чтобы Вам было яснее, расскажу сначала про обстоятельства, которыми эти разъезды вызваны.

В начале января мы закончили разведку южной части назначенной нам области. Оставалось лишь произвести несколько дополнительных измерений.

Хорошая погода, которая нам сильно благоприятствовала весь декабрь, вдруг испортилась. Дождь лил шесть дней подряд и передвигаться стало нельзя. Карун вышел из берегов и затопил добрую половину пустыни и работать стало невозможно. А в это время из Лондона пришло распоряжение, чтобы нам перебираться в северную часть нашей области... Положение было затруднительное. Перевести лагерь на другое место вода не позволяла. Продолжать работать тоже было нельзя, да и незачем.

Поэтому на другой день, в субботу 15 января, мы, т.е. я и К., решили ехать в Ахваз... Добраться до Ахваза можно было только по реке Карун, от которой наш лагерь находился километрах в десяти. К нашему счастью дождь прекратился и вода начала спадать.

Между лагерем и Каруном оставалась полоса земли, хотя и не сухой, но все же не покрытой водой. Наш план был такой. Добраться на тракторе до реки и ждать парохода в Ахваз...

В субботу утром солнце уже ярко светило, когда мы грузили на трактор наше имущество: по чемодану на человека, палатку на трех человек и походные постели. На платформе трактора постелили мешки вместо персидского ковра, поставили складные кресла и, устроившись как можно удобнее, поехали. Трактор загрохотал, прополз версты две и завяз в непролазной грязи. Пришлось проработать пять часов, чтобы его выручить. После этого добрались до реки уже без задержек.

Поставили первым делом палатку. Окопались от дождя, отослали рабочих с трактором в лагерь, уселись в креслах на берегу и стали ждать. Тишина стояла необыкновенная. Солнце, хотя и спускалось заметно к горизонту, пригревало по-весеннему. На земле, поверх грязи, уже подсохла корочка, на которой суетились муравьи.

На горизонте уже показался дымок нашего парохода. Но ему оставалось пройти еще много извилин, прежде чем добраться до нас. Вечер был прекрасный. За рекой из-за камыша показалась луна во всей своей красе. Через реку протянулась от нее серебряная дорожка. Сзади красный закат отражался в лужах, лягушки, а может быть, кузнечики, поют песню, точно полощут горло. Гуссейн, бой, зажег две керосиновые лампы. На пароходе тоже зажглись огоньки. Но он еще далеко. Река становится все спокойнее. На востоке небо совсем потемнело. Орион со всеми своими звездами поднялся из-за горизонта, а за ним Сириус загорелся и отразился в реке в виде тоненькой вертикальной серебряной черточки. С наступлением темноты откуда-то появившиеся собаки начинают лаять хриплыми голосами. Должно быть, чуют зверей в пустыне...

В девятом часу вечера пароход, наконец, добрался до нас. Оказалось, что это не один пароход, а целый пловучий городок, состоящий из двух пароходов и нескольких барж, связанных вместе.

И к нашему разочарованию, пароход арабский, а не английский. Но делать было нечего, не ждать же у моря погоды. Наши бои стали махать фонарями и кричать по-персидски. На пароходе сначала как будто не обратили никакого внимания, и мы собрались было расставлять кровати и ложиться спать, но вот, один из пароходов отделился от группы, повернул и пристал к берегу. Потом он без труда догнал остальных и мы перешли на другой большой пароход. Здешние пароходы очень несуразны, не то что наши волжские. Это неуклюжие сооружения из гофрированного железа с громадным колесом сзади. Оказалось, что каюты все заняты и наш багаж поставили в общий «салун». В салуне мебели никакой не было, на полу на циновках спало несколько человек. Я предложил разложить наши кровати на палубе и спать под открытым небом. Мы так и сделали. Вокруг нас собралась порядочная толпа любопытных, которые деятельно принялись нам помогать в нашем устройстве... Наконец, мы залегли в спальные мешки, почти не раздеваясь, а любопытные разошлись, все тщательно осмотрев и пожелав нам спокойной ночи. Эту ночь мы провели превосходно, хотя проснулись, покрытые росой. До Ахваза было еще далеко. К. пошел искать укромного местечка, где можно было бы спокойно позавтракать: мы взяли с собой несколько коробок консервов, бисквиты и пиво.

Местечко нашлось на носу, где дул пронизывающий ветер. Туда же скоро пришли оба капитана двух пароходов, принесли жаровню с угольями и угостили нас чаем. Капитаны уселись, поджав ноги и начали довольно затруднительный разговор больше при помощи жестов. Все же понять друг друга мы смогли и почувствовали взаимную симпатию. Из разговора выяснилось, что арабы сначала не хотели взять нас на свой пароход, думая, что мы персы, которых они очень не любят. Потом, уже узнав, что мы французы, они наотрез отказались взять от нас плату за проезд. «Вы скажите англичанам, что нам заплатили, а деньги возьмите себе».

Эти арабы очень симпатичный народ; странно, почему они везде так плохо уживаются со своими соседями.

> Не хочу Вас очень утомлять, Лев Исаакович, этими описаниями. Скажу сразу, что мы доехали до Ахваза, продрогшие от холода, лишь к четырем часам дня. По прямой линии тут не больше пятнадцати километров, но Карун делает такие зигзаги и течение его так быстро, что нам понадобилось двадцать часов, чтобы добраться до места.

Потом Володя подробно описывает свое пребывание в Ахвазе и осмотр места, куда предстояло перевести лагерь. Окончив дела, Володя и его товарищ вернулись обратно в лагер тем же путем, каким и приехали. Для поездки по реке Карун им предоставили специальный катер:

> Мы отплываем от Ахваза уже довольно поздно — в семь с половиной часов вечера. Не успев поужинать, но захватив с собой две бутылки пива и солидный пакет с сандвичами. Не могу без благодарности судьбе вспомнить об этой поездке по черной реке под усыпанным звездами небом. Огоньки Ахваза скоро скрылись позади. Справа и слева пустыня. Кажется, что, несмотря на шум мотора, слышна ее тишина. Сверху звезды. Вот и все. Скоро ночной холод начал пробирать нас до костей. Три араба, капитан, помощник капитана и механик, каким-то образом ухитрились сварить чай и предложили нам. Я завернулся с головой в свой спасительный мешок и прикурнул на багаже. Эта поездка длилась пять часов. В половине первого показался огонек фонаря около нашей палатки на берегу.
>
> Сразу полегчало на душе. Наши в лагере очевидно услышали распоряжение о переезде: часть лагерного багажа уже находилась на берегу. Остаток ночи я решил провести под открытым небом. Расставил походную кровать и залез в мешок.
>
> Прошла неделя с момента нашего отъезда из лагеря.
>
> Утром мы вернулись в лагерь верхом: на берегу для нас были приготовлены лошади.
>
> Приятно было снова увидеть свою палатку. (Написано 25 января 1938 г. в Ахвазе, где Володя остановился на несколько дней при переезде в новый лагерь).

Получил твое огромное, великолепное письмо, — отвечает Шестов Володе, — и ты вряд ли можешь себе представить, сколько радости я испытывал, читая описание твоего путешествия! Поистине ты «сподобился» увидеть такие чудеса Божьего мира, какие редко кому удается в жизни увидеть. Даже при чтении письма душа загорается светом, что же ты должен был испытать — когда все своими глазами видел. Когда Наташа пришла, она нам еще раз вслух его перечла и опять было так радостно на душе, как будто в первый раз слушали. Дай Бог, чтоб и дальше у тебя так было.

У нас нового мало. Поправляюсь понемногу — по поговорке: болезнь входит пудами, выходит золотниками. Надеюсь к твоему приезду совсем поправиться.

Целую тебя много раз и крепко и шлю тебе большое и искреннее спасибо за твое письмо. [20.02.1938].

*

В это время Шестов получил от Гастона Дерике брошюру «Puissance du mensonge. Contribution à l'étude des mythes», вышедшую в Брюсселе в издательстве «Руж э Нуар». Шестов о ней пишет Фондану и с ним о ней беседует:

Я получил также книжечку Гастона Дерике... в которой речь идет о вас и обо мне. Книжку стоит прочитать! Когда вы придете ко мне — надеюсь, это будет скоро, – я вам ее покажу. (9.03.1938, Фондан, стр.152).

Он читал Киркегарда, он читал меня. Он нас даже называет титанами мысли. Но что он делает с этими титанами? (Фондан, стр.154, 155).

А.Лазарев уже несколько лет изучал французского философа Жюля Лекье (Jules Lequier) и часто беседовал о нем с Шестовым. Заручившись согласием Леви-Брюля принять работу о Лекье, Шестов уговаривает Лазарева начать писать статью. В октябре 1936 г. он пишет ему:

Знаю, что Вы не послушаетесь меня, но все-таки, выражаясь торжественно, считаю своим долгом сказать Вам, что я думаю. По-моему, Вам нужно прекратить дальнейшие предварительные работы и немедленно приступить к писанию статьи о Lequier. Того, что вы мне говорили о Lequier и Grenier, больше, чем достаточно для статьи. И все это в Вашей голове так уложилось, что если бы Вам это удалось только перевести на бумагу, статья вышла бы превосходной. Особенно убедила меня в этом наша последняя беседа.

Статью Лазарев написал, очевидно, в 1937 г.; в начале 1938 г. Шлецер перевел ее на французский, и Лазарев послал ее Леви-Брюлю. Шестов передает Лазареву мнение Леви-Брюля о статье:

Сейчас получил письмо от Леви-Брюля. Он пишет о Вас: «L'article de M.Lazareff interessera surement le lecteur de la Revue Phil. et je vous remercie de me l'avoir signalé. Je ne ferais peut-être pas, quant à moi, une place si importante dans l'histoire de la philosophie française à la pensée de Lequier, mais je reconnais qu'il vaut la peine d'en parler et M. Laz. le fait excellement en une langue irreprochable». Чего лучше? Ужасно рад за Вас и спешу с Вами поделиться радостью. [9.03.1938].

Русский текст статьи Лазарев послал Бердяеву. Статья в скором времени была опубликована: по-русски в журнале «Путь», авг./окт. 1938, под заглавием «Философский замысел Жюля Лекье», и по-французски в «Ревю Филозофик», сент./окт. 1938, под заглавием «L'enterprise philosophique de Jules Lequier».

Статья Лазарева о Лекье, — говорит Шестов Фондану, — очень хороша. Лазарев хотел говорить обо мне, но я ему отсоветовал. Попросил его даже не произносить моего имени. Пусть сравнит Лекье с Киркегардом, который очень знаменит, даже во Франции. Те, кто меня знает, и так

> поймут. Важно правильно поставить вопрос. (Фондан, стр.166).

До появления статьи в «Пути» Бердяев предложил Лазареву прочесть доклад о Лекье в Религиозно-философской Академии.

*

27 апреля 1938 г., на 80-м году жизни, скончался Гуссерль. В мае редакция журнала «Русские Записки» обратилась к Шестову с просьбой написать статью о Гуссерле. Шестов предложения принять не мог, так как еще не достаточно оправился после болезни.

> Написать о Гуссерле — необычайно для меня соблазнительно, — пишет он в редакцию. — Но работа эта очень сложная и нелегкая... И в обыкновенное время я бы с такой задачей (при малых размерах статьи, коротком сроке и требовании доступности для большой публики) вряд ли справился. Но сейчас, когда, хоть я и окреп после болезни, но все же еще принужден держаться строго режима — это мне совсем не по силам и, как мне это ни огорчительно — я взяться за это не могу. (29.05.1938).

В скором времени редакция возобновила просьбу о статье. Шестов отвечает:

> Вам нет нужды убеждать меня насчет статьи о Гуссерле. Я и сам очень хотел бы и даже считаю обязанным себя написать ее. Но вопрос: буду ли в силах? Я ведь до сих пор полдня в постели лежу. Мой врач (т.е. жена) рассчитывает, что только после каникулярного отдыха силы вернутся. Поэтому я боюсь давать обещание — разве условное: удастся — напишу к 1 августа, не удастся — не напишу. Ни Вас, ни меня это обещание ни к чему не обязывает. Большего не не хочу, а — увы! — не могу обещать: давши слово, держись, не давши — крепись! (10.06.1938).

Шестов продолжал заниматься индийской философией. В письме от 6 апреля 1938 г. он просит Германа купить ему книгу Рудольфа Отто «Westöstlische Mystik» и «Siddhanta des Ramanuja». В это время Фондан часто бывал у Шестова и вел с ним долгие беседы. Привожу несколько небольших отрывков из его записей:

> Шестов утомлен, похудел, голос слабый. Политические события последнего времени — вступление Гитлера в Австрию, преследование евреев, московские процессы — его очень волнуют. Как всегда, все его существо отзывается на эти грубо поставленные действительностью проблемы: «Гитлер вступил в Австрию. Я вынужден признать, что случилось так, как должно было случиться. Вынужден, но не убежден». (Фондан, 26.03.1938, стр.105).
>
> «Мышление Иерусалима совсем иное. Вы помните Апокалипсис. Непобедимый Зверь, все несчастия и ужасы... Затем приходит пророк и слезы отерты. У греков нет этой мысли, нет ее и у индусов. Она только в Библии». (Фондан, стр.154).
>
> «Уже в «Откровении смерти» я указал, что начало истины в смерти. Вера есть лишь приготовление к смерти, то есть к истине, о котором говорил Сократ. Только там исчезает область принуждения и начинается царство свободы...
>
> Вы видите, я все занимаюсь индусами. Чем больше я в них углубляюсь, тем больше они меня затягивают. Обыкновенно в них видят только «метафизику», а они ведь главным образом думают о том, чтобы найти решение, спасение! Какое стремление к свободе!» (Фондан, 28.05.1938, стр.157).
>
> Он готовит чай. Мы говорнм о политических событиях. В последнее время почти все наши беседы велись о повседневной трагедии Европы. Мы продолжаем болтать об ужасающем содержании газет...
>
> «[Блаженный Августин] не хочет признать, что наш Бог... нам не помогает. Нитше это знал и, видя жестокость природы, не ограничился признанием этого, но начал эту жестокость воспевать. Зачем ее воспевать? Иере-

мия тоже знал, что Бог нам не помогает, и евреи это отлично знали: история Маккавеев и т.д. Иеремия даже сказал: "Будь проклят день, когда я родился!" И, несмотря на очевидность, он жалуется Богу, просит у него помощи. Он думает, что Бог может... Я тоже не мог одолеть этой трудности: я мог только бороться...»

Он очень устал. Последнюю ночь он спал только час, а в предыдущую еще меньше. (Фондан, 10.07.1938, стр. 160, 161).

В июле Шестова навестил Шлецер. «Я уходил, однако, с смутной тревогой, — пишет Шлецер, — он показался мне еще более похудевшим, физически ослабевшим до истощения; но ум его был по-прежнему так остр, напряжение душевных сил так сильно, столь страстно звучала его речь, когда беседа касалась излюбленных им тем, что не верилось в близкую опасность... не давая себе отчета, что опасность таилась именно в этом внутреннем пламени, сжигавшем его немощное тело. (Шлецер. Памяти Л.И.Шестова. — «Последние Новости», 13.01.1939).

*

Как всегда, вероятно, 16 июля, Шестов поехал в Шатель-Гюйон. Написать статью о Гуссерле перед отъездом ему не удалось. В Шатель ему пересылают открытку из Тель-Авива от Е.Шора:

Сердечно благодарю Вас за открытку и за книгу*, которую я на днях получил. Книга необычайно хороша. Вместе с «На весах Иова» это одна из самых значительных философских работ последних 100 лет. Лишь только я ее проработаю, сейчас же напишу в Entscheidung и в различной прессе. Кроме того, я буду читать о ней доклады в Тель-Авиве и в стране. Я уверен, что она найдет здесь резонанс. В Synthese я послал статью «Трагедия немецкого творчества». Затем предполагаю послать статью о Нитше, после этого — о Бердяеве и о Вас. (17.07.1938).

---

* Немецкое или французское издание книги «Афины и Иерусалим».

Много лет спустя, в 1966 г., Шор опубликовал на иврите в газете «Давар» статью о Шестове по случаю столетия со дня его рождения.

Из Шателя Шестов пишет Володе:

> Поздравляю тебя с днем Ангела и с днем рождения и желаю тебе на ближайшие годы всяческих успехов. Прежде всего здоровья, силы, бодрости — а затем и удач: чтоб не пришлось снова ехать в Персию — достаточно ты уже наездился туда, и чтоб в этом году тебе защитить и summa cum laude твою диссертацию. И чтоб, заодно тоже, и у Наташи все было благополучно и все налаживалось, так чтоб жизнь твоя протекала спокойно и счастливо. (26.07.1938).

В скором времени Фондан посылает Шестову в Шатель номер «Ревю Философик» за июль/авг. со своей статьей «Лев Шестов и борьба против самоочевидностей». Шестов шлет ему два письма:

> Наоборот, дорогой друг, ваша работа только выиграла от того, что вы решили, как вы выражаетесь, тормозить вашу склонность к литературе. Пользуюсь случаем повторить вам еще раз мое литературное завещание: возьми красноречие и сверни ему шею. Широкая публика, может быть, предпочла бы сохранить красноречие. Но разве она судит безупречно? Ваша статья вам очень удалась — и это не только мое мнение, но и мнение моей сестры и Ловцкого. (Фондан, 31.07.1938, стр.161, 162).

> Моя жена тоже прочитала вашу статью и, как и мои сестра и зять, ею очень довольна. Она говорит, что у вас исключительный дар ясно излагать самые трудные идеи и это доказывает, что вы эти идеи делаете своими. Я был очень поражен, услышав от нее, что в вашей статье никакой литературы и, следовательно, для вас философия — не развлечение, а нечто необходимое для вашей души! Очень тонкое замечание. (Фондан, 31.08.1938, стр.163).

Свои мысли о некоторых статьях, появившихся в полученном номере «Ревю Философик», Шестов излагает Лазареву и Шлецеру и сообщает им, что Жан Валь прислал ему свою недавно вышедшую книгу «Etudes Kirkegaardiennes»:

> Получил номер «Р. Фил.» со статьей Фондана. В нем же любопытная заметка Brehier о моем «Кирк.» Очень «холодная» — до того холодная, что и Киркегарду приходится сжиматься. Да оно иначе и быть, конечно, не могло. Для Brehier вся «экзистенциальная философия» — пустая выдумка. И того он не понимает, что философия есть «Kampf», а не «Besinnung», как не постигнет и Жан Валь, который прислал мне свою книгу о Киркегарде с надписью, что в моей книге об Афинах и Иерусалиме, он ни Афин, ни Иерусалима не нашел. И когда в Вашем письме я читаю, что «вопросы» экзистенциальной философии вновь подняли свои голоса, я вижу в том только признак того, что для Вас философия есть «единое на потребу». (Лазареву, 7.08.1938).

> Новостей особенных нет. Валь прислал мне вдруг свою книгу о Киркегарде с надписью, что прочел мои «Афины и Иерусалим» и не нашел там ни Афин, ни Иерусалима. Беспалова прислала свою с надписью, что (хотя она ничего из того, что мною сказано, и не услышала, по моему мнению) она считает себя моей ученицей, многому у меня научилась и потому посвятила мне книгу. Пришел тоже номер «Ревю Философик» со статьей Фондана. Статья — Леви-Брюль был прав — ему очень удалась. В том же номере «Р.Ф.» есть заметка Brehier о моем Киркегарде — в которой ни слова о моей книге, как таковой, а в конце замечание об участи Киркегарда. Вот и все. Очень интересно, что Вы написали — но, вероятно, Ваша статья еще не скоро увидит свет.
>
> Если после каникул буду чувствовать силы — попытаюсь написать о Гуссерле. Чем больше думаю о нем, тем больше хотелось бы написать. (Шлецеру, 10.08.1938).

*

В Булонь Шестов вернулся несколько раньше обыкновенного (9 сентября), так как погода в Шателе испортилась. Вернувшись, он начал писать статью о Гуссерле.

Что до меня, — пишет Шестов Шлецеру, — то доктор Боман, тщательно осмотрев меня, в Шателе, нашел, что ничего серьезного нет, просто от времени организм несколько ослабел, износился. Я думаю, что он прав. Самочувствие же теперь несколько лучше — пытаюсь даже писать («Памяти великого философа» о Гуссерле).

В том, что Вы пишете о событиях — конечно, никто, или вряд ли кто, с Вами станет спорить. Вот уже четверть века, как мы переживаем непрерывные ужасы. Но до сих пор все же нам лично удавалось спасаться от страшного и страшное выпадало на долю других. Что творилось и творится в России, где люди отданы во власть Сталиных и Ежовых! Миллионы людей, даже десятки миллионов — среди них несчетное количество детей — гибли и гибнут от голода, холода, расстрелов. То же в Китае. И рядом с нами в Испании, а потом в Германии, в Австрии. Действительно, остается только глядеть и холодеть, как Иван Ильич. Но у самого Толстого рассказ кончается неожиданными словами: вместо смерти был свет. Что они значат? Кто уполномочил Толстого сказать такое? Может быть, это странно, но когда я читаю в газетах о том, что происходит, моя мысль как-то сама собой направляется от ужасов бытия куда-то к иному существованию. Я не могу не думать — может быть потому, что ничего не могу делать — поневоле в стороне стою: и старый, и больной, и чужестранец. Мне всегда казалось, что думать, настоящим образом думать, может лишь тот, кто не делает, ничего не делает, кому нечего делать. И вот, чем больше надвигаются ужасы, тем больше и напряженнее думаешь. И в том кошмаре, который нами овладевает, который идет на нас, парализованных, как во сне, бессилием, иной раз чувствуется что-то совершенно неестественное, противоестественное. Конечно, нельзя не чувствовать ужасов, даже не только тех, которые, может быть, нам предстоят, но и

тех, которые выносят и выносили в разных странах чужие и столь близкие нам люди. Не только теперь, но и в отдаленные времена. Помните плач Иеремии? И громы Апокалипсиса? Но загадочным образом и пророки и апостолы сквозь ужасы бытия прозревали что-то иное. Смерть, где твое жало? Ад, где твоя победа?* Отрется всякая слеза? Точно, они предчувствовали, что кошмар «действительности» так же исчезнет, как кошмар сновидения. Знаю хорошо, что пророкам и апостолам мало кто придает значение. Все ценят только физическую силу, превосходство крепких мышц. Ибо все «делают», хотят «делать» историю. Для всех «отрется слеза» — ребяческая сентиментальность, для всех громы Апокалипсиса не из тучи, а из навозной кучи. Но когда «не делаешь», когда думаешь — то, что нам представляется последней, окончательной реальностью, вдруг превращается в фантасмагорию. Разве все эти Сталины, Муссолини, Гитлеры вечны? И разве их «победы» не призрачны? Чем больше они торжествуют, тем более явно обнаруживается (в иной перспективе) их ничтожность. И ведь в сущности ужасы жизни не с 1914 года пошли, всегда были. И были всегда люди, которые, хотя ничего не «делали», но умели и хотели думать. И к ним — к пророкам и апостолам еще неудержимее теперь рвется душа, чем когда-либо. Они умели глядеть на самые страшные ужасы — и не терять веру в Бога.

Верно, написал нескладно — простите. Но, думаю, Вы догадаетесь, что я хотел сказать. (11.09.1938).

Заодно уже скажу, что слово «думать» я, конечно, употребил не в смысле «спекулировать». Все время имел я ввиду «второе измерение» и «de profundis ad te Domine clamavi» — которые я противопоставлял «деланию». Знаю, что теперь все храмы полны — люди молят: да минует нас чаша сия. Но ведь уже бывали эпохи, подобные нашей — и когда люди лучше умели молиться. А вот я хотел только сказать Вам, что если молитвы не будут услышаны и нам придет-

* Книга пророка Осии, 13, 14.

ся возопить: «Господи, отчего Ты нас покинул» или повторить «плач Иеремии», нужно стараться не терять мужества и, как Иеремия и Иисус, под отвратительной «очевидностью» не забывать великой заповеди: «слушай Израиль». Это все, что я хотел сказать — хотя и сказал нескладно.

Что до статьи Фондана, Вы ее недооценили. Вспомните, как дружески расположенные ко мне люди — Бердяев, Беспалова и др. уродовали мои мысли. Фондан этого избег — и это большая заслуга. Несколько человек (А.Е. в том числе) даже находит, что по прочтении его статьи они лучше стали понимать мои писания. (22.09.1938).

Через несколько дней Фондан навещает Шестова, которого он находит таким же слабым и худым, как и перед отъездом. Шестов ему рассказывает, что Леви-Брюль принял его статью с воспоминаниями о беседах с Гуссерлем.

К сожалению, — говорит Шестов Фондану, — я так устал, что с трудом пишу полстраницы в день. Это мало. Но я очень рад это делать. Подумайте только, ведь еще никто не понял Гуссерля, и так плохо поняли мою борьбу с ним. Посмотрите эту французскую брошюру португальского писателя (Vieira de Almeida. Opuscule Philosophica, III, Lisboa, 1936), где он обо мне хорошо отзывается. В примечании говорится, что я первый дал «правильный ответ этому несколько филистерскому мыслителю». Вы знаете, что дело совсем не в этом. Я очень жалею, что люди, которые говорят, что меня читали, и, может быть, любят, так плохо меня понимают. (Фондан, 23.09.1938, стр.164).

26 сентября скончался Евгений Юльевич Пети (см. приложение). Шестов пишет Софье Григорьевне:

Трудно передать словами, какое ошеломляющее впечатление произвело на Анну Елеазаровну и меня известие о преждевременной кончине Евгения Юльевича. Мы ничего не подозревали о его болезни — и вдруг, так неожиданно для

нас, узнали из газетного некролога, что его уже нет с нами. И тогда с особенной силой почувствовали мы, как высоко его ценили и как много потеряли мы в его лице.

С тех пор, как мы узнали о его кончине — мы почти ни о чем не говорили, как о нем, и почти ни о чем другом не думали. Не верится, что его уже нет. И кажется совершенно невозможным, чтобы он бесследно исчез. Много мы видели за нашу долгую жизнь людей, и было меж теми, кого мы знали, конечно, много дурных, но тоже немало и хороших. Но когда мы вспоминаем о Евгении Юльевиче, мы точно сговорившись, не называем, не можем называть его иначе, как светлой личностью. Равного ему, в этом смысле, мы не можем указать никого.

В нем поражало столь редкое в жизни соединение: исключительно мягкого характера, редкой доброты с твердой, мужественной волей. Даже внешность его поражала своей значительностью, но еще больше поражало то, что он в течение всей своей жизни делал.

Не знаю, зачем я Вам все это пишу: верно потому, что все время об этом и только об этом думаю. Мне кажется, что не только я, но и все, которые имели случай близко узнать его — думали так, как Анна Елеазаровна и я думаю и, верно, не от меня первого Вы слышите восторженное суждение о нем. Мне даже кажется, что все, как и мы, чувствовали в нем этот загадочный свет и его в нем ценили и любили. И, может быть, это хоть немного Вас утешит в Вашем тяжком испытании и горе.

Знаю, конечно, что Вам мучительно трудно будет без него. Знаю тоже, что на человеческом языке нет слов утешения для тех, кого постигает всякое горе. Но поневоле приходится бедными, слабыми словами выражать то, что так мучительно волнует всех нас. И пожелать — от имени Анны Елеазаровны и своего — Вам здоровья и душевных сил, так нужных для того, чтоб достойно чтить в своей душе память о незабвенном Евгении Юльевиче. (28.09.1938).

* * *

Около 20 октября 1938 г. вышла книга «Современных Записок» №67 со статьей Шестова «Николай Бердяев». В какое время ее писал Шестов, выяснить не удалось. Можно предположить, что до болезни, в конце осени 1937 г. Прочитав статью, протоиерей Сергий Булгаков посылает Шестову сердечное и теплое письмо, которое его очень обрадовало:

Дорогой Лев Исаакович,

Сегодня я прочитал Вашу статью о Н.А.Бердяеве в Современных Записках [сноска: Соврем. Запис. №67 — 1938 г.], и мне хочется Вас приветствовать, пожать Вашу руку. Мы почти не видаемся лично, так развели нас пути жизни, но через эту статью я услышал Ваш голос и как бы с Вами увидался. Порадовался я, что Вы сохранили такую умственную свежесть, статья эта принадлежит, на мой взгляд (хотя я за последние годы уже отстал от Ваших писаний, как, конечно, и Вы от моих), к числу наиболее интересных и блестящих Ваших вещей. При этом неожиданно обнаружились некоторые точки соприкосновения между нами, по крайней мере, в отдельных пунктах. Само собой разумеется, что не существует большой противоположности — как — [слово вставлено после] между философией — положительного — [написано неясно, можно прочесть «повторительного»] ничто — «свободы-противобога» у Н.А. и моей софиологией, как философией бытия (оказывается тоже — «экзистенциальной» философией, и я здесь, подобно Мольеровскому мещанину, узнаю, что говорю прозой, а не стихами). Но в понимании тварной свободы, а иной не существует, я нахожу в Вас союзника. Очевидно, дальше в «философии откровения», мы разойдемся, поскольку Вы философию веры поворачиваете в сторону а- или даже антидогматизма. Однако я вижу с новой очевидностью, как Ваш исходный постулат неразумной веры уже включает, хотя бы в качестве постулата, догматический минимум послания к Евреям гл.XI.1.6: веровать подобает, что Бог есть. Говорю это не для полемики, а лишь затем, чтобы Вас приветствовать. Я всегда знал, а здесь опре-

деленно почувствовал, что Ваш апофеоз беспочвенности таит в себе абсолютную почву ветхозаветного откровения, которое в сознании Вашем, конечно, давно уже стало новозаветным. На склоне дней отрадно почувствовать именно это чрез индивидуальную идеологию и вопреки ей.
(22.10.1938). Любящий Вас прот.С.Булгаков.

Шестов отвечает Булгакову:

Дорогой Сергей Николаевич,
от всей души благодарю Вас за письмо Ваше. Радостно и отрадно встретить сочувствие своим заветным мыслям в человеке, который, как Вы, всю жизнь свою отдал на служение религиозному делу. Если я до сих пор не посылал Вам писаний своих — то единственно лишь потому, что мне казалось, что Вы слишком заняты, чтобы еше читать и мои книги, и что моя проблематика Вас не занимает. Но Вы пишете сами, что экзистенц. философия Вам близка и что Вы, не давая себе отчета, и сами всегда говорили прозой. Я поэтому теперь охотно посылаю Вам свою последнюю книгу «Афины и Иерусалим», над которой я работал больше десяти лет. Статья моя о Н.А.[Бердяеве] есть только — применение — [слово неясно, можно читать — «приложение»] того, что в названной книге мне представляется основоположным. Я очень люблю и ценю Н.А. — думаю, это из статьи видно; но его уклон к Афинам (влияние немецкой школы философии) и уклон в вопросах решающих, самых важных, был всегда предметом горячих споров между нами. Ему представляется, что в истории наблюдается раскрытие возвещенной в Писании истины, и это раскрытие он понимает, как истолкование Писания в смысле символическом, как это делал Филон, т.е. в смысле, не оскорбляющем мудрость и знание эллинов. Это естественно: современная теологическая мысль в Германии (Отто, Герлер и др.) тоже так думает. А философская мысль — Хейдеггер, Ясперс, Шеллер, Гар... [неясно] прямо уже сдают Писание в архив. По-моему, конечно, религиозные преследования в Европе приняли ужасный характер, но опасность «духовная» — от пред-

ставителей современной мысли гораздо больше: бойтесь не убивающих тело, а убивающих душу. Николай Александрович этого не то не видит, не то не признает и не верит, что дерево «познания» угроза тому, что живому человеку дороже всего. Между прочим, если Вы прочтете «Афины и Иерусалим», в частности I-ую и III-ю части («Скованный Парменид» и «Средневековая философия»), может быть, Вы согласитесь с тем, что «скованный Парменид» всецело овладел схоластикой, а через схоластику и современной мыслью. По авторитетному признанию такого историка, как Жильсон, средневековые теологи, читая Писание, невольно вспоминали аристотелевское «много лгут певцы». Отсюда уже рукой подать до нитшевского «мы убили Бога». И, по-моему, сейчас нужны величайшие усилия духа, чтобы освободиться от кошмара безбожия и неверия, овладевших человечеством.

Для меня противоположности между Ветхим и Новым Заветом всегда казались мнимыми. Когда Христа спросили (Марк. 12.29), какая первая из всех заповедей, он ответил: «слушай Израиль, и т.д.», а в Апокалипсисе (2.7): «побеждающему дам вкушать от древа жизни». «Знание» преодолевается, откровенная истина — «Господь Бог наш есть Бог единый» — в обоих Заветах возвещается эта благая весть, которая одна только и дает силы глядеть в глаза ужасам жизни. Это предмет книги «Аф. и Иерусалим»: очень хотелось бы об этом побеседовать с Вами. Может быть Вы, когда будете в Булони, завернете ко мне: порадовали бы меня, — я ведь так редко и мало Вас вижу, а в письме — что скажешь?

Обнимаю Вас от всей души и еще раз благодарю. Сердечный привет Елене Ивановне.

(26.10.1938). Ваш Л.Ш.

«Это замечательное письмо есть род исповедания веры, — пишет Булгаков в статье "Некоторые черты религиозного мировоззрения Шестова" ("Современные Записки", №68, 1939), — и теперь, перечитывая его, я не могу не испы-

тывать волнения... Он звал к себе — но этой встрече суждено было осуществиться только на кладбище».

Со своей стороны, Бердяев, прочитав статью Шестова, пишет ему:

> Ничего о Тебе не знаю. Как Ты поживаешь? Мы уже месяц как вернулись, но возвращение наше было довольно печальное. Лидия Юдифовна вернулась с ишиасом. Она уже месяц лежит в постели, очень страдает, почти не спит. Пришлось пригласить специалиста, который предписал довольно сложное лечение. У меня был грипп. Словом, мы плохо начинаем сезон. Очень хотел бы Тебя повидать. Не знаю, в состоянии ли Ты приехать в Кламар и посмотреть наш новый павильон. Предполагаю заехать к Тебе в четверг 3-го ноября к 5½-6 часам. Напиши мне, удобно ли это Тебе так, как я назначил, до четверга.
>
> Твою статью обо мне я уже прочел. Я доволен, что ты ее написал в дружественном тоне. Русская критика меня всегда игнорировала, почти бойкотировала (исключение В.Розанов, который написал о книге «Смысл Творчества» четырнадцать статей). Но вместе с тем у меня было тяжелое чувство существования в разорванных мирах, которые не могут проникнуть один в другой. Как и всегда, Ты делишь мир на две части и относишь меня к другой части, что мешает индивидуализировать мою мысль. Ты ставишь меня в зависимость от Шеллинга, который никакой роли в моей жизни не играл. Шеллинг принадлежит к мистическому и натурфилософскому типу мыслей, который мне чужд и антипатичен, противоречит моему крайнему персонализму. Я действительно очень люблю Я.Беме и он имел для меня большое значение. Но я понимаю свободу иначе. У Беме Ungrund, который я истолковываю, как свободу, находится в Боге, как темная природа, для меня же свобода находится вне Бога. В этом смысле я скорее дуалист, чем монист, хотя все эти слова неудачны. Достоевский и Ницше играли гораздо бо́льшую роль в моей жизни, чем Шеллинг и немецкий идеализм. Когда я го-

ворю о безблагодатности Ницше или Киркегарда, то это совсем не имеет порицательного смысла; самого себя я тоже считаю мало благодатным. Но особенно меня поразило Твое неверное истолкование моих слов: «Киркегард умер, не получив Регины Ольсен, Ницше умер, не излечившись от ужасной болезни, и т.д.» Смысл обратный тому, который Ты мне приписываешь. Об этом нужно поговорить при свидании. Главное же вот что. Ты меня обвиняешь, что я навязываю свою истину, как общеобязательную, как долг, но Ты делаешь абсолютно то же самое. У Тебя есть абсолютная и очень исключительная истина и она обязательна для спасения от власти необходимости, от внушения змия. Обо всем этом лучше поговорить, хотя трудно убедить друг друга. Надеюсь, до скорого свидания.

Твой Ник. Бердяев

В одном Ты очень ошибаешься: я совсем не пастух, у меня нет никакого стада. Я человек боевой и думаю больше о враге, чем о стаде. (30.10.1938).

Три приведенных письма были опубликованы в журнале «Мосты» №8, дек.1961, а последнее вторично — в «Вестнике РХД» №124, 1978.

*

О ходе работы над статьей о Гуссерле мы узнаем из письма Шестова в редакцию «Русских Записок» и из письма Шлецеру:

Сообщаю, что вчера закончил статью о Гуссерле — осталось только переписать начисто, на что потребуется дней десять, двенадцать, — т.к. переписка меня очень утомляет и приходится переписывать медленно. Статья значительно превысила размеры. Сократить я не мог, — т.к. тема меня слишком задевала: я хотел поделиться с читателями и воспоминаниями о моих встречах и беседах с Гуссерлем, нужно было изложить его учение, а также и мои споры с ним. (В редакцию, 6.10.1938).

> Сейчас после возвращения из Шателя я начал писать статью «Памяти Гуссерля». Хотя статья небольшая — всего страниц 20 — но писание и переписка (я уже кончаю переписывать) так утомили меня, что уже на письма меня совсем не хватает, но мне очень хочется иметь от Вас весточку — очень меня Ваше здоровье тревожит — оттого не откладываю больше письма. Напишите хоть несколько слов — лучше ли Вам. Судя по тому, что в «Последних Новостях» Вы ничего не печатаете, я боюсь, что не лучше, и с нетерпением жду Вашего письма. Пожалуй, Вам придется задержаться в Амели: не ехать же в Париж с сухим плевритом. Правда, осень стоит у нас чудная — я по три часа в день провожу в лесу. Но каждый день это может окончиться.
>
> Насчет статьи Фондана лучше поговорим при свидании. Мне только странно, что Вы так хвалили его статью о «Киркегарде» и браните статью об «Афины и Иерусалим». А между тем, обе написаны в одном стиле.
>
> Что до «мира» — Вы правы, конечно. Не только не мир... — даже не тот мир, о котором говорится, что он лучше доброй ссоры.
>
> Получили Вы статью Лазарева о Лекье? Очень она ему удалась. (Шлецеру, 16.10.1938).

20 октября Шестов послал статью о Гуссерле в редакцию «Русских Записок». Она появилась в декабре (см. стр.206-207).

*

В октябре Фондан и Лазарев навестили Шестова. Шестов говорит Фондану:

> Последнее время я писал статью о Гуссерле, но почувствовал, что если я буду писать больше, чем полчаса в день, я кончусь раньше, чем закончу статью. Таким образом, у меня оставался весь день свободным, и я читал индусов. Судя по тому, как я писал о Гуссерле, я вижу, что я никогда не смогу писать об индусах. Кто-нибудь другой, может быть, вы, напишет... Не так уж важно об

этом написать; что важно — это сами вопросы. Ничего нет замечательнее истории Будды. О нем говорили, и он сам это сказал, что он победил смерть. А как действует смерть? Она сначала у нас отнимает здоровье, возбуждает в нас отвращение ко всему, приучает нас к равнодушию. А что делает Будда? Точно то же самое. Он в нас вводит смерть до положенного времени. Он работает для смерти. Смотрите! Он был столь гениален, что убедил людей, что он победил смерть, а на самом деле он ей только служил.

Сам Платон писал, что философия — упражнение в смерти. Но вместо того, чтобы заняться этой проблемой, он ее бросает и занимается законами, республикой и т.д. Но что он теперь об этом думает? (24.10.1938. Фондан, стр.165, 166).

Лазарев рассказывает о своем посещении Шестова:

Посетил я его недели за три-четыре до его кончины и ушел тогда от него с впечатлениями, которые заронили в моей душе тревожную мысль, но я гнал ее от себя и только теперь отдаю себе отчет о всем значении этих впечатлений. Обычно Шестов бодро, подолгу и с одушевлением говорил о занимавших его проблемах. А в этот раз он был какой-то притихший. Он сидел в углу дивана, запрокинув немного голову на спинку, как будто усталый, с устремленным вверх задумчивым взором, минутами как будто отсутствующий, и в полусвете лампы под абажуром похудевшее лицо его светилось какой-то прозрачной бледностью. Я только теперь понимаю, что он тогда каким-то краем своей души уже чувствовал, что он скоро уйдет отсюда, и в сосредоточенности приготовлялся к смерти. (Адольф Лазарев. Памяти Шестова. Не издано).

Через некоторое время Фондан посылает Шестову и другим друзьям свою недавно вышедшую книгу «Faux traité d'esthétique». Первым откликнулся Шестов:

Дорогой друг, я получил ваш «Псевдотрактат» и спешу вас за него поблагодарить и поздравить: это действительно

большая удача — опубликовать книгу! Жаль только, что я должен отложить чтение. Я себя плохо чувствую, очень слаб и истощен, почти целый день лежу — это цена статьи о Гуссерле. Но я предпринимаю меры и, может быть, через некоторое время почувствую себя лучше и смогу хотя бы читать. (5.11.1938. Фондан, стр.167).

На приведенном письме Фондан сделал пометку: «Последнее письмо от Шестова».

Глава XV

Булонь и Париж, ноябрь 1938. — Болезнь и смерть. — Статья о Гуссерле.

Gott hat mich in Gnaden aufgenommen und erlaub mir zu Sterben.
E.Husserl.

И думать, что близка награда,
Что суждено мне умереть.
А.Блок.

...мне не было страшно, мне было легко, очень легко. Вот, думал я, спадут спадут оковы.
Лев Шестов.

Я сам узрю Его, мои глаза увидят Его, не глаза другого; изнывает сердце мое от ожидания в груди моей.*

И обратится прах в землю, где он и был, а дух возвратится к Богу, который дал его.
Екклезиаст 12.7**

Проливай как поток слезы день и ночь, не давай себе покоя, да не осыхает зенница ока твоего.
Плач Иеремии 2.3.

Самочувствие Шестова не улучшалось.

Немного опоздал с ответом, — сообщает он Шлецеру, — т.к. прихворнул: бронхит с температурой — вот уже

---

* Эта и вышеприведенные цитаты — см. на стр.118, 175, 296-297.
** Эпиграф к статье Шестова «Памяти М.О.Гершензона».

неделю не выхожу и лежу в постели. Но, кажется, кончается.

Статья моя о Б.[Бердяеве] появилась в «Современных Записках» давно — три недели. Но оттисков еще нет. Б. говорит, что будут: как только получу, пошлю Вам.

Статья о Гуссерле набирается в «Русских Записках» и появится в декабрьском номере. У меня будет лишний корректурный оттиск — я его Вам пришлю. Вот только с переводом на французский не знаю, как будет. А ведь главное, чтобы она вышла по-французски. (10.11.1938).

Это письмо — последнее из писем Шестова, сохранившихся в архиве. В последующие дни состояние Шестова все ухудшалось. Врач посоветовал перевести больного в клинику.

Переезд в клинику и последние дни Шестова Наташа описала в письме к Володе, который был тогда опять в далекой командировке — в Аравии. Наташа пишет:

В понедельник 14 ноября утром я приехала за папой, чтобы везти в клинику Boileau, где нам удалось задержать для него прекрасную комнату. В 1 ч. 3/4 приехала карета скорой помощи. Я помогла папе одеться, съехать вниз на лифте, войти в карету скорой помощи, села рядом и держала его за рукав — молчали. В клинику его внесли на носилках. С сжатым сердцем думала, входя в ворота — «неужели ты не выйдешь отсюда» — наверное, та же дума тяготила папу. Ласковая infirmière нас ждала в светлой комнате — вид на красивый парк с желтыми листьями на деревьях. Папа лег, не кашляя — просил заказать чай, так как он мало ел к завтраку — на душе как-то посветлело и думалось, что перемена обстановки и уход помогут ему оправиться. Но вечером он опять сильно кашлял. Он аккуратно мерил температуру и исполнял предписания врача...

Температура скоро спала, и мы друг друга уверяли, что он поправляется, хотя когда я забегала после

службы и слышала, как он ужасно кашляет, то, конечно, знала, что это все пустые слова. Его кашель назвали бронхитом, хотя исследование показало туберкулезные бациллы. Ему трудно было говорить. Никто не знал, что сделать, чтобы ему помочь. Я ему прочла все места из твоего письма из Джибути, касающиеся моря, переезда, Этны. Кажется, он слушал. Но той радости, которую он проявлял при чтении твоих прошлогодних писем, уже не было. Он ничего не говорил, а в прошлом году то и дело меня прерывал и задавал вопросы. Единственное, что папу успокаивало, это посещения его самого близкого друга — мамы. Но мама говорила, что ей трудно сидеть с ним больше, чем час в день: она не в силах была быть спокойной дольше, слезы ее одолевали. Доктор Боман приезжал 3 раза по своей инициативе — ему папа всегда рад был...

В субботу в 5 часов я пошла в клинику... Дождалась мамы. Папа ее просил позвать еще доктора, если можно, сегодня же. Я сразу побежала, чтобы визит, назначенный на понедельник, перенести на субботу, но оказалось невозможно — доктора К. не было дома. Мама осталась еще у папы час, потом пришла ко мне, и Таня пришла. Мама рассказала: «Я ему помогла есть, ему очень трудно глотать. Последние его слова были: «Теперь мне спокойно». Никто больше не зашел к нему — хотя душа моя просилась...» На следующее утро телефонный звонок из клиники — приходите сейчас же. Быстро оделась и побежала. Сестра встречает: «Ваш отец скончался. Он провел спокойную ночь. Я его видела в семь часов утра и проверила его пульс. Он бился ровно. Он сказал мне с доброй улыбкой: "Я очень устал". В семь с половиной ночная сестра пошла к нему измерить температуру. Он спросил: "Какая температура?", попробовал повернуться, и его не стало, сердце не выдержало. Он не страдал. У него не было агонии». Вошли в комнату — папа спокойно лежит. Рот приоткрыт, будто спит. Поехали за мамой, привезли ее. Мама поцеловала его в лоб, закрыла рот, обвязала белым платком, прибрали комнату. Я пошла и купила 5 белых хри-

зантем, положила на кровать... Мама сидит рядом и на него смотрит, становится на колени, крестится. (23. 11.1938).

Известили родных и друзей. Пришли любимые сестры Шестова — старшая, Соня, и младшая, Фаня, с мужем Германом, всегда его оберегавшие и во много ему помогавшие. Пришли друзья: ближайший друг Адольф Маркович Лазарев с женой Бертой Абрамовной, Софья Иосифовна и Шура Лурье, преданный ученик Фондан с женой и сестрой, Жюль де Готье, Алексей Михайлович Ремизов с женой Серафимой Павловной, Виктор Мамченко и многие другие. Со слезами на глазах они смотрели на любимые черты и не могли оторвать глаз от умиротворенного лица. Жюль де Готье сказал: «Какое безмятежное выражение лица». Привожу отрывки из четырех писем, написанных родными Володе, и из записей Лазарева, Ремизова, Фондана и друга Шестова, имя которого не сохранилось в памяти:

Леля ушел от нас. Жаль, что ты не видел его усопшим; у него было такое светлое, спокойное лицо, что думается — он нашел, что искал всю жизнь, и его глубокая вера оправдалась. (Володе от Анны Ел., 24.11.1938).

Если бы ты видел Лелю на смертном ложе, ты не сказал бы, что он «бедный». Я смотрела на него в течение 2-х дней и не могла оторваться, такое у него было светлое, спокойное лицо... Конечно, мне тяжело, что ушел из моей жизни такой необыкновенный и любящий человек. (Володе от Анны Ел., 24.12.1938).

Вы уже... знаете, какое страшное горе нас постигло, какую непоправимую утрату мы понесли — нет больше Л.И. Простите... не могу больше писать. (Володе от Фани, 9.12.1938).

В страшные часы, что мы переживали и переживаем здесь, Вас не хватает. Будьте бодры. (Володе от Германа, 9.12.1938).

Я стоял перед его открытым гробом, смотрел в лицо умершего учителя и друга и больше чем учителя и друга. Глаза его были закрыты. Уста замкнулись. И хотя он не был поэтом, в мое сознание неотступно толкалось: «Замолкли звуки чудных песен... И на устах его печать!» Но знаю, будут жить его мысли. Неужели же самого творца и источника их уже нету, ушел из бытия!.. Нет, он не ушел из жизни, а только от нас, отсюда, ушел туда, гда спали оковы, где не нужно уже бороться против самоочевидностей и принудительных истин, ибо там истина не принуждает, а сотворенная Богом, как все в мире, и потому всегда благостная, подчиняется, служит Богу и человеку. (Адольф Лазарев. Памяти Льва Шестова, не издано).

Последнее напечатанное Льва Шестова о Бердяеве, последний рассвет на рю Буало: окна клиники против нашего окна... И вот, взглянув на него в последний раз в его последнее ноябрьское утро, в воскресенье, я увидел, как на мой пристальный взгляд... улыбкой осветилось... лицо. (Ремизов. Памяти Льва Шестова. — «Последние Новости», 24.11.1938, №6451).

После обеда все мы идем в клинику Буало, — пишет Фондан. — Он лежит на кровати успокоенный, с мирным лицом, очень красивый. Мадам Шестова мне говорит... «Он вас так любил» и рыдает. Затем она показывает мне, рядом с кроватью, на столике, открытую русскую Библию, и книгу «Das System des Vedânta» (Brahma-Sutra и др.) в переводе Дейссена*. Книга открыта на главе «Brahma als Freude» (Брама как радость), и Шестов подчеркнул следующие строки: «Nicht trübe Askese kennzeichnet den Brahmanwisser, sondern das freudig hoffnungsvolle Bewustsein der Ernheit mit Gott...» Моя беседа 24 октября была нашей последней беседой, и письмо от 5 ноября было последним... которое он мне написал. (21.11.1938. Фондан, стр.169).

---

* Paul Deussen. Das System des Vedânta, vierte Auflage. Leipzig, F.A.Brockhaus, 1923. 540 стр.

Я не отметил вчера этот покой, это сияние на его лице. (21.11.1938. Фондан, стр.169).

Смерть кажется побежденной, — пишет французский друг Шестова, — когда видишь его. Все, что вокруг него, исчезает: серые стены комнаты в морге, родственники, которые плачут или молятся, цветы, гроб. Остается только человек, чье спокойное, светлое лицо царит над всем окружающим и на мгновенье отрывает вас от земли... (Отрывок из неизданной заметки Татьяны Ражо о смерти Шестова).

Через много лет, после войны, Наташа встретила писателя Сергея Жабу. Он вспомнил, что в день кончины Шестова его друзья были на лекции Бердяева и, вернувшись оттуда, рассказали, что во время лекции Бердяеву подали записку и что, прочитав ее, он заплакал. Это было извещение о смерти Шестова.

Передаю продолжение письма Наташи к Володе:

В воскресенье вечером должны были перенести папу в chambre mortuaire. Пошла в клинику с Германом. Там уже был Валя*. Он сильно о папе горюет и много с ним пробыл эти два дня. В 9 ч. два infirmiers пришли с носилками и понесли папу потихоньку через двор в другое здание и положили в chambre mortuaire. Голая, с серыми стенами келья, посреди лежанка, куда положили папу, покрыли белой простыней. У изголовья цветы. Рядом стол с лампадой. 4 стула. Герман сел и читал про себя Библию. Мы стояли: Валя, Таня, Жорж и я. В 11 ч. ушли домой и оставили папу одного.

На следующее утро (понедельник) хлопоты — шляпа, черное платье, цветы. А потом к папе. Три свечи вместо лампады — несколько минут мы вдвоем. Потом мама, Таня, Марья Георгиевна Сев, Вера Николаевна Бунина. Все в слезах.

* Валентин Дудкин, первый муж Таии.

После завтрака опять беготня, а к 4 ч. в клинику. В келье толстый добродушный немец — это еврей, который читает молитвы и одевает покойника. Я принесла для этого простынь и купила белую рубашку. Весь день ужасный проливной дождь. Прочел немец удивительные молитвы, раньше по-древнееврейски, а потом по-немецки. Слова простые, детские совсем, а кажется, что именно для папы написано, я только запомнила: «Bahrmherziger Gott, schnike ihm deine Engel wie Du sie Jakob geschickt hast, das sie seine Seele zu Dir führen und möge er ewig bei Dir ruhen in Friede und Seeligkeit». (Милосердный Боже, пошли ему своих ангелов, как Ты послал Якову, дабы они вознесли его душу к Тебе, дабы он вечно у Тебя покоился в мире и блаженстве). Все столько говорили о светлом выражении папиного лица, что мне показалось, что слова этой молитвы сбылись.

В 7½ положили в гроб и закрыли гроб. В 8½ проводила маму в Булонь. Валя тоже с нами поехал. Везли чемоданчик с папиными вещами. Мама не захотела, чтобы я с ней ночевала. Она сказала, что папин вид ее успокоил. В 10 ч. я опять в клинике. Немец встречает и идет со мной в келью и читает еще раз молитву про ангелов, которые душу Якова вознесли на небо. Потом я одна и могу тихо плакать — смотрю на гроб, покрытый темной покрышкой, на белые и красные цветы. Стала на колени. Передо мной 3 свечи, рядом гроб.

Эти одинокие минуты перед свечами были наполнены тишиной, миром и слезами. В 11 ч. ушла домой, если бы не чужой человек, охотно бы всю ночь осталась.

Мне Шура Лурье* написал такое письмо: «Если есть утешение, то его можно найти только в самом горе: чем глубже оно, и чем сильнее боль, тем ярче оживает образ умершего и крепче становится со временем в сознании не оборванная смертью связь». Но чтобы эту связь найти, нельзя бояться слез и, может быть, надо было простоять целую ночь на коленях в серой келье рядом с покойником.

---

* См. приложение.

На следующее утро (вторник 22-го ноября) в 7 ч. я опять была там, несколько позже пришел Герман. Выслушали несколько молитв и еще раз ту, о которой я писала. Затем люди пришли, принесли цветы, гроб. Я села рядом, и положила руку на гроб, и вспомнила, как я 8 дней тому назад так же везла папу, только живого, и в больницу.

Похороны состоялись в Nouveau cimetière de Boulogne-Billancourt. Погода прояснилась. Выглянуло солнце. У входа на кладбище ждали представители парижской эмигрантской интеллигенции, человек сто. Мало французов, так как не было объявлений во французских газетах. Из французских писателей только Фондан и Жюль Готье, из французских друзей — доктор Боман. Гроб ставят перед семейным склепом — Раввин Sachs (тот самый, который служил на похоронах дяди Миши) читает ясно, спокойно молитвы. Про эти молитвы папа тогда говорил: какие они прекрасные, как хорошо, что он их читал и по-французски, и по-еврейски, а не только по-еврейски. Раввин цитирует слова Иова: «Бог дал, Бог взял», не подозревая о размышлениях Шестова на эту тему. А потом самое страшное — гроб опускают в землю. Мы подходим и бросаем маленькие крупинки святой земли, которую папа нам привез весной 1936 г. из Палестины. А затем нас поставили в ряд и мимо нас прошли знакомые и незнакомые люди и жали нам руки.

* *
*

Статья о Гуссерле, которую Шестов послал в «Русские Записки» 20 октября, появилась уже после его смерти, в №№12 и 13 журнала (дек. 1938 и январь 1939) под заглавием «Памяти великого философа. Эдмунд Гуссерль», со вступительным словом редакции: «Предлагаемая статья — последняя по времени в огромном и ценном литературно-философском наследии Л.И.Шестова. Она в буквальном смысле — его лебединая песнь. Он писал ее

с большим, можно сказать, с последним напряжением душевных и физических сил». Выдержки из статьи даны в главе XI (см. стр.9-12, 27-28).

По-французски статья появилась в «Ревю Философик» в переводе Шлецера, в номере за январь/февраль 1940 г., и много позже, после войны, по-немецки (1948), на идиш (1952) и по-английски (1962).

*

Из многочисленных писем, полученных после смерти Шестова, сохранилось всего пять, из которых мы даем выдержки:

> Retenu par une commission au ministère de l'Education nationale, je ne pourrai, à mon extrême regret, me rendre auprès de vous demain.
>
> La mort de Léon Chestov est un deuil cruel pour la pensée humaine. L'originalité de sa philosophie, la haute dignité de sa vie, la distinction de son esprit lui marquent sa place entre Spinoza et Blaise Pascal.
>
> Vous pouvez porter avec fierté, Madame, le nom glorieux qu'il vous a transmis.
>
> Des hommes comme Léon Chestov sont un réconfort et un espoir au cours des jours d'angoisse et de honte que nous vivons.
>
> Je mets à vos pieds, Madame, avec une douleureuse compassion, mon hommage le plus respectueux. (От Поля Буайе, 21.11.1938).

> Я сегодня узнал о смерти Льва Исааковича и был сильно потрясен.
>
> В моей жизни очень мало людей имели то значение и занимали то место, что ему принадлежало. Мне казалось, что я понимал, чему он нас учил и куда он нас звал, и любил я его за бесконечную доброту и за эту тихую красоту того воплощения человечности, которым он являлся.

Так бесконечно больно при мысли, что этого великого ума и этого так светящегося сердца больше нет. Но нет, оно было слишком большим, чтобы что-нибудь могло его в нашей памяти погасить. Горько, очень горько, что расстояние лишает нас возможности пожать Вашу руку со всей теплотой глубокой благодарности за Льва Исааковича. (От Макса Эйтингона, [дек. 1938]).

Quand je l'ai revu cet été, il m'a paru affaibli, atteint physiquement, mais non spirituellement, si sévèrement, si entièrement lui-même que l'idée de la mort n'osait pas s'approcher. Et pourtant, j'ai ressenti de l'angoisse, mais d'une façon sourde, étouffée; je m'en souviens très bien. Pourquoi n'ai-je pas écrit et récrit ce qu'il était por moi, dit et redit mon affection, ma gratitude, mon admiration profonde là même où je ne pouvais pas le suivre? Hélas, on croit toujours avoir du temps... Et maintenant il est trop tard. Toute ma vie, je serai tourmentée par ce regret. C'est l'homme le plus noble que j'aie approché. Je ne dit pas cela parce qu'il faut faire l'éloge de ceux qui nous quittent, mais parce que c'est la vérité. Лев Исаакович est — je ne puis prononcer "était" — la noblesse même, aussi bien dans la pensée que dans la vie, dans ses rapports avec les autres que dans ses rapports avec lui-même — noblesse qui, chez lui, venait des sources même de son être. Dans cette noblesse se trouvaient réunies l'intelligence et la bonté. De cette bonté qui pourrait mieux témoigner que moi qui en ai eu les manifestations les plus délicates et les plus émouvantes...

J'éprouve un immense chagrin à l'idée que mon dernier travail sur lui a pu l'attrister et le decevoir. Mais tel était mon respect pour Лев Исаакович que seule la vérité me semblait souhaitable, et nécessaire lorsqu'il s'agissait de lui. Car il n'était lui-même que désir et besoin et amour de la vérité. (От Рахили Беспаловой, [дек. 1938]).

Вам, дочери ушедшего, я могу признаться, что 20-го ноября, чуть забрезжил свет, я стал лицом на Восток и помолился, как о родном, о душе Вашего отца, «Кадиш» и любимую

мною очень трогательную и проникновенную молитву «Эль мулэ рахмим». (От Марка Львовича Цитрона. 27.11.1941).

Позвольте мне прислать Вам, как личное мое воспоминание о незабвенно величавом образе Вашего покойного отца, этот скромный плод поэтического вдохновения, один из «духовных» портретов, мною посвященных нашим мыслителям и писателям:

ПАМЯТИ ЛЬВА ШЕСТОВА

Он был особенный мыслитель,
Рассудок променял на ум,
Единой мудрости веститель,
Всегда и всюду — однодум.
    На нем, избраннике-еврее,
    Завета ветхого печать, —
    С великой Книгой, духом рея,
    Он стал учить и обличать.
Как некогда апостол Павел,
Лишь Откровеньем утолим,
Науки века он оставил:
Взамен Афин — Иерусалим.
    Он всех пророков чистой веры
    Вознес, прославил, возлюбил,
    Философы пред ними серы,
    В них гнозис тайну загубил.
А ныне в Авраама лоно
Благочестивый муж проник —
Как Иов сам, во время оно,
Узрел Христа извечный Лик.
    И понял он: под Отчей дланью,
    Где все обители для чад,
    Иной есть, высший, путь познанья —
    Любви благословенный Град.

(Мирра Лот-Бородина, написано после смерти Шестова, послано Тане 16.06.1951).

*

4 декабря 1938 г. была отслужена панихида в синагоге. 18 декабря Религиозно-философская Академия устроила собрание, посвященное памяти Шестова. Зал был полон. Были произнесены четыре речи: Н.А.Бердяев — «Основная идея философии Л.И.Шестова»; В.В.Зеньковский — «Религиозные искания Л.И.Шестова»; А.М.Лазарев — «Духовный облик Л.И.Шестова»; М.И.Цитрон — «Философский темперамент Л.И.Шестова».

Речь, которую он прочел на вечере памяти Шестова, Бердяев опубликовал в журнале «Путь» №58 (Париж, ноябрь/дек. 1938, янв. 1939). До этого в газете «Последние Новости» появилась 23.11.1938 его небольшая статья «Памяти Л.И.Шестова». Появился еще ряд статей о Шестове: А.Ремизов «Памяти Льва Шестова» («Последние Новости», 24.11.1938. Статья включена в книгу Ремизова «Встречи», Париж, «Лев», 1981); Ю.Мандельштам («Возрождение», 2.12.1938); Б.Шлецер («Последние Новости», 13.01.1939); Г.Адамович («Русские Записки» №19, янв. 1939); В.Зеньковский («Вестник РСХД», янв./февр.1939); Н.Лосский («Русские Записки» №15, март 1939); прот. С.Булгаков («Современные Записки» №68, янв./июнь 1939) и др. Немало статей вышло на иностранных языках. Передаю несколько строк из указанных статей. «Для меня лично ушел близкий друг всей моей жизни, может быть, единственный, — пишет Бердяев. — Он был еврей по крови, но я не встречал среди русских такой любви к русской литературе и такого ее понимания... Он был прекрасный русский писатель». Г.Адамович пишет: «У него было выстрадано все, что другим далось даром. Оттого его книги останутся живы, когда будет забыто девять десятых написанного его современниками»*. «Стоя у самой границы обетованной земли, — пишет В.Зеньковский, — ...он без устали, как

---

* Из всего написанного о Шестове слова Адамовича больше всего тронули Анну Ел. Она их переписала на записку, хранящуюся в архиве Шестова.

добрый и верный раб, расчищал путь для других... Да найдет же душа его то, что так любил, о чем томился... верный слуга Божий». «О Шестове хочется сказать, — пишет С.Булгаков, — словами псалма о ветхозаветном праведнике: всем сердцем своим ищу Тебя, не дай мне уклониться от заповедей Твоих (Пс. 119,10)».

Через много лет, в 1955 г., Анна Ел. пишет Наташе: «Я довольна, что взяла сюда папины рукописи [«Sola Fide»]. Живу духовно с ним. Есть места, редкие по силе и искренности; он ведь сам переживал то же, что Лютер и Толстой. Как странно, что есть люди, у которых вся жизнь заполнена исканиями истины и Бога, а другие никогда не знающие этих вопросов».

В Иерусалиме Бубер прочел траурную речь о Шестове. Х.Руди (H.Rudy) опубликовал о нем большую статью на иврите в сборнике «Гильгокот».

* *
*

В архиве Лазарева сохранились две заметки Шестова, относящиеся, вероятно, к 1935 г.

В первой Шестов дает выписку из Киркегарда, которую он цитирует на стр. 175 и 185 книги «Киркегард и экзистенциальная философия»: «Для Бога все возможно. Эта мысль стала для меня лозунгом в глубочайшем сысле этого слова и приобрела для меня такое значение, какого я никогда не думал, что она могла приобрести. Никогда, ни на мгновение я не должен дерзать утверждать, что потому что я не вижу никакого выхода, никакого выхода нет и для Бога. Ибо в том отчаяние и в том дерзость отождествлять свою слабую фантазию и т.п. с возможностью, находящейся в распоряжении Бога». Сходные мысли Шестов высказал раньше: «Нитше открыл путь. Нужно искать того, что выше сострадания, выше добра. Нужно искать

Бога». («Добро в учении Гр.Толстого и Ф.Нитше», стр. 209). «Главное научиться думать, что если бы люди... были убеждены, что Бога нет — это ровно ничего не значит. И, если бы можно было доказать как дважды два четыре, что Бога нет — это тоже ничего не значило бы. Скажут, что такого нельзя требовать от человека. Конечно, нельзя! Но Бог всегда требует от нас невозможного». («Афины и Иерусалим», стр.269).

Во второй мы читаем: «Иерусалим видит последнее в Боге: оттого все "непосредственные данные сознания" не кажутся ему окончательными истинами. Апокалипсис обещает, что человеку будет дано вкусить от древа жизни [побеждающему дам вкусить от древа жизни, которое посреди рая Божия. (Ап. 2,7)]. Апокалипсис же повторяет пророчество Исаи — отрется всякая слеза [И отрет Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет; ибо прежнее прошло. (Ап. 21,4). — И смерть будет уничтожена навека; и Господь Бог отрет слезы со всех лиц и изгладит срам народа Своего со всей земли. (Ис. 25.8)]. Все это несообразно ни с нашим разумением, ни с данными опыта... Но тут-то и возникает вопрос об источниках истины: есть ли разум и опыт источники истины. Или грехопадение первого человека, погнавшегося за знанием, закрыло от нас источник истины и только искупление, понимаемое как уничтожение знания (лютеровское толкование искупления) освободит нас от греха, от ужасов жизни и приведет к истине?» Эти слова из Библии Шестов цитирует не раз.

* * *

В начале декабря 1938 г. друзья философской мысли Шестова образовали под председательством Н.А.Бердяева Комитет по изданию книг Льва Шестова. В комитет

вошли: А.Безредка, И.Бунаков, Б.Вышеславцев, Жюль де Готье, В.Зеньковский, А.Лазарев, Л.Леви-Брюль, С.С.Метальников, П.Милюков, В.Руднев, Б.Шлецер, М.Цитрон. Комитет открыл подписку на две последние книги Шестова, появившиеся до этого времени только в переводе на иностранные языки — «Киркегард и экзистенциальная философия» (том 9) и «Афины и Иерусалим» (том 10). Первые подписные листы были розданы на собрании 18 декабря 1938 г. Книга «Киркегард и экзистенциальная философия» вышла 8 июня 1939 г. в издательстве «Современные Записки» и «Дом Книги». Тираж небольшой — 400 экземпляров. Рукопись книги «Афины и Иерусалим» была своевременно сдана издателю, но ввиду объявления войны (3.09.1939), появиться тогда не смогла. Она вышла после войны, в 1951 г., в издательстве ИМКА-Пресс.

Глава XVI

Судьба произведений Шестова (1947-1981). — Архив Шестова. — Издания Шестова. — Издания на русском языке. — Шестов во Франции. — Шестов в Германии и Австрии. — Шестов в Америке и Канаде. — Шестов в Японии. — Шестов в Аргентине. — Шестов в Израиле. — Шестов в других странах.

Сейчас, в начале 1981 года, когда я пишу эти строки, прошло больше 42-х лет со смерти Шестова. Повествование о его жизни закончено, но хочется добавить еще несколько слов о судьбе его архива и его сочинений и рассказать о некоторых его почитателях. После смерти Шестова, как и при его жизни, нелегко бывало найти издателя, и его книги издавались малыми тиражами и продажа их шла медленно. Но, несмотря на это, и тогда и теперь находятся люди, которые зачитываются его книгами. Некоторые из них выражали свои чувства в статьях, другие писали Шестову, а после его смерти его семье, трогательные письма. В настоящей главе даны небольшие отрывки из статей и писем, написанных за последние десятилетия. По ним можно судить, как много давал Шестов людям.

*

ЖИЗНЬ ЛЬВА ШЕСТОВА

Архив Шестова

Боясь бомбардировок, которые угрожали Парижу и его окрестностям, Анна Ел. в начале войны уехала в провинцию, и квартира в Булони была ликвидирована. 280 книг из библиотеки Шестова, состоявшей из 337 названий, были тогда приобретены библиотекой Сорбонны. Остальные 57 переданы туда в 1981 г. В библиотеке Сорбонны имеются списки этих книг. Дочери Шестова прожили первый год войны в Париже. Когда в 1940 г. немецкие войска стали надвигаться на Париж, предприятие, где работала Наташа, было эвакуировано из Парижа в «свободную зону», в город Монлюсон. Наташа и Володя последовали за ним. Через некоторое время Володя уехал в Сен-Годан, где учреждение, в котором он работал, возобновило свою деятельность. Таня оставалась в Париже. После освобождения Парижа (25.08.1944) все туда вернулись. Рукописи Шестова и полученные им письма, которые оставались после его смерти в Булони, удалось сохранить. Еще сохранился чемодан, в который в течение нескольких десятков лет Герман складывал письма, полученные от Шестова им и его родными. В нем также находились ранние рукописи Шестова, среди них рукопись «Sola Fide». Кроме того, Наташа собрала литературу о Шестове (11 альбомов) и все русские и переводные издания его книг (кроме японских и китайских) и его статьи, появившиеся в журналах. Указанные книги и документы составляют «архив Шестова». В 1970 г. при помощи О.Тунцевича, библиотекаря парижской Национальной библиотеки, были разобраны и пронумерованы рукописи. Рукописи были обозначены 117 номерами и разбиты на 13 разделов. Первые 12 разделов (рукописи №1-87) соответствуют 12 томам опубликованных сочинений Шестова. Рукописи №88-117, не относящиеся к опубликованному собранию сочинений, были объединены в специальный «Раздел 13. Разное». В июле 1976 — сен-

тябре 1977 гг. при сотрудничестве Владимира Аллоя был составлен каталог рукописей в 83 страницы с подробным описанием рукописей. Воспроизводим таблицу со списком рукописей, взятую из каталога:

№ раздела	Заглавие раздела (номера и даты рукописей)	Стр. катал.
1.	Шекспир и его критик Брандес (1-2, 1896-1897)	12
2.	Добро в учении гр.Толстого и Фр.Нитше (3-4, 1898-1899)	15
3.	Достоевский и Нитше (5-7, 1899-1901)	16
4.	Апофеоз беспочвенности (8-12, 1902, 1904)	24
5.	Начала и концы (13-16, 1904-1907)	34
6.	Великие кануны (17-18, 1908-1909)	35
7.	Власть ключей (19-22, 1918-1919)	36
8А.	На весах Иова (23-32, 1919-1925)	39
8Б.	На весах Иова (33-43, 1925-1928)	51
9.	Киркегард и экзистенциальная философия (44-52, 1933-1935)	54
10А.	Афины и Иерусалим (53-62, 1925-1932)	61
10Б.	Афины и Иерусалим (63-68, 1934-1937)	71
11.	Умозрение и откровение (69-81, 1926-1938)	74
12.	Sola Fide (82-87, 1913-1926)	78
13А.	Разное. Статьи (88-101, 1893-1926)	79
13Б.	Разное. Рассказы и этюды (102-117, 1890-1896)	81

Рукописи содержат много неизданных законченных набросков и три большие неизданные работы: рукопись №35 — «Мистический опыт Плотина» (см. стр.228), рукопись №95 — курс греческой философии, рукопись №96 — курс об основных философских проблемах. Рукопись №10 — «Тургенев» опубликована в издательстве «Ардис» в 1981 г. Рукопись статьи «Киркегард, религиозный философ» находится в Буэнос-Айресе, в Еврейском Институте (см. стр.238).

В то же время Наташа составила библиографию опубликованных произведений Шестова и библиографию работ о Шестове. Все работы, отмеченные в этих библиографиях, за немногим исключением, находятся в архиве Шестова. Библиографии были изданы Институтом славяноведения в 1975 и 1978 г. под заглавиями «Bibliographie des oeuvres de Léon Chestov établie par Nathalie Baranoff» и «Bibliographie des études sur Léon Chestov établie par Nathalie Baranoff».

В марте 1976 г. Наташа посетила Андре Тюилье, главного хранителя библиотеки Сорбонны, и предложила ему от имени семьи Шестова принять архив последнего в библиотеку Сорбонны. Г-н Тюилье согласился. В 1968 г. был составлен краткий каталог рукописей на французском языке и начат разбор переписки под руководством г-на Тюилье и его помощниц — Ивонны Фермийо, хранителя Отдела рукописей, и Мадлены Лафоре, хранителя Славянского отдела. Письма размещены в хронологическом порядке в 14 альбомов.

91 письмо Шестова к Адольфу Лазареву и 34 письма к Мартину Буберу хранятся в Иерусалиме (см. стр.240). 62 письма Шестова к Алексею Ремизову находятся в Ленинграде (см. стр.235) и 8 писем к Г.Шпету — в Москве (см. первый том).

Обилие сохранившегося материала навело Наташу на мысль о написании «Жизни Шестова».

ИЗДАНИЯ ШЕСТОВА

В библиографиях Н.Барановой дан перечень изданных сочинений Шестова и изданных работ о нем до начала 1978. Основываясь на этих библиографиях, на переписке с издателями и других документах, даю краткое описание главных изданий работ Шестова и исследований его творчества,

вышедших за последних 42 года. Подробности можно найти в указанных библиографиях. Начну описание с русских и французских изданий, затем — немецких, американских и иных.

Издания на русском языке. Шестов во Франции.

Во время войны и в послевоенные годы книги Шестова по-русски и по-французски не издавались и о нем не писали. Начиная с 1947 г., о нем заговорили вновь.

В 1947 г. был опубликован отрывок из книги Бенжамена Фондана «Встречи со Львом Шестовым» (см. приложение) в номере 282 журнала «Кайе дю Сюд», часть которого была посвящена памяти Фондана, погибшего в Освенциме в 1944 г. Еще пять отрывков указанной книги были опубликованы в журналах в 1956, 1959, 1964, 1967 и 1978 гг. В 1982 книга вышла в издательстве «Плазма» в Париже.

В начале 1948 г. в издательстве «Врен» вышла книга Лазарева «Vie et connaissance», первая глава которой посвящена Шестову, и второе издание книги Шестова о Киркегарде. 20 ноября того же года исполнилось десять лет со дня смерти Шестова. Парижская газета «Русские Новости» опубликовала по этому случаю статью (А.Бахрах. Памяти Шестова. 26.11.1948), и Общество Духовной Культуры устроило 27.02.1949 открытое собрание памяти Льва Шестова. Борис Шлецер прочел по-французски доклад «Actualité de Chestov. (Rapports entre Léon Chestov et l'existentialisme actuel)», и протоиерей Василий Зеньковский выступил с докладом «Проблема веры у Льва Шестова». В своем двухтомном труде «История русской философии» (ИМКА-Пресс, Париж, 1950) Зеньковский посвящает несколько теплых страниц Шестову.

В январе 1950 года дочери Шестова подписали договор с издательством ИМКА-Пресс об издании по-русски книги «Афины и Иерусалим». Она появилась тиражом в 1000 экз.

в 1952 г., вероятно, в феврале, с пометкой 1951 г. Напомним, что по-французски и по-немецки книга была опубликована до войны, в 1938 г. (см. стр.162-163).

В это время дочери Шестова начали изучать недавно обнаруженную черновую рукопись неизданной и неоконченной книги «Sola Fide», 2-я часть которой посвящена Лютеру. В этой работе им помогал почитатель Шестова Павел Григорьевич Калинин, который уже несколько лет работал над рукописями Шестова. Он взял на себя нелегкий труд перепечатать на машинку длинную рукопись. Четыре небольших отрывка книги появились по-русски в журналах «Вестник РСХД» (1952, №III), «Опыты» (1954, №3), «Новый Журнал» (1958, №54) и «Мосты» (1963, №10), целиком книга вышла по-русски в 1966 г. в издательстве ИМКА-Пресс.

Швейцарский пастор Г.Видмер и французский профессор факультета теологии Страсбургского протестантского университета Роже Мель заинтересовались этой книгой. Видмер, член редакции швейцарского журнала «Ревю де теоложи э де философи», выходящего в Лозанне, опубликовал в 1957 г. во 2-м номере этого журнала небольшой отрывок 1-й части «Sola Fide». Он пишет Наташе:

> Le comité de rédaction de notre Revue me charge d'être auprès de vous l'interprète de sa profonde reconnaissance pour l'amabilité avec laquelle Madame Baranov nous a autorisé à traduire et à publier une partie du manuscrit de Monsieur Chestov. C'est pour nous un privilège que de pouvoir offrir à nos lecteurs un texte aussi caractéristique et qui, plus est, fut médité au bord de notre lac. (3.03.1957).

В 1953 г. Мель опубликовал в журнале «Ревю д'историр э де философи рележьез» афоризмы Шестова и принял вторую часть «Sola Fide» в серию «Исследования по истории и философии религии», которой он руководил в издательстве «Пресс Юниверситер де Франс». Он пишет Наташе:

> Je viens de rencontrer mon collègue F.Lieb, de Bâle, qui a beaucoup connu votre père et a eu connaissance, par lui, du manuscrit de Sola Fide. Il se réjouit de la publication de cet ouvrage et m'a chargé de vous adresser son meilleur souvenir. (2.06.1954).

Книга появилась в 1957 г., вероятно, в начале февраля, под заглавием «Sola Fide. Luther et l'Eglise» в переводе Софьи Сев, тиражом 2000 экземпляров. После выхода «Sola Fide» появилось несколько рецензий во французских журналах. Калинин, который очень любил эту книгу, написал о ней несколько заметок для русских периодических изданий. В газете «Русские Новости» он пишет:

> В своих странствованиях по душам Шестов заглянул и в душу Лютера, в которую до него не заглядывал, кажется, ни один русский мыслитель. О ней-то, а прикровенно и о своей душе, Шестов написал волнующую книгу «Sola Fide»... Книга производит неотразимое впечатление подлинности и правдивости. Эти свойства литературного таланта Л.Шестова присущи всем его писаниям... но с особенной силой они проявляются в «Sola Fide», написанной в расцвете творческих сил (автору тогда было 35-37 лет). Этот труд — ключ ко всей философии Шестова. (15.02.1957).

Как и некоторые другие ранее вышедшие книги Шестова, новая книга плохо продавалась, и в конце 1977 г. «Пресс Юниверситер» уничтожило оставшиеся экземпляры (1087 книг) и возвратило дочери Шестова права на издание по-французски этой книги. Эта неудача тем более огорчила дочь Шестова, что после выхода книги казалось, что она заинтересовала новый круг французских читателей. Писатель Пьер Эмманюэль, приглашенный участвовать в радиопередаче, устроенной в 1966 г. по случаю столетия со дня рождения Шестова (см. стр.223), прочел лекцию «Лютер в шестовской мысли», посвященную книге Шестова «Sola Fide», которую он считал самой захватывающей из

всех книг Шестова и суммой его творчества. Оливье Клеман на собрании памяти Шестова тоже упомянул эту книгу и сказал, что она его сильно взволновала.

В 1955 г. в Нью-Йорке в издательстве им. Чехова вышла книга Георгия Адамовича «Одиночество и свобода». В 13-й главе «Вячеслав Иванов и Лев Шестов» он говорит о Шестове как о литературном критике и излагает некоторые его мысли о Толстом, Достоевском и Чехове.

В 1956 г. «Новый Журнал» опубликовал по-русски в переводе Калинина (в номере 45) выдержки из неизданной книги Бенжамена Фондана «Встречи со Львом Шестовым» (см. стр.218).

*

Фаня и Герман Ловцкие, которые в начале войны уехали в Палестину, в сентябре 1956 г. вернулись в Европу и поселились в Цюрихе. По просьбе дочерей Шестова Герман написал свои воспоминания о Шестове: «Лев Шестов по моим воспоминаниям». Эту работу, в 47 машинописных страниц, Герман передал в январе 1957 г. дочерям Шестова с просьбой дополнить цитаты и даты, так как у него не было под рукой нужных книг. Дополненный текст был послан в Тель-Авив почитателю Шестова писателю Юлию Марголину, который взялся его «пристроить». Он нашел, что «очерк ценный и является важным вкладом в литературу о Шестове», и передал его журналу «Грани», издававшемуся во Франкфурте. Один из редакторов журнала, Наталья Борисовна Тарасова, благодарит Наташу за переданный Марголиным манускрипт и добавляет:

> Я глубоко почитаю Вашего отца, величайшего мыслителя. Читала и читаю его книги. Они открыли для меня новый мир. Года три назад я не могла говорить ни о ком другом, как о Вашем отце и его книгах. Поэтому манускрипт г-на Ловцкого — личная для меня радость, помимо редак-

торской... Лев Шестов — это будущее, и в очень малой степени — настоящее. И когда г-н Ловцкий упоминает о непонимании современников, то это вполне закономерно. Слишком Ваш отец шагнул вперед. (18.05.1960).

Очерк появился в журнале «Грани» №45 (1.01.1960) и №46 (1.04.1960) под заглавием «Лев Шестов по моим воспоминаниям». В нашей работе ссылки на этот очерк даны не на дополненный опубликованный текст, а на его первую неопубликованную версию.

В последующие годы в русских журналах появилось несколько статей о Шестове, а в 1964 г. по-русски в ИМКА-Пресс вышла книга «Умозрение и откровение», состоящая из статей, собранных после смерти Шестова его дочерьми. Французский перевод этой книги, «Spéculation et révélation», был принят в 1975 г. издательством «Л'аж д'ом», но по сей день не появился. 5-й и 6-й тома переведены на французский язык («Les Commencements et les fins», «Les Grandes veilles»), но еще ждут своего издателя.

*

13 февраля 1966 г. исполнилось сто лет со дня рождения Шестова. Появился ряд статей, и 31 января была передана по немецкому радио лекция почитателя Шестова Густава Конради «Лев Шестов, или Жизнь в раю». Лекция была опубликована в немецком журнале «Антейос» в ноябре 1968 г.

12 февраля 1966 г. в Париже был устроен вечер памяти шестова под председательством Владимира Васильевича Вейдле. Было прочитано два доклада по-французски: Бориса Шлецера «Шестов и философы» и Владимира Вейдле «Шестов — писатель и мыслытель. Его место в русской литерарyре 1-й половины XX века». 20 марта Поль Шавас сделала радиопередачу по программе «Франс-Кюльтюр»

«Памяти Льва Шестова». В ней участвовали Татьяна Ражо («Воспоминания о Льве Шестове»), Владимир Янкелевич («Значительность Шестова для современной философии»), Пьер Паскаль («Шестов и Достоевский»), Пьер Эммanюэль («Лютер в шестовской мыслы»), Борис Шлецер (повторение части доклада, прочитанного на вечере 12 февраля). Полный текст докладов и радиолекций, кроме радиолекций Конради и Янкелевича, воспроизведен в неопубликованном отчете о вечере и о радиопередачах (38 машинописных страниц по-французски), который хранится в архиве Шестова. Привожу отрывок из доклада, сделанного на вечере Шлецером, особенно глубоко затронувший аудиторию:

> Часто ставился вопрос: верит ли Шестов в Бога? Он говорил, что человек, которому задают этот вопрос, не может ответить, если он действительно честен. Он даже не может ответить на вопрос: «Верите ли вы, что Бог существует?»... Но что такое вера? Мне кажется, что для Шестова вера была в сопричастности ко всемогуществу Божию. Шестов сходится с Киркегардом, который говорил: «Если Бог существует, все возможно: Бог — это возможность невозможного».

После доклада Шлецера выступили писатели Ив Бонфуа, Брис Парен, Оливье Клеман, пастор Андре Миролье и Густав Конради, приехавший из Германии, чтобы присутствовать на вечере. Вот несколько выдержек из этих выступлений:

> Это несчастье, которое длится с сотворения мира и будет продолжаться до его конца, т.е. нечто, не поддающееся измерению, — как мог бы жить он с этой ношей, не имея веры?..
>
> Я думаю, что невозможно написать книги, страшные, но не безнадежные, — книги, которые он написал, — если не иметь веры. (Брис Парен).

> Меня поражает в Шестове его глубокая тоска по непосредственности, свободе, радости. Бог Шестова — именно Бог

радости: подчеркнув в священной книге индусов фразу: «Брама (т.е. Бог) как радость», от вновь обрел те же прозрения, что и у Нитше, сказавшего в «Воле к власти»: «мы больше не хотим Бога морали, мы жаждем Бога, который был бы по ту сторону добра и зла, жаждем полноты, непосредственности и абсолютной свободы радости». (Оливье Клеман).

На моем пути Киркегард и Шестов были свидетелями живого Бога. От встречи с мыслью Шестова я сохранил глубокое убеждение... знание, что вера — не отдых, не растворение в экстазе, не приобретение, не конечный пункт движения, но — в существе своем — борьба. Постоянная борьба за ясность: не обладание ясностью, но борьба, устремленная к ясности, к абсолюту.(Андре Миролье).

•

Напомним, что перед войной издательство «Врен» выпустило по-французски тома 9 и 10 и переняло тома 3, 4 и 7. Через несколько лет после войны книги были распроданы. В 1948 г. «Врен» выпустило 2-е издание 9-го тома и в 1972 г. его третье издание. В 1949 г. оно выпустило второе издание 2-го тома (1-е издание было опубликовано издательством «Сьекль» в 1952 г.). Тома 3, 4, 7 и 10 «Врен» не взялся переиздавать. Шлецеру удалось наладить их второе издание к столетию со дня рождения Шестова в издательстве «Фламмарион». Тома 3 и 4, соединенные в одну книгу, вышли в конце 1966 г., а тома 7 и 10 — в 1967 г. тиражом в 2500 экз. с предисловиями Шлецера, Фондана (отрывок из книги «Встречи со Львом Шестовым») и Ива Бонфуа. В 1971 г. там же появилось первое издание 8-го тома: «Sur la balance de Job». Напомним, что эта книга вышла по-русски в 1929 г. и что две ее главы были изданы по-французски в 1923 г. в виде двух маленьких книг: «Les Révélations de la mort» и «La nuit de Gethsémani» (см. первый том). Напомним еще, что все книги Шестова были переведены

на французский Шлецером, за исключением 2-го тома и двух глав 8-го тома, и что 9-й том был переведен им вместе с Таней.

В 1966 г. в изд. «Юньон Женераль д'Эдисьон» вышла маленькая антология произведений Шестова: «L'Homme pris au piège. Pouchkine — Tolstoi — Tchekhov» — с предисловием Шлецера в дешевой серии «10 х 18», книги которой печатались в количестве 10 000 экземпляров. Антология была распродана в 1971 г., но издательство не опубликовало второго издания. Первые две части были переведены новой переводчицей, Сильвией Люно, а третья часть была дана в переводе Шлецера, который он сделал много лет назад для антологии: Léon Chestov. Pages choisies. К столетию еще вышла по-русски в ИМКА-Пресс книга «Sola Fide» (12-й том сочинений Шестова).

В 1968 г. Таня выступила с докладами о Шестове на двух конгрессах. Первый конгресс «Идеалистическая философия в России» состоялся в Экс-ле-Бэн с 25 по 29 марта. Доклад назывался «Несколько аспектов шестовской мысли». Доклад был разослан участникам конгресса, но в печати не появился. Второй — «Собеседования о великом веке России и его дальнейших плодах» — происходил в Международном культурном центре в Серизи с 4 по 11 июля. Танин доклад «Лев Шестов и философская мысль русских писателей XIX века» был прочитан 6 июля. Он был опубликован в книге «Entretiens sur le grand siècle russe et ses prolongements», вышедшей в издательстве «Плон» в 1971 г.

В 1966, 1967 и 1969 гг. писатель и литературный критик Габриель Мацнев, большой почитатель Шестова, опубликовал во французских газетах несколько небольших, но с подъемом написанных статей о Шестове. 7 октября 1978 г. в газете «Монд» вышла его статья «Читали ли вы Шестова?»,

а 12 января 1980 г. в той же газете — его статья «Super flumina Babylonis», написанная по поводу выхода в свет 2-го номера журнала «Нон-Лье», посвященного памяти Фондана, где немало страниц отведено Шестову. Заглавие своей статьи Мацнев заимствовал из поэмы Фондана «Super flumina Babylonis». Мацнев пишет:

> Одна из самых для меня решающих встреч состоялась, когда мне было 17 или 18 лет, у г-на Врена, это была встреча с Львом Шестовым и его учеником Бенжаменом Фонданом. Помню еще, как я был взволнован, случайно открыв книжечку в серой обложке — «Апофеоз беспочвенности», и читая слова жестокие и оживляющие, полные отчаяния и веселия, которые вдруг заговорили обо мне самом. Я открыл для себя нового спутника... Так происходят настоящие встречи, далеко от шумихи моды и от ничтожной повседневности, в поиске и напряжении.
>
> Не стыдиться своих противоречий, не бояться блужданий, посметь быть бесстыдным, — какая воодушевляющая программа для творчества и жизни. Из-за наших особенностей мы становимся изгнанниками. Но почему бояться изгнания? Огненные книги, единственные, которые мы хотим писать и читать, — все были написаны на берегах Вавилонских рек. («Le Monde», 12.01.1980).

В 1979 г. вышла книга Бернара Шураки «Le scandal juif», одна глава которой — «Le dialogue de l'urgence» — посвящена Шестову и Фондану. Она была написана как предисловие к книге Фондана «Встречи со Львом Шестовым» (см. приложение), но, так как эту книгу в то время опубликовать не удалось, Шураки включил предисловие в книгу «Le scandal juif».

В 1971 г. в издательстве ИМКА-Пресс появилось новое издание томов 2, 3 и 4, а в 1975 г. — второе издание 8-го тома. В 1979 г. было опубликовано три письма Зинаиды Гиппиус к Шестову («Русская Мысль», 6.02.1979) и 9 писем Марины Цветаевой к Шестову («Вестник РХД», 1979, III).

Начиная с 1963 г., в библиографии работ о Шестове встречаются работы о нем и статьи, где упоминается его имя, вышедшие в советской печати. В.Асмус (1972 и 1978), В.Ерофеев (1975) и Р.Гальцева (1970 и 1975) наиболее объективно освещают творчество Шестова. Однако в других работах его творчество часто получает резко отрицательную оценку. В 1980 г. в Москве вышла книга Валерия Кувакина «Религиозная философия в России. Начало XX века», седьмая глава которой посвящена Шестову.

*

По совету Л.Шейна, в 1976 г. Наташа вступила в переписку с Карлом и Элендеей Проффер, возглавляющими издательство «Ардис» (Анн Арбор, Мичиган, США). Профферы издают также трехмесячник «Russian Literature Triquaterly» и журнал «Глагол», посвященные русской культуре. В 1978 г. исполнилось 40 лет со дня смерти Шестова. В «Ардисе» появилось по-русски третье издание 5-го тома («Начала и концы»), и А.Бахрах отметил в двух статьях 40-летие и появление этой книги. Затем в «R.L.T.» №16 (1979) появилась статья Шестова о символизме (см. первый том). Профферы очень заинтересовались Шестовым; находясь в Париже, они виделись с Наташей и обсудили с ней возможность новых изданий. В 1981 г. у них вышло первое издание «Неоконченной книги о Тургеневе», составляющей 13-й том собрания (см. первый том). Рукопись хранилась в архиве Шестова. Она была изучена и переписана П.Калининым в 1960 г. Три отрывка из этой книги были опубликованы в журналах («Воздушные Пути», №2, 1961; «Глагол», №2, 1978 и «Вестник РХД», 1978, IV). «Ардис» намеревался издать книгу о Тургеневе в английском переводе и переиздать «Киркегард и экзистенциальная философия» в 1981 г., «Великие кануны», вероятно, в 1982 г. и «Власть ключей» предположительно в 1983 г.

Из материалов, сохранившихся в архиве Шестова, подготовлены еще два тома: сборник статей, содержащий 21 статью, опубликованную между 1895 и 1979 гг. (том XIV) и курс греческой философии (том XV). В настоящее время идет подготовка к печати тома XVI — «О мистическом опыте Плотина». В архиве Шестова это рукопись №35. С нее сделано несколько фотокопий, одна из которых находится сейчас в Белграде Лиляны Йованоич, а другая — у Владимира Аллоя, стоящего во главе издательства «Пресс Либр» (Париж), где книга должна выйти в 1984 году.

Кроме указанных работ, рукописи архива Шестова содержат большое количество неизданных набросков.

Шестов в Германии и Австрии

Контакт с немецкими издателями после войны был восстановлен в начале 1947 г. через Ивана Федоровича Руофа, немецкого переводчика Шестова, сообщившего дочерям Шестова о возможности пристроить статьи Шестова в двухмесячном журнале «Дейче Байтреге» и издать книгу «Киркегард и экзистенциальная философия» в издательстве «Шмидт-Денглер», которое до войны, в 1938 г., выпустило по-немецки «Афины и Иерусалим». Журнал опубликовал три статьи Шестова в 1948 и 1949 гг. С издателем Денглером соглашение было скоро достигнуто, и книга вышла в 1949 г., вероятно, осенью, в переводе Руофа под заглавием «Kierkegaard und die Existenzphilosophie». Как уже говорилось, Денглер был большим почитателем философии Шестова. В апреле 1949 г. он пишет Тане, что в принципе он согласен издать еще одну книгу Шестова (сборник статей), и просит прислать рукопись. Рукопись была послана, контракт подписан (сентябрь 1949 г.), и Руоф перевел еще не переведенные главы книги. В том же письме Денглер сооб-

щает, что он основал в Граце «Шестовское общество» («Schestow-Gesellschaft»), цель которого «die Förderung der Herausgabe der Werke Schestow's in deutscher Sprache, die Anlage eines "Schestow-Archives" und die Verbeitung seines Gedankengutes im deutschen Sprachbereiche" (26.04.1949). О первых собраниях общества сведений не сохранилось. О собраниях 1950 года Денглер рассказал Наташе:

> Durch fünf Monate (März bis Juli) versammelten sich alle Samstage abends bei mir Professoren und Studenten der Universität im Rahmen der Schestow-Gesellschaft. Desgleichen wurde durch das ganze Semester ein Seminar gehalten über das neuerschienene Kierkegaard-Buch, wobei jeweils ein anderer Student einen kurzen Vortrag hielt über "Spinoza und Schestow" z.B., oder "Kant u. Schestow" usw. — Um die September-Mitte dürften diese Samstag-Abende wieder aufgenommen werden. (29.07.1950).

Шестовское общество издало две брошюры. Первая, со статьей Лазарева «Лев Шестов», была опубликована в 1950 г. Она знакомит читателей с новым обществом. Вторая, «Кант и Шестов», написанная Георгом Яноска (Georg Janoska), вышла в 1952 г. Денглер пишет Наташе разочарованное письмо. Он сообщает, что книга Шестова о Киркегарде плохо продается и что, к величайшему его сожалению, у него нет возможности при данных обстоятельствах издать, как он намеревался, по-немецки сборник статей Шестова. Он все же надеется, что в будущем появится какая-нибудь возможность это сделать. Очевидно, таковой не появилось. В 1962 г. подготовленный к изданию сборник «перешел» (по словам Руофа) в мюнхенском издательстве Генриха Эллермана, где книга вышла в 1963 г. под заглавием «Speculation und Offenbarung» в серии «Русская библиотечка». Через некоторое время после выхода сборника статей Эллерман решил выпустить по-немецки книгу Шестова «Sola Fide». Контракт был подписан с дочерьми Шестова

в декабре 1965 г. В 1967 г. издательство Эллермана объединилось с издательством «Нимфенбургер». Руоф сдал перевод «Sola Fide» в марте 1968 г. Книга не была опубликована, и не удалось установить, что стало с рукописью перевода. В то время Руоф подготовил еще книгу о Шестове, в которую он включил статью Ловцкого «Лев Шестов по моим воспоминаниям» и одну статью Фондана о Шестове. Эта книга, как и предыдущая, не была опубликована. Последнее письмо, полученное от Руофа, датировано 6.05. 1968. Руоф начал переводить Шестова в 1925 г. Кроме книги «Sola Fide», он прекрасно перевел пять томов сочинений Шестова (7, 8, 9, 10 и 11), которые были опубликованы. С благодарностью вспоминаешь о его нелегком долголетнем труде.

После сборника статей, вышедшего в 1963 г., других книг и статей Шестова по-немецки не появлялось. Очевидно, Эллерман, Денглер и Ламберт-Шнейдер, хотя и ценили Шестова высоко, не имели материальной возможности продолжать издавать трудно продаваемые книги. В 1968 г., в ответ на запрос Тани, Денглер и Ламберт возвратили дочерям Шестова права на издание по-немецки опубликованных ими книг Шестова. Переводы этих книг остались в их собственности.

В 1966 г. Густав Конради опубликовал статью о Шестове в Германии по случаю столетия со дня рождения философа. Конради переписывался с Наташей. В одном из писем он сообщает:

> [Die Schriften von Schestow] gehören nach wie vor zu meiner ständigen Lektüre. Am meistens lese ich in "Auf Hiobs Wage". Schestow ist gewissermassen ein Teil meines Selbst geworden. (Wiesbaden, 16.04.1975).

В последующие годы появилось еще несколько работ о Шестове по-немецки, среди которых следует отметить две книги, содержащие главы о нем (Nigg — 1973, Dahm — 1979).

В 60-го годы у дочерей Шестова установилась переписка, а потом состоялось знакомство с почитателем Шестова, немецким католиком Лео Зимни, работавшим для Общего рынка в Брюсселе. Привожу несколько выдержек из писем Зимни:

> Eigenartig, seit 1930, da ich mit L.Schestow in Berührung kam (Potestas clavium ist das Geschenk meines katholischen Religionslehrer gewesen) ist mein Interesse an diesem einzigartigen russischen Denker nie erloschen, selbst N.Berdjajew hat mich weniger beeindruckt und dank seiner beiden Töchter... ist dieses Interesse auch wach gebliebeb und gefördert worden...
> Schestow ist 'die glühende russische Erde', so schwebt es mir heute noch vor! (13.09.1975).
>
> Wie glücklich traf es sich, dass Schestow in de Schloezer und Ruoff so einfühlsame geniale Übersetzer gefunden hat: es liest sich alles wie im 'Original', das ich ja leider nicht lesen kann. (5.01.1976).
>
> Für mich wird Schestow neben St.Augustin, Przywara, Dostojewsky, Heidegger, Husserl und Kierkegaard eine der bleibenden Grössen meines Lebens bilden... Warum ich eigentlich Ihrem Vater so tief verbunden bin — war es eine jugendliche Situation und Fragestellung — oder war es dass unbeirrbare Fragen seines Denkens — wer will es ergründen, ich könnte es nicht. Nur bedauere ich immer, dass ich ihm nicht persönlich begegnet bin wie einem Berdjajew. (22.02.1978).
>
> Es sind 50 Jahre her, dass ich auf den Namen Schestow irgendwo stiess: 'Neue Rundschau' und/oder 'Orient und Occident'*. Ich hätte nie gedacht, dass er mich ein Leben lang mehr als 'fesseln' würde. (27.11.1979).

О Лео Зимни также см. первый том и стр.57.

---

* Два немецких журнала, в которых были опубликованы статьи Шестова в 1928 и 1934 г.

Шестов в Америке и Канаде.

Двоюродные братья Шестова Александр Гринберг и Николай Прицкер эмигрировали в Америку в 80-х годах прошлого века. Когда Шестов, в свою очередь, эмигрировал в 1920 г., он наладил с ними связь, но близких отношений между ними не установилось. Шестов сделал также несколько неудачных попыток наладить контакт с американскими издателями.

Интерес к Шестову в Америке пробудился много позднее и сразу принял значительные размеры. В 1962 г. в США в журнале «Философи энд феноменолоджикэл Ризерч» вышла статья Шестова «Памяти великого философа. Эдмунд Гуссерль» в переводе видного слависта, профессора Джорджа Клайна. Затем, в 1965 г., две работы Шестова появились в 3-м томе трехтомного труда «Русская философия», в редакции которого участвовал Клайн. В 1963 и 1964 гг. дочери Шестова получили письма из США от двух отдаленных родственников Шестова: Стэнли Грина (сын Александра Гринберга) и Бернарда Мартина (муж Нэнси Пратт, двоюродной племянницы Николая Прицкера), а также от издателя Сесила Хемли из г.Афины, штат Огайо. Бернард, в то время раввин в еврейской конгрегации Горы Сион в Сент-Поль, штат Миннесота, пишет Наташе:

> Allow me to introduce myself. I am married to a cousin of Abe Pritzker's* in Chicago. My wife's grandmother and your father, as I discovered some weeks ago, were cousins.
>
> For some years I have been very much interested in the work of your distinguished father. I have a strong feeling that his work represents some of the best philosophical thought in the Twentieth Century, and deserves to be widely known in America where, unfortunately, it is now largely unknown.

* Сын Николая Прицкера.

> I have therefore undertaken the task of writing a book to introduce your father's philosophy to the American public, and I hope to have it published within a year or so...
>
> Sometime this summer my wife and I hope to be in Paris for a week or two, and we should like very much to have the pleasure of meeting you and your family at that time. (18.01.1963).

В конце 1965 г. Мартин стал профессором в «Вестерн Резерв Юниверсити» в Кливленде, штат Огайо, по кафедре гебраистики, на богословском факультете. В июне 1963 г. Бернард и Нэнси приехали в Париж и познакомились с дочерьми Шестова, а в сентябре Наташа, ездившая на конгресс в Сан-Франциско, возвращаясь в Париж, заехала к Мартинам в Сен-Поль и провела у них несколько дней (8-12 сент.) В это время Мартин переводил на английский предисловие и первую часть книги Шестова «Афины и Иерусалим». Не зная русского языка, он переводил с французского издания и сверял с немецким. Затем перевод отправлялся Тане для проверки.

В июне 1964 дочери Шестова получили предложение от Хемли, директора издательства «Огайо Юниверсити Пресс» издать по-английски книгу «Киркегард и экзистенциальная философия». Издать Шестова по-английски Хемли посоветовал Стэнли Грин, профессор философии в университете штата Огайо (г.Афины). Много лет спустя (письмо к Наташе от 21.07.1978) Грин вспоминает о том, как ему удалось наладить издание книг Шестова:

> Fifteen years have passed since I first wrote to Cecil Hemley, Director and founder of Ohio University Press, recommending the publication of one of the Shestov's books. I appeared before the Board of the press on Dec. 11th. of that year and presented the case for so doing. They concurred, which started the process by which we contacted you and your sister, and I believe through you, Bernard Martin. I became a member of the Board of the press in September 1965 which

enables me to continue to advocate the publication of Shestov's works. This was important since Cecil Hemley died 9 March 1966 and a new director [Ian MacKenzie*] had to be convinced of the importance of the project. In this small way I have been able to repay my debt to Shestov for he was a major influance of the shaping of my life.

Мартин и Грин несколько раз приезжали в Париж и подружились с дочерьми Шестова. Дочери Шестова, конечно, приняли предложение Хемли и сообщили ему, что Мартин переводит книгу Шестова «Афины и Иерусалим». Издатель принял также эту книгу. Она вышла в 1966 г. под заглавием «Athens and Jerusalem» (том X), с интересным предисловием Мартина. Это первая книга Шестова, опубликованная «Огайо Юниверсити Пресс». За ней последовали в том же издательстве: «Potestas clavium» (том VII, 1968), «Dostoevsky, Tolstoy and Nietzsche» (тома II и III, соединенные в одну книгу, 1969), «Kierkegaard and the Existential Philosophy» (том IX, 1969), «A Shestov Anthology» (1970), «In Job's Balances» (том VIII, 1975), «All Things are Possibles. Penultimate Words and other Essays» (тома IV и V, соединенные в одну книгу, 1977). Тома X и VII вышли также в дешевом издании (paperback) в 1968 и 1970 гг. Хотя продажа книг Шестова в Америке шла медленно (200-250 книг в год, не считая антологии), «Огайо Юнив. Пресс» продолжило издание, и 19 июля 1978 г. был подписан договор на публикацию двух книг: «Speculation and Revelation» (том XI) и «Sola Fide» (том XII). Переводы были поручены Мартину. Перевод XI тома он передал издателю в январе 1980 г. Когда две последние книги выйдут из печати, на английском языке будут доступны 10 из 13 томов опубликованных сочинений Шестова. Если положение на книжном рынке позволит, издательство предполагает

* После Маккензи директором издательства была назначена мисс Патриция Фитч (впоследствии миссис Патриция Элизар).

еще издать по-английски книгу «Шекспир и его критик Брандес» в переводе Томаса Грэма, автора работы о Шестове (Thomas Graham, Ph.D. Thesis, Harvard, 1981). Следует еще отметить, что вышло два сборника, содержащие работы Шестова: один — «Essays in Russian Literature», составленный Спенсером Э.Робертсом, у того же издателя в 1968 г., другой — «Great Twentieth Century Jewish Philosophers», составленный Мартином, в издательстве «Макмиллан», в 1970 г.

Кент Р. Хилл пишет большую работу о Шестове. Первая часть ее, «The Early Life and Thought of Lev Shestov: 1866-1903», законченная в 1976 г., является его магистерской диссертацией (Вашингтонский ун-т, 146 машинописных страниц). Вторая часть, «On the Threshhold of Faith. An intellectual Biography of Lev Shestov from 1901 to 1920 focusing on his Concept of Man» (Вашингтонский ун-т, 1980, 371 машинописная страница), является первой половиной докторской диссертации. Мы дали несколько ссылок на эту работу. Вторая половина диссертации, еще не написанная, будет посвящена жизни Шестова в эмиграции (1920-1938). В своей работе Хилл дает прекрасно изложенную подробную биографию Шестова и анализ его сочинений. Основным материалом для биографии послужили многочисленные письма, сохранившиеся в архиве Шестова, и 62 письма Шестова к Ремизову (1905-1912), находящиеся в отделе рукописей Ленинградской Государственной Публичной Библиотеке им. Салтыкова-Щедрина. Небезынтересно указать, что в Ленинграде в Пушкинском Доме находится еще ряд писем Шестова к Ремизову, относящихся к 1913-1914 гг. Хилл не смог с ними ознакомиться, когда был в Ленинграде. В основном, Хилл описывает в своей работе те же факты, что описаны и в нашей книге. У него более подробно рассказано о многолетней дружбе Шестова с Ремизовым и Лундбергом и о том, как в течение нескольких десятков лет Шестов им помогал.

Увлечение в Америке философией Шестова, несомненно, обязано во многом усилиям его переводчиков и его издателей, среди которых, в первую очередь, следует назвать Бернарда Мартина и Стэнли Грина, которые готовят в настоящее время книги о Шестове, а также Джорджа Клайна, посвятившего главу Бердяеву и Шестову в своей книге «Religious and Antireligious Thought in Russia» (1968).

Большой интерес к Шестову проявил Лев Петрович Шеин (род. в Киеве в 1914 г.), профессор-славист ун-та Макмастер (Гамильтон, штат Онтарио, Канада). Он написал несколько рецензий о книгах Шестова, вышедших в США, и две интересные статьи о философии Шестова. В последней из них: «The philosophy of Infinite Possibility: An Examination of Lev Shestov's Weltanschauung», появившейся в журнале «Ultimate Reality And Maening», vol.2, n.1, 1979 [окт.], Шеин пишет:

> [Shestov] is fighting against the 'Euclidean mind' and sets in opposition to Reason, faith in living God who is infinite possibility. Through faith in God one can transcend the world of Necessity into a world where 'all things are possible with God'... His philosophy of infinite possibility is predicated on the concept of an infinite God who alone can offer infinite possibility to finite man.

Весной 1968 г. Лев Петрович приезжал в Европу. Он побывал в Лондоне и прочитал несколько лекций в Кембридже, из которых одна была посвящена Шестову. Затем он поехал на несколько дней в Париж (1-4 мая) познакомиться с дочерями Шестова Татьяной и Натальей и повидаться с Лосскими. Встречи были очень дружеские, и Лев Петрович с интересом ознакомился с архивом Шестова. Затем он еще несколько раз приезжал в Париж и опять встречался с дочерями Шестова и продолжал исследования архива Шестова.

Лев Петрович опубликовал многотомный труд «Readings in Russian Philosophical Thought» и готовит книгу о Шестове.

ЖИЗНЬ ЛЬВА ШЕСТОВА

Шестов в Аргентине

В конце 1951 г. поклонник Шестова Марк Юльевич Иолис (Marc Yolis), живший в Буэнос-Айресе, вступил в переписку с семьей Шестова. Каждый год присылал он деньги с просьбой положить 20 ноября (день смерти Шестова) цветы на его могилу. Марк Юльевич просил также присылать ему книги Шестова, о которых он и его друзья не раз публиковали статьи в еврейском журнале «Давке», выходящем в Буэнос-Айресе, и в других журналах. Вот выдержка из одного его письма:

> Память об этом глубоком мыслителе, моем великом учителе, к которому мыслящий мир вернется через еще столетия, и оставленные им труды будут служить путеводной звездой в непроходимых дебрях таинства бытия, — память о Льве Исааковиче мне слишком дорога, чтобы день его ухода из жизни не был мною упомянут. Этот день проходит у меня в молитвах, пересматриваю его труды, — те места в них, которые говорят о великом уходе... Труды Льва Исааковича — огромный вклад в философскую мысль; оценка этого вклада, как уже сказал, принадлежит будущему — к трудам его лежит вечный путь, который не зарастет травой забытья. (20.12.1955).

В 1958 г. Иолис просит Наташу послать ему рукопись Шестова для Еврейского научного института в Буэнос-Айресе:

> В этом году исполняется двадцать лет со дня смерти Вашего великого отца. Память об этом глубоком мыслителе не зарастет травой забвения. Наоборот. Чем дальше удаляется в глубь времени день 20-го ноября 1938-го года — день оставления мира этим глубочайшим философом, — тем все ярче выделяется значение его мыслей и отзвук, который они получают в оценках, в цитатах, в переводах. Л.И.Шестов не забыт и не будет забыт. Для меня день 20-го ноября — святой день, который весь посвящен памяти Льва Исааковича. В местном журнале «Davke» (еврейский жур-

нал, посвященный проблемам философии) уже появилась статья, к двадцатилетию со дня ухода из мира мыслителя. 20-го ноября также появится сделанный мною перевод статьи «Гегель или Иов» и другие статьи. Хочу при этом напомнить Вам Ваше обещание о присылке манускриптов Льва Исааковича Шестова для помещения в местном Еврейском Научном Институте для увековечения памяти. В этом институте находятся в специальных витринах документы, письма, манускрипты выдающихся представителей мысли. (10.11.1958).

В скором времени Наташа ему послала рукопись статьи Шестова «Киркегард, религиозный философ», появившейся в журнале «Русские Записки» №3 в январе 1938 г. 21 июля 1959 г. Еврейский научный институт устроил торжественное собрание, на котором Иолис прочитал речь о Шестове «Одиночество Льва Шестова» и передал его рукопись Институту. Всего сохранилось 15 писем Иолиса, последнее написано 15 июля 1960 г.

Шестов в Японии

В Японии было опубликовано множество книг Шестова, часть из них до войны, при его жизни. Все книги были изданы без разрешения автора. Ни Шестову, ни его дочерям не удалось наладить связь с издателями. В библиографии Барановой указаны всего одно издание тома II, три издания тома III и два издания тома V. На самом деле, вышло намного больше книг, но сведения о них недостаточно точны, чтобы дополнить библиографию. Коекакие сведения о японских изданиях собрал по просьбе Лео Зимни его друг, немецкий иезуит П.Крумбах (P.Krumbach SJ), который заведовал библиотекой в Японии. Крумбах прислал в 1976 г. список книг Шестова, изданных в Японии, и перевод предисловия к дешевому народному изда-

нию третьего тома, вышедшего в Японии в 1933 г. и много раз переизданного. Даю выдержку из перевода:

> Прошел год с тех пор, как появилась «Философия трагедии» [по-японски]. Вначале мы (переводчик и издатель) беспокоились, хорошо ли будет встречено произведение необычного мыслителя, совершенно неизвестного в японском литературном мире. Говоря по совести, мы думали, что будем полностью удовлетворены, если хотя бы один-единственный голос из нашего философского форума выразит иам сочувствие. Но оказалось, что этому своевольному философу удалось своей мыслью покорить всех и каждого из его читателей. Дошло до того, что на нашей литературной сцене главной темой обсуждений стало: «Ну уж этот Шестов...». Вначале мы лишь удивлялись, но, когда оказалось, что его голос привлекает и широкую публику, нам пришлось, не откладывая, подготовить дешевое издание.

В начале 1973 г. Наташу навестил почитатель Шестова Тору Кавасаки (Toru Kawasaki), профессор литературы Университета Васеда в Токио. 9 марта 1979 г. ее навестил ученик Кавасаки, Йосихидэ Цукиноки (Yoshihide Tsukinoki), тоже почитатель Шестова, владелец книжного магазина в Токио. Оба очень интересовались Шестовым, но не смогли помочь наладить связь с японскими издателями. Цукиноки прислал 26.05.1979 список работ Шестова, вышедших в Японии. В списках Цукиноки и Крумбаха указано около 30 работ Шестова, вышедших между 1919 и 1973 гг. Не исключена возможность, что именно в Японии было издано наибольшее количество книг Шестова.

Шестов в Израиле.

В Израиле, насколько нам известно, книги Шестова не издавались. В статье, упомянутой на стр.312, С.Лурье пишет:

> Французский философ и критик Готье (Jules de Gaultier) говорит в своей статье о Шестове («Mercure de France», 1.5.1925, стр.610), что позорно для французской литературы, что не все книги Шестова переведены на французский язык. Что должен сказать еврейский критик по поводу того, что ни одна из его книг не переведена на еврейский язык?

В 1979 г. Наташа послала Л.Флейшману, профессору Еврейского университета в Иерусалиме, для напечатания в журнале «Slavica Hierosalymitana» (The Magnes Press. The Hebrew University of Jerusalem) письмо Шестова к отцу о 2-м конгрессе сионистов, написанное в сентябре 1898 г. В том же году др.М.Надав (M.Nadav), стоящий во главе рукописного отдела Еврейской Национальной библиотеки, послал Наташе фотокопии 34 писем Шестова к Буберу, которые хранятся в Национальной библиотеке в архиве Бубера. Со своей стороны, Наташа послала ему фотокопии 13 писем Бубера к Шестову из архива Шестова. В Национальной библиотеке также хранится 91 письмо Шестова к Адольфу Лазареву. Небольшая часть этой переписки приведена в нашей работе. Кроме статей, указанных в библиографии, за последние годы в Израиле появилось еще несколько работ о Шестове. Укажем на статью М.Евзина о философии Шестова, опубликованную в 1978 г. в журнале «22».

Шестов в других странах.

Несколько книг Шестова появилось по-испански, по-датски, по-итальянски. Все они указаны в библиографии. В Югославии в журнале «Идее» 1980, №2/3 вышла статья Шестова «Sine Effusione sanguinis» и рецензия Радомира Джорджевича на книгу «Достоевский и Нитше», опубликованную по сербохорватски в издательстве «Слово Любве». В Италии должна появиться книга «На весах Иова» в переводе Альберто Пешетто в издательстве «Адельфи», в Милане.

ДОПОЛНЕНИЯ

Основные даты жизни Льва Шестова

Глава I (т.I, стр.3-21).

1866	(31 января/12 февраля). Рождение в Киеве в еврейской семье Льва Исааковича Шварцмана, известного под литературным псевдонимом Льва Шестова. Его отец, Исаак Моисеевич Шварцман, выходец из небогатой среды, создал собственное большое дело «Мануфактурные склады Исаак Шварцман». Среднее образование начинает в Киеве, гимназию кончает в Москве.
1884-1889	Московский университет. Физико-математический, затем юридический факультет. Один семестр в Берлине.
1889	Окончание университета в Киеве. Диссертация, посвященная рабочему вопросу, отвергнута цензурой.
1890-1891	Военная служба. Короткое время помощник присяжного поверенного в Москве.
1891 или 1892	Возвращается в Киев, чтобы привести в порядок дело отца.
1892-1894	Работает в деле отца. Публикует несколько статей по финансовым и экономическим вопросам. Период литературных и философских занятий. Обнаруживает призвание к литературе.
1895	Публикация в Киеве первых философских и литературных работ: (5 декабря). Вопрос совести [О Владимире Соловьеве]. — «Жизнь и Искусство».

(22 декабря). Георг Брандес о Гамлете. — «Киевское слово».
(Конец года). Острое заболевание (нервное расстройство), вызванное, вероятно, переутомлением и гнетущей атмосферой предприятия.

Глава II (т.I, стр.22-39).

1896 (9 января). Журнальное обозрение [О Владимире Соловьеве]. — «Жизнь и Искусство».
(Начало года). Отъезд за границу для лечения. Побывал в Вене, Карлсбаде (апрель), Берлине (летом, вероятно, операция), Рейхгале, Париже, Трепоре (сентябрь), Париже (сентябрь), Мюнхене (октябрь), Берлине (ноябрь и декабрь). Все свободное от лечения время занимается. Изучает Шекспира, Брандеса, Тэна, Канта и др. Читает Нитше.

1897 (Начало). Переезд из Берлина в Рим.
(Февраль). Женитьба на Анне Елеазаровне Березовской, студентке-медичке, втайне от родителей, которые ни в коем случае не допустили бы брака с девушкой православного вероисповедания. В течение десяти лет Шестовы живут в разных городах, чтобы родители не узнали об их браке. Встречаются во время университетских каникул.
(Март). Окончательная редакция книги «Шекспир и его критик Брандес». Начинает писать новую работу о Толстом и Нитше, задуманную уже в Берлине.
(Апрель — сентябрь). Неаполь и Вико.
(Осень). Возвращение в Рим.
(31 декабря). Рождение в Риме дочери Татьяны.

1898 (Весна). Отъезд из Италии в Швейцарию. Живет некоторое время с сестрой Фаней и ее женихом Г.Л.Ловцким в Берне, затем на берегу Тунского озера, а в сентябре в Терите, на берегу Женевского озера, затем в Лозанне. Все время работает над книгой «Добро в учении гр.Толстого и Ф.Нитше».

(Декабрь). Книга «Шекспир и его критик Брандес» (том I) выходит в Петербурге у А.Менделевича. Она не была замечена критикой. В Лозанне заканчивает книгу о Толстом и Нитше (не написано лишь предисловие). Возвращается в Киев в конце месяца с рукописью новой книги.

Глава III (т.I, стр.40-61).

1899 Вернувшись в Россию, живет некоторое время в Петербурге у Ловцких, а также в Москве (июнь) и в Киеве, где в июле пишет предисловие к работе о Толстом и Нитше. Новую книгу журналы и издатели не принимают, как и предыдущую. В конце концов Стасюлевич соглашается ее издать, благодаря рекомендации Вл.Соловьева, и печатает книгу в кредит. В конце года Шестов снова в Петербурге, где следит за печатанием книги.

1900 Дата на книге «Добро в учении гр.Толстого и Ф.Нитше» (том II), вышедшей в начале 1899.

(Январь). В Киеве устраивается диспут о новой книге (Челпанов, Водовозов). В конце месяца уезжает за границу.

(Февраль, март). В «Русском Богатстве» появляются две статьи Михайловского о новой книге.

Живет в Берлине, Италии (февраль в Нерви), в Швейцарии (май в Берне). Работает над новой книгой «Достоевский и Нитше».

(26 ноября). Рождение в Берне дочери Натальи.

1901 Живет в Италии (январь в Нерви), затем в Швейцарии (июнь в Мерлигене).

(Май). Дягилев предлагает Шестову, находящемуся в Швейцарии, сотрудничать в журнале «Мир Искусства». Шестов посылает ему рукопись книги «Достоевский и Нитше» (без предисловия).

По просьбе Дягилева, пишет статью о первом томе книги Мережковского «Лев Толстой и Достоевский».

(Сентябрь). Статья о Мережковском появляется в «Мире Искусства». Возвращается в Россию, поселяется у родителей в Киеве, где живет до 1908 г. Работает в деле отца, но имеет время заниматься.

(Октябрь). Поездка в Петербург, где он пишет предисловие к книге «Достоевский и Нитше» (том III).

(Декабрь). Сообщает Дягилеву о своем намерении писать о Чехове.

1902 (Февраль-октябрь). Книга «Достоевский и Нитше» печатается по частям в «Мире Искусства».

(Конец года). Знакомство в Киеве с Бердяевым, Булгаковым и, вероятно, с Лазаревым.

1903 (Январь). Книга «Достоевский и Нитше» выходит в Петербурге в типографии М.Стасюлевича.

(Февраль). Статья «Власть идей» с едкой критикой второго тома книги Мережковского «Лев Толстой и Достоевский» опубликована в журнале «Мир Искусства» №1/2.

У Брокгауза и Ефрона выходит новое издание

Шекспира. Статья Шестова «Юлий Цезарь Шекспира» дана как предисловие к этой пьесе.

Глава IV (т.I, стр.62-81).

[1903] В начале года у Шестова готов материал для задуманной новой книги, которую он, вероятно, хотел посвятить Тургеневу и Чехову.
Убеждается, что, живя в Киеве, он не сможет достаточно сосредоточиться, чтобы ее написать, и весной уезжает в Швейцарию для редактирования новой книги.
(31 июля). Дата на первом листе рукописи неоконченной книги о Тургеневе (вероятно, начало первой части задуманной книги о Тургеневе и Чехове). Книгу он не заканчивает. Из накопленного материала он создает другую книгу «Апофеоз беспочвенности», в которую включает 31 отрывок из неоконченной книги.
(Ноябрь). Возвращение в Киев из-за болезни отца. Снова работает в деле.

1904 Живет в Киеве у родителей и продолжает работать в деле отца. Пишет книгу «Апофеоз беспочвенности» и работает над статьей о Чехове «Творчество из ничего».

1905 (Январь). Книга «Апофеоз беспочвенности» (том IV) выходит в Петербурге в типографии Общества «Польза».
(Март). Статья «Творчество из ничего» появляется в журнале «Вопросы Жизни». Бунин считает ее одной из лучших статей о Чехове.
Появление книги «Апофеоз беспочвенности» вызывает ряд статей:

(7 марта). Ю.Айхенвальд. — «Русские Ведомости».
(Март). Н.Бердяев. Трагедия и обыденность. — «Вопросы Жизни».
(Июль). А.Ремизов. — «Вопросы Жизни».
(17 сентября). В.Розанов. — «Новое Время».
(Ноябрь/декабрь). Базаров. — «Образование».

Глава V (т.I, стр.82-110).

1906 (27 января). Статья «Пророческий дар. (К 25-летию смерти Достоевского)» выходит в журнале «Полярная Звезда».
(Лето или осень). Снимает с себя обязанности управляющего делом отца, которые ему пришлось принять, вероятно, летом 1905.
(Октябрь). Продает второе издание своих книг, вероятно, Пирожкову, за 4305 марок. В 1907 г. Пирожков опубликовал новое издание книги «Толстой и Нитше». Других книг Шестова он не издавал.

1907 Вышли в свет две статьи Шестова:
(Март). «Похвала глупости». — Альманах «Факелы», №2. Эта статья является ответом на вышедшую в 1905 г. статью Бердяева о Шестове.
(Апрель). «Предпоследние слова». — «Русская Мысль».

1908 (Апрель). Семейное дело реорганизовано в акционерное общество «Товарищество мануфактур Исаак Шварцман» (раньше оно называлось «Мануфактурные склады Исаак Шварцман»).
(Конец сентября). Книга «Начала и концы» (том V) выходит в Петербурге в тип. М.Стасю-

левича. Она включает три статьи, опубликованные в журналах в 1906 и 1906 гг., и статью о Чехове «Творчество из ничего», которая появилась впервые в 1905 г.

После появления книги «Начала и концы» вышло несколько работ о Шестове:

(Сентябрь). Книга Р.Иванова-Разумника «О смысле жизни», содержащая главу «Лев Шестов» с обширным исследованием творчества Шестова.

(Октябрь). Статья А.Белого. — «Весы».

(15 ноября). Статья Д.Философова. — «Московский Еженедельник».

(10 декабря). Статья С.Франка. — «Слово».

Философов и Франк подвергают произведения Шестова резкой критике, на которую Шестов не отвечает.

(Осень). Шестов с семьей поселяется в Германии, во Фрейбурге.

1909 Две статьи Шестова выходят в «Русской Мысли»:

(Январь). «Разрушающий и созидающий миры. По поводу 80-летнего юбилея Толстого».

(Апрель). «Великие кануны» (14 афоризмов).

(Февраль и март). Поездка в Киев, Петербург и Москву.

(24 мая). Статья «Поэзия и проза Федора Сологуба» выходит в газете «Речь».

(Лето). Французская Швейцария.

(Осень). Поездка в Киев, где он задерживается на пять или шесть месяцев. Семья Шестова живет во Фрейбурге.

У Стасюлевича выходит 2-е издание книги «Достоевский и Нитше».

1910 (24 января). Читает в Киеве публичную лекцию об Ибсене.

(7 февраля). Читает в Петербурге публичную лекцию об Ибсене. В том же месяце прочтет в Москве лекцию на ту же тему.

(2 марта). На пути из Москвы в Киев навещает Толстого в Ясной Поляне.

Глава VI (т.I, стр.111-126).

(Конец марта). Уезжает из Киева за границу.

Селится с семьей в Швейцарии — на берегу Женевского озера (Коппе, вилла «Соль»), где он проживет до июля 1914 г.

Обстановка более благоприятна для работы, чем в предыдущие годы. Управляет делом издалека. Реже, чем раньше, приходится отрываться от работы, чтобы ездить в Киев по делам Товарищества. Продолжает начатое во Фрейбурге изучение греческой философии, средневековых мистиков, Лютера, Библии, богословов (А.Гарнак, Г.Гризар, Г.Денифле). Занимается, но не пишет.

(Апрель и май). Публикация в «Русской Мысли» статьи «Победы и поражения. Жизнь и творчество Генрика Ибсена».

Публикация в юбилейном сборнике Литературного Фонда десяти афоризмов под заглавием «Из книги Великие Кануны». (Возможно, что сборник вышел в 1909 г.).

После смерти В.Джемса (26.08.1910) пишет работу «Логика религиозного творчества. Памяти В.Джемса». Эта работа послужила заключи-

тельной главой новой книги «Великие кануны», составленной из статей, опубликованных в 1909 и 1910 гг.

1911 Публикация издательством «Шиповник» полного собрания сочинений Шестова. «Шиповник» начал с издания (март) недавно законченной книги «Великие кануны» (том VI). В течение года «Шиповник» выпускает второе издание первых пяти томов. Других книг Шестова «Шиповник» не издавал.

[Май]. Выходит книга Б.Грифцова «Три мыслителя», содержащая интересный и обстоятельный этюд о Шестове.

(Начало лета). Фаня и Герман Ловцкие поселяются в Коппе у Шестовых. Остаются там до сентября 1913 г.

Автобиография Шестова выходит в сборнике «Первые литературные шаги».

Выходит книга А.Закржевского «Подполье, психологические параллели», содержащая главу о Шестове. Закржевский посвящает свою книгу Шестову.

1911-1912 Шестов продолжает занятия, начатые в предыдущие годы, не пишет.

1912 (Январь). Поездка в Киев, Москву и Петербург, где выступает с докладами. На обратном пути из России заезжает в Берлин навестить родителей, затем возвращается в Коппе (март).

1913 (Апрель). Навещает родителей в Берлине.

(Осень). После трех лет занятий начинает писать новую книгу «Sola Fide — Только Верой», свидетельствующую о новой ориентации творчества Шестова — более философской, нежели литературной.

1914 Продолжает работу над «Sola Fide», но закончить книгу до отъезда из Коппе не успевает.
(21 июля). Покидает Коппе с семьей, чтобы поселиться в Москве. Остановка в Германии. Возвращение в Россию кружным путем через Швецию, так как граница закрыта из-за объявления войны.
Библиотека и рукопись «Sola Fide» остаются за границей. Шестов найдет из там, когда покинет Россию в 1920 г.
Несколько глав из «Sola Fide» будут опубликованы под заглавием «Откровения смерти» (см. 1920 г.). Целиком книга будет издана лишь посмертно в Париже в 1966 г. по черновой рукописи.

Глава VII (т.I, стр.127-175).

(Октябрь). Селится с семьей в Москве (Плющиха, Новоконюшенный пер., д.14 кв.3). Входит в литературную и философскую среду, где встречает много друзей (Вячеслав Иванов, С.Булгаков, Н.Бердяев, Н.Бутова, Г.Шпет, Г.Челпанов, М.Гершензон, С.Лурье, сестры Евгения и Аделаида Герцык и др.).
1915 (14(27) февраля). Избран членом Московского Психологического Общества.
(Лето). Гостит у С.Лурье в Тульской губернии.
(14(27) ноября). Читает доклад в Психологическом Обществе на тему Potestas clavium.
(16(29) и 17(30) ноября). Отчет и статья И.Игнатова о докладе Шестова появляются в газете «Русские Ведомости».

1916 (Январь и февраль). 18 афоризмов, написанных в 1915 г., появляются в «Русской Мысли» под заглавием «Potestas Clavium».
(Июнь). Покупает дом на Плющихе, в котором ему не придется жить.
(Июнь-начало июля). Гостит у С.Лурье в Тульской губернии.
Там заканчивает статью «Вячеслав Великолепный», посвященную Вячеславу Иванову.
(июль). Предлагает Ловцким совместно купить имение в Тульской губернии. Проект не был осуществлен.
(Октябрь). Указанная статья появляется в «Русской Мысли».
[Октябрь]. В Лондоне выходит книга Шестова «Anton Tchekhov and other essays».
(4(17) ноября). Читает доклад «Вячеслав Великолепный» в Московском Философском Обществе.

1917 (27 февраля (12 марта)). Февральскую революцию встречает в Москве. Не разделяет всеобщего энтузиазма.
(Лето). Живет с семьей в имении Машковцевых в Тульской губернии.
(Сентябрь/декабрь). В журнале «Вопросы Философии и Психологии» появляется статья о Гуссерле «Memento mori».
В разных журналах опубликовано 20 афоризмов.
(25 октября (7 ноября)). Октябрьский переворот встречает в Москве.

1918 (11(24) июня). В Москве присутствует при посвящении С.Н.Булгакова.
(Начало июня). Уезжает с семьей в Киев.

[1918] (Октябрь). В Киеве оканчивает работу «О корнях вещей».

(Зима 1918/1919). Читает в Народном Университете курс лекций «История древней философии». Выступает с докладами и публичными лекциями.

Один афоризм опубликован в ежегодном издании «Мысль и Слово» (№11, 1).

1919 (Январь). Дата, которая фигурирует в конце работы «Тысяча и одна ночь», входящей как предисловие в книгу «Potestas Clavium» (том VII), объединяющую работы, опубликованные в 1916, 1917 и 1928 гг. (39 афоризмов, две статьи и работу «О корнях вещей»). Книга не была опубликована в России. Она выйдет за границей (см. 1921 и 1923 гг.).

(31 августа (13 сент.)). Белая армия занимает Киев.

(4(17) октября). Первая запись в «Дневнике мыслей», опубликованном в 1976 г.

(Середина октября). Покидает с семьей Киев и едет в Ялту с надеждой оттуда выехать за границу.

(9 (22) ноября). Приезд в Ялту.

(Ноябрь и декабрь). Хлопочет о выезде за границу и одновременно о кафедре в Таврическом университете (Симферополь), на случай, если не удастся уехать из России.

(13 декабря). Выбран приват-доцентом Таврического университета на основании известности, которую ему принесли его научные труды. В Симферополь не поехал.

1920 (Начало января). Едет с семьей в Севастополь, где ему предоставлены места на французском транспортном пароходе, который доставляет

Шестовых в Константинополь. Оттуда они плывут на пассажирском пароходе в Геную. (5 февраля по нов. ст.). Прибытие в Геную.

Глава VIII (т.I, стр.176-264).

[1920] (10 февраля). Из Генуи едет на десять дней в Париж. Встречается с И.Фондаминским и литераторами. Выясняет финансовое положение семьи.

(20 февраля). Едет в Женеву к Ловцким (4 av. de Varens), которые пригласили Шестовых у них остановиться.

(Март). Посылает Фондаминскому две статьи, рукописи которых он привез из России. Они будут опубликованы в феврале и июне 1921 г.

(Июнь?). Начинает переговоры с Е.Лундбергом, представителем берлинского издательства «Скифы», об издании по-русски и по-немецки книг «Толстой и Нитше» и «Достоевский и Нитше».

(Сент.). Едет на три недели в Савойю, где его семья поселилась на лето.

(1 сент.). Статья «Что такое русский большевизм?» выходит по-французски в «Mercure de France» (по-русски статья не появилась). Статья проходит незамеченной.

(Окт.?). Договаривается с изд. «Скифы» об издании вышеуказанных книг. Получает аванс в 3000 швейцарских франков.

(Ноябрь и декабрь). Статья «Откровения смерти. Последние произведения Л.Н.Толстого» появляется в «Современных Записках» №№1 и 2.

1921 (27 февраля). Статья «Тысяча и одна ночь» появляется в «Современных Записках» №3.

(23 апреля?). Покидает Женеву, едет в Париж, где временно останавливается у Балаховских (1 rue de l'Alboni, Paris 16). Встречается с Фондаминским, Мережковским, Винавером и др.

(16 мая). Читает доклад «Тысяча и одна ночь» на публичном собеседовании Религиозно-философского общества. В прениях, которые были продолжены 29 мая, приняли участие Н.В.Чайковский, И.П.Демидов, проф. Д.Гавронский, Б.Ф.Шлецер, И.И.Бунаков (Фондаминский), Д.Мережковский, Минский и др.

(20 мая?). Переезд в Кламар (27 rue Condorcet, Clamart), где Шестовы сняли меблированную квартиру, пока не отыщется постоянная квартира в Париже.

(5 июня). Публичная лекция Шестова, на которой он читает свою статью «О корнях вещей», опубликованную в 5-й книжке «Современных Записок», вышедшей в тот же день.

(Конец июня). Записывается в Русскую Академическую Группу, созданную русскими профессорами-эмигрантами.

(Июнь-сентябрь). Дата на обложке черновой рукописи статьи «Преодоление самоочевидностей. К столетию рождения Ф.М.Достоевского».

(28 сент.). Переезд в Париж, где Шестовы нашли скромную немеблированную квартиру (7 rue Sarasate, Paris 15). Они там проживут около двух с половиной лет.

(30 окт.). Участвует в публичном заседании Народного университета, посвященном памяти Достоевского.

(8 ноября). Читает доклад «Музыка и призраки»

(афоризм из книги «Власть ключей») на вечере памяти Достоевского в Союзе Русских Студентов во Франции.
(22 ноября). Едет на 5 недель в Германию (две недели в Берлине, три недели в Висбадене, куда его мать переехала в октябре из Швейцарии). В Берлине читает две лекции о Достоевском, видится с Ремизовым, Белым, Венгеровой, Минским. Ведет переговоры с изд. «Скифы», которое, несмотря на соглашение 1920-го года опубликовать в 1921 г. книги Шестова, еще не приступило к печати. От немецкого издания «Скифы» отказываются. Насчет русских изданий ничего определенного не удается выяснить. Подписывает с А.Ефроном договор о немецких изданиях этих книг. Ефрон их не издаст. Они будут изданы Марканом в 1923 и 1924 гг.
(5 декабря). Начало статьи «Преодоление самоочевидностей» появляется в «Современных Записках» №8. Продолжение и окончание выйдут в №9 (янв./февр. 1922) и №10 (28 апреля 1922).
(26 дек.). Возвращение в Париж.

1922 (1 февр.). Часть статьи «Преодоление самоочевидностей» выходит по-французски с предисловием Шлецера в февральском номере журнала «Нувель Ревю Франсез», посвященном Достоевскому, под заглавием «Dostoïevsky et la lutte contre les évidences». Статья привлекает к Шестову внимание французской критики.
(22 февр.). Первая лекция курса «Основные идеи древней философии», который он читает в Народном Университете. Курс, состоящий из десяти лекций, будет закончен 19 мая. Затем там же прочтет три лекции о Достоевском (26 мая — 9 июня).

[1922] (Февраль). Назначен преподавателем (один час в неделю) на Русском историко-филологическом факультете при Парижском университете (Русское отделение Института славяноведения). Хотя русские факультеты от Сорбонны не зависели, большинство лекций читалось в аудиториях Сорбонны, и было принято говорить, что лекции происходят в Сорбонне. В течение 15 лет будет читать курс по философии.

(Февраль и март). Во французской прессе появляются рецензии с положительной оценкой статьи Шестова о Достоевском. Знакомство с Андре Жидом и Шарлем Дю Босом, с которым устанавливаются дружеские отношения.

Начинает вести переговоры с Дю Босом, который вел серию иностранных авторов в издательстве «Плон» об издании его работ в этом издательстве.

(15 апреля). Открытие выставки художника Б.Григорьева, на которой представлен портрет Шестова, написанный в марте и апреле.

(Апрель). Издательство «Скифы» достало деньги и приступило к изданию книг Шестова по-русски.

(1, 3 и 10 июня). Читает в Сорбонне три первые лекции курса «Русская философия».

(Июль). Закончил статью «Сыны и пасынки времени. Декарт и Спиноза».

(17 июля). Уезжает на три месяца в Германию. Побывал у матери в Висбадене, затем в Бад-Зальцширте, где проводила лето Анна Ел., и около месяца провел в Берлине.

(1 октября). В «Меркюр де Франс» появляется статья Б.Шлецера «Léon Chestov, penseur russe».

(Середина октября). Возвращается в Париж.

[1922] (Осень). Художник С.Сорин пишет его портрет, который теперь находится в Нью-Йорке в музее Метрополитен. Подписывает договор с издателем Марканом об издании по-немецки книг «Толстой и Нитше» и «Достоевский и Нитше». Частые встречи с доктором Максом Ефимовичем Эйтингоном, положившие основание многолетней дружбе.

(Дек.?). Книга «Достоевский и Нитше» выходит в издательстве «Скифы».

(1922/1923). Продолжает читать в Сорбонне курс «Русская философия», начатый в июне 1922.

1923 (Начало года). По случаю трехсотлетия со дня рождения Паскаля пишет работу «Гефсиманская ночь. Философия Паскаля», которую заканчивает 8 апреля.

(Янв.?). Книга «Толстой и Нитше» выходит в изд. «Скифы».

(Февр.). Книга «Власть ключей» выходит в изд. «Скифы».

(Март). Книга «Les Révelations de la mort» выходит в изд. «Плон».

(15 июня). Статья «Les Favoris et les deshérités de l'histoire. Descartes et Spinoza» появляется в журнале «Меркюр де Франс». По-русски статья появится лишь в 1925 г.

(Конец июня). Книга «La Nuit de Gethsémanie. Essai sur la philosophie de Pascal» выходит в изд. «Грассе». По-русски работа появится в 1924 г.

(Июнь-дек.) Во французской прессе появляются похвальные отзывы от двух упомянутых книгах, вышедших в Париже.

(Июль). Книга «Tolstoi und Nietzsche» выходит в изд. «Маркан».

[1923] (Конец июня или начало июля). Едет в Германию на полтора месяца. Сначала в Кельн повидать своего немецкого издателя Маркана, потом в Висбаден к матери и, наконец, в Берлин, где гостит у М.Эйтингона. В Берлине встречается с Гершензонами, которые возвращаются в Москву после того, как пробыли десять месяцев в Германии. Возможность отдохнуть в Германии устроил им Шестов, достав для них необходимые на жизнь средства. В Берлине получает приглашение от Дю Боса и Поля Дежардена приехать в Понтиньи на декаду «Y a-t-il dans la poésie d'un peuple un trésor réservé» [Есть ли в поэзии народа скрытое сокровище].

(23 авг. — 2 сент.). Присутствует на вышеуказанной декаде. В Понтиньи у Шестова устанавливается контакт с французской интеллигенцией. С этого времени организатор декад Дежарден приглашает Шестова на приемы и собрания, которые он устраивал в Париже.

Глава IX (т.I, стр.265-298).

1923-1925 (1922-1925). Переписка с Гершензоном.
(1923). Поездка Гершензона в Баденвейлер.
(19.02.1925). Смерть Гершензона.
(1922-1924). Переписка с Бердяевым.
(1924). Переезд Бердяева из Берлина в Париж.
(1.02.1925). Доклад Шестова в Религиозно-философской Академии.

Глава X (том I, стр.299-359).

[1923] (Сент.). Из Понтиньи возвращается в Париж, затем едет на три недели в Виши, куда поехала

[1923] Анна Ел. Из Виши возвращается в Париж.
(Окт.). Заболевает (мучительные боли в пояснице) и в конце месяца принужден лечь на некоторое время в госпиталь.
(1923/1924). Читает в Сорбонне курс «Философские идеи Достоевского и Паскаля». Будет читать тот же курс в 1924/1925 учебном году.

1924 (Янв. или февр.). Знакомство с французским писателем Жюлем де Готье, который предлагает ему издать работу в издательстве «Сьекль» — см. 1925. Шестов и Готье подружились и часто встречались, до самой смерти Шестова.
(25 февр.). На приеме у Жюля де Готье знакомится с французским писателем румынского происхождения Бенжаменом Фонданом, который за год до этого опубликовал в Румынии несколько статей о Шестове.
(Янв. — май). Пишет статью о Плотине «Неистовые речи», которая появится в печати только через два года (см. 1926).
(Янв. — май). Ведет оживленную переписку с Бердяевым, который обратился к нему с просьбой помочь ему и другим высланным из России в 1922 г. философам, живущим в Берлине, получить разрешение поселиться во Франции. Разрешение было получено.
(Июнь). Гостит у Эйтингона в Берлине.
(7 июля — 22 сент.). Живет в Шатель-Гюйоне, где его жена с 1923 г. имеет практику по медицинскому массажу. (Начиная с этого лета, Шестов будет каждый год ездить на летний отдых в Шатель.) Уезжает из Шателя на 10 дней (8-18 авг.) в Понтиньи на декаду «Муза и благодать».
(Июль). Книга «Dostojewsky und Nietzsche» выходит в изд. «Маркан».

[1924] (22 сент. — 16 окт.). Живет в Виши с Анной Ел. и Ловцкими. Оттуда возвращается в Париж.

(1 ноября). Селится с семьей на новой квартире (41 rue de l'Abbé-Grégoire, Paris 16).

(Ноябрь). Мать Шестова, жившая в Висбадене, переезжает в Берлин.

(Дек.). Окончил работу «Наука и свободное исследование», которая является предисловием к новой книге «Странствования по душам». Предисловие появится 19 и 20 марта 1925 г. отдельной статьей в газете «Последние Новости». Книгу в это время издать не удалось. Она вышла с некоторыми добавлениями в 1929 г. под заглавием «На весах Иова», с подзаголовком «Странствования по душам» (см. 1929).

1925 (Начало года). Фридрих Вюрцбах, член президиума Нитшевского о-ва, заинтересовавшись книгами Шестова, вступает с ним в переписку. Вскоре Шестов выбран членом президиума общества. Вероятно, в это же время он становится членом Кантовского общества.

(Апрель). Окончив курс в Сорбонне, едет на несколько недель в Берлин, куда приезжает 5 апреля. Гостит у Эйтингона. Читает две лекции: «Наука и Библия» и «Исторический жребий Спинозы».

(Апрель). Некролог о Жаке Ривьере опубликован в Париже в «Н.Р.Ф.» под заглавием «Dernier salut» и некролог о Гершензоне в «Современных Записках» №24, под заглавием «О вечной книге».

(Май). Артур Либерт из журнала «Кант-Штудиен» просит Шестова дать статью для этого журнала. Шестов ему дает статью «Неистовые речи», перевод которой он специально заказал

[1925] переводчику Вальтеру для журнала. Перевод не был напечатан в «Кант-Штудиен».

(Июнь). Статья «Philosophische Fragmente» (5 афоризмов из книги «Власть ключей») появляется в журнале «Нейе Меркур».

(Июнь или июль). Статья «Die Nacht zu Gethsemane» появляется в ежегоднике Нитшевского общества «Ариадне».

(Лето). Живет в Шатель-Гюйоне в пансионе Кремер.

[Сент.]. Статья «Сыновья и пасынки времени. Исторический жребий Спинозы» выходит в «Современных Записках» №25.

(Сент.). Сестра Лиза и ее муж Лев Мандельберг, живущие в Палестине, предлагают Шестову устроить для него поездку в Палестину с чтением лекций. Шестов с радостью принимает предложение. Но, несмотря на старания, Мандельбергам не удается организовать эту поездку.

(Окт.). Книга «L'idée de bien chez Tolstoi et Nietzsche. Philosophie et prédication» выходит в Париже в издательстве «Сьекль».

(Осень). Переговоры с «Нитшевским обществом» об издании по-немецки книги «Власть ключей» в издательстве общества. Книга выйдет в переводе Ганса Руофа в марте или апреле 1926 г. под заглавием «Potestas Clavium oder die Schlüsselgewalt».

(Декабрь). Статья «Apotheose der Bodenlosigkeit» появляется в журнале «Нейе Рундшау». Она составлена из пяти афоризмов, взятых из перевода на немецкий язык книги «Апофеоз беспочвенности», которая должна была быть опубликована в 1925 или 1926 г. в изд.

[1925] «Маркан», но в Германии так и не появилась. Еще несколько отрывков из перевода этой книги появилось в журнале «Эйропеише Ревю» в 1926 и 1927 гг. и в журнале «Индивидуалитет» в 1927 Рудольф Кайзер, редактор журнала «Нейе Рундшау», кроме вышеуказанной статьи, опубликовал впоследствии несколько статей Шестова и написал несколько рецензий о немецких изданиях его книг.

(1925/1926). Читает в Сорбонне курс «Русская и европейская философская мысль».

1926 (Первые дни января). Шестовы селятся у Балаховских (1 rue de l'Alboni, Paris 16), которые им уступают три комнаты в их просторной восьмикомнатной квартире. Шестовы проживут там три с лишним года. За это время у Шестова создаются новые знакомства среди философов и писателей и укрепляются дружеские связи предыдущих лет. Он устраивает приемы, на которых встречаются русские, французские и немецкие писатели и философы.

(24 янв.). Шестов устраивает на новой квартире прием в честь Томаса Манна.

(Январь-февр.). Статья «Memento Mori. A propos de la théorie de la connaissance d'Edmund Hussrl», с критикой феноменологии Гуссерля, напечатанная в России в 1917 г., появляется в «Ревю Философик» №1/2. Статья привлекает внимание французов к феноменологии Гуссерля. С этой статьи начинается долголетнее сотрудничество Шестова в «Ревю Философик». У Шестова складываются дружеские отношения с директором журнала Леви-Брюлем.

Прочитав статью Шестова, проф. Жан Геринг, ученик Гуссерля, пишет ответную статью в за-

[1926] щиту Гуссерля под заглавием «Sub specie aeternitatis. Eine Erwiderung auf L.Schestows Artikel "Memento Mori" enthaltend eine Kritik der Husserlschen Philosophie». Рукопись статьи он посылает Шестову, который в ответ на возражения Геринга пишет статью под заглавием «Что такое истина?», которую заканчивает 1 июля. Обе статьи будут опубликованы в 1927 г.

(13 февр.). Шестову исполняется шестьдесят лет. По этому случаю ряд статей появляется в газетах и журналах.

(Февр.). Дата на первой странице манускрипта неизданной и незаконченной книги «Об источниках мистического опыта Плотина».

(7 марта). Первые две главы неизданной книги появляются в газете «Дни» под заглавием «О добродетели и звездах».

(Май). Знакомство с графом Германом Кейзерлингом, который приглашает Шестова прочесть доклад в «Schule der Weisheit» (Школе мудрости), основанной им в Дармштадте. Доклад не состоялся.

(Июль). Статья о Плотине «Неистовые речи», написанная в 1924 г., появляется в первом номере нового журнала «Версты».

(Июль). Книга «La philosophie de la tragédie. Dostoïevsky et Nietzsche» выходит в издательстве «Плеяда». Во главе издательства стоял Я.Шифрин. Когда велись переговоры, было условлено, что «Плеяда» выпустит, с финансовой поддержкой Эйтингона, полное собрание сочинений Шестова на французском языке. Названная книга была первой из этого собрания. Всего вышло еще две книги в 1927 и 1928 гг., и издание было остановлено. В 1929 г. три тома, изданные

[1926] «Плеядой», были переданы издательству «Сан Парей».

(Лето). Живет в Шатель-Гюйоне в пансионе «Вилла Флоранс».

(Осень). Вернувшись в Париж, занимается, вероятно, Вл.Соловьевым.

(1926/1927). Читает в Сорбонне курс «Владимир Соловьев и религиозная философия».

1927 (17 января). Бенжамен Фондан пишет Шестову письмо, сильно его заинтересовавшее, по поводу недавно вышедшей книги «La philosophie de la tragèdie. Dostoïevsky et Nietzsche». Начиная с этого времени, Фондан сближается с Шестовым, становится его учеником и другом. Фондан написал о Шестове несколько статей и книгу воспоминаний «Встречи с Шестовым». В нее включены беседы Шестова с Фонданом, которые тот записывал, начиная с 1933 г.

(Январь). Статья «Что такое истина?» появляется по-русски в «Современных Записках» №30 и по-французски в «Ревю Философик» №1/2.

(8 апреля). Едет за несколько недель в Берлин, где гостит у Эйтингона. В Берлине читает две лекции о Вл.Соловьеве.

(Конец мая). Книга «Sur les confins de la vie. L'apothéose du dépaysement» выходит в издательстве «Плеяда».

[Июль]. Статья «Was ist Wahrheit» («Что такое истина?») и статья Геринга «Sub specie aeternitatis» появляются в немецком журнале «Философишер Анцейгер» №1.

(10 июля). Едет на летний отдых в Шатель-Гюйон. Живет в «Вилла Флоранс».

(13 сент.). Возвращается в Париж. По дороге в Париж заезжает на три дня в Виши к Ловцким.

[1927] (25 сент.). Дата на последней странице чистовой рукописи статьи о Вл.Соловьеве, над которой работал весной и летом. Она появится в «Современных Записках» — в №33, вышедшем в конце 1927 г., и №34, вышедшем в начале 1928 г., под заглавием «Умозрение и апокалипсис. Религиозная философия Владимира Соловьева».

(1927/1928). Читает в Сорбонне курс «Религиозно-философские идеи Толстого и Достоевского». Тот же курс будет читать в 1928/1929 и 1929/1930 учебных годах и в зимний семестр 1930 г.

Глава XI (т.II, стр.7-57).

1928 (18 марта). Знакомство с профессором Шарлем Андлером, директором Института германистики.

(Начало апреля). Книга «Le pouvoir de clefs» выходит в «Плеяде».

(19 апреля). Читает доклад о Плотине в Амстердаме по приглашению философского общества.

(23 апреля). Знакомство с Гуссерлем.

(24, 27, 28 апреля). Два доклада Гуссерля и прения по докладам, на которых присутствует Шестов. В Амстердаме Шестов и Гуссерль ведут долгие беседы на философские темы в течение двух вечеров: после первого доклада Гуссерля и после прений. Они еще встретятся в ноябре 1928 г., в 1929 и 1930 гг.

(29 апреля — 2 мая). Поездка во Франкфурт, где он встречается с Максом Шелером, с которым

[1928] уже был знаком раньше, и знакомится с Мартином Бубером. Бубер принимает статью Шестова о Спинозе для журнала «Креатур», в редакции которого он состоял. Статья выйдет в осеннем номере 1928 г. этого журнала под заглавием «Kinder und Stiefkinder der Zeit».

(2 мая). Едет в Берлин. В Берлине гостит у Эйтингона и подписывает контракт с издательством «Ламберт-Шнейдер» на публикацию по-немецки книги «На весах Иова».

(2-18 мая). Переписка с Бубером о толковании стиха из Исайи, взятого Шестовым эпиграфом к статье о Спинозе.

(21 мая). Возвращается в Париж.

(12 июля — 17 сент.). Живет в Шатель-Гюйоне в пансионе «Вилла Флоранс».

(26 и 31 окт., 1 и 9 ноября). По приглашению швейцарского студенческого союза читает по-немецки лекции о Толстом в Берне, Цюрихе, Базеле и немецком Фрейбурге. Несколько статей появляется в швейцарской прессе по поводу этих лекций.

(8 ноября). Навещает Гуссерля во Фрейбурге. У него знакомится с Хейдеггером. Гуссерль ему советует читать Киркегарда.

(9 ноября). Во Фрейбурге читает доклад о Толстом, на котором присутствуют Гуссерль и Хейдеггер.

(10 ноября). Приезжает в Берлин, где останавливается у Ловцких. В Берлине читает по-русски доклад о Толстом, затем едет на несколько дней в Мюнхене, где 27 ноября читает доклад о Толстом по-немецки.

(30 ноября). Возвращается в Париж. Читает Киркегарда. Пишет «Скованный Парменид».

1929 В журнале «Эроп» вышла статья Фондана о Шестове.

(23 и 25 февраля). Гуссерль читает две лекции в Париже.

(27 февраля). Гуссерль обедает у Шестова. Они беседуют о работе «Скованный Парменид», которую Шестов пишет в то время.

(3 марта). Устраивает прием в честь Гуссерля.

(5 марта). Гуссерль приглашает Шестова с женой к чаю.

(Конец апреля). Переезжает на новую квартиру: 3 rue Letellier, Paris 15.

(апр. — сент.). Статья «Spéculations et révélations» появляется в пяти номерах журнала «Палестин».

(Май/июнь). В журнале «Кайе де л'Этуаль» №9 вышла статья Фондана о Шестове, которую ему заказал один из редакторов журнала г-жа Манциарли.

(Конец мая). Книга «Auf Hiobs Waage» выходит в Берлине в издательстве «Ламберт-Шнейдер». Книга «На весах Иова» выходит через несколько дней в Париже в издательстве «Современные Записки». В книге собраны работы, написанные в Женеве и Париже, опубликованные в журналах между 1920 и 1927 гг.

После выхода книг появляется ряд статей: Р.Кайзера («Нейе Рундшау», июль 1929), А.Шеделина («Бунд», 25.08.1929), Н. Бердяева («Путь», сент./окт. 1929), Г.Ловцкого («Современные Записки» №41, янв. 1930), Г.Адамовича («Последние Новости», 28.08. 1930) и др.

(31 мая ?). А.Мальро, Швоб, братья Жан и Жозеф Барюзи и др. проводят вечер у Шестова.

[1929] (Июль/авг.). Статья «Les grandes veilles. Préface» появляется в №10 журнала «Кайе де л'Этуаль».

(12 июля). Едет на 12 дней в Шатель-Гюйон и возвращается в Париж.

(3 авг.). Таня выходит замуж за Валентина Григорьевича Дудкина.

(31 авг.). Наташа выходит замуж за Владимира Николаевича Баранова.

(Авг. — сент.). Статья «Speculation und Offenbarung» выходит в двух номерах журнала «Тат».

(1 сент.). Уезжает на летний отдых сначала в Шатель-Гюйон, а оттуда 10 сентября в Бурбон л'Аршамболь.

(Начало окт.). Возвращается в Париж.

1930 (2 января). Дата на последней странице манускрипта работы «Скованный Парменид».

(26 января). Читает доклад о Розанове на вечере, организованном сборником «Числа».

(Март). Статья «Добро зело», составленная из 27 афоризмов, появляется в сборнике «Числа» №1.

(16 мая). У Тани рождается дочь Светлана.

(22 мая). Уезжает во Франкфурт, где 27 мая читает в Университете по-немецки доклад «Скованный Парменид».

(25 мая). Проводит день с Бубером в Гепенгейме.

(27 мая). Читает тот же доклад, что во Франкфурте, в Галле в Кантовском обществе.

(28 мая). Приезжает в Берлин, где живет у Эйтингона. Читает три доклада: 31 мая в Кантовском обществе тот же доклад, что во Франкфурте и Галле; 6 июня по-русски доклад «Авра-

1930] ам и Сократ» в Союзе Русских Евреев; 19 июня в Нитшевском обществе по-немецки доклад «Kampf und Besinnung». Доклад в Нитшевском обществе имел большой успех. Это последний доклад, прочитанный Шестовым в Германии.

(20 июня). Едет во Фрейбург, где 21 и, вероятно, 22 июня навещает Гуссерля. Встречается с Хейдеггером. Из Фрейбурга едет в Реймс, где гостит несколько дней у Лазарева.

(27 июня). Возвращается в Париж.

(Июнь). Статья «В.В.Розанов» появляется в журнале «Путь» №22.

[Июнь]. Статьи «Regarder en arrière et lutter» и «Look back and struggle», составленные из 25 афоризмов, взятых из «Добро зело», появляются в новом журнале «Форум Филозофикум» №1.

(Июль/авг.). Статья «Parménide enchainé» появляется в «Ревю Филозофик» №7/8.

[Июль/сент.]. Статья «О втором измерении мышления», составленная из 42 афоризмов, появляется в «Современных Записках» №43.

(10 июля — 12 сент.). Живет в Шатель-Гюйоне (отель «Пале-Рояль»), где Шестовы будут жить каждое лето, начиная с этого года.

Глава XII (т.II, стр.58-116).

1930] (12 сент.). Селится на новой квартире в предместье Парижа (19 rue Alfred Laurent, Boulogne-sur-Seine), где доживет до самой смерти. Живет замкнутой жизнью, оставаясь всегда в творческом напряжении, несмотря на частые недомогания.

[1930] (23-25 окт.). Приглашен на конгресс в Кракове, организованный Международным обществом культурной кооперации, где читает по-французски доклад «Об источниках метафизических истин», составленный из начальных глав работы «Скованный Парменид». По пути в Краков и на обратном пути останавливается на несколько дней в Берлине повидать мать, Ловцких и Эйтингонов.

(Окт.). Статья «Kampf und Besinnung», состоящая из 16 афоризмов, взятых из «Добро зело», появляется в «Нейе Рундшау».

(21-31 дек.). Переписка Шестова с Буниным и Томасом Манном по поводу кандидатуры Бунина на Нобелевскую премию.

1931 (10 янв. — 25 апр.). Читает в Сорбонне курс «Русская философская мысль».

(11 февр.). Внезапно скончался Даниил Григорьевич Балаховский. Шестов сообщает об этом родным.

[Февр.]. В Амстердаме появляется докторская работа Я.Сюиса о Шестове под заглавием «Leo Sjestow's protest tegen de rede».

[Март]. Статья «Der gefesselte Parmenides. Uber die Quellen der metaphysischen Wahrheiten» появляется в журнале «Логос», №1.

(Март/апр.), Статья «Richard Kroner. Von Kant bis Hegel» появляется по-французски в «Ревю Философик» №3/4.

(Апр.). Та же статья появляется по-русски в журнале «Путь» №27.

(Начало июня). Книга «Pages choisies» выходит в Париже в издательстве «Грассе».

(7 июня). Знакомство с редактором «НРФ» Жаном Поланом у Жюля де Готье.

[1931] (20 июля — 9 сент.). Живет в Шатель-Гюйоне.
(Сент.-дек.). Пишет вчерне работу «В фаларийском быке».
(Вероятно, сент.). Чтобы не прерывать свою работу, просит Нитшевское общество отложить на весну 1932 г. полученное приглашение приехать в ноябре 1931 г. в Берлин прочесть доклад «Нитше и Киркегард».
(24 окт.). Статья Фредерика Лефевра «Une heure avec Léon Chestov» появляется в еженедельной газете «Нувель Литерер».
(1931-1932). Ведет переговоры с немецким издательством «Ламберт-Шнейдер», которое в 1929 г. издало «Auf Hiobs Waage» и переняло все книги Шестова, изданные в Германии, о публикации по-немецки «Апофеоза беспочвенности» и книги, составленной из последних работ. Эти издания осуществить не удалось.
В 1931/1932 учебном году, вероятно, не читал курса в Сорбонне.

1932 (Начало янв.). Книга «Скованный Парменид» выходит в Париже в издательстве ИМКА-Пресс.
(Апрель). 15 афоризмов, взятых из «О втором измерении мышления» выходят по-немецки в журнале «Нейе Рундшау» под заглавием «Von den Quellen der Weltanschauung».
(Апрель). Вследствие сильного переутомления, вызванного напряженной работой над «В фаларийском быке», вынужден отказаться от поездки в Берлин и в Бонн, куда он был приглашен прочесть доклады в мае, вероятно, на тему «Киркегард и Нитше».
(23 апр.). Пишет Фондану письмо о недавно появившейся книге Бергсона «Sur les deux sources

[1932] de la morale et de la religion». О ней упоминает в письмах Лазареву, Буберу и Шлецеру.

(6 мая). Дата на последней странице чистовой рукописи работы «В фаларийском быке», которую он начал писать в январе, состоящей из 15-ти глав. Гл.11-15 — первое, что было написано Шестовым для печати о Киркегарде.

(9 июля). Уезжает в Шатель-Гюйон.

(Июль). Герман фон Кейзерлинг посылает Шестову свою книгу «Méditations sud-americaines» и Бенжамен Фондан — свою статью «Sur la route de Dostoievsky: Martin Heidegger», вышедшую в июньском выпуске журнала «Кайе дю Сюд» (№141).

(18 сент.). Возвращается в Булонь, заехав предварительно на неделю в Экс-ле-Бэн повидаться с Ловцкими.

(Сент. и окт.). 16 афоризмов, взятые из «О втором измерении мышления», выходят по-французски в двух выпусках «НРФ» под заглавием «La seconde dimension de la pensée».

(Сент. — ноябрь). Переписывается с Бубером по поводу статьи-рецензии, которую Бубер попросил его написать по-немецки о своей книге «Zwiesprache», для журнала «Блеттер фюр дейче философи».

(22 и 29 сент.). Два письма Шестова к Буберу из вышеуказанной переписки, в которых Шестов излагает свои мысли о грехопадении.

(4 ноября). Посылает Буберу свою статью «Martin Bubers "Zwiesprache"» для передачи в «Блеттер». Хотя статья была принята журналом, она не была им опубликована, вероятно, из-за политических событий в Германии. Она появится по-русски в журнале «Путь» №39, в

[1932] июне 1933, по-французски в «Ревю Философик», ноябрь/дек. 1933 и по-немецки только в 1934 [окт.], в журнале «Ориент унд Окцидент» №17.

(Ноябрь). Шлецер посылает Шестову свою только что вышедшую книгу о Гоголе («Gogol»). Книга посвящена Шестову.

(1932/1933). Читает в Сорбонне курс «Достоевский и Киркегард».

Глава XIII (т.II, стр.117-161).

1933 (Апрель 1933 — март 1934). Даты на семи манускриптах, включающих полный черновой текст, за исключением предисловия, новой книги «Киркегард и экзистенциальная философия». Книга выйдет по-французски в 1936 г. и посмертно по-русски, по-немецки, по-датски, поиспански и по-английски.

[Май]. Ловцкие и мать Шестова принуждены покинуть Берлин. Они едут в Париж, где в сентябре Ловцкие селятся по адресу: 13 square Henry Pathe, Paris 16. Шестов будет часто у них бывать.

(17? июля — 25 сент.). Живет в Шатель-Гюйоне в отеле «Пале-Рояль».

(Окт.). 22 афоризма, взятые из «О втором измерении мышления», выходят по-французски в журнале «Кайе дю Сюд» под заглавием «La deuxième dimension de la pensée. Extraits».

(16 ноября). Читает доклад «Религиозно-философские идеи Киркегарда» на публичном собрании Религиозно-философской Академии.

(1933/1934). Читает в Сорбонне курс «Достоевский и Киркегард».

1934 (Янв./март). Статья «Гегель или Иов» выходит в журнале «Путь» №42. Она выйдет по-французски в июне 1935 г. в журнале «НРФ»

(26 февр.). Таня выходит замуж вторым браком за Жоржа Ражо.

(13 марта). Смерть матери Шестова в Париже.

(8 апр.). Бубер, который приехал на несколько дней в Париж, навещает Шестова.

(13 апр.). Шестов устраивает у Ловцких прием в честь Бубера, на котором присутствуют Фондан и др.

(Апр. — июль). Спешно переписывает начисто книгу о Киркегарде, начатую в 1933 г., так как издательство «НРФ» предложило ее издать.

(Июль — 28 сент.). Уезжает на летний отдых. До 4 сент. живет в Шатель, а затем в Бурбоне. Перечитывает книгу Жильсона о средневековой философии, о которой он напишет статью по просьбе «Ревю Филозофик».

(Авг.). Статья «Menacing Barbarians of To-day» появляется в журнале «Ариэн Пат».

(Авг./сент.). Статья Фондана «Léon Chestov, Soeren Kierkegaard et le serpent» появляется в «Кайе дю Сюд» №64.

[Окт.]. Узнает, что издательство «НРФ» не издаст его книгу о Киркегарде, которую оно приняло в начале года.

[Окт.]. Наташа и Володя селятся на новой кварrите 10 rue François Gerard, Paris 16.

(1934/1935). Читает в Сорбонне курс «Достоевский и Киркегард».

1935 (25 февр.). Дата на последней странице окончательной рукописи работы о Жильсоне. Шестов сдает ее французский перевод Леви-Брюлю 7 июля. Статья появится под заглавием «Athè-

[1935] nes et Jerusalem» в двух номерах «Ревю Философик»: ноябрь/дек. 1935 и янв./февр. 1936. Впоследствии (см. 1937) заглавие «Афины и Иерусалим» будет дано книге, в которую будет включена статья о Жильсоне под новым заглавием: «О средневековой философии».

(5 мая). Читает доклад «Киркегард и Достоевский» в Религиозно-философской Академии; он будет опубликован в журнале «Путь» №48, июль/сент. 1935.

[Июнь]. Беседует с Фонданом о книге Рудольфа Отто «Westostlische Mystik», которую ему одолжила И.В. де Манциарли. Возможно, что это она привлекла внимание Шестова к индусской философии, которой он начал интересоваться в 1934 г. и занимался в последующие годы.

(18? июля — 15 сент.). Уезжает на летний от№дых. До 28 августа живет в Шатель-Гюйоне, затем в Бурбоне. Читает новую книгу Леви-Брюля «La mythologie primitive», о которой он напишет статью «Миф и истина». Она появится по-русски и по-голландски в 1936 г., а по-французски только в 1938.

(17 авг.). Поручает Герману попросить Эйтингона достать книгу Ольденберга «Upanischaden und das fruhe Buddısmus». Герман книги не достал.

(Ноябрь). Статья Б.Фондана «Héraclite le pauvre ou Nécessité de Kierkegaard» появляется в «Кайе дю Сюд» №177.

(15 дек.). Читает доклад «Ясная Поляна и Астапово. К 25-летию со дня смерти Толстого» в Религиозно-философской Академии. Доклад будет опубликован по-русски в «Современных За-

[1935] писках» №61, май/авг. 1936, затем по-французски, по-испански и по-голландски.

(1935/1936). Читает в Сорбонне курс «Достоевский и Киркегард».

1936 (Янв.). Друзья Шестова создают комитет под председательством Л.Леви-Брюля с целью почтить наступающий юбилей Шестова изданием по подписке по-французски его книги «Киркегард и экзистенциальная философия». Книга выйдет в июле в издательстве «Врен» под заглавием «Kierkegaard et la philosophie existentielle».

(13 февр.). Шестову исполняется 70 лет. Получает множество поздравительных писем. В газетах и журналах появляются статьи Н.Бердяева, А.Лазарева, Б.Фондана, А.Ремизова и других.

(14 марта). Публичное собрание, посвященное 70-летнему юбилею Шестова, устроенное Академическим Союзом во Франции. С речами выступают председатель Союза П.Милюков, Леви-Брюль и А.Лазарев.

(23 или 24 марта). Вместе с Ловцкими уезжает в Палестину, куда он был приглашен культурным отделом рабочей федерации прочесть серию лекций.

(29? марта — 6 апр.). Живет в Тель-Авиве.

(6-12 апр.). Живет в Иерусалиме. Осматривает окрестности.

(8 апр.). Читает в Иерусалиме лекцию «Der gefesselte Parmenides».

(12 апр. — 13 мая). Живет в Тель-Авиве. Дальнейшему осмотру страны помешали арабские беспорядки.

(20 и 21 апр.). В Хайфе читает две лекции: «Толстой» и «Достоевский и Киркегард».

[1936] (26 апр.). Читает лекцию в Иерусалиме.

(28 апр. и 5 мая). Читает две лекции в Тель-Авиве.

(19 мая). Возвращается в Париж.

(20 июня). Пишет Фондану длинное письмо по поводу только что вышедшей книги Фондана «La conscience malheureuse».

(24 авг.). По дороге в Понтиньи Бубер заезжает в Париж повидать Шестова и других друзей.

(Лето). Живет в Шатель-Гюйоне.

(Окт.). Дата на заглавном листе рукописи №77, содержащей полный черновой текст статьи о Карле Ясперсе «Sine effusione sanguinis. О философской честности» и др. работы.

Статья о Ясперсе появится сначала по-голландски в журнале «Синтез», июль/авг. 1937, а потом по-русски в «Пути» №54 и по-французски в журнале «Эрмес», янв. 1938.

(17 дек.). Дата на письме Жана Валя, в котором он приглашает Шестова прийти к нему для беседы о Киркегарде.

(26 дек.). Дата на заглавном листе рукописи №78, содержащей набросок «Итоги и комментарии» и др. работы. Набросок будет опубликован посмертно в 1965 г.

Глава XIV (т.II, стр.162-198).

1937 [Янв.?]. Переговоры с парижским издательством «Врен» об издании по-французски книги «Афины и Иерусалим» и с австрийским издательством «Шмидт-Денглер» об издании той же книги по-немецки. Обе книги выйдут в начале 1938 г. — по-французски, вероятно, в феврале,

[1937] под заглавием «Athènes et Jerusalem», а по-немецки, вероятно, в марте, под заглавием «Athen und Jerusalem».

[7 марта?]. Приглашен к Маритену для знакомства со специалистом по индусской философии.

(3 апреля — 5 мая). Пять радио-лекций Шестова на тему «Творчество Достоевского» передаются по парижскому радио. Они будут напечатаны 15 мая по-французски в журнале «Кайе де Радио-Пари» и по-русски в журнале «Русские Записки» №2.

(19 мая). Читает доклад «Nietzsche et Kierkegaard» в Ассоциации студентов-протестантов.

(Июнь — июль). Переписка с молодым бельгийским писателем Луи Жильбером о работе Шестова «В фаларийском быке».

(3 авг. — 12 сент.). Поездка в Шатель-Гюйон.

(Сент./окт.). Статья Фондана «A propos du livre de Léon Chestov: Kierkegaard et la philosophie existentielle» появляется в католическом журнале «Ревю де Философи» №5.

(21 окт. — 25 ноября). Пять радио-лекций Шестова на тему «Серен Киркегард, религиозный философ» передаются по парижскому радио. Они будут напечатаны 15 декабря по-французски в «Кайе де Радио-Пари» и по-русски в журнале «Русские Записки» №3.

(Декабрь). Р.Беспалова посылает Шестову рукопись своей работы «Chestov devant Nietzsche», которая будет включена в ее книгу «Cheminements et carrefours». Работа разочаровала Шестова.

(17? дек.). Тяжело заболевает кровоизлиянием в кишечнике.

1938 (Январь). Постепенно оправляется от болезни.

[1938] Может выходить, но силы подорваны. Не возобновляет чтения лекций в Сорбонне.

(Начало марта). Гастон Дерике посылает Шестову свою книгу «Puissance du mensonge. Contribution à l'etude des mythes», в которой пишет о Шестове, Фондане, Киркегарде и др.

(27 апр.). Гуссерль скончался во Фрейбурге.

(29 мая, 10 июня). В двух письмах, адресованных в редакцию журнала «Русские Записки», который просил Шестова написать статью о Гуссерле, Шестов пишет, что, несмотря на свое искреннее желание, он в данное время не в силах написать стаьтю, так как еще не достаточно оправился от болезни.

([16] июля). Уезжает в Шатель-Гюйон.

(Конец июля). Фондан посылает Шестову в Шатель номер за июль/авг. «Ревю Философик», в котором появилась его статья «Léon Chestov et la lutte contre les évidences».

(9 сент.). Возвращение в Булонь. По приезде начинает писать статью о Гуссерле.

(11 и 22 сент.). Пишет два письма Б.Шлецеру, в которых излагает свои мысли о современных событиях и их ужасах.

[Окт.]. Статья «Николай Бердяев» выходит в журнале «Современные Записки» №67.

(22 и 30 окт.). С.Булгаков и Н.Бердяев, прочитав статью Шестова, пишут ему письма.

(26 окт.). Шестов отвечает Булгакову на его письмо, которое его сильно обрадовало. Три указанных письма были опубликованы в журнале «Мосты» №9, дек. 1961.

(20 окт.). Посылает статью о Гуссерле в «Русские Записки». Она появится после его смерти.

Глава XV (т.II, стр.199-214).

[1938] (Конец окт., начало ноября). Болеет бронхитом, который все ухудшается. Открывается туберкулез.

(14 ноября). Переезд в клинику Буало.

(20 ноября [8 ч. утра]). Смерть в клинике Буало.

(22 ноября, 9 ч. утра). Похороны на Новом кладбище в Булони (Boulogne-Billancourt).

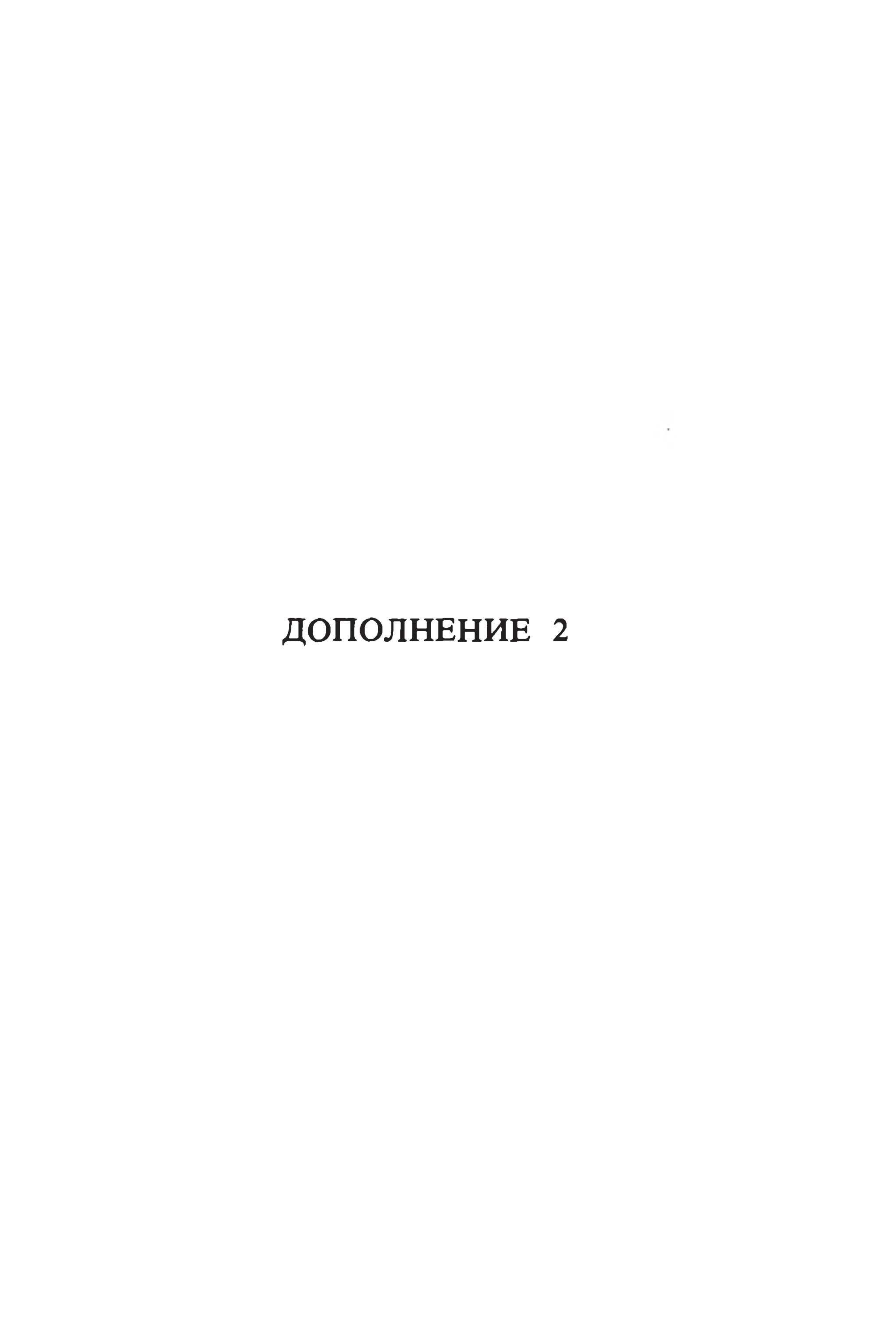
(4 дек.). Панихида в синагоге.

(18 дек.). Собрание Религиозно-философской Академии, посвященное памяти Шестова.

(Дек. 1938 и янв. 1939). Статья Шестова «Памяти великого философа. Эдмунд Гуссерль» появляется в выпусках №12 и 13 «Русских Записок».

(Дек. 1938 — март 1939). Ряд статей о Шестове появляется в газетах и журналах: Н.Бердяева, А.Ремизова, Ю.Мандельштама, Б.Шлецера, Г.Адамовича, о. С.Булгакова, В.Зеньковского, Н.Лосского и др.

1939 (Июнь). Книга «Киркегард и экзистенциальная философия» выходит в Париже по-русски, благодаря подписке, которую организовал комитет для издания книг Шестова, созданный в декабре 1938 г. под председательством Н.Бердяева.

ДОПОЛНЕНИЕ 2

Семья Шварцманов

Исаак Моисеевич Шварцман (родился в феврале 1832 г., умер в Берлине 16.08.1914; похоронен на берлинском еврейском кладбище: Friedhof Weissensee, Lothringenstrasse 22). Исаак Моисеевич был киевским купцом первой гильдии, создавшим из маленькой лавки крупную мануфактурную торговлю («Мануфактурные склады Исаака Шварцмана. Киев и Кременчуг»). В Киеве дело помещалось на Подоле в большом доме на Александровской площади, против Контрактового дома, недалеко от Братского монастыря. В подвале был склад товаров. Нижний этаж занимал магазин. Наверху была большая квартира с танцевальным залом. Дело было самым крупным в Юго-Западном крае. Начиная с лета 1905 г., из-за болезни Исаак Моисеевич делом больше не занимался и жил с женой в Германии (Берлин, Висбаден, Киссинген /1908/ и др. курорты). Так как дело стало быстро разваливаться, весной 1907 г. Шестов начал хлопотать об учреждении акционерного общества под названием «Товарищество мануфактур Исаак Шварцман». Устав был высочайше утвержден 11.04.1908. Товарищество выпустило 700 паев по 1000 рублей, которые были распределены среди членов семьи. Шестов и его родители были выбраны «директорами правления». Фактически тогда родители уже от дела отошли (жили заграницей), и руководство принадлежало Шестову. Владимир Мандельберг, Михаил Шварцман и Лев Мандельберг были выбраны «директорами-распорядителями».

Исаак Моисеевич был женат вторым браком на **Анне Григорьевне Шрейбер** (родилась в Херсоне 25.12.1845, умерла в Париже 13.03.1934). Ее родители — Гамшей и Сарра Шрей-

бер. Анна Григорьевна похоронена в семейном склепе Шварцманов на Новом кладбище в Булони. Анна Григорьевна была красивой женщиной, блондинкой с очень представительной внешностью. В шутку ее иногда называли «Великая княгиня Подольская».

У Исаака Моисеевича было восемь детей: Дора, от первого брака, Софья, Лев, Михаил, Мария, Елизавета, Фаня и Александр.

Дора. Была замужем за инспектором Нежинского ремесленного училища Денисом Поддерегиным. Двое детей: Александр и Николай.

Софья (Соня). Родилась в Киеве в 1862 г. Умерла в Париже в августе 1941 г. Софья Ис. была замужем за Даниилом Григорьевичем Балаховским (родился в 1862 г., умер в Париже в 1931 г.). Потомственный почетный гражданин города Киева, владелец сахарных заводов, Балаховский был французским консульским представителем в Киеве. Там Балаховские сначала жили на Прорезной улице, а потом, начиная с 1913 г., занимали этаж в великолепном доме, который отец Даниила Гр. выстроил для своих детей и для себя (Трехсвятительская ул., №14 ?). Софья Ис., Даниил Гр. и их дети были эвакуированы с французским поездом, вероятно, в ноябре 1918 г., в Одессу. Весной 1919 г. Софья Ис., Дан. Гр. и их сын Сережа уехали в Париж. В Париже жили сначала: 13 rue Picot, Paris 16, а с сентября 1920 г. на Альбони (1 rue de l'Alboni, Paris 16).

Дети: Евгения (Женя, родилась в 1890 г.), Георгий (Жорж, 1892 — 31.12.1976) и Сергей (Сережа, родился в Ницце в 1896 г., умер в Москве в 1960 г.).

Евгения Даниловна была замужем за виолончелистом Иосифом Прессом (родился в Вильно 9.01.1881, умер в Америке, в Рочестере, 4.10.1924). Женя и Иосиф эмигрировали в январе 1920 г. Жили в Париже, а с августа 1922 г. —

в Америке, где Иосиф преподавал в консерватории в Рочестере (Eastman School of Music. Rochester). У Прессов две дочери: Марианна (родилась в Генуе 18.02.1920, умерла в Париже 12.07.1965) и Алиса (родилась в Висбадене 28.08.1921).

Георгий Данилович был женат на Надежде Чернояровой. Эмигрировали в 1920 г., жили во Франции.

Сергей Данилович эмигрировал весной 1919 г. с родителями. Учился на медицинском факультете в Швейцарии, где женился на Ирине Бах, дочери известного химика, академика Алексея Баха. Затем они жили в Париже до конца 1925 г. В декабре 1925 г. уехали в Москву по приглашению родителей Ирины. Там они и остались. Дети: Игорь и Сергей.

Шестов был очень дружен с Софьей Ис. и Даниилом Гр. и часто останавливался у них, когда ездил в Киев, чтобы следить за делом. Он с семьей жил у них в Киеве с июня 1918 г. до октября 1919 г. В 1918 г. Иосиф Пресс, тогда жених Евгении Даниловны, тоже жил на Трехсвятительской улице, и Шестовы часто слушали его прекрасную игру. Шестовы также прожили у Балаховских три года в Париже (январь 1926 — апрель 1929). Шестов подарил Софье Ис. свою книгу «Толстой и Нитше» с надписью: «Моей наперснице. Киев 18 января 1900».

Мария (Маня). Родилась в Киеве, 24 января (6 февр.) 1863 г., умерла в Париже в 1948 г. М.И. была замужем за Владимиром Евсеевичем Мандельбергом (Володя). Влад. Евс. был врачом. В 1893 или 1894 г. Шестов почувствовал, что здоровье его пошатнулось, и попросил Исаака Моисеевича ввести в дело Влад. Евс. В январе 1920 г. Мария Ис. с семьей эмигрировала. Они жили сначала в Берлине, а потом в Париже. Дочь Сильвия (Люся), род. 30.09.1896, умерла во Франции 22.10.1940. В Берлине 9.01.1923 вышла замуж за Семена Луцкого (Сема). Дочь Адя, родилась 28.10.1923

в Висбадене. Она замужем за Давидом Бенишу. У них четверо детей. Семья живет в Израиле.

Михаил (Миша). Родился в Киеве 25.07.1870 г., умер в Париже 20.09.1937. Михаил Ис. был женат на Марии Яковлевне Эпштейн (Манечка). Два сына: Борис (род. в 1904 г.) и Георгий (Жоржик, род. в 1911 г.).

В Киеве Михаил Ис. работал в деле Шварцманов. Главным образом, он занимался закупкой товаров в Москве и в Лодзи, где находилось множество текстильных заводов. Литературой не интересовался. В январе 1920 г. семья эмигрировала, одновременно с Шестовыми. Жили сперва в Берлине, затем в Париже.

Фаня. Родилась в Киеве 24.12.1873, умерла в Цюрихе 5.06.1965. Была замужем за композитором Германом Леопольдовичем Ловцким (см. «Фаня и Герман Ловцкие», стр. 299-302).

Елизавета (Лиза). Родилась в Киеве 24.12.1873, умерла в Иерусалиме, вероятно, в 1943 г. Елизавета Ис. была замужем за доктором Львом Евсеевичем Мандельбергом (Лев). Л.Е. с начала 1907 г. работал в деле Шварцманов. После прихода большевиков в Киев он опять занялся медициной. Эмигрировал с женой, вероятно, в 1922 г. Жили сперва в Берлине, а весной 1925 г. поселились в Тель-Авиве, где Лев Евс. создал себе практику. Умер в Палестине весной 1938 г.

Дети: Яков (Яша), Лида, Ада и Александра (Шура). Яша воспитывался в Швейцарии (Женева и Лозанна), и Шестов в 1912-1914 гг. следил за его учением. Около 1920 г. Яша уехал из Швейцарии в Америку (Сан-Франциско), где и остался жить, переменив фамилию (Jacques Bergues). Он скончался несколько лет тому назад. Ада, Лида и Шура остались в России. Их след затерялся после отъезда их родителей из России.

У Льва Евс. был брат Окуля, с которым Шестов был дружен в молодости. После революции жил в Иерусалиме. Его дети Саша и Соня тоже жили в Иерусалиме.

Александр (Саша). Родился в Киеве в 1882 г., умер в Тель-Авиве в сентябре 1970 г. Первым браком был женат на Кларе Волькенштейн. Развелся в 1917 г. Имел выдающиеся музыкальные способности и учился играть на фортепиано, сперва в Киеве, а затем у Л.Годовского в Вене. Из-за болезни руки не смог стать профессиональным пианистом. Поступил в семейное дело в ноябре 1909 г. и продолжал играть на рояле.

Война 1914 г. застала его в Лондоне, куда он ездил закупать товары для киевского дела. Войну 1914-1918 гг. он, вероятно, провел в Швейцарии. После войны жил сперва в Палестине, в Тель-Авиве. Там он женился на Нине /...?/, и открыл музыкальную школу (25 Beth Joseph Street, Tel-Aviv).

Шестов часто вспоминал, как они с Сашей, когда тот был мальчиком, пели дуэт Вани и Сусанина: «Как мать убили...» из оперы Глинки «Жизнь за царя».

* *
*

Александр Гринберг (Саша, Киев 1867 — Нью-Йорк 1961) — племянник Анны Григорьевны Шварцман, сын ее сестры Анастасии. Отец Александра, Михаил Гринберг, умер в 1873 г. После погромов, которые произошли в Киеве вслед за убийством Александра II, Александр эмигрировал в Америку (1882 г.). В детстве Шестов дружил с Александром, а когда через 38 лет Шестов эмигрировал во Францию, он переписывался с ним. Сохранилось четыре письма, относящиеся к 1922 г. Оба они с любовью вспоминают тетю Лизу (Елизавета, сестра Анны Григорьевны). Сын Александра, Стэнли Грин — профессор философии в универ-

ситете штата Охайо, в своизх неизданных воспоминаниях «Family History» описывает жизнь Александра. Две выдержки из этих воспоминаний включены в первую главу «Жизни Шестова». Стэнли Грин готовит работу о Шестове.

* *
*

Семья Прицкер. Николай Прицкер (1871-1957), двоюродный брат Шестова, сын Якова Прицкера (1831-1896) и Софьи Моисеевны Шварцман (1850-1910), сестры Исаака Моисеевича. Яков с семьей эмигрировали в Америку, вероятно, в 1882-1885 гг. Мальчиком Николай продавал газеты. Впоследствии разбогател и жил в Чикаго. В 1930-х годах несколько раз приезжал в Европу и навещал Шестова в Париже и переписывался с ним. Жена Николая Анна — дочь сестры Анны Григорьевны Шварцман. Внуки Николая и их семьи — очень состоятельные люди, живут в Чикаго. У Николая был брат, доктор Луис Прицкер, живший в Филадельфии. Правнучка Софьи Моисеевны, Нэнси Пратт, замужем за раввином Бернардом Мартином, переводчиком Шестова на английский язык. Он профессор еврейской культуры в университете в Кливленде (Огайо). Готовит работу о Шестове.

Анна Елеазаровна Березовская

Анна Елеазаровна родилась 17/29 апреля 1870 г. в Тамбовской губернии. Умерла в Париже 19.02.1962.

А.Е. была дочерью помещика, потомственного дворянина, коллежского асессора Елеазара Александровича Березовского и Александры Николаевны, урожденной Костомаровой. Отец А.Е. умер, когда ей было 16 лет, а мать свою она потеряла еще раньше. Она осталась одна с пятью братьями: Сергей — известный московский хирург; Александр, унаследовавший имение отца в Симбирской губернии; Николай — инженер; Петр — драматический актер, игравший в провинциальных театрах; Алексей — убит на дуэли, когда был еще студентом Петровской Академии. Семья А.Е. была в родстве с семьей анархиста П.А.Кропоткина и с семьей С.А.Муромцева, председателя Первой Думы. В архиве Шестова сохранилась прелестная фотография, на которой А.Е. снята с Маней и Олей Муромцевыми в гимназических формах. А.Е. была очень дружна с Верой Николаевной Буниной, урожденной Муромцевой, племянницей С.А.Муромцева. Бунин называл ее «тетушкой». Еще будучи в гимназии, А.Е. решила, что поедет в Швейцарию изучать медицину, чтобы стать доктором и лечить русских крестьян. Ей пришлось преодолеть много препятствий, чтобы осуществить этот план. В 1897 г. она училась в Цюрихе. В феврале поехала с двумя подругами осматривать Рим, там познакомилась с Шестовым и вышла за него замуж.

Привожу рассказ Е.Герцык о встрече Шестова с А.Е.:

> Какая-то трагическая черта в его лице поразила курсистку-медичку, и когда ее товарищи двинулись дальше, она осталась сиделкой, поддержкой никому неизвестного молодого еврея. Вероятно, тогда она и вправду уберегла Льва Исааковича, но может быть и позже не раз ее спокойствие, трезвость, самоотвержение служили ему опорой. (Герцык, стр.105).

Шестов должен был скрывать брак от родителей, так как его отец ни за что не дал бы своего согласия на то, чтобы сын женился на православной девушке. Братья А.Е., конечно, тоже не одобряли этого брака. Младшей сестре Фане, с которой Шестов был очень дружен, он сообщил о браке в 1898 г., когда Фаня приехала за границу, а другим сестрам и братьям, вероятно, только несколько лет спустя. Отец, вероятно, о браке так и не узнал, а матери он сообщил после смерти отца.

По тогдашним русским законам брак был незаконным, и бумаги А.Е. и детей были сделаны на имя А.Е. Дети были «незаконорожденными». С согласия Шестова дети были крещены.

Весной 1897 г. Шестовы поехали из Рима осмотреть Неаполь, Сорренто и Капри, а потом, в апреле, поселились на все лето в прелестном местечке Вико около Неаполя, на берегу моря. Воспоминания об этом чудесном путешествии у А.Е. остались на всю жизнь. У нее на столе всегда стояла небольшая фотография голубого грота, который они тогда посетили.

Зиму 1897/1898 гг. Шестовы прожили в Риме, где у них родилась дочь Татьяна (31.12.1897). После рождения Тани Шестовы решили, что А.Е. следует возобновить прерванные занятия. Они считали, что ей необходимо получить профессию, так как будущее семьи в то время представлялось неопределенным. Опасения оказались напрасными на бли-

жайшие десятилетия, но в эмиграции профессиональные знания А.Е. очень помогли семье. Весной 1898 г. она вернулась с маленькой Таней в Швейцарию, где продолжала учение в Цюрихе, в Берне и, главным образом, в Лозанне. Шестов тоже переехал в Швейцарию и там жил до конца года. Жить им приходилось врозь, так как Шестов боялся, что родители могут узнать о браке. В Берне родилась 26.11. 1900 дочь Наталья (Наташа). В 1903 г. А.Е. получила диплом доктора медицины в Лозаннском университете (диплом датирован 15.12.1903). В марте 1904 г. А.Е. поехала на короткий срок в Москву сдать русские государственные экзамены. Чтобы иметь возможность учиться, А.Е. часто приходилось поручать кому-нибудь детей, что было связано с хлопотами и волнениями. Так, Наташа прожила 1901-1905 гг. у швейцарской крестьянки фрау Кернле в деревне Шарнахталь над Тунским озером. Шестовы подружились с семьей Кернле, и в течение многих лет проводили лето в домике, который они у них снимали. Когда Шестовы жили в Коппе, фрау Кернле у них гостила. Зиму 1904/1905 гг. Анна Ел. с Таней жила в Швейцарии, в Давосе, у С.И.Балаховской. Наташа была в Шарнахтале. После окончания университета Анна Ел. решила специализироваться по кожным болезням. Она выбрала эту специальность, потому что знала, что в этой области есть много недобросовестных врачей. Она ездила изучать эту специальность в Германию. Зиму 1905/1906 гг. она работала в Кельне, а дети жили в Немерихе около Кельна. Ими занималась немецкая фрейлен Ида Шейбе. Она очень любила детей, и дети были к ней очень привязаны. Они называли ее «Tante Ida». Она сделалась членом семьи и прожила у Шестовых до их отъезда в Россию (1914). Зиму 1906/1907 гг. Анна Ел. жила в Шмаргендорфе под Берлином, где работала у профессора Йозефа. Зиму 1907/1908 гг. она жила в Иене. Дети жили с ней, и ими по-прежнему занималась Ида.

* *
*

Как было уже сказано выше, Шестов провел 1899 г. в России. В январе 1900 он опять уехал заграницу. Вернулся в Киев в сентябре 1901 и работал в деле отца до 1908 г. Летом ездил за границу проводить летние месяцы с семьей, преимущественно в Шарнахтале.

Невозможность жить вместе очень тяготила Шестовых все эти годы. Начиная с осени 1908 г., они уже смогли жить вместе, вероятно, потому, что не было опасности, что Исаак Моисеевич (отец Шестова) об этом узнает, так как он тяжело заболел, жил с женой безвыездно в Германии (в Берлине, иногда в Висбадене или на других курортах) и почти никого не видел. Шестовы жили сначала в Германии, во Фрейбурге (зимы 1908/1909 и 1909/1910 гг.).

Вот что рассказывает Е.Герцык о встрече ее сестры Аделаиды Жуковской с Шестовыми во Фрейбурге:

> В 1909 году Аделаида, вышедшая замуж, жила заграницей. Весною она писала мне: «Вчера мы вернулись из Фрейбурга, где провели два дня... Красивый городок и кругом мягкие холмы Шварцвальда. Почти недозволенная идиллия немецкого благополучия. Вечер мы провели у Шестова. Накануне Дмитрий один прямо с вокзала зашел к нему, тот встретил его смущенно и сознался страшной тайной, что у него семья. Он 12 лет женат на русской бывшей курсистке (теперь она доктор) и у него две дочки 11-ти и 9-ти лет. Он должен скрывать эту семью из-за отца, которому 80 лет, и он не перенес бы такого удара, что она не еврейка, и потому до его смерти они решили жить заграницей. Я видела и жену его — лет 38, ... молчащая, но все знающая, что интересно ему и о Мережковском, и о декадентах, гладко причесанная, с затвердело-розовым лицом. Девочки славные, светловолосые. Он ходит с ними в горы, учит их русскому и, знаешь, странно, — ему очень подходит быть семьянином... Помни же, что его брак тайна, если это дойдет до Киева или его знакомых — он

не простит» ... И мы несколько лет честно берегли эту тайну. Вероятно, и не мы одни. (Герцык, стр.105, 106).

В июне 1908 г. Шестовы ездили в Лондон, узаконить брак (13.06.1908). С тех пор А.Е. и дети жили под фамилией Шварцман. Когда они вернулись в Россию (1914 г.), А.Е. и дети опять жили под фамилией Березовские, так как по тогдашним русским законам брак, заключенный в Лондоне, считался недействительным. В 1910 г. Шестовы поселились в Швейцарии, в Коппе, на берегу Женевского озера (Coppet, Villa les Saules). В 1911 г. с ними поселились на два года сестра Шестова Фаня Исааковна с мужем (Германом Леопольдовичем Ловцким). Ф.И. согласилась смотреть за детьми, чтобы дать А.Е. возможность поехать в Париж на зиму 1911/1912 гг. работать у знаменитого специалиста по кожным болезням, профессора Ру. Ей посчастливилось тогда пойти на балет Дягилева, на спектакль «Spectre de la Rose». Впоследствии она часто рассказывала об этом вечере и о волшебном прыжке Нижинского.

Начиная с 1908 г., судьба А.Е. теснее сплетается с судьбой Шестова, и нет надобности описывать ее жизнь отдельно. После смерти Шестова (20.11.1938) она осталась одна на квартире в Булони. Библиотека Шестова была отдана в библиотеку Сорбонны. В начале войны 1939-1945 гг. А.Е. уехала из Булони и поселилась в Божанси (150 км от Парижа). Когда в июне 1940 г. немцы начали наступление на Париж, многие парижские предприятия покинули город и обосновались в «свободной зоне» Франции, в том числе и предприятия, где работали Наташа и ее муж В.Н.Баранов. Они заехали за А.Е. в Божанси и оттуда поехали в Ажан. Через несколько дней А.Е. перехала в Кагор, где прожила до конца войны. Затем она вернулась в Париж. С 1955 г. она жила в маленькой квартире по адресу: 26 rue Jouvenet, Paris 16. В 1961 г. (?) дочери А.Е. решили, что мать не должна продолжать жить одна,

и А.Е. поселилась у Татьяны (10 rue François Gérard, Paris 16). Там она скончалась 19 февраля 1962 г. Похоронена на русском кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа. Недалеко от ее могилы находится также могила Татьяны, скончавшейся 17 апреля 1972 г. В семейном склепе Шварцманов в Булони, где похоронен Шестов, не оказалось места, когда скончалась Анна Елеазаровна.

Привожу недатированное письмо, которое Анна Елеазаровна написала Шестову из Шатель-Гюйона, вероятно, в тридцатые годы:

> Милый Лелечка, так как ты находишь, что я пишу короткие письма, то посылаю тебе для тебя написанное стихотворение... Целую крепко. Анна. Привет всем.
>
> Я в четырех стенах — убитый
> Земной заботой и нуждой.
> А в небе — золотом расшитый
> Наряд бледнеет голубой.
>
> Как сладко, и светло, и больно,
> Мой голубой, далекий брат!
> Душа в слезах, — она довольна
> И благодарна за наряд.
>
> Она — такой же голубою
> Могла бы стать, как в небе ты.
> Не удрученный тяготою
> Дух глубины и высоты.
>
> Но и в стенах — моя отрада
> Лазурию твоей гореть,
> И думать, что близка награда,
> Что суждено мне умереть...
>
> И в бледном небе — тихим дымом
> Голубоватый дух певца
> Смыкается с тобой, родимым,
> На лоне Строгого Отца.
>
> *Ал.Блок.*

В архиве Шестова сохранились выписки из Библии, сделанные Анной Елеазаровной для дочерей:

Я сам узрю Его, мои глаза увидят Его, не глаза другого; изнывает сердце мое от ожидания в груди моей.

Служите Господу со страхом и хвалите Его с трепетом.

Боже! Бог мой, тебя я ищу, жаждет тебя душа моя, томится по тебе плоть моя в земле сухой, истощенной, безводной.

Зачем возмущаются народы и племена, замышляют тщетное.

Пробудись ветер с севера и принесись ветер с юга. Повей на сад мой, пусть польются ароматы его.

Тяжкая скорбь, затеи ветреные. Все труды человека для века его и при всем том желания его ненасытны.

Вот что я нашел, что Бог сотворил человека правым, а люди пустились в большую затейливость.

Ведь человек не знает судьбы своей; как рыба, пойманная в роковой невод, и как птицы, захваченные в тенета, так сыны человеческие уловляются в бедственное время, когда оно неожиданно находит на них.

Я на тебя, Господи, надеюсь, ты услышишь, Господи, Боже мой!

Как лань стремится к потокам, так душа моя стремится к тебе, Боже!

Слушай, Израиль, Бог един!

Magnus est Domine, et laudabilis valde!

Pour moi être uni à Die, c'est mon bonheur. Dans Seigneur je mets ma confiance. O Dieu, tu es mon Dieu, je te cherche dès l'aurore. Mon âme a soif de toi. Ma chair languit après toi.

La crainte du Seigneur est le commencement de la sagesse. Ceux-là sont vraiment intelligents, qui observent la loi.

Блажен человек, у которого сила в тебе.

Надеюсь на Бога, не боюсь, что сделает мне человек.

Человек, рожденный женой, краток днями и пресыщен печалями; как цветок выходит и вянет; убегает как тень и не остается.

Фаня и Герман Ловцкие

Младшая сестра Шестова Фаня родилась в Киеве 24.12. 1873, умерла в Цюрихе 5.06.1965. Была замужем за композитором Германом Леопольдовичем Ловцким (род. в Каменец-Подольске 4.07.1871 — умер в Цюрихе 8.12.1957). Женитьба — 13.12.1898. Детей не было.

Фаня Исааковна и Герман Леопольдович Ловцкие были очень близки с Шестовым. Очень интересовались его работой и во многом ему помогали. Фаня делала все, что могла, чтобы освободить Лелю (так называли в семье Льва Исааковича) от забот о семейном деле. Фаня и Герман большую часть своей жизни провели за границей. В первый раз Фаня выехала за границу, вероятно, в марте 1898 г.; она поехала в Рим, где ее встретил Шестов. Затем она переехала в Берн (апрель) и поступила в университет, где 11 лет спустя (6.07.1909) была принята к защите на философском факультете ее докторская диссертация о Риккерте (Heinrich Rickert).

Отец Германа, Леопольд Ловцкий, был купцом. В семье его называли Липпой. С несколькими компаньонами он основал посудное дело, раскинувшее сеть по ряду городов Юго-Западного Края России. В 1887 году он перенес свое дело в Киев, на Подол, и поселился по соседству с отцом Льва Исааковича. Тут Герман впервые услыхал о Льве Шестове и о том, что талантливый молодой человек, окончивший Московский университет, принужден часть своего времени сидеть за прилавком и продавать товары. Познакомился он с ним несколько лет спустя (вероятно, в Берне, в 1897 г.).

Герман был композитором. Он окончил петербургскую консерваторию в 1903 г. с золотой медалью, а до этого, в 1901 г., закончил юридический факультет Лейпцигского университета. Он написал несколько опер, из которых только одна «Лукреция» была напечатана (Breitkopf und Herzel, Leipzig, 1911). Она была поставлена 5(18).12.1912 в Киевском городском театре. После спектакля ему преподнесли серебряный лавровый венок. После первых представлений опера была запрещена, вероятно, из-за революционной сцены и некоторой фривольности. Вскоре разразилась война и за ней революция. Сцены русских театров стали недоступны живущему за границей Ловцкому. Эти обстоятельства могут отчасти объяснить, почему Герман Ловцкий не пользовался известностью как композитор. У Беляева в Лейпциге также было напечатано его трио (1905). Герман написал немало статей о музыке, о литературе и философии, которые были напечатаны в русских и немецких газетах и журналах. Он с большой любовью и глубоким пониманием следил за работами Шестова и много раз писал о нем. В течение нескольких десятилетий бережно собирал письма, адресованные Шестовым ему и другим членам семьи. Моя работа основана, главным образом, на материалах, собранных Германом, и при ее составлении я не раз о нем с благодарностью вспоминала.

Как уже говорилось, большую часть своей жизни Ловцкие провели за границей — в Швейцарии и Германии. Они часто виделись с Шестовыми и прожили у них в Коппе больше двух лет (1911 — сентябрь 1913 г.). Затем они поселились в Берлине. Когда началась война 1914 г., они вернулись в Швейцарию и поселились в Женеве (4 avenue de Varens), а с 1921 г. по 1933 г. опять жили в Берлине (с 1928 г. — Nassauische Str. 54-55, Berlin-Wilmersdorf). Там Фаня изучала психоанализ у доктора Макса Ефимовича Эйтингона. У нее была хорошая практика по психоанализу. Герман занимался музыкой. Он основал русское музыкальное

общество в Берлине и стал его председателем. После прихода Гитлера к власти Ловцкие переехали в Париж (с сентября 1933 г. они жили: 13 square Henri Pathé, Paris 16), где продолжали прежнюю жизнь. Часто виделись с Шестовыми. В декабре 1939 г. они уехали в Палестину и обосновались в Иерусалиме (последние годы: Rehavia, 8 Rashba Street). 30.07.1942 г. сделались гражданами Палестины (до этого у них были нансеновские паспорта). Фаня успешно работала в области психоанализа и вела семинар по этой специальности. Герман продолжал заниматься музыкой и писал.

В 1954 г. в иерусалимской газете появилась статья по поводу 80-летия Фани, а в 1964 г. — статья к ее 90-летию. Обе написаны ее учениками. Выдержки из первой статьи даны в первой главе «Жизни Шестова» (см. том I). Привожу выдержки из второй, в которой говорится о разносторонней деятельности Фани в те годы, когда она жила в Палестине (1939-1956):

> Став одним из самых активных членов Психоаналитического общества Израиля, она организовала в Иерусалиме психоаналитический семинар. В Израиле, который она покинула в 1957 году, доктор Ловцкая оставила много талантливых и преданных учеников, внеся большой вклад в дело народного образования в области душевной гигиены.
>
> Доктор Ловцкая опубликовала также ряд работ на самые различные темы. Она писала о Киркегарде, о Ганди, о Толстом, о мазохизме*, о шизофрении и на многие другие темы. Она имела большую практику по психоанализу и по праву горидась тем, что ей удалось вылечить случай шизофрении, который считался безнадежным. («Healing the Mind», опубликовано в Иерусалиме 28.12.1963).

---

* Из статей по психоанализу очень большой интерес возбудила статья, основанная на материалах, которых Фаня начала собирать уже в 1936 г.: Das Problem des Masochismus und Strafbedürfnisses im Lichte klinischer Erfahrung. — «Psyche. Eine Zeitschrift für Medizin und medizinische Menschenkunde». Stuttgart, August 1956, S.331-347.

В начале сентября 1956 г. Ловцкие покинули Израиль и 11 сентября прибыли в Цюрих, где и оставались уже до конца жизни.

* *
*

Софья Григорьевна Пети и семья Балаховских

Грец Григорьевич Балаховский (умер в Киеве в 1917 г.) имел пятерых детей: Даниил, Татьяна, Софья, Дмитрий (Митя), Арнольд. Из них Дмитрий Григорьевич и Софья Григорьевна были близки к Шестову. С Дм. Гр. он был дружен в молодости. О Данииле Григорьевиче (муже Софьи Исааковны) уже было упомянуто (см. семья Шварцманов).

Софья Григорьевна (родилась в 1870 г., умерла в Париже в 1966 г.) уехала из России совсем молодой девушкой в конце прошлого столетия, поступила на юридический факультет Парижского университета и блестяще его окончила (1892). На факультете она познакомилась с Евгением Юльевичем Пети (1871 — 26.09.1938), вышла за него замуж. Она была первой женщиной, записавшейся в сословие французских адвокатов. Она выступала лишь несколько раз во французском суде, отдавая свои силы франко-русскому сближению вместе со своим мужем Е.Ю.Пети, который хорошо говорил по-русски и любил русскую литературу. Это был даровитый и на редкость образованный человек, как и она сама.

Софья Григорьевна и ее муж занимались также литературным трудом. Их дом в Париже (6 rue de l'Alboni, Paris 16) был культурным центром. Они имели широкие знакомства

среди французских и русских писателей. Он был адвокатом при кассационном суде в Париже. С сентября 1916 г. по 2 марта 1918 г. он был членом военной французской миссии в России. Он был сотрудником Александра Мильерана (1859-1943) в течение многих лет. Когда Мильеран стал премьер-министром (20.01.1920 — 23.09.1920), он был назначен начальником его кабинета. А когда Мильеран стал президентом республики (сент. 1920 — июнь 1924), Е.Ю.Пети сделался генеральным секретарем президентского управления.

Благодаря помощи Е.Пети, члены семьи Шварцман и многие другие беженцы получили в 1920 г. и в последующие годы разрешения жить во Франции, что тогда было весьма трудно.

* *
*

Бутова Надежда Сергеевна. Родилась в 1878 г., умерла в Москве 21.01.1921* (похоронена в Москве на Новодевичьем кладбище). Актриса МХАТа с 1900 г. Исполняла роли Анисьи из «Власти тьмы», Ольги из «Трех сестер» и др. Высоко ценил искусство Надежды Сергеевны В.И.Немирович-Данченко. Он писал о созданных ею образах:

> Это были в самом настоящем смысле этого слова проникновенные образы человеческого духа, глубоко национальные, н повторявшие ничего бывшего на сцене до них: яркие, красочные, вдохновляющие к подражанию. (Дух твой с нами. Памяти Н.С.Бутовой. — «Культура и театр», Москва, 1921).

Шестов познакомился с Бутовой, вероятно, в девяностых годах, когда он ездил по делам в Москву. Затем На-

---

* Эта дата, взятая из Театральной Энциклопедии (М., 1965), не совпадает с датой, указанной В.Н.Малахиевой-Мирович.

дежда Сергеевна не раз гостила у Шестова в Швейцарии в Коппе, где Шестовы жили с 1910 г. до войны 1914 г. Они встречались также в Москве, когда Шестовы там жили (с 1914 до 1918 г.). В своей книге «Воспоминания» Е.Герцык упоминает о Надежде Сергеевне Бутовой и ее дружбе с Шестовым. Она пишет:

> Милее всех мне была Бутова, артистка Худ. Театра, высокая и худая, с лицом скитницы... От Худ. Театра культ Чехова. А культ Шестова? Кажется, от какой-то неисцелимой боли жизни, да от жажды Бога, но в последней простоте, вне шумихи современного Богоискательства... Глубоко трогал созданный ею образ юродивой в «Бесах».

После смерти Надежды Серг. писательница Варвара Григорьевна Малахиева-Мирович написала Шестову, жившему тогда в Женеве, письмо о последних днях Надежды Серг. Вот это письмо:

> Восемь дней тому назад, в ночь с 12-го на 13-е около полуночи скончалась Надежда Сергеевна. При ней была Елиз. Мих. Доброва и та женщина из Алексеевского Братства, которая за Надеждой Сергеевной во все время болезни с величайшей преданностью ухаживала.
>
> Последние дни Надежды Сергеевны (болела она три месяца) были полны таких нестерпимых мук, что все, кто любил ее, ждали кончины ее, как вести освобождения. И все-таки — по Писанию — приходит «день судный — как тать в нощи» — и никто не бывает в достаточной мере готов к смерти близких.
>
> Я видела Надежду Сергеевну за три дня до смерти. Я знала, что она тяготится тем, чтобы смотрели на ее измененное болезнью лицо и не смотрела на нее. Она тяжело дышала со стонами и хрипами и почти не могла говорить. Но так как она позвала меня — за две недели перед этих не хотела видеть ни меня, ни кого другого, кроме духовника — я не уходила и ждала, что она скажет. Она сказала: Дух ушел. Душе тяжко расставаться с

плотью. Вся жизнь в неправде, все — неправда. Бог милосерд и ко мне и к людям. Никто не знает, что такое болезнь. А потом спросила про мою мать, про брата и меня с прежней, здоровых дней, живой заботой.

Больше я ее не видела. В первое утро после кончины она лежала в своей комнате уже с таким лицом, какого я не знала, и была не она. Ее был только отпечаток великой скорби, какой иногда появлялся на нем. С ним она и ушла от нас.

Братство оплакивало ее, как своего учителя жизни и как свое несравненное духовное сокровище. Священники — наиболее известные в Москве, говорили над нею слова о том, что она знала больше их о пути к Богу.

Я тяжело заболела и при всем этом уже не присутствовала. Каждый день те, кто навещали меня, спрашивали: написала ли я Вам. Я сочла это каким-то указанием. И хотя моя душа, с тех пор как мы расстались с Вами на Харьковском вокзале, онемела, как я думала, уже до конца, оказалось, что есть слова какие-то и что Вы живы в ней. Помоги Вам Бог во всем — и больше всего в смертный час. [Москва, 20.01(2.02).1921].

* *
*

Венгерова, Зинаида Афанасьевна. Русский литературный критик, историк литературы, переводчица, сестра С.А.Венгерова. Родилась в 1867 г., умерла в Нью-Йорке в 1941 г. Писала преимущественно о западной литературе XIX-XX вв. Была сотрудницей журналов «Северный Вестник», «Вестник Европы», «Русская Мысль» и др. Общалась с Шестовым главным образом в конце девяностых годов и в первое десятилетие XX века. Одна из первых критических статей о творчестве Шестова была написана Зинаидой Афанасьевной. Статья появилась в январе 1900 г. в журнале «Образование» под заглавием «Л.Шестов. Шекспир и его критик Брандес». Несколько лет спустя Шестов написал статью

о Венгеровой, которую он отдал в газету «Киевские Отклики» в апреле 1906 г. Нам неизвестно, была ли она тогда напечатана. В манускрипте №8 архива Шестова (лист 162) находится неоконченный набросок о Зинаиде Венгеровой, вероятно, написанный осенью 1905 г., который, возможно, является началом указанной статьи. Воспроизводим набросок:

> «У ней был тихий, нежный голос — большая прелесть в женщине», — сказал король Лир по поводу Корделии. Эти слова я вспоминаю каждый раз, когда мне приходится читать статьи Зинаиды Венгеровой. Мужчины так не умеют писать. У них литература, искусство большей частью уходят на второй план, и на первый план выступают убеждения. А раз убеждения, стало быть, нужно защищать: начинаются крики, брань, даже хуже того, драки. Ничего подобного Вы не встретите в книге г-жи Венгеровой*. У нее, разумеется, есть свои вкусы: одних писателей она любит больше, других меньше. Но больше всего она любит искусство, дарование, и потому ее душе близко все то, на чем лежит печать дарования. Оттого она с искренним увлечением может говорить и о Золя, и о Метерлинке, о Рескине и о Генрике Сенкевиче и во всех них отличить все достойное внимания. Она почти никогда не порицает разбираемых писателей, зная, что охотников отыскивать пятна на маленьких и больших солнцах всегда достаточно. Правда, иногда нежелание порицать... [на этой фразе рукопись обраывается].

* * *

Лазарев, Адольф Маркович. Родился в Киеве в 1873 г. и скончался в Париже 26 декабря 1944 г. Окончил в Киеве юридический факультет. Был директором Русского для внешней торговли банка в Киеве. С юношеских лет интересовался

* Возможно, «Литературные характеры». 3 тома. 1897-1910. (Лит. Энц.).

философией. Участвовал в философском кружке киевского профессора Челпанова, где познакомился с Шестовым и Бердяевым. Сотрудничал в философских журналах. С Шестовым Лазарева связывала 40-летняя дружба. Он был горячим поклонником философии Шестова.

В Киеве в 1919-1921 гг. Лазарев читал лекции по философии в Киевском университете. С 1921 по 1923 г. жил в Берлине. Вероятно, участвовал тогда в издании философского журнала. В 1926 г. он переехал во Францию, жил в Реймсе и в Париже. В Париже он читал курс философии во Франко-Русском институте и руководил философским семинаром в Народном университете.

Всю жизнь Адольф Маркович работал в разных учреждениях, что ему помешало сделать то, что он мог бы сделать по своим дарованиям. Он опубликовал в русских и французских журналах статьи о Шестове, Бергсоне, Джемсе, Спинозе и о Жюле Лекье. После его смерти эти статьи были собраны его женой Бертой Абрамовной (1889-1975) в книжку и изданы на французском языке: Adolf Lazareff. Vie et Connaissance. Ed. Vrin, Paris, 1948.

В предисловии к вышеуказанной книге Бердяев пишет: «Публичные лекции, которые Лазарев читал в Париже, были блестящи и имели огромный успех».

* * *

Лундберг, Евгений Германович. Писатель, литературный критик. Родился в 1887 г., умер в Москве 30.11.1965. В своей книге «Записки писателя» Лундберг рассказывает о своем знакомстве с Шестовым и о том, как Шестов его выручал и ему помогал.

Еще гимназистом прочитал я первую книгу Шестова — о Шекспире. Я не понял ее, но тревога в ней была родная, несмотря на разницу поколений и вкусов. Так завя-

зана была связь — книгою. Скоро она стала живою в письмах и беседах. Чувство «ученика» — в старом смысле слова. Душевные и житейские кризисы измерялись мерою не своих только, но и его мыслей. Думаю, что я не раз утомлял его, ибо мое беспокойство воплощалось в биографических фактах, его — в бессонной работе мысли. Пожалуй, со стороны это было смешное сочетание — два таких человека, как мы. Он сын мануфактуриста-коммерсанта, ненавидящий дела, но покорно время от времени стоящий за прилавком. Зачем? Не ради жизненных благ, которых он не брал себе. Он дорожил свободой и много раздавал друзьям и не друзьям, случайным жертвам жизненной борьбы и людям, с которыми был связан с юных лет привычкой. Наверху, на столе, лежат отмеченные тонкими штрихами томы Шопенгауэра и Нитше. Внизу шуршат сукна, ситцы и шелка; он с перепавшим от горечи и утомления лицом; в меховой шапке, несмотря на июньский зной, следит за суетою приказчиков, за бабами из пригорода, за чиновниками и офицерскими женами... Пришло время солдатчины — я отказался. Шестов убеждает меня эмигрировать в Лондон, устанавливает связи с Кропоткиным. Я в тюрьме — он пишет мне письма. В киевский погром 905-го года я, накинув военную шинель на серую рубашку, мчался на Подол к его разоренному дому. Когда шинель распахивалась, старик извозчик, везший меня, испуганно цыкал. Девятьсот девятый год, Петропавловская крепость. Он подымает на ноги всех, кого можно, чтобы извлечь меня — и извлекает. Ясно вперед, что меня засадят еще раз. Он вызывает меня в Швейцарию... Он убедил меня поступить в университет и уладил денежные затруднения. Потом война. Ему претило мое пораженчество. Искал исходов — в либерализме, где-то в окрестностях Милюкова. Революция ужаснула его. Он приглядывался, но так и не доглядел ее сути. В Киеве оберегал его от маленьких и больших бед Н.Венгров. (Лундберг, стр.75-77).

О первых литературных шагах Лундберга и его знакомстве с Шестовым рассказывает Зинаида Гиппиус (ста-

тья с подписью Антон Крайний — псевдоним Зинаиды Гиппиус). Она пишет:*

> Лундберг — называл себя моим «крестником». Мне принадлежит заслуга? спасения его первой рукописи от редакторского камина. Двери нашего тогдашнего журнала**, следовало, по моему убеждению, широко открыть начинающим. Они и были открыты, и не напрасно: у нас впервые стали печататься Блок, Пяст, Сергеев-Ценский и другие, себя впоследствии оправдавшие.
>
> Рукопись Лундберга показалась мне не блестящей, но возможной. Вызываю неизвестного автора. И вскоре он становится частым посетителем как редакции, так и моего дома. Большеголовый, большелицый, бледный юноша в синей рубашке. Дикий неврастеник. Любит длинные, надрывные разговоры...
>
> Из Киева, куда он уехал, он продолжал писать мне. С удивлением мы узнали, что он сделался «учеником», и даже «любимым», Л.Шестова***. Мимолетная встреча в Киеве показала мне того же Лундберга, ноющего, скорченного от внутренней, мелкой боли, ничем, кроме нее, не интересующегося; вернее — все берущего, как средство для ее невозможного утоления. Как в письмах своих — он был уныло и злобно льстив. И этого не видит в «любимом ученике» глубокий русский философ — Л.Шестов?
>
> Впрочем, не наивны ли, не доверчивы ли, как дети — философы?
>
> В Петербурге, когда Лундберг туда снова переехал, мы уже не встречались. Нужды в нас больше не было. Сделавшись заправским литератором... он даже писал какие-то особенно злостные против нас статьи.

Как было указано, Лундберг посвятил несколько страниц Шестову в своей книге «Записке писателя». Кроме этого,

---

* «Последние Новости», 6.07.1922.

** «Новый Путь». Издавался в Петербурге в 1903 и 1904 гг.

*** Знакомство Лундберга с Шестовым, очевидно, состоялось в Киеве в 1904 г.

он написал две большие работы о Шестове, которые были объявлены в прессе, но, очевидно, никогда не появились. О первой из них, с заглавием «Лев Шестов», есть объявление на стр.3 книги Лундберга «Мережковский и его новое христианство» (СПб., Т-во О.Н.Поповой, 1914), а о второй, с заглавием «Бергсон и Шестов», сообщено в библиографии И.В.Владиславлева «Русские писатели. Опыт библиографического пособия по новейшей русской литературе. XIX-XX ст.». Изд. 4-е. М.-Л., 1924.

О первой из указанных работ Шестов пишет своему шурину Герману Ловцкому в письме без даты (вероятно, декабрь 1913):

> Теперь вот еще какое маленькое дело. Лундберг написал несколько довольно больших работ по десять печатных листов о Мережковском, Сологубе, Л.(?), Лермонтове (?) и обо мне. Надеялся, что издаст Попова (для журналов слишком длинно и неподходяще), но, видно, не выходит. Он пишет, что нужно по 100 р. на книжку, чтобы печатать. Работами о Мережковском и Сolog. он недоволен, остальными доволен. Я бы хотел предложить ему денег на издание. Они вернутся, если не все, то частью. Но мне очень неловко, т.к. в тех трех работах, которыми он доволен, есть и обо мне. Не согласился ли бы ты от себя ему предложить, а деньги дам я? Для него это много значит: нужно ему выступить в литературе. Только не нужно, чтобы он о Мережк. и Солог. печатал, т.к. он сам работами недоволен (хотя они бы пошли — и Сологубом, и Мережк. интересуются). Хорошо было бы, если бы можно было прямо с издателем условиться... но я не знаю, как. Пока попробуй вступить с Л. в переписку, если ты согласен.

* *
*

Лурье, Семен Владимирович. Родился в 1867 г. в Варшаве, окончил юридический факультет в Петербурге (1890 г.), затем поступил в торговый дом О.Г.Хишина в Москве, а позже стоял во главе текстильных заводов.

Шестову приходилось ездить в Москву закупать товары, в частности в Торговом доме О.Г.Хишина, в котором работал Семен Владимирович. Это был одаренный и философски образованный человек. Знакомство, начавшееся на деловой почве, вероятно, в начале 10-х годов, перешло в дружбу, которая с годами превратилась в совершенно исключительную близость и духовное родство. Во время своих поездок в Москву Лев Исаакович обыкновенно останавливался у Семена Вл. (Земляной вал, Гороховая ул. 3). Семен Вл. участвовал в редакции «Русской Мысли», вероятно, с 1908 г. и в 1908 и 1909 гг. опубликовал в этом журнале ряд статей на философские темы. Шестов у него встречал сотрудников «Русской Мысли» — Бердяева, Булгакова, Кизеветтера, Шпета и Ремизова, а также других писателей.

Семен Владимирович навещал Шестова, когда ездил за границу. Он несколько раз гостил у него в Коппе, на берегу Женевского озера. Еще чаще они стали встречаться, когда в 1914 г. Шестов переселился в Москву. Летние каникулы 1915 и 1916 гг. Шестов провел в деревне у С.В. в Тульской губернии (в 1915 г. в имении Заглухино, Алексинского уезда, где С.В. снимал дом у Челищевой, а в 1916 г. в Каширском уезде, в имении Сенькино, недалеко от Оки). Шестов ходит с детьми С.В. купаться, ездил с ними верхом и пел им песни.

В тех же местах находилось имение Аншельсонов «Красный Домик», где Шестов и его семья не раз гостили, и имение Машковцевых, где они провели лето 1917 г.

После революции С.В. с семьей эмигрировал и поселился в Париже (1919). После приезда Шестовых в Париж (1921) они встречались почти еженедельно. К этим вечерним встречам часто присоединялся А.М.Лазарев, когда он жил в Пари-

же. Живя во Франции, С.В. написал несколько статей, три из них посвящены Шестову. Отметим интересную стаью «Истина Библии и истина философии. К шестидесятилетию рождения Льва Шестова», опубликованную 8.04.1926 в парижской еженедельной сионистской газете «Рассвет».

После кончины С.В. (8.12.1927) Шестов беседовал с его сыном Александром, советовал, дабы не впасть в отчаяние, читать Библию, в которой он и С.В. находили самое главное. Потом он ему сказал несколько слов о своей дружбе с С.В. и прибавил: «Ведь мы настолько срослись с ним, что мне трудно определить, что мое и что его». Впоследствии Шестов принимал сердечное участие в затруднениях, испытанных семьей С.В. Заходил к ним и помогал советами. Одним своим присутствием он приносил радость и успокоение.

* *
*

Шлецер, Борис Федорович. Писатель, музыкальный и литературный критик. Родился в Витебске 8.12.1881, умер в Париже 7.10.1969. Его отец был русским, а мать — бельгийкой. Среднее образование получил в России, а высшее — в Париже и Брюсселе. Был сотрудником журналов «Аполлон» и «Золотое Руно». После революции покинул Россию и в 1921 г. поселился в Париже. Он был сотрудником французских и русских журналов, где писал, главным образом, на музыкальные и философские темы. Написал несколько книг (о Скрябине, Стравинском, Гоголе, Бахе и др.) и перевел с русского на французский часть сочинений Толстого, Достоевского, Гоголя, Лескова. Свою книгу о Гоголе он посвятил Шестову. Познакомились они зимой 1918/1919, когда оба жили в Киеве, в доме Балаховских. В своем интервью с Клодом Бонфуа («Arts-Loisirs», №80, Paris, avril 1967, p.38) Шлецер рассказывает: «Я уже давно знал его работы... первый раз я встретил его в Киеве, где мы

жили в одном большом доме. Но друзьями мы стали в Ялте, где вместе провели зиму [1919/1920]. Он эмигрировал раньше меня, я присоединился к нему в Париже в 1921. Он жил очень скромно, но это его совсем не беспокоило. Хотя он и знавал времена более обеспеченные, он совершенно не заботился о роскоши и комфорте».

В 1921 г. по случаю столетия со дня рождения Достоевского, Жак Ривьер, директор «Нувель Ревю Франсэз», готовил специальный номер этого журнала, посвященный Достоевскому. Он искал для этого номера русского сотрудника. Б.Ф. тогда был секретарем «Ревю Мюзикаль», редакция которого находилась в том же доме, что и редакция «НРФ». Он посоветовал Ривьеру обратиться к Шестову. Шестов принял предложение и написал большой этюд о Достоевском, несколько глав которого опоявилось вместе со статьями Андре Жида и Жака Ривьера в «НРФ» в феврале 1922 г. Этот этюд, как и почти все статьи и книги Шестова, изданные по-французски, блестяще переведен Шлецером с русского. Клод Боннфуа его справедливо называет тем, кто «ввел Шестова во Францию и перевел его». В своих переводах Шлецер умел передать напряжение, подъем и лиризм, характерные для произведений Шестова. Л.Зимний считал, что он «гениальный переводчик». Б.Ф. написал несколько статей о Шестове и введения к некоторым его французским книгам. Шестов очень ценил его статьи, так как он чувствовал, что его проблематика была близка Шлецеру.

В начале 1981 г. Центр им.Жоржа Помпиду и издательство «Пандора» совместно выпустили книгу, посвященную Шлецеру («Boris de Schloezer»). В ней даны очерки десяти писателей о Шлецере и воспроизведены шесть статей Шлецера, ранее появившихся, среди них «Lecture de Chestov» (предисловие к книге Шестова «La philosophie de la tragédie. Sur les confins de la vie», вышедшей в 1966 г. в изд. «Фламмарион»).

* * *

Бенжамен Фондан (Benjamin Fondane). Французский писатель, последователь Шестова. Родился в Румынии в 1898 г. В 1923 г. покинул родину и обосновался в Париже. Он принял французское подданство в 1938 г. В 1924 г. познакомился со Львом Шестовым. Это было решающим событием в его жизни. Фондан выступал вначале как поэт и новатор, впоследствии посвятил себя, главным образом, философии. В мае 1944 г. он был арестован по распоряжению Гестапо и отправлен в Освенцим, где погиб 3 октября 1944 г.

Фондан опубликовал несколько книг. Упомянем главные: «Rimbaud le Voyou» (1933), «La Conscience malheureuse» (1936), 8-я и 9-я главы которой посвящены Шестову, и «Faux-Traité d'esthétique» (1938). Второе издание этих книг появилось в Париже в издательстве «Плазма» в 1979 и 1980 гг. Фондан написал несколько статей о Шестове, отличающихся глубоким пониманием его мысли. Он сумел ближе многих подойти к трагедии творчества Шестова, и Шестов его особенно ценил. Он считал, что Фондан — один из немногих, кто его понимает. Фондан написал очень интересную книгу «Rencontres avec Léon Chestov» («Встречи со Львом Шестовым»), которая появилась в Париже в изд. «Плазма» в 1982 г. Вторая часть этой книги заключает в себе письма Шестова к Фондану, воспоминания Фондана о Шестове и разговоры между ними, записанные Фонданом. В настоящей работе приводятся многочисленные цитаты, взятые из второй части этой книги. Часть из них дана в русском переводе П.Калинина. Перевод остальных сделан нами. В конце каждой цитаты указан в скобках номер страницы французской книги.

Джон Кеннет Хайд написал диссертацию о Фондане: «Benjamin Fondane. A presentation of his Life and his Work» (Librairie Droz, Génève, 1971). Затем Фондану были посвящены №2/3 журнала «Нон-Лье», вышедшего в Париже в

июне 1978 г. под редакцией Мишеля Карассу, и №6 журнала «Санс» (июнь 1981), издаваемого в Париже обществом Иудео-христианской дружбы.

Выдержки из книги «Встречи со Львом Шестовым» были напечатаны в журналах: по-французски в «Кайе дю Сюд» (Марсель, 1927), «Табль Ронд» (Париж, июнь 1959), «Меркюр де Франс» (Париж, июнь 1964), в переводе на испанский в журнале «СУР» (Буэнос-Айрес, июль 1940) и в переводе на русский в «Новом Журнале» (Нью-Йорк, март 1956).

* * *

Поль Дежарден (Paul Desjardin). Французскиий писатель (1859-1940), культурно-общественный деятель. Основал в 1892 г. «Союз нравственного действия», который в 1905 г. стал называться «Союзом Истины». В 1910 г. основал Летние собеседования Понтиньи (Entretiens d'été de Pontigny). Собеседования были прерваны во время войны 1914-1918 гг. и возобновлены в 1922 г. Каждое лето, в августе, устраивалось три собеседования, длившиеся каждое по десять дней (декады). Последние собеседования состоялись в 1939 г. В Понтиньи встречались люди разных убеждений, но, несмотря на это, собеседования происходили в духе взаимного уважения и понимания. Шестов был в Понтиньи в 1923 и 1924 гг. Несколькими годами позже там бывал Бердяев. Он пишет:

> Pontigny — это имение, принадлежащее Дежардену, одному из самых замечательных французов этого времени. Он умер в 40 году, когда ему было 80 лет. Главный дом в Pontigny переделан из старинного монастыря, основанного св. Бернардом. Там сохранились исторические залы. Мы обедали в готической столовой. Готической была и огромная библиотека Дежардена. Но к старому аббатству были сделаны современные пристройки, без которых нельзя было бы там жить. Каждый год, уже более 25 лет, в течение ав-

густа месяца, в Pontigny устраивались три декады, на которые съезжался интеллектуальный цвет Франции. Но декады носили международный характер и на них бывали intellectuels всех стран: англичане, немцы, итальянцы, испанцы, американцы, швейцарцы, голландцы, шведы, японцы. (Самопознание, стр.292).

Он [Дежарден] много работал для установления мира в Европе, для сближения интеллигенции всех стран, ждя торжества духа терпимости и свободы... Он был душою Понтиньи. (Inédits de Berdiaev. — «Bulletin de l'Association Nicolas Berdiaev» (Paris), №4, mars 1975, p.14).

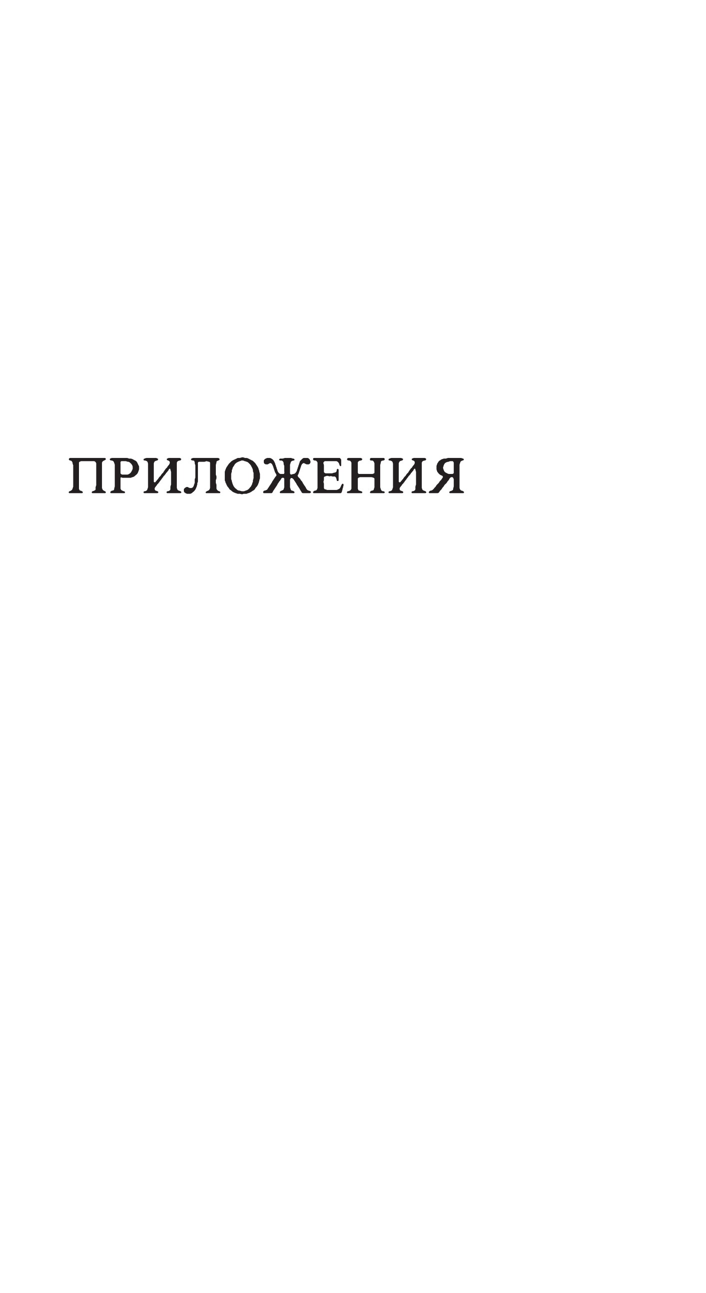
* *
*

Шарль Дю Бос (Charles Du Bos), французский писатель, родился в Париже в 1882 году, умер 5 августа 1939 г. Дю Бос написал много критических статей и этюдов, которые он сгруппировал в серии книг под заглавием «Approximations» (7 томов, изд. «Корea», Париж, 1923-1938). Он опубликовал также книгу «Extraits d'un journal» (1908-1928) и книгу об Андре Жиде под названием «Dialogues avec André Gide». Его дневники за 1921-1939 гг. были изданы полностью после его смерти: «Journal» (9 томов, изд. «Корea» и «Коломб», Париж, 1946-1951). Он любил русскую литературу и написал этюды о Толстом и о Чехове. С 1922 по 1926 гг.он руководил в издательстве «Плон» серией иностранных авторов. Благодаря ему, в 1923 г. впервые на французском языке была выпущена книга Шестова «Les révélations de la mort» и издано полное собрание произведений Чехова. Бердяев пишет о нем:

Я познакомился с ним в 24 г. у Шестова, где встречал и еще некоторых французов... Дю Бос был очень оригинальный человек, не похожий на средне-французский тип. Он не был человеком нашего времени, он был человеком романтического века. У него был романтический культ дружбы.

Когда ему нужно было сделать надписи на своей книге для друзей, то оказалось, что у него около 200 друзей, которым нужно было подписывать. Он не был замкнут во французской культуре, он также обладал английской и немецкой культурой, в совершенстве владея этими языками... В нем была большая чистота и благородство, настоящий духовный аристократизм... Это был изумительный по утонченности и изощренности causeur, сравниться с ним может только Вячеслав Иванов. Он высказывал иногда изумительные по тонкости мысли замечания... Он жил культом великих творцов культуры, особенно любил Гете, английских поэтов, Нитше, любил очень Чехова. Это был фанатик великой культуры и ее творцов. К нашей катастрофической эпохе он совсем не был приспособлен. (Inédits de Berdiaev, стр.16, 18).

ПРИЛОЖЕНИЯ

Переводы иноязычных текстов

ТОМ I

Стр.15. Прежде всего музыка, все остальное — литература.

Стр.240. Совершенно неожиданно я получил портрет Шестова работы Сорина, портрет, так часто вызывающий у меня чувство, что он олицетворяет горение духа на русской земле — ведь это лицо могло бы быть ликом святого, аскета, даже ликом пророка, глаголящего в пустыне. Лицо на портрете для меня просто «незабываемо».

Стр.252. Очень прошу Вас и мадам Шестову прийти к нам во вторник 29 мая к пяти часам — к чаю. Соберутся Даниель Галеви с женой, Роберт де Граз с женой (редактор журнала «Ревю де Женев», которые будут рады с вами познакомиться. Я говорил с Даниелем Галеви о вашем Паскале. Он был бы рад прочитать рукопись, но, конечно, не может заранее взять на себя какие-либо обязательства. У вас будет возможность сговориться с ним об этом у меня. (Париж, 21.05.1923).

Стр.254. Для меня большая честь получить от Вас две опубликованные Вами книги, и я сердечно благодарю Вас за них. Я прочел также и вашу работу о Декарте и Спинозе. Размышляя вместе с Вами над Достоевским и Толстым, я живо чувствовал оригинальность Вашей личности; теперь, когда вы заговорили о мыслителях, которых мы знаем лучше, это ощущение усилилось. Именно наше знание этих мыслителей заставляет восхищаться той удивительной рельефностью, с которой Вам удалось показать самое главное и захватывающее, что есть в их творениях. (От Л.Брауншвика, Париж, 30.06.1923).

Стр.254. Перегруженный делами, усталый и больной вот уже несколько недель, я не имел еще возможности написать Вам, как заинтересовала меня Ваша работа «Откровения смерти». С таким же интересом я только что прочел «Гефсиманскую ночь». Позвольте мне поблагодарить Вас за присылку обеих книг: в них та же глубокая и проникновенная психологичность. Позвольте мне также выразить Вам восхищение по поводу этих замечательных исследований. Прошу Вас принять выражение моих самых искренних чувств. (От А.Бергсона, Париж, 6.07.1923).

Стр.255. Прежде чем поблагодарить Вас за присылку «Гефсиманской ночи», я хотел прочесть ее и должен был отложить чтение до окончания экзаменов, которые отнимают сейчас все мое время. Наконец я освободился и прочел Вашу работу не отрываясь. С тем же проникновенным талантом, с каким Вы говорили о Достоевском, Толстом, Спинозе, проникаете Вы теперь в душу Паскаля, давая читателю возможность видеть Ваш собственный взгляд на проблемы, волновавшие этих великих мыслителей. И это делает Ваши книги столь захватывающими. (От Леви-Брюля, 14.07.1923).

Стр.256. Я знаю, что Шлецер вам уже передал приглашение, которое Поль Дежарден и Андре Жид передали мне для вас, — на третью декаду (23 августа — 2 сентября) в аббатстве Понтиньи. Пишу вам сегодня, чтобы присоединить свой голос к их приглашению. Многие из тех, кто будет участвовать в декаде, выражают искреннее и живое восхищение вашими двумя книгами, и ваше присутствие было бы для всех нас большой радостью. Если вы сможете вовремя вернуться из Германии, прошу вас к нам приехать. В этом году будет много интересного: из иностранцев мы ожидает Литтона Страше и надеемся на приезд немцев (Рильке и Касснера), испанцев (Унамуно, Ортеги и Гассета). Из французов будут Жид, Дежарден, Шлумберже, Моруа, Мартен дю Гар, Жак де Лакретель и др. Шлецер, к нашему удовольствию уже согласился принять приглашение. Прилагаю к моему письму программку, в которой вы найдете сведения о собеседованиях. Напоминаю вам, что в Понтиньи вы будете нашим гостем. Я послал ваше письмо и вашу книгу Жиду по адресу, который дал мне

Ривьер. Спасибо за вашу «Гефсиманскую ночь». Я сегодня не буду вам о ней говорить, потому что пишу заметку об этой книге и о ваших «Откровениях смерти» для «Нувель Ревю Франсез». Эта заметка вам покажет, с каким интересом я вас читаю. (От Дю Боса, Париж, 24.07.1923).

Стр.257. Как только я отправил Ривьеру мою заметку о работе Броунинга из «Кайе Верт», я снова занялся «Гефсиманской ночью» (в поезде, — я ехал в Вокрессон), а вечером взял в своей библиотеке «Откровения смерти» и работу Шлецера о Шестове. Сегодня утром в поезде я много думал о заметке, которую напишу об этих двух книгах для «НРФ» Заметку хочу написать сжато и позволю себе (и Шестов и Шлецер меня об этом просили) спорить с Шестовым и возражать ему. Само собою разумеется, что в заметке я буду больше говорить о Шестове, чем о его темах. Я уже писал об этом в своем дневнике 6 февраля, перечел сегодня утром и уже наметил план будущей работы. Работа Шлецера очень ясно написана, и я возьму ее за исходную точку. Думаю начать так: «Мне хотелось бы говорить о Достоевском, Толстом, Паскале, но главным образом — о Шестове, хотя очень трудно добавить что-нибудь к работе, в которой его представил Шлецер» (10.07.1923).

Стр.258. Я хотел бы передать Ривьеру 5 марта для апрельского номера [«НРФ»] заметку: «Шестов. Откровения смерти и Гефсиманская ночь». (11.02.1924).

Стр.258. Шестов. Философия трагедии. [Написать] заметку [для февральского номера «НРФ»]... о всем творчестве Шестова, использовав для этого длинную статью, написанную мною в 1924 г., которую я тогда не закончил и не публиковал. (13.11.1926).

Стр.258. Может быть, я бы мог окончить одновременно работу о Жиде и заметку о Шестове: для этого мои поездки в поезде вполне подходят, ибо я думаю не столько о содержании, сколько о том, чтобы возможно более совершенно выразить на пяти или шести страницах то, что хочу сказать. (13.07.1927).

Стр.296. Были русские, иностранцы проездом в Париже, французы. Усаживались вокруг стола, пили чай, к которому подавался

отличный пирог, изготовленный Лидией или Евгенией, беседовали. Николай Александрович ставил вопросы, ориентировал беседу на более серьезную тему, которой займутся после обеда. Это уже не напоминало Московской академии: не было ни председателя, ни отчетов. Все же беседами руководил Бердяев. Он их оживлял, делал их интересными, увлекательными, — благодаря своим выступлениям, обобщениям, заключениям... и вспышкам гнева, о которых я упоминал выше... Самой интересной для слушателей бывала дуэль Бердяев — Шестов... Чего-то недоставало, когда Шестов отсутствовал... Несмотря на несколько профессорские манеры Бердяева воскресные собрания носили семейный характер. (Бердяев — человек, стр.17, 18).

Стр.301. Я ничего не знаю о вас, кроме вашего имени, которое пользуется известностью, вашей работы о Декарте и Спинозе, появившейся в «Меркюр», и о Паскале («Гефсиманская ночь»). Первая из этих двух встреч с вашей мыслью уже открыла дух, для которого философия не ремесло, но личное страдание, проблема, поглощающая всю душу. Я понял, что вы один из тех, с которыми после первой встречи хочется установить более близкий интеллектуальный контакт, хочется новых встреч. Оказалось, что через несколько месяцев после нашей встречи издательство «Сьекль», которое тогда было основано, попросило меня возглавить философскую серию, где должно было появиться некоторое количество сочинений, отвечавших определенному мною направлению мысли. В то же время мой друг г-н Ламбер мне сообщил, что намеревается навестить вас, и я просил его передать вам, что я бы хотел видеть вас одним из первых авторов этой серии. Ламбер написал мне, что говорил об этом с вами и что вы попросили у него мой адрес. Пользуюсь этим, чтобы лично сказать вам о своем желании. Сейчас мы предвидим для серии довольно короткие книги — приблизительно 200 страниц. Издатели предлагают условия, какие сегодня приняты большинством издательств. Это не блестяще, и ваше имя возможно позволило бы вам получить исключительные, более благоприятные условия. Но я думаю, что издательство «Сьекль», руководимое молодыми, активными и неглупыми людьми, сумеет наладить все необходимое для распространения и продажи книг. Если мое предложение вам покажется приемлемым и если у вас есть подходящая работа, я был бы

признателен за скорый ответ. Через несколько недель я буду в Париже, где я только что нашел квартиру, и мы сможем более подробно обсудить затронутые в этом письме вопросы. (Пардис, Кот-дю-Нор, 22.11.1923).

Стр.303. Каган, Луи Ружье (автор паралогизмов о рационализме), Констан Буркэн, Фондан соберутся у меня в среду [27.02] около 4½ часов. Будем рады, если вы к нам присоединитесь. Надеюсь, что нам удастся разрешить вопрос о публикации вашей книги. [25.02.1924].

Стр.307. В предисловии вы извиняетесь за переиздание ваших работ, написанных в молодости. Мне кажется, читатели должны быть вам благодарны за это переиздание. Думаю, что в этом все со мной согласятся. Вы, конечно, правы, что в ваших работах чувствуется молодость, но это и хорошо: очарование молодости остается, когда проходит сама молодость. В этих работах уже чувствуется ваш тонкий и могучий талант и смелость ваших суждений, не похожих на суждения ваших собратьев. Темы, которые вы выбрали, показывают, что эта книга написана человеком, который хочет не только писать, но ищет и находит. Вы не боитесь хвалить Андре Жида, которым его соотечественники интересуются так мало. Вы говорите о Клоделе, Мусоргском, которых не знали 16 лет тому назад... Из музыкантов вы избрали Цезаря Франка и Дебюсси! Вы способны передать вашим читателям свою любовь к литературе и искусству! Думаю, что ваша книга может и должна во многом стать эталоном не только для молодых, но и для маститых писателей. Ее читаешь и перечитываешь с истинным наслаждением. (17.05.1924).

Стр.316. Иностранная литература о Нитше, конечно, глава особая. Но нельзя не упомянуть две значительные русские книги, в которых говорится о Нитше и о двух великих русских писателях 19 века. Обе являются частью той литературы о Нитше, о которой мы говорили. Речь идет о двух книгах Льва Шестова: «Толстой и Нитше» и «Достоевский и Нитше», которые недавно (1923/24) появились в издательстве «Маркан» в Кельне, в отличном переводе. Они должны быть причислены к немецкой литературе о Нитше. Возможно, что только русский мог увидеть Нитше

таким, но его психологические прозрения дают ценные дополнения к нашей немецкой литературе о Нитше. («Граль», янв. 1925).

Стр.317. При основании Нитшевского общества предполагалось, что каждая страна будет представлена в управлении его. Так, представителем Австрии был Гуго фон Гофмансталь, представителем Швейцарии — историк искусства Генрих Вельфлин. Я предложил правлению представить духовную Россию через вас, многоуважаемый профессор. Когда я говорю духовная Россия, я хочу сказать Россия Достоевского, которая, возможно, теперь уж и не существует, но когда-нибудь опять осуществится. Все члены правления сразу согласились, и я прошу вас любезно принять это предложение.

С твердой надеждой, что вы примете это почетное звание, которое имеет большое значение для развития философии Нитше, я прошу вас сообщить мне ваши научные степени для публикации в «Берихт дер Нитше Гезельшафт», который должен скоро появиться. (12.08.1925).

Стр.318. Если бывзвесили горе мое, и страдание мое на весы положили, то ныне было бы оно песка морей тяжелее; оттого слова мои неистовы.

Стр.330. Завтра (четверг, 22-го) у меня соберутся русские и немецкие философы — Макс Шелер тоже будет. Разговор будет по-немецки — Шелер не знает французского. Я знаю, что вы понимаете немецкий. Если вы свободны, приходите вечером в 8.30, будем вам рады. (21.1.1926).

Стр.333. Я говорил с Леви-Брюлем о вашей работе о Гуссерле. Он готов ее опубликовать. Надо с ним сговориться о переводе. Вы знаете, что он принимает по понедельникам в 11 ч. в «Ревю Философик». Он вас уже знает и, без сомнения, будет рад вас видеть. [Май? 1925].

Стр.336. «Ревю Философик» радо вашему сотрудничеству и считает его для себя честью. Все, что вы дадите журналу, будет принято с благодарностью. (17.07.1926).

Стр.339. Во время путешествия в Вену у меня в поезде была встреча, которая небезынтересна для меня и для вас, Лев Исаакович. Со мной была ваша книга «Откровения смерти», в которой я что-то искал, а затем углубился в чтение. Час или два спустя со мною заговорил сидевший против меня господин, чье интересное лицо я отметил, входя в купе. Он мне сказал: «Позвольте мне выразить удивление и радость по поводу того, что вы читаете ту же книгу, какую читаю и я, и какая занимает меня уже месяц». Я тоже удивился такому совпадению: два экземпляра вашей книги находились в купе поезда, идущего по Германии. В течение почти всего пути в Вену он расспрашивал меня про вас и вашу философию. Он — хорват из Загреба, музыковед по фамилии Михайлович. Он и его знакомая, графиня Праскович, тоже из Загреба, прочли рецензию о вашей книге во французском журнале и выписали ее. Оба были ею поражены. Они очень интересуются русской литературой и философией. Михайлович просил передать вам, что в Загребе у вас «два горячих поклонника» (30.08.1926).

Стр.341. Дорогой друг и учитель. Я только что прочел вашу книгу «Достоевский и Нитше»; вместо экземпляра, потерянного на почте, Шлецер дал мне другой. На первой странице недостает вашей надписи. Мне трудно выразить, с какой страстью я слежу за вашей мыслью... Вы, может быть, помните, как когда-то спросили меня, кто оказал на меня самое глубокое влияние... Я должен был бы сказать вам: Нитше, но я уже заметил, благодаря вам, что я его плохо читал, что любил его красноречие, логический блеск /.../ профессора, артиста — но ничего из того, что сам он называет трагическим и что вы так великолепно показываете. Благодаря вам я понимаю не только Нитше, Толстого и др., но и людей, о которых вы не думали — Рембо, Бодлера. Я даже хотел показать вам тексты, заинтересовать вас Рембо; мне казалось, что ваша мысль могла бы прояснить некоторые великие тайны.

Я могу поставить проблему, но не могу разрешить ее. Я пока отказываюсь следовать за вами — со страхом, смешанным с наслаждением. Не улыбайтесь. Я предпочел бы оставаться дилетантом. Вы же полагаете, что для преодоления препятствий необходимо

несчастье. Я не решаюсь пожелать его себе. Найду ли я путь в одиночестве? (17.01.1927).

Стр.355. Спешу вам сообщить приятную новость. Мы получили новый взнос в 150 франков для французского издания ваших сочинений; он может быть передан Шифрину немедленно или в любой момент, когда это будет необходимо. Таким образом, сегодня я получил подтверждение того, в чем всегда был уверен. Взнос этот взял на себя мой шурин, Матвей Исаакович [Эйтингон]. «Апофеоз» и «Potestas» смогут появиться теперь без промедления и, хорошо бы, если одновременно. (От Эйтингона, 16.09. 1926).

ТОМ II

Стр.8. Я давно хотел сказать вам, что чтение ваших книг приносит мне глубокую радость... Я буду очень рад с вами познакомиться и стать вашим учеником. (15.03.1928).

Стр.12. В Голландии было великолепно, и мы с удовольствием остались бы там и дольше. Среди тамошних слушателей был русский — Шестов (тот самый, который столь остроумно нападал на меня и на Геринга в «Филос. Анцейгер»). Он мне доставил большое удовольствие своей импульсивной манерой и горячностью в споре. Он уговорил меня дать предварительное согласие прочесть доклады в Париже (парижане просили его прощупать почву), и несколько недель тому назад я действительно получил очень теплое официальное приглашение, написанное с чисто французской любезностью. Приглашение исходит от Института германистики и Философского общества. (От Гуссерля, 13.07.1928).

Стр.14. Разрешите обратить ваше внимание на ваше неправильное толкование текста Библии, который вы взяли в качестве эпиграфа к своей статье. В конце вы говорите «Зачем так было

нужно? Исаия объясняет: чтобы они обратились и исцелились». Но не это объясняет Исаия; смысл его слов еще более болезнен, еще более жесток. Он говорит: ne forte videat... et audieat... et convertatur. Значит: пророк должен сделать «бесчувственным» (Vulgata) сердце народа, или «непроницаемым» (Лютер), или «ожиревшим» (таков смысл еврейского слова), дабы он не обратился и дабы Бог не был принужден его исцелить вследствие этого обращения. Такой жуткий смысл этой вести — народ не должен обратиться, но должен идти вдаль, должен быть «выжженным». Маленькая неопределенная надежда остается только для одного коренного племени, это фраза о «святом семени», которая опущена в большинстве Семикнижий (Septiginta). Я сделал несколько исправлений в вашем переводе и посылаю рукопись в типографию сегодня же. Оригинал прилагаю к этому письму. (2.05.1928).

Стр.15. Сердечно благодарю за ваше любезное письмо и великолепный экземпляр Библии, который я сегодня получил от вашего издателя. Что касается перевода из Исаии, то я полагаю, что вы вполне правы. Я сам не знал, как надо перевести это место, но мне казалось, что, если принять мое толкование, оно будет достаточно тяжелым (или, как вы выражаетесь, достаточно «жутким») и загадочным для человеческого ума, и я решил этим удовлетвориться. Более мягкое толкование не изменило бы мое понимание судьбы Спинозы — так что можно все оставить постарому. (5.05.1928).

Стр.16. Одновременно посылаю вам корректуру, которую я просмотрел. Я всюду вычеркнул «et convertatur et sanem eum», так как в статье об этом мало говорится, и я таким образом избегаю /.?./ сомнительной интерпретации (18.05.1928).

Стр.17. Переговоры с Шнейдером и Руофом уже закончены, так что издательство Шнейдер уже на следующей неделе начнет посылать в типографию переведенные главы. Сердечно благодарю вас за дружескую помощь (18.05.1928).

Стр.19. Наша беседа, которую я хотел бы продолжить, дала мне надежду на более глубокое взаимопонимание, чем я поначалу ожи-

дал. Хочу уверить вас, что ваше слово для меня много значит и что я благодарен за все, что я получил. (От Шаделина, 27.10.1928).

Стр.19. Для меня было большим событием услышать вчера ваш доклад о Толстом. Мне хотелось лично вас поблагодарить. Но я узнал от моего друга проф. Спосси (?), что вас уже нет в Цюрихе. Очень жаль, что я не знал раньше о вашем приезде; Мартин Бубер часто о вас говорил и ваша работа в Креатур «Wissenschaft und freie Forschung» произвела на меня сильное впечатление. Я врач, психиатр. Уже много лет изучаю миссологов (?), их отказ от нашего, моего знания. По ту сторону катастрофы лежит тот чистый опыт, который может нас чему-нибудь научить. Ваш жизненный труд для меня большая помощь, и я с радостью и благодарностью приобрету ваши книги, появившиеся по-немецки. (От Грюба, 1.11.1928).

Стр.26. Страх это возможность свободы. В возможности все одинаково вероятно. Ужасное, гибель, уничтожение живет рядом с каждым человеком.

Стр.32. Я был рад, что ваша красивая и важная книга появилась в достойной форме... Читая ее, я снова почувствовал глубокое родство с моими мыслями, в особенности с теми, которые я высказал в докладах о религии и философии, один из них я отдаю в печать. Этот доклад вошел в маленькую книжку «Über die Schwelle» (первый том моих «Reden und Schriften»), которую я вам пошлю, как только она выйдет. (От Бубера, 10.06.1929).

Стр.32. Сердечное спасибо за ваше дружеское письмо. Я радуюсь тому, что именно вы при чтении моей книги почувствовали «родство наших мыслей». Это ведь самое драгоценное, что мне довелось от вас услышать. Ведь даже /.?./ философы и теологи почти всегда враждебно настроены не только по отношению к тому, что я пишу, но и к самой возможности и допустимости вопросов, которые я поднимаю в своих книгах. Поэтому для меня еще более ценно, что человек с таким глубоким проникновением в суть вещей, как вы, нашел в моей книге что-то такое, чего еще не увидел в своих странствиях по областям, не открытым, и, возможно, никогда окончательно не открoющимся (15.06.1929).

Стр.33. Уважаемый друг и «антипод»! Что вы обо мне думаете, ведь до сих пор я ни одним словом не отозвался на столь дорогой для меня подарок — вашу новую книгу «На весах Иова», которая прибыла сюда уже довольно давно. Я предполагаю, что вы обо мне не думаете ничего дурного, мы ведь очень быстро отстранили внешние условности и установили близкие личные отношения. Вы знаете, как серьезно я отношусь к вашим попыткам для себя и для всех нас открыть такой Божий Мир, где можно по-настоящему жить и умереть, хотя ваши пути никогда не смогут стать моими. Но мысли, которые — как и у вас, — исходят из глубокой личной потребности, я воспринимаю не менее серьезно, чем свои мысли, про которые могу сказать, что они для меня абсолютно необходимы. Все это я говорю, хотя еще не мог прочесть ни одной страницы вашей книги: я отложил ее, как и описания, посвященные мне 8 апреля. (От Гуссерля, 3.07.1929).

Стр.34. Наконец мне удается выразить вам мою сердечную благодарность за вашу книгу «На весах Иова». Я был рад найти в ней — в соединении с новыми дарами —ряд ваших разрозненных работ, которые для меня очень дороги. Особенно я люблю статью «Pascal Philosophie» и многие места из «Wagnisse und Gehorsam». Мое восхищение последними сочинениями Толстого «Хозяин и работник» и «Смерть Ивана Ильича» получило неожиданное подтверждение благодаря вам. Я много лет питался Достоевским, находя в нем отдых. Я люблю вашу манеру писать и никогда не перестану читать ваши книги. В них звучит что-то властное, какое-то предупреждение, с которым философия должна считаться. Ваше присутствие в философии дает мне силы и утешение; оно является призывом к богопознанию. И здесь у нас с вами были бы те же противники. Я люблю все то, что привлекает и вас. Никогда не забуду, что именно вы проповедуете нам «только верой». Но все же и новая ваша книга не может привести меня к полному согласию с вами. Вы отстраняете философию и указываете на мир Библии, но оттуда надвигается темная грозовая и огненная туча. Я хорошо знаю, и это действительно так, — всякий ответ может быть дан нам только как вопрос. Не напрасно крест стоит в сердце нашей веры. И все не около ли креста спасение и мир? (От Шеделина, 1.08.1929).

Стр.41. Мне было бы любопытно узнать, Лев Исаакович, над чем вы работаете. О «принуждении»? Жаль, что вы из-за этого хотите так долго оставаться в Париже (10.07.1929).

Стр.48. Меня радует ваше намерение написать что-нибудь о моих книгах; я, конечно, жалею, что вам дают так мало места. Было бы очень интересно, если бы вы написали о том, что я написал о Гегеле, додумавшем до конца философию Канта. Вообще же я предпочитаю не высказывать каких-либо желаний касательно вашей рецензии. Прочту ее с большим интересом и обдумаю все, что вы скажете (16.02.1930).

Стр.58. Я прочел в первом номере «Форума» продолжение ваших размышлений и нашел в них вас и вашу основную идею, и то, что так привлекает меня в ней, — вашу блестящую и парадоксальную манеру, которая является особенностью вашего языка, и стилизацию мысли, которая чувствуется сквозь перевод. Что до меня, то я полагаю, что последнее слово философии — это сознание, что жизнь не может быть ею задавлена. Жизнь начинается там, где кончается философия. Я, кажется, уже писал вам, что определяю жизнь, как «то, что не поддается познанию». Упоминание об этом может показать вам, с каким внутренним сочувствием читал я ваш афоризм XV. Я особенно оценил неожиданность размышлений о том, что Сократу не нужно бессмертия души.

Стр.63. Бунин прекрасный рассказчик. Его «Господин из Сан-Франциско» незабываем. Он мастер, владеющий лучшими традициями великолепного русского повествования, но, говоря по совести, его вещи, которые я позже читал, не произвели на меня того впечатления, как указанное произведение. Я бы очень хотел, чтобы русский писатель получил Нобелевскую премию, но мне кажется, что Иван Шмелев заслуживает ее не меньше Бунина, хотя я был бы рад, если бы и Бунин ее получил... Что касается Нобелевской премии, то я думаю и о Зигмунде Фрейде, чьи изыскания оказали столь глубокое влияние на науку о психике и на литературу... Должен отметить, что не знаю, имеют ли лауреаты Нобелевской премии право представлять любого кандидата, или лишь кандидата, говорящего на том же языке, что и выдвигающий его лауреат. (От Т.Манна, 31.12.1930).

Стр.68. Я уже давно восхищаюсь вашими работами: я написал введение к сборнику ваших статей, который вышел по-английски в 1917 г. Ваше сотрудничество было бы для меня честью. Гонорары у нас довольно низкие, но все же выше, чем гонорары, которые платят обычно французские журналы того же уровня (21.08.1929).

Стр.69. Какое страшное сомнение, — будет ли мне приятно посвящение вашей новой книги! Разве может не тронуть сердца и не обрадовать посвящение книги, в которой anima candida, как ваша, выражает свою глубочайшую тоску и надежду. Вы хотите, чтобы я сначала прочел книгу, а потом дал согласие?! Нет. Я пишу stante pede, прочитав одно заглавие. Имени Шестова для меня вполне достаточно. Он сам, конечно, semper idem, он не напишет ни одного слова, не следуя своему призванию, своему дарованию, не будучи в состоянии сосредоточенности. Того, кто говорит так, как вы, надлежит слушать с уважением.

Прошедший год был для меня хорошим и плодотворным, но под конец — работе помешал глупый весенний грипп. Будет ли мне ниспослана милость закончить мой основной труд в философии — сумму усилий всей моей жизни? Мы ведь стареем (моей жене тоже 70 лет), но все же пока работаем. 10/VI я выступаю в Берлине в Кантовском обществе. Мы были очень обрадованы добрыми вестями о вашей семье и шлем вам сердечный привет.

Ваш старый друг Э.Гуссерль (14.4.1931).

Стр.71. Я очень рад, что наконец получил от вас несколько слов. Очень давно не имел от вас никаких известий. Я понял, что вы, к сожалению, решили в Париж не приезжать. Вы предлагаете мне приехать в Понтиньи и там встретиться с вами. Это, и правда, было бы великолепно, но, к сожалению, невозможно. Я принужден отдать все летнее свободное время лечению, иначе не смогу работать зимой. Прервать лечение, чтобы поехать в Понтиньи, — означало бы его погубить. Путешествие из Шатель в Понтиньи очень утомительно, длится 14 часов, необходимо сделать пять пересадок. Все путешествие займет 12 дней и отнимет всякую возможность лечения. Очень жаль. Я люблю Понтиньи и, если там будете вы, вдвойне интересно поехать. Но неужели

для вас невозможно приехать как-нибудь в Париж? Я думаю, что и для вас встретиться с французами было бы важно. Надеюсь, что осенью или зимой вы к нам приедете (22.4.1931).

Стр. 76. Отвечаю только сегодня на ваше письмо, которое нашел у себя после трехдневного отсутствия. Да, я виноват перед вами: я должен был вам вернуть журнал через несколько недель, а он лежит у меня уже несколько месяцев. Это опоздание объясняется тем, что я не мог расстаться с вашей мыслью, которую очень полюбил, — будьте в этом уверены. Перечитав сегодня вечером еще раз последние страницы, я опять был взволнован, как прошлой зимой, когда после вечерней беседы с вами читал всю ночь вашу книгу. Я еще раз благодарю вас, и был бы рад возобновить нашу беседу после летних каникул. Благодаря вам у меня прибавилось решимости принять трагическое одиночество, в котором, может быть, найдется сила подняться над равнинами рационализма: эта сила — парадокс, желание чуда. Хорошо найти проводника в этой туманной и опаляющей местности. Я продолжаю придерживаться этого духовного направления. Помимо работы об одном персидском мистике я хотел бы заняться поисками существа мистицизма. С Себ. Франком и Вейгелем я дошел до Бёме, Блэйка Сведенборга. Мне надо вернуться и все это углубить и, сдерживая нетерпение молодости, продолжать питаться Киркегардом, Бартом и др. Многое хотел бы вам сказать и спросить у вас, дорогой мэтр...

Не будет ли французских откликов о вашей лекции о Киркегарде и Достоевском? (17.01.1931).

Стр. 97. Простите, дорогой друг, что я несколько задержался с письмом. Как только получил вашу пьесу, я перечитал ее, но в последнее время чувствую себя очень усталым, так что даже не в состоянии сделать нужное усилие, чтобы написать письмо. Я надеюсь, что после летнего отдыха это пройдет, но теперь мне приходится с этим примириться...

Благодарю вас также за номер «Нувель Литерер». Статья Б. очень характерна, в особенности заключение. Он приводит слова Бергсона: «Я всегда учил, что дух должен властвовать над телом». Но кто не обучал этой великой истине? Стоило ли писать книгу,

чтобы повторить еще раз то, что было сказано тысячи раз в продолжение столетий? Мне кажется, что Брюаншвиг смеется над Бергсоном, хотя он, конечно, хотел лишь его хвалить! (Фондану, 23.04.1932).

Стр.98. Уже давно не имел от вас известий! Вдруг пришла ваша великолепная книга. В течение целой недели я ежедневно читал вашу книгу и казалось, что опять вас вижу и слышу ваш голос. Сердечно благодарю за вашу книгу! Я читал ее с большим напряжением и теперь, когда я закончил чтение, я опять просматриваю некоторые страницы, чтобы лучше усвоить вашу мысль. Хотя вы в предисловии и говорите, что *не можете* написать книгу о Библейской Вере, ваша работа все же посвящена этой вере. Разве возможно говорить о Библии, не касаясь проблем веры?

Я, естественно, не могу рассказать вам в письме, какое громадное впечатление произвела на меня ваша книга. В особенности потому, что я одновременно читал новую книгу Бергсона — «Les deux sources de la morale et de la religion». Знаете ли вы эту книгу? Он пишет (стр.242): «ни в Греции, ни в древней Индии не было полного мистицизма», и (стр.257): «между Израилем и его Богом не было достаточной близости, чтобы иудейство было тем мистицизмом, который мы определяем». Для него не только апостол Павел, но и святая Тереза и другие католические святые ближе к Богу, чем пророки. Если вы этой книги еще не читали, непременно прочтите. Там вы найдете новые доказательства того, как далеко от Библии большинство людей — даже таких, как Бергсон — и сколь необходимы в наше время такие книги, как ваша. Вы должны были бы послать вашу книгу и Бергсону — хотя я не думаю, что он вас услышит...

Я закончил большую работу о знании и свободе. Стараюсь в ней показать, что знание отняло у людей свободу (древо познания добра и зла). (9.06.1932).

Стр.99. Ваша статья — я ее читал два раза — показалась мне очень удачной. Вы правильно поставили в центр вопрос о критике чистого разума. Цитаты из Достоевского и Хейдеггера показывают, что разум не может сам себя критиковать и что философ должен противопоставить разуму совсем независимый принцип. Я только

жалею, что цитата на стр.386 (первая строчка) несколько слабее в переводе. У Достоевского сказано не «мне не нравится», а «мне ненавистны». И потом я бы предпочел вместо утверждения, что Хейдеггер боится настоящей критики разума, постановку вопроса: боится он или нет пойти до конца с Достоевским. Ведь мы еще не можем знать, куда приведет философия Хейдеггера. А в общем, статья превосходна.

Я читал также заметку Одара о Бергсоне. Она безжалостна, и если она попадется на глаза Бергсону, ему будет не слишком приятно. Бергсон не должен был бы заходить в области, которые он плохо знает.

Читаю последнюю книгу Кейзерлинга, когда свободен от лечения. Непременно перечитайте ее. Даже было бы хорошо, если бы Кайе вам дали место для заметки. Книга очень любопытна (29.07.1932).

Стр.105. Я вам не сразу ответил на ваше теплое письмо, потому что вы задали мне трудную задачу... Я не привык писать обзоры. Несмотря на это, я готов попробовать написать о «Zwiesprache». (22.09.1932).

Стр.105. Мы сделаем, как вы предлагаете: я напишу обзор по-немецки и пошлю вам. Вы его прочтете, исправите и, если он вам подойдет, пошлете издателю «Блеттер». Прошу еще раз: будьте немилосердны — в таких делах надо быть немилосердным. Самое твердое слово от вас меня не обидит, так как я чувствую в вас друга. На днях встретил проф. Бердяева и говорил с ним о ваших писаниях. С нами был молодой теолог из Бонна, проф. Фриц Либ. Оба очень интересуются вашими идеями и решили, что проф. Бердяев сделает по-немецки обзор ваших книг в «Ориент унд Окцидент» (проф.Либ и Бердяев члены редакции этого журнала) и по-русски — в русском журнале «Путь». (Буберу, 29.09.1932).

Стр.106. Как условлено, посылаю вам заказным письмом мой обзор. В течение шести недель я только им и занимался, и теперь, когда он готов, я не могу сказать, удался ли он мне. Это не обзор, не разбор, скорее — диалог с вами. Но я опять-таки не знаю, правильно ли я вас понял и достаточно ли громки и ясны

слова моидля того, чтобы вы могли их услышать. Но это не мне, а вам решать. Я только хочу еще раз повторить то, что уже писал вам: если мой обзор вас не удовлетворит, не стесняйтесь: отложите его в сторону и не думайте больше об этом. Само собой разумеется, вы можете сделать все поправки в языке и стиле, которые покажутся вам нужными, не спрашивая меня. Я ведь знаю, что не владею немецким в совершенстве. К тому же, пишу в первый раз по-немецки, до сих пор мои писания переводили другие. (Буберу, 4.11.1932).

Стр.107. Я очень рад, что вы восприняли мою статью как диалог с вами. Именно этого я и желал. (Буберу, 12.11.1932).

Стр.108. В написании обзора меня затрудняет еще и то, что мне не вполне ясно, как вы понимаете библейское сказание о грехопадении. Вы пишете, что здесь мы расходимся. Об этом я догадывался. Но в ваших работах я нигде не нашел вашего мнения об этой проблеме, и это, наверное, не случайно. Мне кажется, если не ошибаюсь, что вы как Киркегард (сочинения которого я изучал последние три года) могли бы сказать: «Я не могу связать определенной мысли с библейским змеем». Действительно, нам, наследникам эллинской культуры, почти невозможно рассуждать иначе. Но все же что-то во мне говорит: библейский рассказ все-таки правилен, хотя и непонятен, непостижим для нас. Говоря словами Паскаля: «библейский рассказ непонятен, но без него жизнь делается непонятной, а вернее невыносимой». Грехопадение означает, что все мы во власти «змея». Киркегард чувствует лучше, чем кто-либо другой, эту ужасную зависимость: отсюда его непобедимая «серьезность». Это чувствуется у Лютера и у Нитше, который был ближе к Лютеру, чем обыкновенно думают. Как можно его понять, когда себя и Сократа он называет декадентами? Разве декадентство есть что-либо иное, нежели грехопадение? В моей последней работе об этом говорится подробно; здесь же я только хотел бы отметить, что всюду, где мы находим «серьезность», можно с уверенностью сказать, что там мы находим змея. И так как во всех ваших работах, которые я читал, чувствуется та могучая серьезность, что мы находим у Киркегарда и Нитше, у Лютера и Достоевского, — я думаю, что не ошибусь, если скажу, что и вы слишком хорошо знаете, что значит змей и какая гро-

мадная у него власть над людьми. Не есть ли змей ваше «оно»? В обзоре я не собираюсь писать об этом, но лично вам я не могу не высказать этого. Неужели для вас, столь блестяще переведшего Библию на немецкий, змей остался невидимым, тот змей, с которым постоянно и безнадежно боролись псалмопевцы и пророки? Я убежден, что вы, говоря вашими же словами, — всегда молчите об этом. (22.09.1932).

Стр.109. Снова о старом змее. Вы мне советуете прочесть стр. XIX-XXIII ваших Chassidischen Bücher. Но как раз эти страницы (у меня это книга есть) и некоторые цитаты из Chassidische Schriften, приводимые вами, напомнили мне слова Киркегарда о змее. Так же как и ваши рассуждения о Спинозе. Вы говорите, что ваша последняя книга Zwiesprache — книга вашего сердца. Если читатель имеет право судить о писателе по-своему, то я должен сказать, что у меня создалось впечатление, что «die Chassidischen Bücher» и «Ich und Du» тоже книги вашего сердца. Все, что вы публикуете, идет у вас от сердца. У вас есть та могучая серьезность, о которой столь многое поведали нам Киркегард и Нитше, и поэтому все, что вы пишете, производит такое сильное впечатление. Я хорошо понимаю то, что написали вы в своем письме о змее и первородном грехе. Вы цитируете (стр.317) слова цадика, который говорит о своей душе, что она из тех душ, что убежали из Адама, где были заключены все души до первородного греха, и потому она не вкусила от древа познания. Неизвестно, существуют ли такие исключения, но эти слова говорят о том, что цадики тоже признают грех, которым все согрешили в первом человеке. Я согласен, что все это всем нам совершенно непонятно (мне тоже). Но чем старше я становлюсь, тем больше я чувствую, что в библейском сказании нам открывается чрезвычайно важная и глубокая истина. Но власть змея над нами столь велика, что мы не в состоянии воспринять эту истину. Даже для Киркегарда эта истина была единственным необходимым. Почти невозможно в коротком письме об этом говорить — может быть, вы все же приедете в Париж, и тогда наш «диалог» удастся? Или, может быть, когда вы прочтете мою новую работу, говорящую о грехопадении, вам будет более ясно, почему я столько внимания уделяю змею. Для меня он bellua, qua non occisa homo

non potest vivere (зверь, — и если его не убить, человек жить не может), повторяя слова Лютера. Ваши сочинения во мне всегда будят сомнения, и это затрудняет для меня возможность написать рецензию на вашу книгу. Вы, конечно, правы. Мы должны, как псалмопевцы и пророки, всегда бороться, да мы и не можем иначе. Но следует ли из этого, что змей преодолен хотя бы одним человеком? Я не собирался говорить об этом в своем обзоре — сказать об этом в рецензии невозможно. Да и почти ни о чем, что есть в ваших работах, — нельзя сказать в коротком очерке — вы всегда говорите о самых первых и самых последних вещах. (22.09.1932).

Стр.117. Дорогой друг! Ваши милые, сердечные слова меня очень тронули. Надеяться, что вы все же приедете в Германию читать доклады, и мы увидимся, увы, не приходится. Нам живется «по нынешним временам» хорошо. Большая немецкая революция сделалась для нас и наших детей, как не арийцев, личной судьбой. Мы чувствуем себя в силах перенести все это и, если Богу будет угодно, обратить в добро. Много сил уходит на то, чтобы переносить все эти новые волнения. Из-за этого моя исследовательская работа, которая последние годы была очень продуктивна, часто прерывается в последние месяцы. Мое увольнение пока отменили. Более серьезно для меня то обстоятельство, что моего сына, ординатора в университете в Киле, освободили от должности, и он более не имеет права на преподавание. Не знаю, сможет ли муж моей дочери сохранить свою должность в Берлинском музее, — пока он еще работает. Лето (июль и август) мы собирались провести в Тироле, уже сняли там квартиру. Но теперь ограничили выезд за границу. Таким образом, все у нас неопределенно. Когда стареешь, переживаешь много, слишком много. Я надеюсь скоро опять найти себе работу в «государстве вечной правды». Посылаем привет вам и вашей милой семье. С искренним уважением ваш старый Э.Гуссерль. (9.05.1933).

Стр.119. Я любуюсь вашей постоянной борьбой, как любуются безнадежным сопротивлением и благородством обреченного. Я не говорю, что надо предпочесть эту неудачу любой другой удаче... Бубер, вероятно, тронут вашим вниманием и уважением, но, с дру-

гой стороны, недоволен тем, что, выражая ему «большую симпатию», вы безжалостно вонзили «Pfahl ins Fleisch». Он был прав, когда сказал: «Это настоящий Шестов».

Не знаю, сказала ли я вам, что получила второе письмо от Леви-Брюля, где он сообщает, что дает мне нужный срок для статьи о Киркегарде...

Чем больше я занимаюсь Киркегардом, тем чаще ставлю себе вопрос: что останется от Хейдеггера, если вычесть все, чем он обязан Киркегарду и Гуссерлю. Его актив резко сужается: остаются лишь темы: Welt (мир) и Welter der Welt (миры мира) и его великолепная техника. Я признаю, что и тут вы правы (28.08.1933).

Стр.127. Наконец получил от вас словечко, дорогой друг! У вас «обыкновенные неприятности»: значит, надо благодарить Бога, что он избавил вас от необыкновенных! Я хотел бы вас видеть, но в настоящее время не могу принять вашего приглашения. У меня тоже свои «неприятности»: обязан писать. Хотя известно, что это приносит большое удовлетворение, но должен признаться, что мне это приносит лишь неприятности. Галлимар согласен взять моего Киркегарда, и нужно перед отъездом оставить Шлецеру готовую рукопись. Значит, нужно писать, писать и писать — иначе я не закончу к 20 июля. Может быть, вы найдете минуту, чтобы зайти ко мне? Мы смогли бы пожаловаться друг другу на свои неприятности — вы на то, что надо зарабатывать на хлеб, я — на то, что должен творить не из ничего, но «для ничего» — Галлимар, вероятно, ничего не заплатит. (14.05.1934, Фондан).

Стр.128. Мне переслали из Парижа номер «Кайе дю Сюд» с вашей статьей. Я ее прочел и перечел и должен сказать вам, что Валь будет разочарован, тем более, что ваша статья о Хейдеггере ему очень понравилась. Вы сумели подчеркнуть проблематику, которой обычно избегают или скрывают. Я даже боюсь, что строки (539) «писать по поводу Киркегарда и Гегеля...» Валь поймет как выпад против него. Удивляюсь, что «Кайе дю Сюд» решились опубликовать вашу статью и даже сделали это очень быстро. Говорить о Иове как о философе им должно быть так же невозможно, как и Валю. Марксисты, как и идеалисты,

вышли из Гегеля! Жду с большим нетерпением реакции Валя на вашу статью. Я ее показал мадам Беспаловой, которая тоже была поражена вашей смелостью. Она, как и я, находит, что вам удалось ввести читателя в самые трудные философские проблемы, насколько это вообще можно сделать на двадцати страницах. (25.08.1934).

Стр.132. Думаю, что у вас вряд ли есть время читать романы, хотя это — один из редких французских романов, где властвует трагедия, из которой вы черпаете свою философию. Потому я все же решаюсь преподнести его вам.

Стр.136. Прочел обе ваши статьи. Они, конечно, интересуют меня по личным причинам, но думаю, что эти статьи возбудят всеобщий интерес — и из-за значительности проблематики, и из-за вашей живой, ясной и проникновенной манеры изложения. Интересно также, что в докладе о гуманизме святого Фомы, который я читал на конгрессе в Неаполе в 1924 г., я тоже цитировал слова Тертуллиана: «Что общего между Афинами и Иерусалимом?» — и прибавил ответ: «Рим». Это, конечно, основная тема спора. Вы возвращаетесь к Лютеру, т.е. к тому, что есть от Лютера в дорогом вам Достоевском. Я же, наоборот, думаю, что через Римскую Церковь продолжается откровение, что ее назначение представить нам откровение в полном виде. В Ветхом Завете много спорного. Я жалею, что у меня нет моего доклада 1924-го года, но я пошлю вам другую работу, которая, надеюсь, будет вам интересна. Понадобится несколько месяцев, чтобы собрать и опубликовать эти бумаги... Еще раз спасибо. Посылаю вам мои самые сердечные пожелания. (11.03.1936).

Стр.140. Я готовлю небольшую статью о книге Леви-Брюля (по-русски для журнала Бердяева). Книга очень интересная, и я вам советую, если это возможно, задержать для себя место для рецензии в «Кайе дю Сюд». Вы об этом не пожалеете и «Кайе» тоже. Было бы жалко, если бы написал кто-то другой. Но нужно написать немедленно. (1.09.1935).

Стр.143. Учитель и Друг! Примите, пожалуйста, поздравления старухи, которая присоединяется ко всем вашим почитателям и

друзьям в пожеланиях долгой жизни и исполнения всех ваших планов. (От Марии Шлецер, 13.02.1936).

Стр. 143. С некоторым опозданием узнали мы о вашем семидесятилетии. Я не хотел бы, чтоб голос еврейского университета отсутствовал в хоре приветствующих вас. Как ректор университета, как преподаватель философии и как читатель ваших книг я приношу вам самые сердечные поздравления. Желаю, чтобы и вам и нам даровано было увидеть ваши работы в переводе на иврит. Мы надеемся скоро приветствовать вас здесь. (От Гуго Бергмана, 20.02.1936).

Стр. 143. Дорогой друг (ваш пример позволяет мне называть вас так), я рад случаю выразить вам свои чувства. Я осознал за последние шесть лет, что семидесятилетний возраст вместе с обязанностями дает и некоторые преимущества: душа научается узнавать тех, у кого та же «длина волны», и не чувствует себя столь одинокой. Теперь я воспринимаю ваши мысли намного глубже. Я очень хочу услышать, что вы скажете о Киркегарде, которого я плохо понимаю. Заранее благодарю вас за это. (От Поля Дежардена, 21.02.1936).

Стр. 146. Мне кажется, что комитет [по изданию книг] Шестова очень хорошо поработал. Все меры, которые он предпринял, кажутся мне вполне подходящими. Но для меня слишком большой честью было избрание председателем, тем более, что, как вы знаете, мои философские идеи далеки от идей Шестова. Но я им восхищаюсь и он мне крайне симпатичен, как я и писал г-ну Доброму. (От Леви-Брюля, 28.01.1936).

Стр. 146. Мне нет необходимости говорить вам о том, что при преклонении моем перед Львом Исааковичем я с большим желанием стану членом комитета и буду делать все возможное для его успешной работы. (От Эйтингона, 5.02.1936).

Стр. 147. Извините за опоздание с ответом, но вот уже три недели, как я нездоров и не выхожу из комнаты.

Прилагаю чек в 100 франков для подписки на один экземпляр книги нашего друга Шестова. Прошу вас передать ему мои дру-

жеские пожелания по случаю его семидесятилетия. Нельзя было придумать лучшего способа отметить юбилей, и я не думаю, что вы могли серьезно предположить, что я не приму в нем участия из-за каких бы то ни было расхождений. Я отлично помню, какой радостью для меня было опубликование в моей серии первой книги Шестова, появившейся во Франции. В ней, как и во всех последующих, значились оба ваших имени. Я очень жалею, что тогда мне не удалось довести до конца работу, которую я хотел ему посвятить. Может быть, жизнь мне позволит все же когда-нибудь это сделать. (13.03.1936).

Стр.155. Меня очень радует возможность вновь читать вас, опять услышать ваш голос: ведь в ваших сочинениях всегда слышен ваш голос. И еще больше радует меня, что этот голос всегда храбрый, сильный, убедительный. В нем всегда ощутимо «могущество духа», которое не может и не хочет отделять учение от делания. Благодаря этому, ваши сочинения столь современны. Желаю вам здоровья и силы, дабы вы могли продолжить свои работы. (5.07.1936).

Стр.156. Большое спасибо за книгу о Киркегарде, которую я только что получил. Я очень рад этой книге, ибо и Киркегард и Достоевский были людьми... которые вырвали меня из общей колеи в молодости, и это прекрасно, потому что колея, из которой возможно вырваться, — не может быть правильной. (18.07.1936).

Стр.159. Прошу простить, что не ответил раньше на ваше интересное и любезное письмо. Не могли бы вы зайти ко мне на рю де ла Помп в среду 23-го в 5 часов?

Я был бы рад продолжить беседу, которую мы начали в письмах. (17.12.[1936]).

Стр.165. Издание последней книги Шестова доставило мне много радости... Когда книга была закончена, я, к сожалению, не мог сделать рекламы, которой заслуживает (в наше неподходящее время) столь глубокая философская (и религиозная) книга. Единственное, на что я могу надеяться, это спасти книгу для будущих, более спокойных времен, когда ей и другам книгам Шестова будет уделено должное внимание. (8.12.1938)

ЖИЗНЬ ЛЬВА ШЕСТОВА

Стр.168. Я пошел с несколькими друзьями на лекцию Шестова в Религиозно-философское общество [5 мая 1935]. Лекция на тему «Киркегард и Достоевский». Мы не знали, что Шестов будет говорить по-русски, поэтому мало что поняли, хотя и были очарованы музыкой его речи. Все же этого было достаточно, чтобы побудить меня прочитать его книги, переведенные на французский. Их названия и подзаголовки включали имена для меня дорогие, не столько из-за их известности, но потому, что это были люди, у которых мы искали углубления нашей веры. (Марк Герубель, «Семер», май 1937).

Стр.181. «Я уверен, что статья Лазарева заинтересует читателя Ревю Философик, и благодарен вам за указание на нее. Я лично не уделил бы Лекье столь значительного места в истории философии, но признаю, что стоит о нем рассказать. Лазарес делает это блестяще и безупречным языком».

Стр.207. К величайшему сожалению, я не смогу быть с вами завтра, так как должен участвовать в заседании комиссии министерства народного просвещения.

Смерть Льва Шестова жестокая потеря для мысли человечества. Оригинальность его философии, высокое благородство жизни, тонкость его духа — ставят его рядом с Паскалем и Спинозой.

Вы с гордостью можете носить его славное имя. В наше печальное и позорное время такие люди, как Лев Шестов олицетворяют утешение и надежду.

Я приношу вам глубокое сочувствие и уважение вэтом горе. (От Поля Буайе).

Стр.208. Когда я видела его летом, он показался мне ослабевшим физически, но не духовно. Он был все тем же, и мысль о смерти была далека. Но я хорошо помню, что несмотря на это, почувствовала какое-то глухое беспокойство. Почему я не написала ему, не сказала, не повторила, как его люблю, как благодарна ему, как восхищаюсь им даже тогда, когда не могу за ним следовать? Увы, я всегда думала, что успею это сделать... Теперь слишком поздно. Всю жизнь мне остается об этом сожалеть. Из всех людей, которых я встречала, он был самым благородным. Я говорю это не потому, что обычно хвалят тех,

кто нас покидает, по потому что это правда. Лев Исаакович олицетворяет благородство мысли и благородство жизни — и в отношениях с другими, и с самим собой, благородство, которое исходит из самой сути его существа. Ум соединялся в нем с добротой. Кто лучше может свидетельствовать об этой доброте, чем я, по отношению к которой она много раз проявлялась?.. Я очень опечалена тем, что моя последняя работа о нем могла его огорчить или разочаровать. Но из уважения ко Льву Исааковичу мне казалось необходимым всегда говорить о нем правду. Ведь он сам был стремлением к правде, потребностью в ней, любовью к ней. (От Рахили Беспаловой).

Стр.219. Редакция журнала через меня благодарит вас за разрешение перевести и опубликовать часть рукописи Льва Шестова. Для нас большая честь представить нашим читателям столь характерный для него текст, созданный на берегах нашего озера. (3.03.1957).

Стр.220. Недавно я встретил своего коллегу Фрица Либа из Базеля, который был хорошо знаком с вашим отцом, и слышал от него о рукописи «Sola Fide». Он рад, что рукопись будет опубликована, и просил меня передать вам сердечный привет. (2.06.1954).

Стр.229. В течение пяти месяцев (с марта до июля) у меня бывали каждую субботу профессора и студенты нашего университета на собраниях Шестовского общества. В продолжении всего семестра мы проводили семинар о недавно вышедшей книге о Киркегарде. На каждом собрании один из студентов делал короткий доклад на темы: «Спиноза и Шестов», «Кант и Шестов» и т.д. В середине сентября мы возобновим эти собрания. (29.07.1950).

Стр.230. Я постоянно перечитываю [труды Шестова]. Чаще всего обрашаюсь к книге «На весах Иова». Шестов в каком-то смысле сделался частью моего существа. (16.04.1975).

Стр.231. Любопытно, что мой интерес к Шестову, оригинальнейшему русскому мыслителю, никогда не затухал с тех пор, как

в 1930-м я познакомился с его работами (книга «Potestas Clavium» была подарена мне мои католическим профессором богословия). Даже Бердяев произвел на меня меньшее впечатление. Благодаря трудам дочерей Шестова... этот интерес остался живым и не угас...

Шестов представляется мне «горящей русской землей». (13.09. 1975).

Стр.231. Какая удача, что у Шестова нашлись такие понимающие и блестящие переводчики, как Шлецер и Руоф. Когда читаешь их переводы, создается впечатление, что читаешь оригинальный текст, который мне, к сожалению, недоступен. (5.01.1976).

Стр.231. Для меня Шестов, наряду с бл.Августином, Прзиваром, Достоевским, Хейдеггером, Гуссерлем и Киркегардом, составляет постоянную ценность всего моего существования... Почему, собственно, я так связан с вашим отцом, было ли это переживанием проблем, которые ставит молодость, или обусловлено всеми вопросами, которые ставит его мысль, — я не берусь это выяснять. Я лишь жалею о том, что не встретился с ним лично, как с Бердяевым. (22.02.1978).

Стр.231. Уже прошло 50 лет с того времени, когда я увидел в какой-то книге имя Шестова. Возможно, в «Нейе Рундшау» или в «Ориент и Окцидент». Тогда я не мог себе представить, что он привлечет меня на всю жизнь. (27.11.1979).

Стр.232. Позвольте мне представиться. Я женат на двоюродной сестре Аббе Прицкера из Чикаго. Недавно я узнал, что бабушка моей жены было двоюродной сестрой вашего отца.

Уже несколько лет, как я интересуюсь работами вашего батюшки. На мой взгляд, его творчество является одной из вершин философской мысли XX столетия и заслуживает того, чтобы его широко узнали в Америке. К сожалению, сегодня о нем знают мало.

Поэтому я поставил себе целью написать книгу, чтобы представить американцам философию вашего отца, и надеюсь, что книга будет издана через год-два...

Этим летом мы с женой надеемся на неделю или две приехать в Париж, и очень хотели бы встретиться с вашей семьей. (18.1.1963).

Стр.233. Пятнадцать лет тому назад я впервые написал Сесилу Хемли, директору и основателю издательства университета штата Огайо, чтобы посоветовать ему издать книгу Шестова. Я представил доклад правлению издательства (11 декабря этого года). Предложение было принято, и мы вошли в контакт с вами, вашей сестрой и, вероятно через вас, с Бернардом Мартином. Я стал членом правления издательства в сентябре 1965 г., что дало мне возможность поддержать публикацию книг Шестова. Это было важно, так как Сесил Хемли умер 9 марта 1966, и необходимо было убедить нового директора издательства (Яна Маккензи) в важности этих публикация. Таким образом, мне удалось отблагодарить Шестова за то громадное влияние, которое оказали его труды в формировании моей личности.

Стр.236. [Шестов] боролся против «Евклидовского духа» и противопоставил разуму веру в Живого Бога, которого видел как бесконечную возможность всего. Верой в Бога возможно превратить мир необходимости в мир, «где с Богом все возможно»... Его философия бесконечных возможностей основана на понятии бесконечного Бога, который один способен дань конечному и ограниченному человеку бесконечные возможности.

Список сочинений Шестова

1. Шекспир и его критик Брандес
   1-е изд., *Менделевич*, СПб., 1898. 282 стр.
   2-е изд., *Шиповник*, СПб., 1911. 285 стр.

2. Добро в учении гр.Толстого и Фр.Нитше*
   1-е изд., *Стасюлевич*, СПб., 1900. 209 стр.
   2-е изд., *Шиповник*, СПб., 1911. 182 стр.
   3-е изд., *Пирожков*, СПб., 1907. 133 стр.
   4-е изд., *Скифы*, Берлин, 1923. 122 стр.
   5-е изд., *ИМКА-Пресс*, Париж, 1971 (репринт 1-го изд.). 209 стр.

   По-французски: L'idée de bien chez Tolstoı et Nietzsche.
   Пер. Т.Березовской-Шестовой и Г.Ватайль.
   1-е изд., *Сьекль*, Париж, 1925. 254 стр.
   2-е изд., *Врен*, 1949. 254 стр.

   По-немецки: Tolstoi und Nietzsche.
   Пер. Нади Страсер.
   1-е изд., *Маркан-Блок*, Кельн, 1923. 262 стр.

   По-английски: Good in teaching of Tolstoi and Nietzsche.
   См. 3-й том «Достоевский и Нитше».

   По-японски: Токио, 1967.

3. Достоевский и Нитше (Философия трагедии).
   1-е изд., *Стасюлевич*, СПб., 1903. 245 стр.
   2-е изд., *Стасюлевич*, СПб., 1909. 245 стр. (В 1911 г. перешло к *Шиповнику*).
   3-е изд. *Скифы*, Берлин, 1922. 157 стр.
   4-е изд., *ИМКА-Пресс*, Париж, 1971 (репринт 1-го изд.). 245 стр.

---

* Издание *Шиповника* 1911 г. было названо автором вторым изданием. Издание *Пирожкова* 1907 г. без номера мы назвали третьим изданием, а издание *Скифов* 1923 г. (также без номера) — четвертым.

По-французски: La Philosophie de la tragédie — Dostoïevski et Nietzsche. Пер. Бориса Шлецера.

1-е изд., *Плеяда*, Париж, 1926. 250 стр. (В 1929 г. перешло к *Сан парей* и в 1936 — к *Врен*.

2-е изд., *Фламмарион*, Париж, 1966. 180 стр.

По-немецки: Dostojewski und Nietzsche.

Пер. Рейнгольда фон Вальтера.

1-е изд., *Маркан*, Кельн, 1924. 389 стр. (В 1931 г. перешло к *Ламберт-Шнейдер*).

По-английски: Dostoevsky, Tolstoy and Nietzsche.

(Good in teaching of Tolstoy and Nietzsche. — Dostoevsky and Nietzsche).

В книге соединены 2-ой и 3-й том русского издания.

Пер. 2-го тома (с французского) Бернарда Мартина.

Пер. 3-го тома (с русского) Спенсера Роберта.

1-е изд., *Огайо Юниверсити Пресс*, 1969. 322 стр.

По-испански: La filosofia de la Tragedia — Dostoievsky y Nietzsche. Пер. Д.Фогелмана.

1-е изд., *Эмесе*, Буэнос-Айрес, 1949. 267 стр.

По-японски:

1-е изд., Шиба, Токио, 1936.

2-е изд., *Соген-Ша*, 1952.

3-е изд., *Кава*, 1953.

По-китайски:

1-е изд., 1924 или 1925.

По-итальянски: La filosofia della tragedia.

1-е изд,. *Едиционе сьянтифиче итальяне*, Неаполь, 1950. 234 стр.

3. Апофеоз беспочвенности (Опыт адогматического мышления).

1-е изд., *Общественная польза,* СПб., 1905. 285 стр.

2-е изд., *Шиповник*, СПб., 1911, 294 стр.

3-е изд., *ИМКА-Пресс,* Париж, 1971 (репринт со 2-го изд.). 294 стр.

По-французски: Sur les Confins de la vie (L'Apothéose du déracinement). Пер. Бориса Шлецера.

1-е изд., *Плеяда*, Париж, 1927. (В 1929 г. перешло к *Сан Парей*, и в 1936 — к *Врен)*. 246 стр.
2-е изд., *Фламмарион*, Париж, 1966. 167 стр.

По-немецки: Apotheose der Bodenlosigkeit.
Выдержки из этой книги были опубликованы в журналах: *Нейе Рундшау* (дек.1925), *Эйропеише Ревю* (сент.1926 и авг. 1927), *Индивидуалитет* (1927).

По-английски: All things are possible.
1-е изд., *Секер,* Лондон, 1920. (Предисл. Д.Лоуренса). 244 стр.
2-е изд., *Огайо Юниверсити Пресс,* 1979.

5. Начала и концы. (Сборник статей).
1-е изд. *Стасюлевич,* СПб., 1908, 197 стр. (В 1911 г. перешло к *Шиповнику*).
2-е изд., *Ардис*, Эн Арбор, 1978.

По-французски:
Первая часть «Творчество из ничего (А.П.Чехов)» была напечатана в 1931 г. в антологии «Избранные страницы», а в 1960 г. в антологии «Человек, попавший в ловушку» (см. антологии). Книга подготовлена к печати.

По-немецки:
Первая часть «Творчества из ничего» была опубликована в журнале *Нейе Швейцер Рундшау,* Цюрих, февраль и март 1928.

По-английски: Anton Chekhov and other Essays.
1-е изд., *Маунсел*, Лондон, 1916. (Предисл. Дж.Мерри). 205 стр. Та же книга была издана в Бостоне в изд. *Люсе*, в 1916, под заглавием Penultimate Words and other Essays.
2-е изд., *Мичиган Юниверсити Пресс,* Эн Арбор, 1966 (мягкая обложка). (Репринт с лондонского изд. 1916 г. с новым предисловием С.Мораса). 205 стр.

По-японски: Creation ex nihilo.
1-е изд., *Шиба*, Токио, 1936.
2-е изд., *Соген-Ша*, Токио, 1953.

6. Великие кануны.
1-е изд., *Шиповник*, 1910. 314 стр.
2-е изд., *Ардис,* Эн Арбор, готовится к печати.

По-французски:

Глава «Разрушающий и созидающий миры» (по поводу 80-летия Толстого) была опубликована в 1966 г. в антологии «Человек, попавший в ловушку». Книга подготовлена к печати.

По-немецки: Die grossen Vorabende.

Выдержки из этой книги были опубликованы в следующих журналах: *Креатур*, Берлин, 1930, №4; *Тат*, Иена, 1929, стр.161-167; *Эйропеише Ревю*, август и сентябрь 1928.

7. Власть ключей (Potestas clavium).

1-е изд., *Скифы*, Берлин, 1923. 279 стр.

2-е изд., *Ардис*, Эн Арбор, готовится к печати.

По-французски: Le Pouvoir des clefs.

1-е изд., *Плеяда*, Париж, 1928. (В 1929 г. перешло к *Сан Парей* и в 1936 — к *Врен*). 458 стр.

2-е изд., *Фламмарион*, Париж, 1967. 340 стр.

По-немецки: Potestas Clavium oder die Schlusselgewalt.

Пер. Ганса Руофа. 459 стр.

1-е изд., изд. Нитшевского общества, Мюнхен, 1926. (В 1929 г. перешло к *Ламберт-Шнейдер*, Берлин).

По-английски: Potestas Clavium.

Пер. с французского Бернарда Мартина.

1-е изд., *Огайо Юниверсити Пресс*, 1968. 413 стр.

В 1970 г. книга была переиздана в Чикаго с разрешения *Огайо Юниверсити Пресс* издательством *Генри Реджинери Компани*, Чикаго, 1970. 413 стр.

8. На весах Иова. (Странствования по душам).

1-е изд., *Современные Записки*, Париж, 1929. 374 стр.

2-е изд. *ИМКА-Пресс*, Париж, 1973. 410 стр.

По-французски: Sur la balance de Job.

Пер. Бориса Шлецера.

1-е изд., *Фламмарион*, Париж, 1971. 361 стр.

Две нижеследующие части были изданы раньше в виде отдельных книг:

Les Révélations de la Mort

1-е изд., *Плон*, Париж, 1923. 230 стр.

2-е изд., *Плон*, Париж, 1958. 210 стр.

La Nuit de Gethsémanie (Essai sur la philosophie de Pascal).
1-е изд., *Грассе*, Париж, 1923. 161 стр.

По-немецки: Auf Hiob's Wage.
Пер. Г.Руофа и Р.Вальтера.
1-е изд., *Ламберт-Шнейдер*, Берлин, 1929. 578 стр.
Часть книги (Nacht zu Gethsemane) была издана раньше в ежегоднике «Ariadne, Erstes Jahrbuch der Nietzsche-Gesellschaft», Берлин, 1925.

По-английски: In Job's Balances.
Пер. Камиллы Ковентри и С.А.Маккартни.
1-е изд., *Дент энд сонс,* Лондон, 1932. 407 стр.
2-е изд., *Огайо Юниверсити Пресс*, 1974.

По-голландски: Crisis der Zekereden (Pascal-Dostoievsky-Husserl). Книга содержит одну главу 7-го и две главы 8-го тома.
1-е изд. *Розенбек,* Хилверсум, 1934. 234 стр.

По-испански: две части этой книги были опубликованы в виде двух отдельных книг издательством *СУР* в Буэнос-Айресе:
Las Revelaciones de la muerte, 1938. 208 стр.
La noche de Getsemani, 1953. 101 стр.

По-итальянски: La notte di Getsemani.
Пер. Э.Эмануели. Предисл. Б.Ревеля. *Роза ди Балло*, Милан, 1945.
La revelazioni della morte, Флоренция, 1948.

По-китайски: Откровения смерти, вероятно, 1924.

9. Киркегард и экзистенциальная философия.
1-е изд., *Дом книги* и *Современные Записки*, Париж, 1939. 197 стр.
2-е изд., *Ардис*, Эн Арбор, готовится к печати.

По-французски: Kierkegaard et la philosophie existentielle.
Пер. Татьяны Ражо и Бориса Шлецера.
1-е изд., Ассоциация друзей Льва Шестова и *Врен*, Париж, 1936. 384 стр.
2-е изд., *Врен*, Париж, 1948. 384 стр.
3-е изд., *Врен*, Париж, 1972. 384 стр.

По-немецки: Kierkegaard und die Existenzphilosophie.
Пер. Ганса Руофа.
1-е изд., *Шмидт-Денглер,* Грац, 1949. 281 стр.

По-испански: Kierkegaard y la filosofia existencial.
Пер. Хозе Фератера Моры.
1-е изд., *Судамерикано,* Буэнос-Айрес, 1947. 327 стр.

По-датски: Kierkegaard og den Existentielle Taenking.
1-е изд., *Хагеруп,* Копенгаген, 1947. 252 стр.

По-английски: Kierkegaard and Existential Philosophy.
Пер. Элинор Хевит.
1-е изд., *Огайо Юниверсити Пресс*, Атенс, 1969. 314 стр.

10. Афины и Иерусалим.
1-е изд., *ИМКА-Пресс*, Париж, 1951. 274 стр.

По-французски: Athènes et Jérusalem (Essai de philosophie religieuse). Пер. Бориса Шлецера.
1-е изд., *Врен,* Париж, 1938, 465 стр.
2-е изд., *Фламмарион,* Париж, 1967. 350 стр.

По-немецки: Athen und Jerusalem (Versuch einer religiösen Philosophie). Пер. Ганса Руофа.
1-е изд., *Шмидт-Денглер,* Грац, 1938. 505 стр.

По-английски: Athens and Jerusalem. Пер. с французского Бернарда Мартина.
1-е изд., *Огайо Юниверсити Пресс*, 1966. 447 стр.
В 1968 г. эта книга была переиздана в Нью-Йорке с разрешения *Огайо Юниверсити Пресс* издательством *Симон энд Шустер*. 447 стр.

По-итальянски: 1-я, 2-я и 3-я части книги были изданы в Милане издательством *Бока* в виде трех отдельных книг:
Permenide Incatenato. 1944. 141 стр.
Il sapere e la Libertà. 1943. 210 стр.
Concupiscentia Irresistibilis (della filosofia medioevale). 1946. 232 стр.

11. Умозрение и откровение (Религиозная философия Владимира Соловьева и другие статьи).
1-е изд., *ИМКА-Пресс*, Париж, 1964. 347 стр.
В книгу входят 15 статей, собранных после смерти Шестова.

По-французски: Spéculation et révélation.
Несколько глав появилось в журналах. Книга подготовлена к печати.

По-немецки: Spekulation und Offenbarung — Essays und Betrachtungen nach dem Tode von L.Schestov gesammelt.
Пер. Ганса Руофа.
1-е изд., *Эллерман*, Мюнхен, 1963. 458 стр.

По-голландски: Rede en Geloof (Разум и вера).
Книга содержит три статьи из 11-го тома (о Толстом, Гуссерле, Ясперсе), два отрывка из 5-го и 7-го томов и 12 афоризмов.
1-е изд. *Ф.С.Кроондер,* Буссум, 1950. 132 стр.

12. Sola Fide — Только верой.

Посмертное издание неоконченной книги, написанной между 1913 и 1914 гг.
1-я часть. Греческая и средневековая философия; 2-я часть. Лютер и церковь. *ИМКА-Пресс*, Париж, 1964. 295 стр.

По-французски: 2-я часть была опубликована под заглавием Sola Fide — Luther et l'Eglise. Пер. Софии Сев.
1-е изд., *Пресс Юниверситер,* Париж, 1957. 157 стр.

По-немецки: Подготовляется перевод 2-ой части.

13. Тургенев. (Неоконченная книга о Тургеневе).

1-е изд., *Ардис,* Эн Арбор, 1982.

Антологии

По-французски:
Pages choisies (Избранные страницы), *Галлимар,* 1931. 230 стр.
L'homme pris au piège (Человек, попавший в ловушку. — Пушкин, Толстой, Чехов), *Плон,* Париж, 1966. 142 стр.

По-голландски:
Uren met Sjestof (Часы с Шестовым). Вступление проф. Беерлинга. Книга содержит 16 глав, состоящих из выдержек из 3-го, 4-го, 8-го и 9-го тт. Баарн, вероятно, 1939.

По-английски:
Russian philosophy, vol.III. (Русская философия, т.III). *Квадрангл Букс,* Чикаго, 1965. 521 стр. (Стр.225-276: выдержки из сочинений Шестова).
Great Twentieth Century Jewish Philosophers (Shestov, Rosenzweig, Buber). (Великие еврейские философы XX века. Ше-

стов, Розенцвейг, Бубер). Сост. Бернард Мартин. Стр. 49-117: выдержки из сочинений Шестова. *Макмиллан*, Нью-Йорк, 1970. 336 стр.

Essays in Russian Literature (Leontiev, Rozanov, Shestov). (Очерки по русской литературе. — Леонтьев, Розанов, Шестов). — В книге содержится две работы Шестова: «*Достоевский и Нитше*» (стр.3-183) и «*Творчество из ничего*» (стр.184-224). Сост. Спенсер Е.Робертс. *Огайо Юниверсити Пресс*, Атенс, 1970. 328 стр.

Статьи

Около 80 статей было опубликовано по-русски в журналах и газетах. Из них 53 включены в тома 4-13.

Около 80 статей вышло в переводе на разные языки.

Портреты Шестова

Домогацкий, В.Н. *	1917, гипс, выс.52, М., собрание В.В.Домогацкого
Домогацкий, В.Н. *	1917, мрамор, выс.56, М., Государственная Третьяковская галлерея
Пастернак, Л.	Берлин, 17.12.1921. Собр. семьи художника
Сорин	Париж, 1922, Музей Метрополитен, Нью-Йорк
Лазарева, Б.	Реймс, 1930 (?), городской музей
Фальк, Р.	1935 или 1936, масло, холст, М., частное собрание
Фальк, Р.	1935, 2 рисунка, М., собрание семьи художника. Бумага, смешанная техника
Фальк, Р.	1935, рисунок, М., частное собр. Бумага, смешанная техника
Фальк, Р.	1935, рисунок. М., Гос. музей изобразительных искусств им.Пушкина. Экспонировался в феврале 1982 г. на выставке «Рисунки и акварели Р.Фалька».

---

* Обе работы опубликованы в книге: С.П.Гусева. Скульптор Домогацкий. М., *Советский художник,* 1972, илл.16, 17.

Список упомянутых работ*

1. Неизданные воспоминания:

Грин Стэнли (Stanley Grean). Family history. (Воспоминания об отце, Александре Михайловиче Гринберге). 9 машинописных страниц по-английски. Athens, Ohio, июль 1978.

Лазарев Адольф Маркович. Памяти Льва Шестова. 1 машинописаня страница. Париж [декабрь 1938].

Ловцкий Герман Леопольдович. Лев Шестов по моим воспоминаниям. Цюрих, 1957. 47 машинописных страниц. Часть текста, дополненного Натальей Барановой, была опубликована в в 1960 г. под тем же заглавием в журнале «Грани» (№45-46). Все ссылки даны по рукописи.

Слонимский Николай. Воспоминания. 7 рукописных страниц. Бостон, май, 1980.

2. Книги:

Адамович Г. Одиночество и свобода. Нью-Йорк, изд. им.Чехова, 1955.

Белый А. Воспоминания о А.А.Блоке. München, Fink Verlag, 1969. ("Slavische Propyläen", №47).

Бердяев Н. Sub specie aeternitatis. СПб, Пирожков, 1907.

Бердяев Н. Смысл творчества. М., 1916.

* Мы не даем перечня журнальных статей, так как их выходные данные указаны в тексте.

Бердяев Н. Миросозерцание Достоевского. Прага, 1923.

Бердяев Н. Смысл истории. Берлин, 1923.

Бердяев Н. Философия свободного духа. Париж, ИМКА-Пресс, 1927.

Бердяев Н. Самопознание. Опыт философской автобиографии. Париж, 1949.

Булгаков В. Л.Толстой в последний год его жизни. (Дневник секретаря Л.Н.Толстого). М., Гослитиздат, 1957.

Булгаков С., прот. Автобиографические заметки. Париж, ИМКА-Пресс, 1946.

Бунин И. Освобождение Толстого. Париж, ИМКА-Пресс, 1937.

Бунин И. Собрание сочинений в 10 томах. Берлин, «Петрополис», 1934-1936. Т.10.

Вишняк М. Современные Записки. Воспоминания редактора. Bloomington Indiana University Publications, 1957. (Slavic and East European Series. Vol.7).

Герцык Е. Воспоминания. Париж, ИМКА-Пресс, 1973.

Гершензон М. Мудрость Пушкина.

Гершензон М. Мечта и мысль И.С.Тургенева. М., Книгоиздательство писателей в Москве, 1919.

Гершензон М. Ключ веры. Пб., «Эпоха», 1922.

Гершензон М. Гольфстрем.

Гершензон М. Переписка из двух углов. Пб., «Алконост», 1921.

Горький М. Выдержка из неоконченного письма Горького, написанного им в ноябре 1910 г. В.Г.Короленко после ухода и смерти Толстого. В кн.: Воспоминания о Толстом. СПб., изд. Гржебина, 1919, и в главе «Лев Толстой» кн.: Воспоминания. Берлин, «Книга», 1923, впоследствии включенной в различные издания сочинений Горького. Глава «Лев Толстой» вышла отдельным изданием в Англии в 1966 г. (Bradda Books). Ссылки даны на это издание.

Грифцов Б. Три мыслителя. (В.Розанов, Д.Мережковский, Л.Шестов). М., изд. Саблина, 1911.

Достоевский Ф. Братья Карамазовы.
Достоевский Ф. Записки из подполья.

Дягилев С. Письма к А.П.Чехову. В кн.: Из архива Чехова. Публикации отдела рукописей. М., ГПБ им. Ленина, 1960.

Закржевский А. Подполье. Психологические параллели. (Достоевский, Л.Андреев, Ф.Сологуб, Л.Шестов, А.Ремизов, М.Пантюхов). Киев, изд. журн. «Искусство», 1911.

Зеньковский В. История русской философии. Paris, YMCA-Press, 1950.

Иванов-Разумник Р. О смысле жизни. (Ф.Сологуб, Л.Андреев, Л.Шестов). СПб., тип. М.М.Стасюлевича, 1908.
Иванов-Разумник Р. Русская литература от семидесятых годов до наших дней. Берлин, «Скифы», 1923.

Кант И. Критика чистого разума.

Кизеветтер А., ред. Московский университет. 1755-1930. Юбилейный сборник под ред. В.Б.Елашевича, А.А.Кизеветтера. Париж, «Современные Записки», 1930.

Ковалевский П. Зарубежная Россия. Paris, Librairie des Cinq Continents, 1972.

Кувакин В. Религиозная философия в России начала XX века. М., 1980.

Кузнецова Г. Грасский дневник. Вашингтон, изд. Русского книжного дела в США, Victor Kamkin, 1967.

Лундберг Е. Записки писателя. Т.2. 1920-1924. Л., Изд. писателей в Ленинграде, 1930.

Маковский С. Портреты современников. Нью-Йорк, изд. им. Чехова, 1955.

Мережковский Д. Л.Толстой и Достоевский. СПб., изд. Пирожкова. Т.1. 1901. Т.2. 1902.

Ницше Ф. По ту сторону добра и зла.
Ницше Ф. Генеалогия морали.
Ницше Ф. Так говорил Заратустра.

Пастернак Б. Охранная грамота. Roma, Ed. Aquario, 1970.

Раттнер М. Аграрный вопрос и социалистическая демократия. М., 1908.

Резникова Н. Огненная память. Воспоминания об Алексее Ремизове. Berkeley, 1980.

Ремизов А. КУКХА. Розановы письма. Берлин, изд. Гржебина, 1923.
Ремизов А. Крашенные рыла. Берлин, «Грани», 1922.
Ремизов А. Встречи. Париж, «Лев», 1981.

Струве Г. Русская литература в изгнании. Нью-Йорк, изд. им. Чехова, 1956.

Сухотин М. Из дневника. В кн.: Лев Толстой. Литературное наследство, т.69. М., 1961.

Толстой Л. Полное собрание сочинений в 90 томах (1928-1958) и указатель (1964). Под ред. Черткова. Гослитиздат:
Т.54. Серия вторая. Дневники. М., 1935.
Т.58. Серия вторая. Дневники. М.-Л., 1934.
Т.81-82. Серия третья. Письма. М., 1956.

Толстая А. Отец. Жизнь Толстого. Т.2. Нью-Йорк, изд. им. Чехова, 1952.

Тэн И. История литературы.

Чулков Г. Наши спутники. 1912-1922. М., изд. Н.В.Васильева, 1922.

Шаховской И. Биография юности. Париж, YMCA-Press, 1977.

Шлецер Б. А.Скрябин. Берлин, «Грани», 1923.

Цветаева М. После России. (1922-1925). Париж, Склад издания I.E.Povolotzky, 1928.

Эренбург И. Люди, годы, жизнь. М., «Сов. писатель», 1963.

Baranoff N. Bibliographie des oeuvres de Léon Chestov. Paris, Institut d'Etudes Slaves, 1975.

Baranoff N. Bibliographie des études sur Léon Chestov. Paris, Institut d'Etudes Slaves, 1978.

Beyssac M. La vie culturelle de l'émigration russe en France. Chronique (1920-1936). Paris, Presses Universitaires de France, 1971.

Baruzi J. Saint Jean de la Croix et le problème de l'expérience mystique.

Bespaloff R. Cheminements et carrefours. Paris, J.Vrin, 1938.

Bergson H. Essais sur les données immédiates de la conscience. 1889.
Bergson H. L'Evolution créatrice. 1906.
Bergson H. Les Deux sources de la morale et de la religion. 1932.

Bonnefoy Y. Boris de Schloezer. Paris, Centre G.Pompidou/Pandora Ed., 1981.

Bouillet M. Les Ennéades de Plotin. Paris, Hachette. T.I. 1857. T.II. 1859.

Brandes G. W.Shakespeare. Paris-London-München, Verl. Albert Langen, 1896.

Buber M. Königtum Gottes. — Die Stunde und die Erkenntnis. — Zwiesprache.

Camus A. Le Mythe de Sisyphe. Paris, Gallimard, 1952.

Casseres B. Raider of the absolute. N.-Y., The Bleckstone Publ., 1937.

Chouraqui B. Le Scandal juif. Paris, Editions Libres-Hallier, 1979.

Dahm Helmut. Grundzüge russischen Denkens. München, Berchmans, 1979.

Du Bos C. Approximations. Paris, Fayard, — Journal. — Extraits d'un journal. — Dialogues avec André Gide.

Deryke G. Puissance du mensonge. Contribution à l'études des mythes. Bruxelle, Le Rouge et le Noir, 1938.

Denifle. Luther und Luthertum. 3 vol.

Deussen P. Das System des Vedanta. Brockhaus, Leipzig, 1923.

Deussen P. Sechzig Upanischad's des Veda. Leipzig, Brockhaus, 1897.

Deussen P. Die Sutras des Vedanta. Leipzig, Brockhaus, 1887.

Fondane B. Faux-traité d'esthetique. Paris, Denoël, 1938; Paris, Plasma, 1980.

Fondane B. La Conscience malheureuse. Paris, Denoël et Steele, 1936; Paris, Plasma, 1979.

Fondane B. Rimbaud le voyou Paris, Denoël et Steele, 1933; Paris, Plasma, 1979.

Graham Thomas D. Ph.D.Thesis on Lev Schestov. Harvard, 1981.

Gide A. Dostoïevsky. Paris, Plon, 1923.

Gilbert L. Les Chants d'Odin ou la vie et liberté. Gand, impr. S.C. Les Invalides Réunis, 1937.

Gilson E. L'Esprit de la philosophie médiévale. Paris, J.Vrin, 1932.

Hartmann M. Geschichte der Metaphysik.

Hegel G. Geschichte der Philosophie.

Hegel G. Philosophie der Geschichte.

Husserl E. Méditations Cartésiennes. (Introduction à la phenoménologie). Paris, Armand Colin, 1932; Paris, Vrin, 1965.

Husserl E. Briefe an Roman Ingarden. Den Haag. Martinus Nijhoff, 1948.

Hill Kent R. The Early Life and Thougth of Lev Shestov. Master of Arts Thesis. Washington, 1976.

Hill Kent R. An Intellectual Biography of Lev Shestov. Ph. D. Thesis. Washington, 1980.

Hyde John K. Benjamin Fondane. A Presentation of his Life and Work. Génève, Librairee Droz, 1971.

Jaspers K. Psychologie der Weltanschaungen.

Keyserling H. Les Médidations sud-américaines.

Kierkegaard S. La Répétition.
Kierkegaard S. Crainte et tremblement.

Kline G. Russian Philosophy. 1965.
Kline G. Religious and Antireligious Thought in Russia. The University of Chicago Pres, 1968.

Kroner R. Von Kant bis Hegel.

Lazareff A. Vie et Connaissance. Paris, J.Vrin, 1948.

Lapierre D. et Collins L. O Jerusalem!

Lévy-Bruhl L. La mythologie primitive. Paris, Librairie Alcan, 1935.

Malraux A. La Voie royale. Paris, Grasset, 1930.

Mann T. Pariser Rechenschaft. Berlin, Fischer, 1926.

Marcel G. Le Monde cassé. Paris, Desclée de Brouwer et Cie, 1933.

Martin B. Great 20th Century Jewish Philosophers. Macmillan, 1975.

Meyerson E. Identité et Réalité.
Meyerson E. L'Explication scientifique.

Mirsky D.S. A History of Russian Literature. London. Routledge and Kegan, 1949.

Nigg Walter. Was bleiben soll. Freiburg im Br., 1974.

Oldenberg H. Upanischaden und das frühe Buddismus.
Oldenberg H. Le Buddha, sa vie, sa doctrine, sa communauté. Paris, Alcan, 1934.

Otto R. Westöstlische Mystik.

Paul Desjardins et les décades de Pontigny. Paris, Presses Universitaires de France, 1964.

Pohle J. Lehrbuch der Dogmatik.

Przywara E. Das Geheimnis Kierkegaards.

Rivière J. Etudes. Paris, Gallimard.

Roberts S.E. Essays in Russian Literature. Ohio University Press, 1968.

Sherrer J. Die Petersburger Religiös-Philosophischen Vereinigungen.

Schloėzer B. Gogol. Paris, Plon, 1932.

Schumann K. Husserl-Chronik. Denk- und Lebensweg Edmund Husserls. Den Haag, Martinus Nijhoff, 1977.

Shein, Louis J. Readings in Russian Philosophical Thought. 3 vol. Vol.1, 2. The Hague-Paris, 1968-1973. Vol.3. Waterloo, Canada, W.L.U. 1937.

Wahl J. Etudes Kierkegaardiennes. Paris, 1937.

Windelband W. Geschichte der Philosophie.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

к первому тому и стр.7-317 второго тома

ACHEVE D'IMPRIMER
LE 16 MAI 1983
PAR L'IMPRIMERIE
DE LA MANUTENTION
A MAYENNE

N° 8255